Джеймс Редфилд – Селестинские пророчества

Посвящаю Саре Вирджинии Редфилд

И смыслящии просветлятся аки светлость тверди, и от праведных многих аки звезды во веки и еще.

Ты же, Данииле, загради словеса сии и запечатай книги до времени скончания, дондеже научатся мнози, и умножится ведение.

Дан. 12:3,4

Столь многие способствовали появлению на свет этой книги, что перечислить всех невозможно. Но вот те, кому я обязан особой благодарностью: Алан Шилдс, Джим Гембл, Марк Лафоунтейн, Марк и Дебра Макелейни, Дэн Куэстенберри, Б.Дж.Джонс, Бобби Хадсон, Джой и Боб уопьен, Майкл Райс, автор серии аудиозаписей "Почему это снова происходит со мной" , — и, главное, моя жена Сара.

1 - КРИТИЧЕСКАЯ МАССА

Я подъехал к ресторону, припарковал машину и откинулся на сиденье, чтобы немного поразмыслить. Чарлина, должно быть, уже на месте и ждет меня внутри. Что бы это значило? Несколько лет от нее не было ни слуху ни духу, а именно сейчас, когда я уединился в своем лесном доме и целую неделю прожил затворником, раздался ее звонок.

Я вылез из своего фургончика и пошел к ресторану. Последние лучи заходящего солнца бросали янтарно-золотистые отблески на мокрый асфальт парковочной площадки. Еще час назад бушевала гроза с обильным летним ливнем, но теперь небо очистилось, и обновленный, дышащий прохладой воздух, закатный полумрак и низко висящий полумесяц создавали какое-то странное, почти фантастическое впечатление.

Я шел и вспоминал Чарлину. Как изменили ее годы? Осталась ли она такой же красивой, такой же впечатлительной? И что за Рукопись она упомянула — найденную в Южной Америке Рукопись, о которой ей не терпится мне рассказать?

— Я в аэропорту, — сказала она по телефону, — у меня два часа до вылета, хочешь, пообедаем вместе? Рукопись приведет тебя в восторг, ты же любишь такие тайны.

Какие тайны? О чем это она?

Ресторан был полон, несколько пар ждали, когда освободятся места за столиками. Я обратился к официантке. Она сказала, что Чарлина ждет меня в галерее, расположенной над главным обеденным залом.

Я поднялся по лестнице, и увидел, что возле одного из столиков столпились люди, в том числе двое полицейских. Внезапно полицейские повернулись и побежали мимо меня вниз по лестнице. Люди стали расходится, и я увидел женщину, находившуюся в центре внимания. Она сидела за столиком. Это была Чарлина!

Я подбежал к ней.

— Чарлина, что случилось?

Она вскинула голову с шутливой гримаской гнева и встала, сияя знакомой улыбкой. Прическа была другая, но лицо не изменилось: тонкие черты, крупный рот, громадные синие глаза.

Ты не представляешь! — воскликнула она, дружески обняв меня. — Я выходила в дамскую комнату, и, пока я ходила, кто-то украл мой портфель!

— Что в нем было?

— Ничего особенного! Книги, журналы, которыми я запаслась для полета. Глупость какая-то! Те, кто сидел за соседними столиками, говорят, что какой-то человек просто-напросто подошел, взял портфель и спокойно удалился. Они описали его полицейским, и те пошли прочесать окрестности.

— Хочешь, я пойду, помогу им?

— Нет, нет! Не будем об этот думать. У меня не так много времени, я хочу поговорить с тобой.

Я кивнул, и Чарлина пригласила меня сесть. Подошел официант, и мы, заглянув в меню, сделали заказ. Следующие десять или пятнадцать минут мы просто болтали. Мне хотелось замять тему моего добровольного затворничества, и Чарлина сразу почувствовала, что я чего-то недоговариваю. Она склонилась ко мне и снова одарила меня широкой улыбкой.

— Ну-ка рассказывай, что с тобой происходит? Я заглянул ей в глаза. Она ответила своим обычным внимательным взглядом.

— Ты хочешь, чтобы я прямо сейчас все-все тебе рассказал?

— Обязательно!

— Ну, если хочешь знать, я взял отпуск и поселился у озера, Я много работал последнее время, и мне захотелось пожить совсем по-другому.

— Да, помню, ты говорил об этом озере. Вы с сестрой, кажется, хотели продать его?

— До продажи пока не дошло, хотя налоги на недвижимость замучили. С каждым годом приходится платить все больше, участок-то почти пригородный.

Она кивнула.

— И что ты думаешь делать?

— Пока не решил. Хочется чего-нибудь новенького.

Она бросила на меня загадочный взгляд.

— Похоже, тобой овладело всеобщее беспокойство.

— Наверное, — ответил я. — А что?

— Вот об этом и говорится в Рукописи.

Наступила тишина, и я в свою очередь внимательно посмотрел на нее.

— Ну, рассказывай, что за Рукопись!

Она откинулась на стуле, словно собираясь с мыслями, и снова посмотрела мне в глаза.

— Я ведь уже говорила тебе по телефону; что несколько лет назад бросила газету Теперь я работаю в исследовательской фирме на службе ООН. Они изучают динамику культурных и демографических процессов в мире. Недавно мне пришлось по заданию моей фирмы побывать в Перу.

Я там проделала кое-какие разыскания в Лимском университете. За время работы мне несколько раз доводилось услышать о находке некоей старой Рукописи. Я заинтересовалась, но не смогла узнать никаких подробностей. Даже на археологическом и антропологическом факультетах ничего не знали. Я обратилась в правительственные учреждения, но там заявили, что слыхом не слыхали ни о какой Рукописи. До меня дошли слухи, что правительство по каким-то причинам намеревается засекретить этот документ. Но точных сведений ни у кого не было.

Ты ведь меня знаешь, — продолжала она. — Я очень любопытная. Покончив со своим заданием, я решила задержаться на несколько дней и попробовать что-то разузнать. Поначалу все мои расспросы натыкались на глухую стену. Но однажды, завтракая в одном кафе неподалеку от Лимы, я заметила, что на меня глядит какой-то священник. Он подошел ко мне

и объяснил, что случайно услышал, как я спрашивала у кого-то о Рукописи. Он не пожелал назвать свое имя, но согласился ответить на мои вопросы.

Чарлина слегка замялась, но, справившись с колебанием, продолжала, по-прежнему пристально глядя па меня.

— Он сказал, что Рукопись создана за шесть веков до нашей эры. Она предсказывает радикальные перемены в жизни человечества.

— И когда они начнутся? — поинтересовался я.

— В конце двадцатого столетия.

— То есть сейчас?

— Вот именно!

— И что же это за перемены?

Чарлина ответила не сразу. Когда она заговорила, ее слова звучали медленно и выразительно.

— Священник сказал, что сутью перемен будет возрождение сознания, очень медленное. Это духовный процесс, по с религией он не связан. Нам откроется новое знание о человеческой жизни на этой планете, о смысле нашего существования. Этот священник считает, что знание смысла жизни полностью преобразит наше общество.

Она снова помолчала, потом добавила:

— Дальше он рассказал, что рукопись делится на разделы, или главы, и каждый раздел посвящен какому-то откровению о жизни. Рукопись предсказывает, что в наше время люди начнут последовательно постигать эти откровения, одно за другим, переходя тем самым от нашего теперешнего состояния к совершенно новой духовной культуре.

Я не сдержался и недоверчиво покачал головой.

— Неужели ты этому веришь?

— Как тебе сказать...

— Ты погляди вокруг, — перебил я, указывая вниз, на многочисленных посетителей ресторана, обедающих за столиками в зале. — Вот она, реальность. Ты замечаешь в ней какие-нибудь перемены?

Не успел я договорить, как из-за столика в отдаленном углу зала раздался гневный выкрик. Слов я не разобрал, но кричали так громко, что все головы повернулись туда. Я подумал даже, не ограбили ли кого-нибудь снова, но оказалось, что это обычная ссора. Женщина лет тридцати пяти вставала из-за стола, гневно глядя па сидящего напротив мужчину.

— Не в этом дело! — воскликнула она. — А в том, что меня не удовлетворяют наши отношения! Понимаешь ты это? Не удовлетворяют! — Она овладела собой, бросила на стол салфетку и бросилась вон.

Сслсстинскне пророчества

Мы с Чарлиной посмотрели друг па друга. Мы оба были поражены тем, что эта гневная вспышка разразилась как раз в ту минуту когда разговор зашел о людях в нижнем зале. Наконец Чарлина кивнула в сторону столика, за которым мужчина продолжал в одиночестве доедать свой обед, и сказала:

— Да, это реальность, и она преображается.

— Но как? — воскликнул я, еще не придя в себя.

— Преображение совершается по мере восприятия Первого откровения. Правда, по словам священника, поначалу человек его не осознает и ощущает только глубокую неудовлетворенность и жажду перемен.

— Перемен?

— Да.

— Каких же?

— В том-то и дело, что поначалу мы сами этого не знаем. Согласно Рукописи, мы на какие-то мгновения постигаем иное самоощущение... Более глубокое. Мы испытываем вдохновение. Но его природа нам непонятна, и продлить его мы бессильны. Когда оно уходит

от нас, мы чувствуем неудовлетворенность, недовольство жизнью. Она кажется нам слишком тусклой, слишком обыденной.

— И ты думаешь, что эту женщину именно неудовлетворенность заставила вспылить?

— Думаю. Эта женщина такая же, как и мы все. Всем нам хочется найти себя, реализовать свои возможности, и мы не желаем мириться с тем, что нас сковывает. Это беспокойное стремление к самореализации — причина эгоцентризма, распространившегося в последние десятилетия. Ему подвержены все, от финансистов до уличных хулиганов. Она просмотрела мне в глаза.

— И потому-то мы делаемся так требовательны, когда строим отношения с другими. Из-за этого наши привязанности так непрочны!

Ее слова заставили меня вспомнить два своих последних романа. Оба начинались очень бурно, но ни один не продлился и года. Чарлина терпеливо ждала, когда мое внимание снова обратится к ней.

— Расскажи-ка об этом подробнее, — попросил я.

— Об этом мы долго говорили со священником, — ответила она. — Он объяснил, что, когда оба партнера слишком требовательны, когда каждый ждет, что другой будет жить только его интересами, всегда будет под рукой, чтобы делать то, чего хочется другому,, обязательно возникают столкновения.

Ее слова попали в цель. Действительно, оба моих романа погубило стремление диктовать другому свою волю. У нас постоянно возникали стычки из-за распорядка дня. При высоком темпе жизни нам катастрофически недоставало времени, чтобы согласовать наши планы — куда идти, что делать, чем заниматься. И в конце концов вопрос, кто будет решать такие вещи, становился неразрешимой трудностью.

— Вот из-за этой-то битвы за власть, — продолжала Чарлина, — нам и трудно долго оставаться с одним человеком. По крайней мере, так написано в Рукописи.

— Не вижу, при чем тут духовность, — заметил я.

— Вот и я сказала священнику то же самое, — ответила Чарлина. — Важно помнить, ответил он, что, хотя многие современные болезни общества можно объяснить беспокойством и неудовлетворенностью, это проблема временная, она разрешится сама собой. Рано или поздно мы поймем, чего нам недостает и в чем состоит новое осознание жизни. Тогда можно будет считать, что Первое откровение усвоено нами.

Принесли наш обед, и разговор прервался. Официант налил вина. Мы таскали кусочки друг у друга с тарелки. Протянув руку через стол, чтобы подцепить ломтик моего лосося, Чарлина сморщила нос и хихикнула, а я подумал: “До чего же с ней легко!”

— Ну хорошо, — сказал я, — так чего же все-таки нам недостает? В чем состоит это твое Первое откровение?

И снова Чарлина помолчала, подыскивая нужные слова.

— Это трудно объяснить, — произнесла ома наконец. — Но священник выразил это так: Первое-откровение будет усвоено, когда мы осознаем значение *совпадений* в нашей жизни.

Она наклонилась ко мне.

— Случалось ли тебе когда-нибудь предвидеть свое будущее? Какая-то интуиция, какой-то внутренний голос подсказывал тебе, что ты будешь делать, чему посвятишь жизнь. Тебя это удивляло? Потом, когда ты успевал забыть об этом строил совершенно другие планы, ты вдруг встречался с чем-то, или что-то читал, или попадал в какое-то место — и это приводило как раз к тому будущему, которое ты предвидел когда-то.

Так вот, этот священник убежден, что такие совпадения происходят с людьми все чаще — и в конце концов мы понимаем, что это не может быть простой случайностью. В этом чувствуется судьба! Мы осознаем, что наша жизнь направляется какой-то силой. Мы соприкасаемся с тайной, чувствуем вдохновение, ощущаем полноту жизни!

Священник говорил, что, испытав это ощущение на какое-то время, мы будем стараться сохранить его постоянно. Все больше людей с каждым днем убеждаются, что эта таинственная

сила вполне реальна и, значит, что-то неизвестное нам сокрыто за повседневной жизнью. Вот осознание этого и есть Первое откровение.

Она посмотрела па меня, ожидая ответа. Но я промолчал.

— Разве ты не понимаешь? — огорчилась она. — Усвоить Первое откровение — значит признать существование тайны, окружающей жизнь каждого из нас на этой планете. С нами происходят таинственные совпадения, и хотя мы их не понимаем, мы знаем, что они реальны. Мы снова чувствуем, как в детстве, что какая-то сторона жизни скрыта от нас, что нам многое предстоит узнать, что самое важное скрыто от нас за кулисами.

Чарлина говорила увлеченно, наклонившись ко мне и жестикулируя.

— Похоже, ты очень увлеклась всем этим, — заметил я.

— Я помню времена, — резко сказала она, — когда ты сам говорил о таких вещах.

Ее слова встряхнули меня. Она была права. В моей жизни был период, когда я действительно интересовался подобными значимыми совпадениями и даже пытался истолковать их психологически. Но впоследствии мои взгляды изменились. По какой-то причине я стал считать свои прежние интересы фантазиями, недостойными зрелого человека, и вообще перестал обращать внимание на какие бы то ни было совпадения.

Я почувствовал потребность оправдаться.

— Что же, видно, я тогда увлекался восточной философией или христианской мистикой, а ты и запомнила. И в любом случае, согласись, Чарлина, о том, что ты называешь Первым прозрением, написано немало книг. Что нового сообщает твоя Рукопись? Даже если согласиться, что в совпадениях есть нечто таинственное, каким образом это может привести к преображению жизни?

Чарлина на мгновение опустила глаза.

— Пойми меня правильно, — сказала она. — Конечно, это осознавалось раньше и написано об этом много. Священник особо подчеркнул, что Первое откровение не ново. Он сказал, что во все времена отдельные люди понимали значение совпадений, что это легло в основу многих религий и философских построений. Новизна заключается в количестве таких людей. Преображение совершается сейчас, в наше время, потому что очень много людей одновременно осознали одно и то же.

— Что же это все-таки значит? — упорствовал я.

— По словам священника, в Рукописи говорится, что число людей, сознающих важность совпадений, резко возрастет, когда двадцатый век перевалит за свою половину. Это число будет расти примерно до начала следующего столетия, когда его значение дойдет до некоей величины. Иными словами, будет достигнута критическая масса.

В Рукописи содержится предсказание: когда мы достигнем этой критической массы, тут уж все человечество поймет важность значимых совпадений. Большинство из нас всерьез задумается о таинственном процессе, который лежит в основе человеческой жизни на нашей планете. И когда этими вопросами задастся одновременно достаточное количество людей, в их сознание смогут проникнуть и следующие откровения, потому что, согласно Рукописи, когда очень много людей начинает всерьез спрашивать себя о смысле жизни, они непременно получают ответы. Остальные откровения явят себя. одно за другим.

Чарлина сделала паузу и занялась едой.

— И что же, — спросил я, — когда мы получим следующие откровения, вся наша жизнь преобразится?

— Так говорил священник.

Я смотрел на Чарлину некоторое время, обдумывая идею “критической массы”, потом сказал:

— Знаешь, а не кажется тебе все это слишком уж замысловатым для Рукописи, написанной за шесть веков до нашей эры?

— Согласна, — ответила она. — Я сама об этом заговорила. Но священник заверил меня, что ученые, которые первыми переводили Рукопись, нимало не сомневались в ее

подлинности. Дело в том, что она написана на арамейском, как большинство книг Ветхого Завета.

— Арамейский в Южной Америке? Как же он проник туда шестьсот лет до Рождества Христова?

— А вот этого священник не знал.

— А церковь как относится к Рукописи? Признает?

— Нет. Он говорил, что большинство духовенства изо всех сил старается замолчать или запретить Рукопись. Поэтому он и отказался назвать мне свое имя. Очевидно, разговор со мной представлял для него немалую опасность.

— А почему большая часть духовенства настроена против Рукописи, он объяснил?

— Объяснил. Она заставляет усомниться в полноте религии.

— Каким образом?

— Я не совсем поняла. Он мало говорил об этом. Очевидно, дальнейшие откровения развивают и дополняют некоторые традиционные представления, а это пугает церковных Пастырей. Они считают, что их представления в дополнениях не нуждаются.

— Вот оно что!

— Сам-то он считает, — продолжала Чарлина, — что Рукопись ничуть не противоречит церковным основам. Скорее, она проясняет то, что подразумевают духовные истины. Он уверен, что пастыри церкви убедились бы в этом, если бы вспомнили, что жизнь — великая тайна, и испытали бы последующие откровения.

— А сказал он тебе, сколько всего этих откровений?

— Нет. Он только упомянул Второе. Он сказал, что оно объясняет события недавней истории и уточняет смысл преображения.

— А подробнее он не говорил?

— Нет, не успел. Он сказал, что ему надо идти, что у него дело. Мы договорились встретиться у него дома через несколько часов. Когда я пришла, он еще не вернулся. Я просидела там три часа, но так его и не дождалась. В конце концов мне пришлось уйти, чтобы не опоздать на самолет.

— И что же, ты так и не говорила с ним больше?

— Нет. Мы больше не виделись.

— А официальные инстанции не подтвердили существования Рукописи?

— Нет.

— И когда это все было?

— Около полутора месяцев назад.

Несколько минут мы ели в молчании. Наконец Чарлина подняла глаза и спросила:

— Ну так что ты об этом думаешь?

— Не знаю, что и думать, — честно ответил я. Мне трудно было поверить в то, что люди могут радикально измениться. С другой стороны, меня потрясла мысль, что может существовать Рукопись, толкующая о таких вещах.

— А он не показал тебе списка или хотя бы выдержек?

— Нет. У меня нет ничего, кроме собственных записей. Мы снова помолчали.

— Послушай, — сказала она, — а ведь я думала, что ты придешь в восторг от этих мыслей.

Я посмотрел на нее.

— Видишь ли, без доказательств поверить в такое трудно. Она снова широко улыбнулась.

— В чем дело? — спросил я.

— Дело в том, что я сказала то же самое.

— Кому, священнику?

—Да.

— И что он ответил?

— Он сказал, что доказательство состоит в переживании.

Что бы это значило?

— Это значит, что истинность Рукописи подтверждается нашим собственным внутренним опытом. Когда мы глубо погрузимся в себя и осознаем, как протекает наша жизнь в данный исторический момент, мы сразу увидим, что идеи шеи осмысленны и справедливы. — Она поколебалась. — Ты согласен, что в этом есть смысл?

Я задумался. Есть ли в этом смысл? Действительно ли каждый испытывает ту же неудовлетворенность жизнью, что и я, и верно ли, что наша неудовлетворенность проистекает из простого озарения, простого осознания, появившегося за последние тридцать лет, — осознания того, что жизнь — это нечто большее, чем мы думаем, нечто выходящее за пределы повседневного опыта?

— Не знаю, — ответил я наконец. — Думаю, мне нужно время, чтобы осмыслить это.

Я спустился в сад, разбитый перед рестораном, и стал позади кедровой скамейки, обращенной к фонтану. Справа от меня загорались и гасли огни аэропорта, ревели двигатели реактивного самолета, готового взлететь,

— Какие красивые цветы! — проговорила Чарлина у меня за спиной. Я повернулся и увидел, что она подходит ко мне по дорожке, любуясь петуниями и бегониями, окаймляющими площадку со скамейками. Она остановилась рядом, и я притянул ее к себе. Я вспоминал... Несколько лет назад, ког-мы оба жили в Шарлотсвилле, штат Вирджиния, мы часто проводили вечера за разговорами — в основном обсуждали научные теории и проблемы психологического роста. Мы любили эти разговоры и нравились друг другу. Но наши отношения так и остались платоническими, и сейчас я удивлялся этому.

— Я просто выразить не могу, — сказала она, — до чего приятно снова тебя видеть!

— Мне тоже, — ответил я. — Так многое вспоминается.

— Как ты думаешь, почему мы потеряли друг друга из виду? — спросила она.

Ее вопрос пробудил во мне воспоминания о нашей последней встрече. Мы стояли у моей машины и прощались. Я возвращался в свой родной город, меня переполняли замыслы. Меня ждала новая работа: я собирался заниматься с детьми — жертвами жестокого обращения. Мне казалось тогда, что я знаю, как помочь этим детям выйти из замкнутого круга воспоминаний и реакций па пережитое, которые мешали им жить. По время показало, что я не смог ничего добиться. Пришлось мне признать свою беспомощность. Я и до сих пор не знаю, как может человек преодолеть свое прошлое. Это было шесть лет назад. Думаю, что полученный опыт пошел мне на пользу. Но я чувствовал потребность идти дальше. Только вот куда? Для чего? Изредка я вспоминал Чарлину — мои тогдашние представления о природе детской травмы многим были обязаны ей. И вот она снова была рядом, и беседовать с ней оказалось так же интересно, как раньше.

— Наверное, потому, что я был полностью поглощен работой, — ответил я.

— Я тоже. Работая в газете, не соскучишься. У меня просто не было времени на воспоминания.

Я сжал ее плечо.

— Знаешь, Чарлина, я ведь успел забыть, как чудесно с тобой разговаривать, как легко и непринужденно чувствуешь себя с тобой!

Она улыбнулась и кивнула.

— Да, — сказала она, — а я, поговорив с тобой, всегда чувствовала прилив энергии!

Я собирался ответить, по тут заметил, что побледневшая Чарлина обратила тревожный взгляд в сторону ресторана.

— Что с тобой? — спросил я и тоже посмотрел туда. Несколько человек, беседуя, шли к стоянке автомобилей. Ничего необычного я не заметил. Я снова повернулся к Чарлинс. Она казалась встревоженной и смущенной.

— Что с тобой? — повторил я.

— Там, за первым рядом автомобилей... Видишь человека в серой рубашке?

Я снова посмотрел на стоянку. Из ресторана вышло еще несколько человек.

— Которого?

— По-моему, его уже там нет, — сказала она, вглядевшись. — Те люди, за соседним столиком, которые видели вора, укравшего мой портфель, сказали, что он был с бородкой, лысоватый и в серой рубашке. По-моему, я видела его только что у автомобилей. Он смотрел на нас.

Тревога Чарлины передалась мне. Сказав, что сейчас вернусь, я подошел к стоянке, стараясь не отходить слишком далеко. Никого подходящего под описание предполагаемого вора я не увидел.

Когда я вернулся к скамейке, Чарлина наклонилась к моему уху и почти прошептала:

— Послушай, а вдруг все дело в Рукописи? Может, этот человек решил, что я вывезла из Лимы копию, и взял мой портфель, чтобы ее вернуть?

Мы возвратились в ресторан и вызвали полицию. Машина явилась очень быстро, и мы рассказали, что произошло. В течение двадцати минут полицейские проверяли все автомобили, а потом сказали, что у них больше нет времени. Зато они пообещали проверить всех пассажиров на борту Чарлининого самолета. Когда полицейские уехали, мы с Чарлиной вернулись к фонтану.

— О чем мы говорили, — спросила она, — перед тем, как я увидела этого человека?

— О тебе и обо мне, — ответил я. — Чарлина, почему ты решила увидеться со мной и рассказать обо всем этом?

Она, кажется, растерялась.

— Понимаешь... Там, в Перу, когда священник рассказывал о Рукописи, мне почему-то все время вспоминался ты.

— Неужели?

— Тогда я как-то не задумалась об этом, — продолжала она, — но и позже, когда я вернулась в Вирджинию, ты приходил мне на ум каждый раз, когда я размышляла о Рукопи-Я не раз хотела тебе позвонить, да так и не собралась. Я лечу в Майами, получила туда назначение. И вот, представь себе, уже в самолете я узнала, что здесь будет двухчасовая посадка. Ну, тут уж я позвонила сразу, как только мы сели. Прослушала твой автоответчик — ты, правда, просил звонить на озеро лишь по важным делам, но я все-таки решила рискнуть.

Я смотрел на нее, не зная, что думать.

— Конечно, — сказал я наконец, — я рад, что ты позвонила.

Чарлина посмотрела на часы.

— Уже поздно. Мне пора возвращаться в аэропорт.

— Я тебя отвезу, — предложил я.

Мы подъехали к главному зданию аэровокзала и подошли к месту посадки. Я внимательно смотрел по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Посадка в самолет уже началась, и один из тех полицейских, что приезжали в ресторан, внимательно наблюдал всех пассажиров. Мы подошли к нему, и он сказал, что видел всех пассажиров с билетами, и среди них нет никого, отвечающего описанию вора.

Мы поблагодарили его, и когда он ушел, Чарлина с улыбкой повернулась ко мне.

— Ну что же, мне пора. — Мы обнялись. — Вот мой телефон. Давай на этот раз поддерживать связь.

— Послушай, — сказал я. — Я хочу, чтобы ты была поосторожнее. Если что, сразу зови полицию.

— Не беспокойся обо мне, — ответила она. — Все будет хорошо.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

— Что ты думаешь делать по поводу Рукописи? — спросил я.

— Не знаю. Следить за новостями, наверное. Может, что-нибудь просочится.

— А если ее скроют?

Она снова широко улыбнулась.

— Так я и знала! Ты уже на крючке. Я же говорила — это то, что тебе нужно. Что будешь делать?

Я пожал плечами.

— Наверное, попробую что-то разузнать.

— Ладно. Если что-то выяснишь, сообщи мне.

Мы попрощались еще раз, и она зашагала прочь. Я смотрел ей вслед. Один раз она обернулась и помахала мне, потом исчезла в коридоре, ведущем на посадку. Я вернулся к машине и поехал прямиком к себе на озеро — правда, пришлось по дороге остановиться для заправки.

Дома я немного посидел в качалке на крыльце. Пели цикады, квакали древесные лягушки, а в отдалении слышался голос козодоя. Лунный серп почти касался воды, и колеблющаяся на воде серебристая дорожка тянулась прямо ко мне...

Да, рассказ Чарлины меня заинтересовал. Только вот поверить в скорое преображение человечества мне было трудновато. В свое время я, как и многие другие, отдал дань социальным исканиям шестидесятых и семидесятых годов, да и духовные интересы восьмидесятых не оставили меня равнодушным. И все же судить о происходящих в обществе переменах мне было нелегка. Возможно ли, чтобы какие-то новые сведения могли разом изменить весь человеческий мир? Вряд ли, неправдоподобно как-то. В конце концов, человечество существует на этой планете много веков — почему вдруг именно сейчас мы получим какое-то откровение? Я еще посидел, посмотрел па воду с лунной дорожкой, потом выключил лампочку и отправился в спальню, намереваясь почитать перед сном,

Утреннее пробуждение было внезапным. Только что виденный сон отчетливо запечатлелся в памяти. Несколько минут я смотрел на потолок моей спальни, перебирая в уме подробности.

Я что-то искал. Передо мной тянулся густой, красивый лес, и я брел по нему, погруженный в поиски. Шел я долго, сбивался с пути и не раз терялся, не зная, куда поворачивать. Но, как ни поразительно, каждый раз неведомо откуда появлялся какой-то человек и указывал мне дорогу. Если во сне я знал, что ищу, то, проснувшись, забыл, но уверенность в себе и бодрость остались.

Я сел в постели. Через всю комнату тянулся от зашторенного окна солнечный луч, и в нем плясали сверкающие пылинки. Я подошел к окну и отдернул занавеску. За окном сиял ясный день. Довольно сильный ветер раскачивал верхушки деревьев. Поверхность озера, должно быть, покрыта рябью, на которой пляшут солнечные отблески, а выходить из воды холодно — ветер обдувает мокрую кожу.

И все же я вышел из дому и бросился в воду. Нырнул, вынырнул и поплыл на середину озера, где привык, лежа на спине, глядеть на знакомые горы. Озеро лежало в глубокой долине, где сходились три горных кряжа. Это восхитительное место обнаружил мой дед в молодости.

Добрая сотня лет миновала с тех пор, как он впервые взошел, на эти вершины — малолетний исследователь, чудесно одаренный мальчик, растущий в мире, где еще водились дикие звери — горные львы, кабаны, — где на северном склоне горы еще стояли индейские хижины. Он поклялся тогда, что в один прекрасный день поселится здесь, в этой живописной долине, поросшей вековыми деревьями и орошаемой семью ручьями, — и сдержал клятву, построил домик и исходил окрестности множество раз вместе с внуком. Я-то, правда, никогда не разделял его влюбленности в этот горный край, но все же не спешил расстаться с землей и домом, даже когда цивилизация вторглась в эти места и окружила мой участок.

С середины озера мне была видна скала, вздымающаяся на самой вершине северного кряжа. Вчера я, следуя ритуалу, установленному дедом, взобрался туда — ради душевного покоя и мира, который несли вид на долину, запах листьев и шум ветра в верхушках деревьев. И пока я там сидел, глядя на озеро и его зеленые берега, мне делалось все лучше и лучше, словно красота и величие природы развязывали какой-то болезненный душевный узел. А через несколько часов я встретился с Чарлиной и услышал о Рукописи.

Я доплыл до берега и растянулся на деревянных мостках перед домом. Нет, услышанному невозможно поверить. Слишком уж невероятно такое совпадение: стоило мне укрыться в горах, утратив радость жизни, и тут же, как по заказу, появляется Чарлина и

объясняет мне причину моей тревоги, цитируя старинную Рукопись, обещающую раскрыть тайну человеческого существования.

Но ведь в Рукописи как раз и говорится о таких совпадениях, как появление Чарлины, — слишком маловероятных для простой случайности. Неужели этот старинный документ содержит истину? Неужели, вопреки всеобщему скептицизму и безверию, число людей, сознающих важность совпадений действительно приближается к критической массе? Возможно ли, что люди теперь окажутся способны понять природу этого явления и тем самым приблизиться к новому пониманию смысла жизни?

И каким же, недоумевал я, будет это новое понимание? Может быть, последующие откровения Рукописи как раз и содержат объяснения? Ведь именно это говорил Чарлине священник.

Надо было решаться. Благодаря Рукописи, моя жизнь уже обрела некий новый смысл и цель. Вопрос был в том, что делать сейчас. Я мог оставаться на месте, а мог отправиться в поиски знания. В голову мне пришла мысль о возможной опасности. Кто украл портфель Чарлины? Для чего? Чтобы скрыть Рукопись? Неизвестно.

Я хорошенько подумал, взвешивая возможный риск, и решил наконец, что особенно бояться нечего, если соблюдать осторожпость и избегать опрометчивых шагов. Я полистал желтые страницы телефонного справочника и, выбрав бюро путешествий с самым заметным объявлением, позвонил. Служащий, подошедший к телефону сообщил, что попасть в Перу легче легкого. Оказывается, кто-то в последний момент отказался от путевки, которой я и могу воспользоваться — билет на самолет заказан, гостиничный номер в забронирован. Все это будет моим и даже со скидкой, если... если я смогу собраться немедленно: самолет вылетает через три часа! Успеваю?

2 - ДЛИТЕЛЬНОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Поспешно собравшись, я домчался до аэропорта как раз вовремя, чтобы подхватить свой билет и сесть на самолет, летящий в Перу. Едва я вошел в хвостовой салон и занял место у окна, азарт бешеной гонки оставил меня и я почувствовал, что безумно устал,

Я решил-немного вздремнуть, вытянул ноги, закрыл глаза, и туг оказалось, что сна нет ни в одном глазу. Меня опять охватила тревога. Зачем я, собственно, пустился в путь — ничего не продумав, не подготовившись? Ну не глупо ли это? Куда я пойду в Перу? К кому обращусь?

Уверенность, которую я чувствовал на озере, испарилась, и прежние сомнения вернулись ко мне. И Первое откровение, и обещание нового мироощущения снова стали казаться далекими от жизни фантазиями. Да и Второе откровение слишком напоминало досужий вымысел. Какое новое истолкование событий истории может заставить людей ясно понять значимость совпадений?

Я потянулся и глубоко вздохнул. Что же, подумал я, поездка, конечно, окажется бесполезной, ну и ладно. Проведу в Перу несколько дней и вернусь домой. Лишняя трата денег, но, в общем, ничего страшного.

Самолет дернулся и побежал по взлетной полосе. Я закрыл глаза, почувствовав легкое головокружение, когда наш лайнер, набрав скорость, оторвался от земли и погрузился в гущу облаков. Только когда мы достигли расчетной высоты, напряжение наконец меня отпустило и я задремал. Минут через сорок началась болтанка, я проснулся и решил продляться в туалет.

Пробираясь через салон, я заметил стоящего у окна высокого человека в круглых очках, темноволосого, лет сорока пяти. Он беседовал со стюардом и мельком взглянул па меня, не прерывая разговора. Сначала он показался мне знакомым, но, приглядевшись, я понял, что ошибся. До меня долетело несколько слов.

— Все равно спасибо, — сказал он. — Я просто подумал, что раз уж вы часто бываете в Перу, вы могли что-то слышать о Рукописи.

Он повернулся и пошел в передний салон. Я был поражен. Неужели он говорил о той самой Рукописи? Войдя в туалет, я стал думать, что делать. Больше всего мне хотелось забыть об услышанном разговоре. Мало ли о какой рукописи мог говорить этот человек!

Вернувшись на свое место, я снова закрыл глаза, решив бросить из памяти подслушанный обрывок разговора. Хорошо, что я не вмешался и не попросил разъяснений. И мне вспомнился энтузиазм, охвативший меня на озере. А вдруг у этого человека были какие-то сведения о той самой Рукописи? И я, выходит, упустил драгоценную возможность что-то узнать!

Поколебавшись еще некоторое время, я встал и прошел в носовую часть самолета. Человек в очках сидел в центре салона, и непосредственно за ним было свободное место. Я вернулся, сказал стюарду, что хочу пересесть, собрал вещи и сел туда. Через несколько минут, я решился прикоснуться к его плечу.

— Извините, — сказал я, — я случайно услышал, что вы упомянули какую-то рукопись. Вы говорили о перуанской находке?

Его удивление сменилось настороженностью,

— Да, — нерешительно сказал он.

Я представился и поспешил объяснить, что слышал о Рукописи от приятельницы, недавно побывавшей в Перу. Ему явно стало полегче. Он тоже представился — Уэйн Добсон, преподаватель истории из Нью-Йоркского университета.

Тут я заметил, что наш разговор вызывает явное раздражкение у господина, сидящего рядом со мной. Он откинулся на сиденье, намереваясь поспать, а мы ему мешали.

— А вы видели Рукопись? — спросил я историка.

— Только отрывки, — ответил он. — А вы?

— Нет. Но моя знакомая рассказала мне о Первом откровении. При этих словах мой сосед заворочался в кресле.

— Извините, сэр, — обратился к нему Добсон. — Мы вам, наверное, мешаем. Может быть, вы не сочтете за труд поменяться со мной местами?

— Не сочту, — буркнул тот. — И даже рад буду.

Мы вылезли в проход, и после пересадки я сел у окна, а Добсон устроился рядом со мной.

— Расскажите, что вам известно о Первом откровении, — попросил он.

Я немного помолчал, собираясь с мыслями.

— Я так понял, что Первое откровение — это постижение смысла таинственных совпадений, которые меняют нашу жизнь. Это осознание того, что нас что-то направляет.

Говоря это, я чувствовал себя довольно глупо.

Мое замешательство не укрылось от Добсона.

— А сами вы что об этом думаете?

— Не знаю, что и думать.

— Это ведь противоречит расхожим взглядам, верно? Вам, наверное, легче бы было отбросить эти мысли и вернуться к своим повседневным делам?

Я засмеялся и кивнул.

— Вот так и все реагируют. Даже если мы временами ясно видим, что наше понимание жизни неполно, мы обычно напоминаем себе, что смысл существования все равно непознаваем, и решаем не задумываться. Поэтому и необходимо Второе откровение. Как только наше осознание глубинного смысла совпадений будет подтверждено историческими данными, оно укрепится.

Я кивнул.

— Значит, вы, историк, полагаете, что предсказание Рукописи о преобразовании жизни сбудется?

— Да.

— Именно как историк?

— Именно! Только историю надо правильно понимать. — Он глубоко вздохнул. — Поверьте мне, я это говорю как человек, много лет изучавший и преподававший историю с ложной точки зрения. Я обращал внимание главным образом на технические достижения цивилизации и на великих людей, двигавших прогресс.

— Что же тут неправильного?

— Да нет, это правильно. Только это не самое главное в истории. Гораздо важнее внутренний мир людей — то, что чувствуют и думают. Я понял это далеко не сразу. История должна как можно подробнее описывать фон, на котором протекает человеческая жизнь, но ее должна занимать не столько эволюция техники, сколько эволюция мысли. Поняв, как жили люди раньше, мы поймем, как развивался наш теперешний взгляд на мир и в каком направлении должен развиваться прогресс. Мы можем осознать цель, к которой движется наша цивилизация, и соответственно понять, далеко ли нам еще до нее. Он сделал паузу и заговорил дальше.

— Смысл Второго откровения состоит в том, что оно показывает нам историческую перспективу, по крайней мере с точки зрения западной мысли. Оно помещает пророчества Рукописи в нужный контекст, и они начинают казаться не просто правдоподобными, но точными и закономерными.

Я спросил, сколько откровений известно Добсону. Он ответил, что успел познакомиться только с двумя первыми. Три недели назад он, услышав о Рукописи, совершил краткий вояж в Перу и ему удалось найти текст двух откровений.

— Появившись в Перу, — сказал он, — я встретился с несколькими людьми, которые подтвердили, что Рукопись существует, но до смерти боялись распространяться на эту тему. Похоже, власти словно белены объелись и под страхом тяжелого наказания запретили делать копии Рукописи и распространятъ сведения о ней. — Он посерьезнел. — Я забеспокоился. А потом официант в моей гостинице рассказал об одном священнике. Этот священник решил не позволить властям утаить Рукопись. Он считал, что о ней должно узнать как можно больше народа. Я узнал адрес одного частного дома, где его можно было застать, и решился пойти туда.

Мое лицо, должно быть, выразило удивление, потому что Добсон спросил

— В чем дело?

— Видите ли, приятельница, которая рассказала мне о Рукописи, как раз узнала о ней от одного священника. Он не назвал себя, но она имела с ним длинный разговор о Первом откровении. Она должна была встретиться с ним еще раз, но он не появился.

— Это, скорее всего, тот же самый, — решил Добсон. — Потому что я тоже не смог его разыскать. Дом оказался заперт. У меня сложилось впечатление, что жильцы его покинули.

— И вы так и не увидели священника?

— Нет. Но я решил осмотреться. За домом стояло старое складское помещение, которое оказалось незапертым, и меня почему-то потянуло там порыться. За кучей мусора я нашел тайник — одна доска отставала от стены. Там оказался перевод Первого и Второго откровений.

Он значительно поглядел па меня.

— Значит, вы нашли откровения по чистой случайности?

— Да.

— И этот перевод с вами? Он покачал головой.

— Нет. Я оставил его у одного коллеги. Решил, что потом, на досуге, тщательно его изучу.

— Не могли бы вы рассказать мне подробнее о Втором откровении? — попросил я.

После долгой паузы Добсон улыбнулся и кивнул.

— Похоже, для этого мы и встретились... Второе откровение, — начал он свой рассказ, — помещает наше новое осознание в широкую историческую перспективу. В конце концов близится не просто конец века, но конец тысячелетия. Завершается второй миллениум. Для

того, чтобы уяснить себе наше место в мире и цель существования, надо хорошенько осмыслить все, что происходило за последнюю тысячу лет.

— И что же сообщает по этому поводу Рукопись?

— Там говорится, что с исходом второго тысячелетия — то есть сейчас — мы получим возможность обозреть этот исторический период в целом и поймем природу озабоченности, овладевшей людьми во второй половине тысячелетия, и так называемое Новое время. То, что мы начинаем замечать значимые совпадения, означает пробуждение от этой озабоченности.

—- Что же это за озабоченность?

Он лукаво улыбнулся.

— Ну как, вы готовы заново прожить последнюю тысячу лет?

— Да, валяйте!

— Нет, просто рассказать об этом мало. Вспомните то, что я уже говорил: чтобы понять ход истории, надо ощутить, как менялись представления о мире обычных людей — ведь наша картина мира складывалась из жизненных впечатлений множества людей, живших до нас. Современные представления о природе вещей развивались тысячу лет , и чтобы понять, почему они именно такие, вам придется вернуться на тысячу лет назад и затем двигаться через весь миллениум, словно вы действительно проживаете сами все эти годы.

— Как же я смогу это сделать?

— Я буду вашим проводником.

Некоторое время я колебался, глядя в окно на расстилающуюся внизу землю. Время стало ощущаться как-то по-новому.

— Я попробую, — решился я наконец.

— Хорошо. Представьте себе, что вы живете в тысячном году. Мы называем это время Средневековьем. Первое, что вам следует уяснить: основные черты тогдашней картины мира определяются господствующей церковью, имеющей колоссальное влияние на умы простых людей. И главная реальность, по мнению церкви, духовна, В основе всех событий лежит, как считается, Божий промысел, определяющий ход человеческой жизни.

Представьте себе это хорошенько, — продолжал он. — Вы принадлежите к тому же сословию, что ваш отец, будь он вельможа или простой землепашец, и знаете, что останетесь этом сословии до конца жизни. Но независимо от того, в какой семье вы родились и чем призваны заниматься, вы вскоре поймете, что сословные различия не имеют болыпо-значения перед лицом духовной реальности, о которой учит церковь.

Вы узнаете, что жизнь — это некое духовное испытание, священники объяснят вам, что Бог поместил людей в центр мироздания и что жизнь человека оценивается лишь по одному мерилу: спас он свою душу или погубил. Вас испытывают, а вы должны сделать верный выбор между двумя силами: волей Бога и всюду подстерегающими вас сатанинскими искушениями.

Далее, важно понимать, что в этом испытании вы отнюдь не предоставлены самому себе. Больше того — вам как индивидууму и не по чину решать за себя самому. Это прерогатива священства — только служители церкви могут толковать Священное Писание и говорить вам, на какой вы дороге, покорны ли вы Богу или поддались на уловки сатаны. Если вы будете выполнять их наставления, вам обеспечена награда в будущей жизни. Если же вы отклонитесь от предначертанного пути, — что же, вас отлучат от церкви, а душу вашу ждет вечное проклятие.

Добсон внимательно посмотрел на меня.

— В Рукописи говорится, что самая характерная черта Средних веков — то, что все рассматривается с точки зрения потусторонней причины. Все события, от случайной грозы, землетрясения до обильного урожая или смерти близкого человека, приписываются либо Божьей воле, либо проискам сатаны. Никто не имеет понятия о метеорологических закономерностях, геологических процессах, законах агрономии или об инфекциях. Все это появится позже. А пока что вы полностью верите священникам и считаете само собой разумеющимся, что миром управляют духовные силы.

Он посмотрел на меня.

— Вы следите за моей мыслью?

— Да, я представил себе все это.

— А теперь представьте себе, что эта картина мира начинает трещать по всем швам.

— В каком смысле?

— Средневековые представления о мире, к которым вы успели привыкнуть, изживают себя в четырнадцатом — пятнадцатом веках. Сначала вы замечаете, что некоторые служители церкви ведут себя неподобающим образом — не соблюдают обет целомудрия, например, или из корыстных соображений смотрят сквозь пальцы на нарушение заповедей сильными мира сего.

Вас это тревожит — ведь священнослужители внушили вам, что они суть единственные посредники межу вами и Богом. Они присвоили себе исключительное право толковать Писание и судить о том, можно ли вам надеяться на спасение.

И вот поднимается открытый мятеж. Приверженцы Мартина Лютера требуют разрыва с католической церковью, возглавляемой Римским папой. Они заявляют, что священники корыстны и развращенны, что владычеству церкви над нами должен быть положен конец. Они основывают новую церковь, все члены которой имеют право сами читать и толковать Священное Писание, не нуждаясь в посредниках.

К вашему удивлению, этот мятеж кончается удачей. Церковь сдает одну позицию за другой. Веками эти люди решали, во что вам верить, и вот они теряют авторитет. Теперь вопрос о природе реальности стоит перед всем обществом в целом. Бывшее некогда всеобщим представление о сущности мира и месте в нем человека, основанное на церковном авторитете, поколеблено, — и вы, вместе со всем западным миром, потеряли почву под ногами. Вы ведь привыкли доверять решение мировоззренческих вопросов внешнему авторитету, а теперь этого авторитета лишились. Вы растеряны, вы потеряли ориентацию. Если уж учение церкви оказалось ложным, говорите вы себе, то что же тогда истинно?

Он помолчал.

— Чувствуете ли вы растерянность, охватившую людей Того времени?

— Да, должно быть, им было не по себе, — согласился я.

— Не то слово! Это было ужасное потрясение. Старые представления об устройстве Вселенной отжили свое. К началу семнадцатого века астрономы неопровержимо доказали, что Солнце и звезды не обращаются вокруг Земли, как утверждала церковь. Земля оказалась всего лишь небольшой планеткой, обращающейся вокруг третьестепенной звезды в галактике, содержащей миллиарды таких звезд.

Он наклонился ко мне.

— Вдумайтесь, это очень важно! Человечество лишилось центрального места в Божьем мире. Представляете, что это значило? Теперь все природные явления — погода, урожай, внезапная смерть — заставляют вас недоумевать. Раньше все было так просто: Божья воля или происки дьявола. Но с крушением средневековой картины мира уверенность исчезла. Все, что ранее казалось незыблемым, теперь требовало нового осмысления — и прежде всего природа Бога и нашего отношения к Нему.

Вот с начала этого осмысления, — продолжал историк, — и начитается Новое время. Зарождается дух демократии, и вместе с ним — массовое недовольство папской и королевской властью. Картина мира, основанная на чистом умозрении или Священном Писании, никого больше не удовлетворяет. Ценой сомнений и неуверенности мы добились свободы мысли и не хотим, что какая-нибудь новая группа людей контролировала наше мировоззрение, как прежде церковь, Если бы вы действительно жили в то время, вы тоже участвовали бы во вручении полномочий науке.

— В чем-чем?

Добсон засмеялся.

— Вы посмотрели бы на этот громадный непонятный мир и подумали бы, как и думали мыслители того времени, что нужен какой-то строгий, общезначимый метод отыскания истины. Этот новый метод исследования реальности вы назвали бы научным методом. Он

состоит в том, чтобы экспериментально проверять догадки об устройстве мира, строить гипотезы и согласовывать их с другими гипотезами.

Потом вы бы подготовили исследователей, изучающих мир, пользуясь научным методом. Вы бы дали им историческую миссию: изучите Вселенную, познайте ее законы, найдите смысл нашего бытия в мире.

Вы утеряли уверенность в том, что Вселенная управляется Богом и, следовательно, лишились представления о природе Самого Бога. Зато у вас есть метод установления общезначимых истин, с помощью которого можно исследовать абсолютно все — законы природы, сущность Бога, смысл человеческой жизни на Земле. И вот вы посылаете исследователей, чтобы они выяснили смысл бытия и доложили вам.

Он остановился и посмотрел на меня.

— Рукопись говорит, что тут-то и появилась озабоченность, от которой мы пробуждаемся только сейчас. Мы выслали исследователей с заданием разобраться во всем и вернутся с объяснением смысла жизни, но это задание оказалось настолько трудным, что они до сих пор не вернулись.

— Что же это за озабоченность такая?

— А вы вернитесь в то время. Появление научного метода не избавило западный мир от колебаний и неуверенности. Вопросы о Боге и смысле жизни продолжали нас тревожить, но ответов не было, и мы решили взамен этого получить кое-что другое. И мы пришли к довольно логичному решению. Мы переглянулись и сказали: “Ладно, раз наши исследователи еще не вернулись с решениями загадок бытия почему бы нам, пока мы ждем, не заняться собственным благоустройством в этом новом мире? Давайте займемся повышением жизненного уровня и безопасности, уж на это-то наших знаний хватит!”

Он широко улыбнулся.

— Сказано — сделано! Вот уже четыреста лет, как мы, постаравшись избавиться от растерянности, взяли жизнь в свои руки, занялись покорением природы. Мы пользовались всеми возможностями скрасить и облегчить себе жизнь. И только сейчас, приближаясь к концу тысячелетия, мы видим, что же произошло. Озабоченность, о которой я говорил, родилась из наших новых стремлений. Мы были полностью поглощены земными заботами, экономическим благосостоянием, физической безопасностью — все это взамен духовной уверенности, которую потеряли. И вопрос о смысле жизни, о духовных законах бытия был сначала отодвинут на задний план, а потом и вовсе забыт.

Он внимательно посмотрел на меня и добавил:

— Стало казаться, что погоня за жизненными удобствами и составляет смысл жизни. Да, собственно, мы вообще перестали о нем думать. Мы забыли, что до сих пор так и не знаем, зачем живем на свете.

Далеко внизу раскинулся большой город. Прикинув наш маршрут, я решил, что это Орландо, штат Флорида. Я залюбовался четкими геометрическими очертаниями улиц и проспектов, ясной и отчетливой планировкой этого дела человеческих рук, Я взглянул на Добсона. Он, кажется, спал, глаза были закрыты. Он толковал мне Второе откровение еще около часа, потом принесли обед, за которым я рассказал ему о Чарлине и о своем скоропалительном решении отправиться в Перу, А потом мне уже хотелось только глядеть в окно на облака и обдумывать его рассказ.

— Ну, что скажете? — Добсон внезапно повернулся ко мне, раскрыв заспанные глаза. — Усвоил и Второе откровение?

— Не совсем.

Он кивнул на остальных пассажиров.

— А разве ваше представление о человеческом обществе не прояснилось? Посмотрите, как озабочены все эти люди. То, что я вам изложил, многое объясняет. Прикиньте, сколько среди ваших знакомых “трудоголиков”, полностью поглощенных своей работой, вечно спешащих, страдающих от стресса, сердечников и язвенников? Они не могут и не хотят

остановиться и задуматься о смысле жизни, отгородившись от этих раздумий повседневными практическими заботами.

Второе откровение расширяет наше представление об историческом времени. Оно учит нас оценивать наш образ жизни не только с сиюминутной точки зрения, но в перспективе всего тысячелетия. Оно показывает нам нашу озабоченность и тем самым приподнимает нас над нею. Вы только что пережили длительный отрезок истории. Вы живете теперь в *продленном настоящем.* Теперь, когда вы смотрите на человеческий мир, вы должны явно видеть эту нашу озабоченность, чрезмерную увлеченность техническим прогрессом.

— Но что в этом плохого? — возразил я. — Ведь именно благодаря техническому прогрессу Запад построил великую цивилизацию.

Историк от души расхохотался.

— Ну конечно, вы правы. Никто и не говорит, что это плохо. Больше того, в Рукописи сказано, что озабоченность практическими нуждами— необходимая ступень развития, закономерная стадия в человеческой эволюции. Но не слишком ли много времени мы посвятили обустройству жизни? Пора бы уж проснуться от озабоченности и вспомнить основной вопрос. Что означает жизнь? Зачем мы здесь?

|Довольно долго я просто смотрел на него. Потом спросил:

— И вы надеетесь, что следующие откровения ответят на вопрос?

Добсон наклонил голову.

— Я думаю, что стоит на них посмотреть. Остается надежда, что никто не успеет уничтожить Рукопись прежде, чем мы ее увидим.

— Неужели перуанские власти воображают, что могут уничтожить такой важный документ и это сойдет им с рук?

— Они надеются, что никто об этом не узнает. По официальной версии никакой Рукописи не существует.

— Но куда же смотрит научное сообщество? Надо протестовать!

Он посмотрел на меня со смелой решимостью.

— Конечно! Именно поэтому я возвращаюсь в Перу Я еду как представитель десяти выдающихся ученых, которые требуют предоставить оригинал Рукописи для изучения. Я послал письмо в соответствующий правительственный департамент с сообщением о своем приезде. Написал, что рассчитываю на сотрудничество.

— Интересно, что они ответят.

— Откажут, скорее всего. Но всегда лучше начать с официальных шагов.

Он опустил голову, поглощенный своими мыслями, а я снова повернулся к окну. Неожиданно мне пришло в голову, что самолет, на котором мы летим, напичкан техникой, появившейся в итоге четырехсотлетнего развития. Что и говорить, мы научились использовать ресурсы нашей планеты. Сколько же людей, сколько времени, трудов, размышлений потребовалось, чтобы эта сложная машина смогла подняться в воздух. И сколько человек посвятили всю жизнь какой-то одной необходимой мелочи, одной детали, не поднимая головы и не думая ни о чем другом!

И в этот самый миг весь исторический период, который мы обсуждали с Добсоном, полностью вошел в мое сознание. Я видел все тысячелетие так ясно, словно сам целиком прожил его. Тысячу лет назад мы жили в мире, где Бог и человеческая духовность были ясно определены. Лишь потом мы утеряли определенность или, вернее, решили, что это еще не все. Мы возложили надежды на науку, отрядили исследователей, чтобы они узнали полную истину, а поскольку они слишком долго не возвращались, мы занялись мирскими делами, обустройством, достижением комфорта.

Что же, мы действительно обустроились. Мы обнаружили, что металлические руды можно плавить и изготовлять из них самые различные орудия. Мы нашли источники энергии, сначала пар, затем нефть, электричество и наконец ядерную энергию. Мы рационализировали земледелие, наладили массовый выпуск продукции и теперь имеем в своем распоряжении обширные запасы материальных ресурсов и широкую сеть распределения.

Все это стимулировалось тягой к прогрессу и человеческим желанием добиться безопасности и достижения личных целей в ожидании полной истины. Мы решили построить более удобную и приятную жизнь для себя и своих детей, и за какие-то четыреста лет наша озабоченность этими целями создала мир, в котором можно жить вполне благополучно. Беда в том, что наша всепоглощающая тяга к завоеванию природы и получению всевозможных удобств привела к загрязнению окружающей среды, от которого недалеко и до глобальной катастрофы. Этот путь исчерпал себя.

Добсон прав, и Второе откровение истинно — нам действительно необходимо новое сознание. Западная цивилизация достигла поставленных целей, совокупная деятельность человечества принесла чаемые результаты, и поскольку эта задача завершена, наша озабоченность кончается и мы пробуждаемся для нового сознания. Я почти воочию видел, как при приближении к концу тысячелетия импульсы, двигавшие людьми Нового времени, ослабевают. Четырехсотлетняя целеустремленность принесла плоды, мы обеспечили себя с материальной точки зрения. Теперь мы наконец готовы задуматься о том, для чего же, собственно, мы живем,

В лицах пассажиров я различал старую озабоченность, но, как мне казалось, и проблески осознания. Сколькие из них, задумался я, уже обращают внимание на значимые совпадения?

Самолет накренился вперед и пошел на спуск. Стюард объявил, что вскоре мы приземлимся в Лиме.

Я сообщил Добсону название своей гостиницы и спросил, думает остановиться он. Оказалось, что его отель всего лишь в двух милях от моего.

— Какие у вас планы? — спросил я.

— Я как раз их обдумывал, — ответил он. — Видимо, прежде всего надо сходить в американское посольство и рассказать, зачем я сюда приехал, чтобы официально отметиться.

— Хорошая мысль.

— После этого буду разговаривать с перуанскими учеными, со всеми подряд. В Лимском университете мне уже сказали, что ничего о Рукописи не знают, но есть ученые помимо университета, есть археологи, ведущие раскопки, — может, они что-то расскажут. А вы? Что вы собираетесь делать?

— У меня нет планов, — ответил я. — Не возражаете, если я присоединюсь к вам?

— Ничуть, я как раз хотел это предложить.

Самолет приземлился, мы получили багаж и договорились встретиться в гостинице Добсона попозже. Я вышел на улицу, подозвал такси. Близился вечер, над городом сгущались сумерки. Воздух был сух, дул сильный ветер.

Когда мое такси тронулось с места, я заметил другое такси, вырулившес следом за нами и пристроившееся позади. Через несколько поворотов оно по-прежнему держалось за нами. Я рассмотрел внутри высокого человека в черном. От волнения у меня сжались внутренности. Я попросил водителя, который понимал по-английски, не ехать прямо в гостиницу, а поездить по улицам — мне-де хочется прокатиться и посмотреть город. Его это ничуть не удивило. Второе такси неотступно следовало за нами. Что бы это значило?

Когда мы подъехали к гостинице, я попросил водителя не выходить из машины, а сам открыл дверь и притворился, что расплачиваюсь. Преследовавшая нас машина остановилась у края тротуара, человек в черном вышел и медленно направился к гостиничному входу.

Я быстро вскочил на сиденье, захлопнул дверь и велел водителю ехать. Человек в черном сошел с тротуара и смотрел нам вслед, пока мы не скрылись из виду. В зеркале заднего вида я увидел лицо своего водителя, который пристально и подозрительно разглядывал меня.

— Извините, что так вышло, — сказал я, — я просто передумал останавливаться в этой гостинице.

Я постарался улыбнуться, а потом дал ему адрес гостиницы Добсона, хотя мне больше всего хотелось вернуться в аэропорт и первым же самолетом вылететь назад в Штаты.

За полквартала до места назначения я попросил водителя остановиться и подождать меня, пообещав быстро вернуться.

На улицах было много народу, в основном местные, но европейцы и американцы тоже попадались. При виде туристов я почему-то почувствовал себя спокойнее. Не дойдя до гостиницы шагов пятьдесят, я остановился — что-то меня насторожило. Внезапно раздались выстрелы и крики прохожих. Люди передо мной бросились на землю, и я увидел тротуар. Добсон, насмерть перепуганный, бежал ко мне. Его преследовало несколько человек. Один из них выстрелил в воздух и приказал ему остановиться.

Пробежав ближе, Добсон заметал меня.

— Бегите, — крикнул он, — ради Бога, бегите!

Я повернулся и в ужасе бросился прочь по узкой улочке, натолкнулся на шестифутовый деревянный забор, изо всей силы подпрыгнул, ухватился за край и занес ногу. Переваливаясь через забор, я на мгновение оглянулся. Добсон отчаянно бежал. Грянули еще выстрелы. Добсон упал.

Я бросился вперед, перепрыгивая через кучи мусора и наваленные картонные коробки. Не знаю, гнался ли кто-нибудь за мной, не послышался ли мне топот преследователей — я бежал без оглядки. Переулок вышел на широкую улицу, полную прохожих, спокойно идущих по своим делам. Только тут я осмелился с колотящимся сердцем оглянуться.

Никто за мной не гнался. Я поспешно повернул направо и пошел по тротуару, стараясь слиться с толпой. “Почему Добсон бежал? — спрашивал я себя. — Жив ли он?”

— Постойте-ка, — громко прошептал кто-то совсем рядом.

Я рванулся было, но незнакомец удержал меня за плечо.

— Пожалуйста, подождите минутку, — сказал оп. — Я видел, что случилось. Я хочу вам помочь.

— Кто вы? — спросил я дрожа.

— Меня зовут Уилсон Джеймс, — ответил он. — Я все вам объясню, но прежде всего надо уйти отсюда подальше.

Его голос и поведение слегка успокоили мой страх, и я решил довериться ему. Он привел меня в расположенный чуть дальше по этой же .улице магазин, где торговали сумками и чемоданами. Кивнув продавцу, Джеймс провел меня в заднюю дверь, за которой оказалась душная каморка, заваленная товаром. Мой провожатый плотно затворил дверь и задернул шторы.

Ему явно шел седьмой десяток, хотя глаза у него были шсем молодые, с живым блеском. Он был темноволос и очень смугл — перуанец по-видимому, хотя по-английски говорил почти как американец. На нем была синяя футболка и джинсы.

— Пока что вы здесь в безопасности, — сказал он. — Почему они за вами гнались?

Я не ответил.

— Вы ведь здесь из-за Рукописи? — спросил он.

— Откуда вы знаете?

— И тот человек, он тоже тут из-за нее?

— Да. Его фамилия Добсон. Откуда вы знаете, что мы были вместе?

— Мои окна выходят в переулок. Я видел в окно, как они гнались за вами.

— Его подстрелили?— спросил я, боясь услышать ответ.

— Не знаю, не рассмотрел. Но когда увидел, что вы ускользнули от погони, я сбежал по задней лестнице, чтобы увести вас. Решил, что могу помочь.

— Почему?

Он помолчал, словно не зная, что ответить. Потом его глаза потеплели.

— Не знаю, поймете ли вы меня. Я стоял у окна и вспоминал старого друга. Он приходил ко мне туда. Его уже нет в живых. Он умер, потому что думал, что люди должны знать о Рукописи. И когда я увидел, что происходит в переулке, я решил вам помочь.

Он был прав, я действительно не понял. Но я чувствовал, что он говорит правду. Я собирался задать вопрос, но он меня опередил

— Мы поговорим об этом позже. А сейчас лучше перебраться в более безопасное место.

— Погодите минуту, Уилсон, — сказал я. — Все, чего я хочу, это как-нибудь вернуться в Штаты. Как бы мне это сделать?

— Называйте меня Билл, — ответил он. — Думаю, что пока вам нельзя показываться в аэропорту. Там вас будут поджидать — если, конечно, вас еще ищут. У меня есть друзья, которые живут за городом, можно переждать у них. Страну можно покинуть несколькими способами, выбор будет за вами. Когда вы будете готовы, вам помогут выбраться.

Он открыл дверь, проверил, нет ли посторонних в магазине, потом вышел наружу и осмотрелся на улице. Вернувшись, он поманил меня за собой. На улице он подвел меня к синему джипу. Залезая в машину, я заметил, что на заднем сиденье аккуратно уложены пакеты с продуктами, несколько палаток, дорожные сумки — словно хозяин собрался в далекий путь.

Мы ехали в молчании. Я откинулся на спинку пассажирского сиденья и задумался. Такого я не ожидал. Что, если меня арестуют и бросят в перуанскую тюрьму или просто пристрелят? Следовало прежде всего оценить мои возможности. Багажа я лишился, даже смены одежды не было, но деньги и кредитная карточка были со мной. Кроме того, я по какой-то причине доверял Биллу.

— А что же вы такого сделали с этим вашим — Добсоном, что ли, что они напали на вас? — внезапно спросил он.

— Ровным счетом ничего, насколько я могу судить. Мы познакомились в самолете. Он историк и прибыл сюда, чтобы официальным путем добиться возможности ознакомиться с Рукописью. Он представлял группу ученых.

Билл удивился.

— И властям было известно о его приезде?

— Да, он писал и просил содействия. Не могу поверить, что его хотели арестовать, ведь у него даже не было с собой копий.

— У него есть копии Рукописи?

— Только начало, первые два откровения.

— А я и не знал, что копии попали в Соединенные Штаты. Откуда они у него?

— В свой прошлый приезд Добсону рассказали об одном священнике, знатоке Рукописи. Он не сумел его разыскать, но нашел копии, спрятанные за его домом.

Билл опечалился.

— Хосе!

— Кто-кто?

— Это тот самый друг, о котором я вам говорил. Его убили. Он твердо решил, что о Рукописи должно узнать как можно больше людей.

— Что с ним случилось?

— Убили. Мы не знаем, кто. Его тело нашли далеко от дома, в лесу. Думаю, что к этому приложили руку его враги.

— Из правительства?

— Кое-кто из правительства или — из церкви.

— Неужели католическая церковь способна на такое?

— Не исключаю. Об этом громко не говорят, но Церковь настроена против Рукописи. Отдельные священники понимают ее значение и потихоньку рассказывают о ней, по им приходится соблюдать большую осторожность. Хосе говорил об этом открыто со всеми, кто хотел слушать. Еще за несколько месяцев до его гибели я предостерегал его. Просил быть поосторожнее и не раздавать копии всем подряд. Но он сказал, что выполняет свой долг.

— А когда обнаружили Рукопись?— спросил я.

— Первый перевод появился три года назад. А вот когда Нашли оригинал, никто не знает. Он многие годы хранился у индейцев, мы думаем, пока его не увидел Хосе. Он нашел знатоков, заказал перевод, все сам организовал. Конечно, когда церковные власти узнали о

содержании Рукописи, они всячески постарались ее засекретить. Но теперь у всех нас есть копии. А оригинал, скорее всего, уничтожен.

Билл выехал из города, держа путь на восток, и теперь ехал по узкой двухрядной дороге среди обильно орошаемых полей. Мы проехали несколько убогих дощатых хижин, а затем большое пастбище с дорогим ограждением.

— Добсон рассказал вам о первых двух откровениях? — спросил Билл.

— Он говорил о Втором, — ответил я. — О Первом я услышал от одной своей приятельницы. Она как-то разговаривала с одним священником — видимо, это был Хосе.

— И вы поняли эти два откровения?

— Да вроде бы.

— И вы понимаете, что случайные совпадения имеют зачастую глубокое значение?

— Сдается мне, — ответил я, — что вся моя поездка состоит из сплошных совпадений.

— Это начинает случаться, когда вы начеку и подключены к энергии.

— Подключен?

Билл улыбнулся.

— Об этом говорится дальше в Рукописи.

— Расскажите!

— Поговорим об этом позже. — И он кивнул в сторону посыпанной гравием дороги, на которую как раз сворачивал с шоссе.

Впереди, шагах в тридцати, стоял скромный деревянный дом. Билл обогнул его справа и остановил джип у большого дерева.

— Мой приятель работает у владельца большого поместья, которому принадлежит большая часть земель в этой местности. Этот дом тоже он предоставил. Это влиятельный человек, и втайне он поддерживает Рукопись. Здесь вам ничто не угрожает.

На пороге зажегся свет, и низкорослый приземистый человек, по виду перуанец, выбежал нам навстречу, широко улыбаясь и что-то горячо восклицая по-испански. Билл попросил его говорить по-английски, потом познакомил нас.

— Нужно немного помочь человеку, — сказал Билл. — Он хочет вернуться в Штаты, но должен быть очень осторожен. Яего, пожалуй, оставлю у тебя.

Хозяин испытующе поглядел на Билла.

— А ты небось снова пустишься искать Девятое откровение?

— А как же, — ответил Билл, вылезая из джипа. Я открыл другую дверцу и обошел машину. Билл с другом и к дому, О чем они разговаривали, я не слышал. Когда я подошел ближе, приятель Билла сказал:

— Пойду-ка я подготовлюсь!

Он исчез за домом. Билл повернулся ко мне.

— О чем он говорил, — спросил я, — что за Девятое откровение?

— Это часть Рукописи, которую еще никто не видел. В найденном тексте было только восемь откровений, но упоминалось и Девятое. Многие его ищут.

— А вы знаете, где искать?

— Да нет, откуда?

— Как же вы надеетесь найти?

Билл улыбнулся.

— Да так же, как Хосе нашел первые восемь. Так же, как вы нашли первые два, а потом случайно встретили меня. Если подсоединиться и накопить побольше энергии, случайности происходят постоянно.

— А как это сделать, расскажите!— попросил я. — В каком откровении?

Билл посмотрел на меня, словно оценивая мой уровень Понимания.

— О том, как подключаться к энергии, говорится не в каком-то одном откровении, а во всех. Помните, во Втором говорилось, что люди отправят исследователей, чтобы те, пользуясь научным методом, нашли смысл человеческой жизни на этой планете? Но они вернутся не скоро.

— Помню.

— Ну вот, а остальные откровения и сообщают начинающие поступать ответы. Но они исходят не от официальной науки. Ответы, о которых я говорю, поступают из многих областей исследований. Открытия физики, психологии, мистики и религии — все это излагается вместе и сливается в новый синтез, основанный на осознании совпадений.

Мы в подробностях изучаем природу совпадения, его действие — и тем самым конструируем новую картину мира, откровение за откровением.

— Тогда я хочу узнать о каждом откровении, — заявил я. — Можете вы рассказать мне о них до своего отъезда?

— Нет, я давно уже понял, что простой пересказ откровений ничего не дает. Вы должны открыть каждое из них по-своему.

— Каким образом?

— Просто это случится с вами. Ничего не выйдет, если я просто возьму и расскажу вам все. Вы получите информацию об откровениях, но не усвоите их. Вы сами должны открыть их в ходе собственной жизни.

Мы посмотрели друг на друга, помолчали. Билл улыбнулся. Разговаривая с ним, я чувствовал невероятный подъем сил.

— А почему вы именно сейчас отправляетесь на поиски Девятого откровения? — спросил я.

— Потому что время пришло. Я работал здесь проводником, знаю местность, усвоил предыдущие восемь откровений. Еще когда я стоял у окна, выходящего в тот переулок, и думал о Хосе, я уже решил снова отправиться на север. Девятое откровение где-то там. Я знаю это. И я ведь не молодею. Я знаю, что найду его и смогу усвоить — я *видел* это. Я знаю, что это самое важное из всех откровений. Оно бросает правильный свет на все остальные и даст жизни истинную цель.

Внезапно он замолчал. Лицо его стало очень серьезным.

— Я бы пустился в путь на полчаса раньше, но меня тревожило чувство, что я что-то забыл. — Он снова помолчал. — Тут-то вы и появились.

Мы долго смотрели друг на друга.

— Вы думаете, что мне предназначено присоединиться к вам? — спросил я.

— А вы как думаете?

— Не знаю!

Я растерялся. Все, связанное с моим полетом в Перу, мелькало у меня в голове: разговор с Чарлиной, Добсон, теперь Билл. Меня привело сюда простое любопытство, даже не особенно сильное, а теперь я оказался в бегах неизвестно от кого. Но, как ни странно, я чувствовал не страх, а радостное возбуждение. Мне полагалось бы сейчас всеми силами стремиться домой, а вместо этого меня так и подмывало отправится с Биллом — а ведь там наверняка меня поджидали еще большие опасности.

И тут я понял, что, размышляй не размышляй, а выбора у меня просто-напросто нет. Усвоив Второе откровение, я лишился возможности вернуться к прежней жизни. Если я не хочу отказаться от осознания, надо идти вперед.

— Я собираюсь здесь переночевать, — сказал Билл. — У вас есть время до утра, чтобы решиться.

— Я уже решился, — ответил я. — Еду с вами.

3 – ЭНЕРГИЯ

Мы поднялись на рассвете и все утро ехали на восток, почти не разговаривая. Еще накануне Билл сказал мимоходом, что мы перевалим через Анды и направимся в места, которые он называл Высокой Сельвой — холмистый край, поросший лесом. Это и все, что я знал.

Я пытался расспросить Билла и о нем самом, и о цели нашего путешествия, но он вежливо пресек разговор, сказав, что должен следить за дорогой. Наконец я прекратил попытки завязать беседу и погрузился в созерцание природы — красота гор превосходила всякое воображение.

Около полудня, добравшись до последнего перевала, мы остановились на небольшом плато, чтобы перекусить бутербродами, не выходя из машины. Перед нами лежала широкая пустошь, за ней простирались холмы, покрытые густой зеленью. За едой Билл сказал, что мы проведем ночь в усадьбе Висьенте, старинном, прошлого века поместье, бывшем некогда собственностью испанской католической церкви. Теперь усадьба принадлежит одному его другу, пояснил он, и используется для проведения деловых и научных конференций.

Мне пришлось удовольствоваться этими краткими пояснениями, после чего мы пустились в путь и снова замолчали. Через час показалась усадьба. Мы въехали в широкие каменные ворота с чугунной решеткой и покатили дальше на север по узкому гравиевому проезду. Я попробовал еще расспросить о поместье и о том, для чего мы сюда явились, по Билл по-прежнему не поддержал разговора. На этот раз он прямо сказал мне, чтобы я любовался видом и помалкивал.

Красота поместья меня очаровала. По обеим сторонам дороги раскинулись цветущие луга и фруктовые сады. Трава здесь казалась необыкновенно сочной и яркой. Она густо росла повсюду, даже под громадными дубами, растущими на лугах через каждые тридцать шагов. В этих деревьях была какая-то непонятная, за душу берущая прелесть.

Примерно через милю дорога свернула на восток и пошла слегка в гору. Па вершине холма я увидел большой дом в старинном испанском стиле, из дерева и серого камня. На глазок в нем было не меньше пятидесяти комнат. Громадная веранда протянулась во всю южную стену. Во дворе тоже росли громадные дубы и были разбиты клумбы с экзотическими растениями. Красивейшие цветы и папоротники окаймляли дорожки. Всюду были люди — одни прохаживались, беседуя, среди деревьев, другие сидели на веранде.

Мы вышли из машины. Билл помедлил, рассматривая вид. К востоку от поместья склоны сглаживались, а дальше шли ровные долины и леса. Следующая гряда холмов голубела вдали.

— Пройду-ка я, пожалуй, вперед, погляжу, есть ли для нас место, — решил Билл. — А вы можете пока прогуляться. Вам тут должно понравиться.

— Не сомневаюсь! — ответил я. Уже уходя, он повернулся и добавил:

— И обратите внимание на опытные участки. Увидимся за обедом.

У Билла, без сомнения, были причины оставить меня одного, но они не так уж волновали меня. У меня было превосходное настроение и — ни малейших дурных предчувствий. Я уже знал от Билла, что, поскольку Висьенте добывает для страны немало полновесных туристских долларов, правительство глядит сквозь пальцы на то, что здесь происходит, хотя тут нередко обсуждается Рукопись.

Мой взгляд привлекла живописная купа деревьев, расположенная чуть южнее, и ведущая к ним петляющая тропка. Я не спеша направился туда. Дойдя до деревьев, я увидел, что тропка выходит к небольшим чугунным воротцам, а дальше каменные ступени ведут вниз, к поросшему полевыми цветами лугу. За лугом виднелся фруктовый сад, ручей, а вдалеке простирался лес. Дойдя до ворот, я остановился и сделал несколько глубоких вдохов, любуясь окружающей красотой.

Правда, тут чудесно? — спросил чей-то голос у меня за спиной.

Я повернулся и увидел женщину лет под сорок с рюкзаком за спиной.

— Замечательно!— ответил я, — В жизни не видел такой красоты!

Какое-то время мы оба молча созерцали широкий луг и тропические растения, свисающие с клумб, расположенных каскадом по обе стороны каменной лестницы. Потом я спросил:

— А вы случайно не знаете, где здесь опытные участки?

— Как же, — ответила она, — я как раз туда иду Я вам покажу Мы представились друг другу и, спустившись по каменным ступеням, зашагали по исхоженной тропке на юг. Мою спутницу звали Сара Лорнер. У нее были рыжеватые волосы и синие глаза. Она казалась бы совсем девчонкой, если бы не солидная манера держаться. Несколько минут мы шли молча.

— Вы здесь в первый раз? — спросила она.

— Да, — ответил я, — и мало что знаю об этом месте.

— А я тут почти год с перерывами, так что могу сообщить вам кое-что. Лет двадцать назад эта усадьба приобрела известность как место международных научных встреч. Тут собирались в основном биологи и физики из разных организаций. И вот несколько лет назад...

Она поколебалась и взглянула на меня.

— Вы что-нибудь слышали о Рукописи, найденной здесь, в Перу?

— Да, слышал, — ответил я. — Я знаком с первыми двумя откровениями.

Я хотел было рассказать ей о том, как увлекся Рукописью и примчался сюда ради нее, но удержался, не зная, можно ли ей довериться.

— Я так и думала, — сказала она. — Видно, что вы заряжаетесь энергией.

Мы в это время шли через ручей по деревянному мостику.

— Какой энергией? — удивился я.

Она остановилась, прислонясь к перилам моста.

— А вы знаете о Третьем откровении?

— Нет, ничего.

— Оно дает новое понимание физического мира. Мы, люди, сообщается там, научимся пользоваться некой энергией, которой дотоле не замечали. В последнее время сюда стали съезжаться ученые, желающие исследовать и обсудить это явление.

— Выходит, ученые признают существование этой энергии?

Сара повернулась и пошла по мосту.

— Не все, — сказала она. — И нам приходится нелегко.

— Вы, значит, тоже ученый?

— Преподаю физику в небольшом колледже в штате Мэн.

— И почему же другие ученые не согласны с вами? Она помолчала, слегка задумавшись.

— Чтобы понять это, вам придется немного вникнуть в историю науки. — Она посмотрела на меня, как бы спрашивая, хочу ли я углубляться в эту тему. Я кивком попросил ее продолжать.

— Вспомните Второе откровение. После крушения средневековых взглядов мы, на западе, внезапно осознали, что мир, в котором мы живем, нам непонятен. Пытаясь проникнуть в законы природы, мы решили для начала хотя бы отделить факты от суеверий и предрассудков. Для этого мы, ученые, заняли позицию, получившую название научного скептицизма. Он сводится к тому, что каждое предположение об устройстве мироздания должно быть подкреплено вескими доводами. Мы не верим ничему без видимых и осязаеых доказательств. Любая идея, не подкрепленная физическим опытом, отвергается.

Невозможно отрицать, — продолжала она, — что этот принцип хорошо послужил науке, пока речь шла о простых, очевидных вещах — камнях, деревьях — объектах, которые легко рассмотреть любому скептику. Мы быстро продвигались вперед, давая названия различным явлениям материального мира и пытаясь постичь законы природы. В конце концов мы пришли к заключению, что все, происходящее в мире, познаваемо и закономерно, что каждое событие имеет физическую, поддающуюся пониманию причину. — Она хитровато улыбнулась. — Понимаете, ученые, в конце концов, мало чем отличаются от остальных людей нашего времени. Мы решили освоить мир, в котором живем. Была поставлена задача: понять устройство мироздания, чтобы сделать жизнь безопасной и подчинить себе природу. Научный скептицизм позволил нам сосредоточиться на конкретных задачах, решение которых давало нам безопасность и уверенность в себе.

Мы шли по петляющей тропке от моста через лужок к небольшой рощице.

— Таким образом, — продолжала Сара, — никаким таинственным силам, никаким представлениям о потустороннем не оставалось места в научной картине мира. Возобладала точка зрения Исаака Ньютона: мироустройство предсказуемо, оно подобно громадному механизму. И ведь долгое время такой подход оправдывался. Если события, не связанные причинно-следственной связью, происходили одновременно, это считалось случайным совпадением.

Затем произошли два события, которые снова заставили нас считать законы природы загадочными. За последние десятилетия много писали о революции в физике, но на самом деле наши взгляды изменили два открытия — квантовая механика и работы Альберта Эйнштейна.

Труды Эйнштейна показали: то, что мы воспринимаем как твердые тела, на самом деле просто пустота, пронизанная энергией. В том числе и мы сами. А квантовая физика, изучающая проявления энергии в микромире, получила совершенно невероятные результаты. Экспериментами обнаружено, что, когда малые количества материи-энергии разбиваются на части, которые мы называем элементарными частицами и пытаемся изучать, сам факт наблюдения изменяет результаты, словно на элементарные частицы оказывают влияние ожидания экспериментатора. При этом поведение частиц способно нарушать уже, казалось бы, известные законы природы: частица может появиться в двух местах одновременно, перемещаться назад или вперед во времени и тому подобное.

Сара остановилась и посмотрела па меня.

— Иначе говоря, получается, что первоматерия Вселенной, самая ее сердцевина, есть чистая энергия, воспринимающая намерения и ожидания человека. А это просто лишает смысла прежнюю механическую модель Вселенной. Похоже, наши ожидания каким-то способом порождают энергию и влияют на другие энергетические системы. Но ведь это, собственно, и есть содержание Третьего откровения.

Она покачала головой.

— К несчастью, большинство ученых не приняли эту идею всерьез. Они предпочли сохранить скептическую позицию и ждать доказательств.

— Эй, Сара, мы здесь! — крикнул кто-то издали. Справа за деревьями, шагах в пятидесяти, кто-то махал рукой.

Сара посмотрела па меня.

— Меня ждут, я отойду ненадолго. У меня перевод Третьего откровения с собой, можете пока устроиться где-нибудь и почитать, если хотите.

— Конечно, хочу! — обрадовался я.

Она достала из рюкзака стопку бумажных листков в пластиковой папке и протянула мне, а сама ушла. Я взял бумаги и оглянулся, ища места, где сесть. Здесь рос тот же подлесок и было сыровато, но чуть восточнее винелся небольпой холм. Я решил подняться повыше и поискать сухого местечка.

Поднявшись на холм, я ахнул от удивления. Здесь был просто неправдоподобно красивый уголок. Узловатые дубы росли шагах в двадцати друг от друга, и их густые ветви совершенно смыкались у вершин, образуя густую завесу над головой. У подножия деревьев росли широколистые тропические растения высотой по плечо. Эти растения перемежались папоротниками и кустами, обильно покрытыми белыми цветами. Я выбрал сухое место и сел, вдыхая пряный запах зелени и цветов.

Я раскрыл папку и обратился к началу перевода. Краткое вступление объясняло, что Третье откровение дает новое понимание физического мира. Это было примерно то же, о чем говорила Сара. Где-то к концу тысячелетия, предсказывалось там, люди откроют новую энергию, которая является основой всех тел, в том числе и наших, и излучается ими.

Обдумав это, я стал читать дальше и с первых слов поразился: оказывается, восприятие этой энергии начинается с обостренного чувства прекрасного. Пока я раздумывал над этим, на тропинке послышались шаги. Это была Сара, которая как раз в этот миг подняла глаза к вершине холма и увидела меня.

— Чудное местечко, — сказала она, подойдя ко мне. — Вы уже дошли до чувства прекрасного?

— Да, — ответил я. — Но мне это не совсем понятно.

— Дальше Рукопись говорит об этом подробнее. Но я кратко объясню. Чувство прекрасного — это род барометра, указывающий каждому из нас, насколько мы близки к восприятию энергии. Это ясно из того, что, начиная воспринимать энергию, мы видим, что она и красота — в сущности, происходят из одного источника.

— Вы так говорите, словно видите энергию, — заметил я. Она посмотрела на меня без малейшего смущения.

— Я действительно ее вижу. Но начиналось это у меня с углубленного ощущения красоты.

— Но как это может быть? Ведь красота — это дело вкуса!

Сара покачала головой.

— Как ни различны вкусы у разных людей, все мы приписываем красоте одни и те же характеристики. Подумайте об этом. Почему что-то кажется нам прекрасным? Тут все дело в совершенстве формы и чистоте цвета, верно? Эта вещь находится перед нами и сияет. Она прямо лучится, как радуга, на фоне обычных, тусклых, некрасивых вещей.

Я кивнул.

— Возьмем хоть это место, — продолжала Сара. — Я знаю, что его красота поразила вас, — она нас всех поразила. Красота здесь бросается в глаза, формы и краски кажутся необычайно выразительными, А следующий уровень восприятия — когда вы видите энергетическое поле, окутывающее все вещи.

У меня, должно быть, был глупый вид, потому что она рассмеялась. Потом сказала очень серьезно:

— Давайте пройдемся по нашим делянкам. Это в полумиле к югу отсюда. Думаю, вам это будет небезынтересно.

Эта женщина объясняла мне, незнакомому человеку, Рукопись, а теперь предлагала показать мне Висьенте. Я поблагодарил ее. Она только пожала плечами.

— Вы ведь, кажется, сочувствуете нашим усилиям. А мы хотим распространять наше знание. Для того чтобы наши исследования могли продолжаться, надо, чтобы о нас узнали в Соединенных Штатах и во всем мире. Местные власти нас еле терпят.

Внезапно позади нас раздался голос:

— Извините, пожалуйста!

Мы оглянулись и увидели, что по тропинке к нам идут трое мужчин. Им было под пятьдесят, и все они были одеты в дорогие костюмы.

— Не знаете ли вы, где находятся опытные участки? — спросил тот из них, кто был повыше ростом.

— А зачем вам они? — спросила Сара в свою очередь.

— У нас с коллегами есть разрешение владельца имения осмотреть участки и поговорить с кем-нибудь о так называемых исследованиях, которые там проводятся. Мы из университета Перу.

— Похоже, вы не признаете наших открытий. — Сара произнесла это шутливо, пытаясь смягчить атмосферу.

— Категорически не признаем! — вмешался другой из пришедших. — Нелепые претензии на открытие какой-то неведомой энергии! Да еще видимой!

— А вы пытались ее увидеть? — спросила Сара. Проигнорировав вопрос, мужчина повторил:

— Так вы можете сказать нам, где эти участки?

— Да, разумеется. Шагов через сто тропинка повернет к Востоку. Идите туда и примерно через четверть мили вы их увидите.

— Благодарю вас, — произнес высокий мужчина, и все энергично зашагали в указанном направлении.

— Вы ведь их не туда послали! — заметил я.

— Да нет, там тоже есть делянки, только другие. И люди там более подготовлены к общению с подобными скептиками. Мы время от времени допускаем туда недоверчивых посетителей, и не только ученых, по и просто любопытствующих. Тех, кто совершенно не понимает природы наших исследований. И, кстати, ученым понять это еще труднее, чем остальным.

— Как это? — удивился я.

— Как я уже говорила, научный скепсис давал хорошие результаты, пока речь шла об изучении несложных и очевидных природных явлений — растений, солнечного света, грозы. Но существует другой вид феноменов, более сложной природы, и вот их-то не только изучать, но и просто заметить невозможно, не отрешившись от скепсиса. Для начала надо получить о них какое-то представление, ну а потом уже можно тщательно их изучать.

— Интересно! — воскликнул я.

Мы вышли из рощи, и я увидел несколько возделываемых делянок. На каждой выращивался свой вид растений. По большей части растения были съедобные, от бананов до шпината. Восточные границы всех участков соприкасались с широкой гравиевой дорожкой, выходящей на проезжую дорогу, расположенную севернее. Вдоль дорожки стояли три металлических сарая. У каждого работало четыре-пять человек.

— А вот и мои друзья! — Сара показала на ближайшее строение. — Пойдемте туда, я хочу вас познакомить.

Сара познакомила меня с тремя мужчинами и одной женщиной. Все они занимались исследованиями. Мужчины, обменявшись со мной несколькими словами, вернулись к работе, но женщина — биолог по имени Марджори — имела, видимо, время для беседы.

Я встретился с ней глазами.

— В чем же, собственно, состоят ваши исследования? — спросил я.

Вопрос, кажется, застал ее врасплох, по она улыбнулась и, помедлив, ответила:

— Трудно так прямо объяснить. Вы знакомы с Рукописью?

— Я знаю начало. Теперь начал знакомиться с Третьим откровением.

— Ну так вот этим мы и занимаемся. Пойдемте, я вам покажу.

Мы прошли за металлическое строение к делянке, где росли бобы. Мне бросилось в глаза, что все растения исключительно здоровы — ни пожелтевших, ни источенных насекомыми листьев. Почва была разрыхленная, насыщенная, растения не теснились, и, хотя росли довольно близко друг к другу, их листья не соприкасались.

Марджори указала на ближайшую грядку.

— Мы стараемся смотреть на эти растения как на энергетические системы и думать обо всем, что нужно им для полноценного роста и плодоношения — почве, удобрениях, орошении, освещении. Мы установили, что экосистема вокруг растения представляет собой единый живой организм. И здоровье каждой его части влияет на здоровье целого. После колебания она добавила:

— И вот что важнее всего: как только мы стали думать об энергообмене в экосистеме растения, мы получили потрясающие результаты. Наши опытные растения ненамного крупнее обычных, но по питательным свойствам они намного сильнее.

— А как это измеряется?

— Они содержат больше белков, углеводов, витаминов, минеральных веществ. Она посмотрела на меня с ожиданием.

— Но это еще не самое поразительное! Мы обнаружили, что самые сильные растения — те, которые получают больше чисто человеческого внимания.

— Какого же внимания? — удивился я.

— Мы подходим к ним каждый день, осматриваем, разрыхляем почву. В этом роде. Мы провели эксперимент с контрольной группой: одним уделяли особое внимание, другим нет. Наше открытие подтвердилось. И больше того — мы усовершенствовали процедуру:

исследователь не просто осматривал растение, но мысленно просил его лучше расти. Человек просто садился рядом, сосредоточив все свое внимание и заботу на его росте.

— И они лучше росли?

— Да, очень заметно, и к тому же быстрее.

— Это невероятно!

— Согласна...

Она внезапно замолчала. К нам подходил пожилой, лет пятидестидесяти, человек.

— Это микродиетолог, профессор Хейпс, — прошептала она. — Впервые он появился здесь год назад и сразу же взял отпуск в Государственном университете штата Вашингтон, чтобы поработать у нас. Он проделал замечательные исследования.

Профессор подошел, и Марджори нас познакомила. Это был человек крепкого сложения, темноволосый, с седыми висками. Марджори задала несколько наводящих вопросов, и он стал рассказывать о результатах своих опытов. Его интересовало, сообщил он, функционирование органов человеческого тела в зависимости от характера питания. Жизнедеятельность органов измерялась высокочувствительными анализами крови.

Он рассказал, что больше всего его заинтересовали результаты одного исследования, которое показало, что такие здоровые и питательные растения, которые выращивались в Висьепте, чрезвычайно повышали все жизненные показатели человеческого организма — намного больше, чем вообще считалось возможным при современных взглядах на физиологию питания. Необъяснимый эффект создавался какими-то изменениями в структуре растений.

Я взглянул на Марджори и спросил:

— Значит, растения, которым уделялось повышенное внимание, повышают человеческие силы, когда их употребят в пищу, я правильно понял? И что же, это та самая энергия, о которой говорит Рукопись?

Марджори в свою очередь поглядела на профессора. Он едва заметно улыбнулся.

— Этого я еще не знаю, — ответил он.

Я спросил о его планах, и он рассказал, что хочет разбить такой же участок у себя, в штате Вашингтон, и провести долгосрочные исследования, чтобы проверить, надолго ли останутся более сильными и здоровыми люди, питающиеся такими растениями. Во время его рассказа я то и дело невольно поглядывал на Марджори. До меня не сразу дошло, что девушка необыкновенно красива. Даже в мешковатых джинсах с просторной футболкой она казалась высокой и стройной. Ее темно-карие глаза блестели, а каштановые волосы вились кольцами вокруг лица.

Я почувствовал, что меня тянет к ней со страшной силой. В тот самый миг, когда я осознал это, она повернулась ко мне и наши взгляды встретились. Она отступила на шаг.

— Мне нужно повидать кое-кого, — сказала она. — Возможно, еще увидимся.

Попрощавшись с Хейнсом и бросив на меня беглый згляд, она удалилась но тропинке, огибающей металлический сарай.

Поговорив с профессором еще немного, я пожелал ему успехов и вернулся туда, где стояла Сара. Она оживленно беседовала с исследователями, но видела, что я подхожу.

Когда я подошел, ее собеседник улыбнулся, сложил в планшет свои бумажки и ушел в здание.

— Ну как, узнали что-то новое? — спросила Сара.

— Да, — рассеянно ответил я, — очень интересно. Я смотрел себе под ноги.

— А куда подевалась Марджори? Сарины глаза смеялись.

— Сказала, что ей надо повидать кого-то. Сара широко улыбнулась.

— А не вы ли ее спугнули?

— Боюсь, что да, — со смехом признался я. — Но я ничего такого не говорил.

— В этом не было нужды. Марджори, наверное, просто увидела изменения вашего поля. Это очень заметно, я отсюда разглядела.

— Изменения чего?

— Поля, энергетического поля вокруг вашего тела. Большинство из нас научились видеть эти поля — во всяком случае, при определенном освещении. Когда человек испытывает сексуальное возбуждение, в его поле появляются вихри и оно вытягивается в сторону того, кто это возбуждение вызвал.

Мне это показалось совершенно фантастическим. Ответить я не успел, потому что в это время из металлического сарая вышло еще несколько человек.

— Будем упражняться в энергопроекции, — сказала Сара. — Пойдемте, вам будет интересно.

Мы прошли вслед за четырьмя молодыми людьми — по всей видимости, студентами — к кукурузной делянке. Подойдя ближе, я заметил, что делянка состоит из двух отдельных участков, каждый примерно три метра на три. На одном из них ростки кукурузы не доходили до колена, на другом были почти в два раза выше. Молодые люди подошли к участку с высокими ростками и уселись по углам. По данному знаку они стали смотреть на растения во все глаза. Предвечернее солнце светило мне в спину, заливая участок мягким янтарным светом, а далекий лес уже погрузился в темноту. Участок и сидящие фигуры отчетливо вырисовывались на темном фоне.

Сара стояла рядом со мной.

— Просто замечательно! — прошептала она. — Вы только посмотрите. Вам видно?

— Что?

— Они излучают энергию на растения!

Я всматривался изо всех сил, по ничего необычного не заметил.

— Нет, не вижу!

— А вы присядьте на корточки и смотрите повнимательнее — вот оно, между людьми и растениями.

Я последовал ее совету, и на мгновение мне показалось, что я действительно разглядел какое-то светящееся мерцание, по оно немедленно исчезло, и я решил, что мне показалось. Я приглядывался еще некоторое время, но безрезультатно.

— Нет, ничего не вижу! — Я выпрямился.

Сара потрепала меня по плечу.

— Не огорчайтесь, лиха беда начало. Придется вам поучиться фокусировать взгляд.

Один из медитирующих молодых людей укоризненно взглянул на нас и поднес палец к губам. Мы пошли назад к сараю.

— Надолго вы сюда? — спросила Сара.

— Скорее всего, нет. Я тут не один. Мой спутник хочет отправиться на поиски последней части Рукописи.

— А я думала, что Рукопись известна нам целиком!— удивилась Сара. — Правда, я-то изучала в основном то, что имеет отношение к моим занятиям, а в остальное особенно не вчитывалась.

Я вдруг испугался, что потерял Сарины бумаги с переводом, и схватился за карман. Они были там, свернутые в рулончик.

— Что интересно, — сказала Сара, — оказывается, энергетическое поле лучше всего видно на рассвете или на закате. Если хотите, мы можем встретиться завтра с восходом солнца и попробовать еще раз.

Она протянула руку за своими бумагами.

— А я за это время успею сделать для вас копию перевода. Возьмете ее с собой.

Я подумал. Почему бы не попробовать, хуже не будет.

— Ладно. Только я спрошу у своего спутника, есть ли у нас время. — Я улыбнулся. — А почему вы думаете, что у меня получится увидеть эту вашу энергию?

— Предчувствие!

Мы договорились, что встречаемся на холме ровно в шесть утра, и я в одиночестве пошагал к дому. До него было около мили. Солнце уже закатилось, но края серых облаков, скопившихся у горизонта, еще полыхали багрянцем. Было прохладно, но безветренно.

В обширном обеденном зале я увидел скопившуюся у раздаточной стойки очередь. Почувствовав пробудившийся аппетит, я пристроился к ее началу, чтобы посмотреть, что дают на обед. И тут я увидел непринужденно болтающих Билла и профессора Хейнса.

— Привет! — сказал Билл. — Ну, как день прошел?

— Просто здорово!

— Вот, познакомьтесь, это Уильям Хейнс.

— А мы уже познакомились.

Профессор приветствовал меня кивком.

Я рассказал о назначенной на завтрашнее утро встрече, и Билл ответил, что я вполне успею сходить на делянку, потому что ему надо будет еще кое с кем встретиться, так что раньше девяти мы все равно не уедем.

Очередь продвигалась. Я хотел уйти в хвост, но стоящие за нами предложили мне присоединиться к друзьям. Я встал рядом с профессором.

— Ну, как вам наши опыты? — спросил он.

— Еще не знаю, — искренне ответил я. — Все это очень необычно. Об энергетических полях я вообще впервые услышал.

— О них мало кто слышал. А ведь что интересно: эта энергия как раз и есть то, что наука всегда усердно искала, — первооснова материи. Со времен Эйнштейна одной из главных задач физики считается построение единой теории поля. Не знаю, удастся ли решить эту задачу нам, но, во всяком случае, Рукопись дает очень интересные подсказки.

— А что нужно, чтобы ученые единодушно признали новую энергию?

— Нужно научиться ее измерять. Само по себе ее существование, в конце концов, не тикая уж новость. Мастера карате, например, называют ее “ци”, Именно с ее помощью они проделывают свои невероятные трюки — разбивают кирпичи ребром ладони или, например, один человек усаживается на месте и четверо не могут его столкнуть. Да и наши, западные спортсмены — все мы видели прыжки, повороты и воздушные полеты, которые бросают вызов земному притяжению. Все это примеры того, на что способен человек, когда получает доступ к скрытой в его организме энергии. Наука, конечно, не примет эти идеи, пока все не научатся это видеть.

— А сами вы видели? — спросил я.

— Видел кое-что. Немного. Эта способность вообще-то зависит от того, что мы едим.

— Правда? А как?

— Здесь, в Висьенте, например, люди, способные видеть поле, питаются в основном овощами, по не любыми, а теми высокоценными, которые сами тут выращивают.

Он кивнул на стойку.

— Вот и здесь подают блюда из этих овощей, хотя, слава Богу, есть у них и курица с рыбой для неисправимых мясоедов вроде меня. Но если я принуждаю себя к вегетарианской пище, то и я вижу кое-что.

Я спросил, почему он тогда не переходит на овощную диету окончательно.

— Да я и сам не знаю, —ответил он. — Привычка — вторая натура.

Подошла наша очередь, и я взял себе овощи. Мы присели втроем к большому столу, где уже обедала другая компания, и целый час проговорили. Потом мы с Биллом пошли забрать из джипа вещи.

— А вы-то видели эти энергетические делянки? — спросил я.

Он улыбнулся и кивнул.

— Моя комната на первом этаже, — сообщил он. — Ваша на третьем, номер триста шестой. Ключ можете взять у служащего, в холле.

Телефона в моей комнате не было, но служащий усадьбы, с которым я поговорил в холле, твердо пообещал, что ровно в пять утра меня разбудят. Я забрался в постель и немного еще поразмыслил. День выдался длинный и полный впечатлений. Я понимал теперь, почему Билл не стал рассказывать о Третьем откровении. Он хотел, чтобы я пережил его на свой собственный лад. Потом я провалился в сон.

Меня разбудил громкий стуж в дверь. Я схватился за часы — ровно пять утра. Я крикнул стучащему “Спасибо!”, встал и подошел к небольшому окну. Было еще совсем темно, но на восточном краю неба уже занялась бледная полоска света.

Я сходил в ванную и принял душ, быстро оделся и спустился вниз. Столовая была уже открыта, несмотря на ранний час, и там завтракало па удивление много народу. Я ограничился фруктами. Потом я поспешил на улицу.

Предутренний туман стелился над землей, укутывал отдаленные луга. Птицы на ветвях уже начали утреннюю перекличку. На горизонте показался край солнечного диска, живописно окаймляя глубокую небесную синеву ярко-розовым свечением.

Я явился к месту встречи на пятнадцать минут раньше условленного часа, сел, прислонясь к стволу могучего дерева и залюбовался густым шатром ветвей над головой. Через несколько минут на тропинке послышались шаги и я повернулся туда, ожидая увидеть Сару. Но оказалось, что там идет незнакомый человек лет сорока пяти. Он шел в мою сторону, не замечая меня, а когда наконец меня увидел, вздрогнул от неожиданности, заставив меня тоже вздрогнуть.

— О, привет! — произнес он с характерной бруклинской интонацией. Он был одет в джинсы и крепкие туристские ботинки и, судя по виду, находился в превосходной спортивной форме. Его курчавые волосы на макушке уже поредели.

Я кивнул.

— Извините, что я так внезапно на вас наскочил.

— Пустяки!

Он представился — его звали Фил Стоун. Я, представившись в ответ, объяснил, что жду здесь знакомую.

— Вы, наверное, тоже заняты тут какими-нибудь исследованиями? — спросил я.

— Да нет. Я из университета Южной Калифорнии, наша группа работает в другой части Перу. Мы занимаемся проблемами защиты сельвы от истребления. А сюда я при каждой возможности приезжаю отдохнуть. Мне нравится, что тут леса совсем другие.

Он посмотрел по сторонам.

— Вы знаете, что тут некоторым деревьям чуть ли не по пять сотен лет? Это настоящий девственный лес, такие сейчас не часто встретишь. Идеальное экологическое равновесие: большие деревья затеняют подлесок, давая возможность буйного роста многочисленным видам тропических растений. В сельве тоже есть старые деревья, но там все по-другому, Сельва — настоящие джунгли, а здесь скорее похоже на леса умеренного климата, как в Штатах.

— Я таких лесов не видел никогда.

— Понятно, их совсем мало осталось. Большинство из тех, которые я знаю, правительство продало на нужды лесозаготовки. Для них лес — всего лишь источник древесины. Будет ужасно жаль, если и эти места загубят. Посмотрите, какая здесь энергия!

— А вы ее видите? — спросил я.

Он пристально посмотрел на меня, решая, стоит ли разговаривать со мной об этом.

— Да, вижу, — сказал он наконец,

— А у меня никак не получается, — пожаловался я. — Я пробовал вчера, когда здешние ребята занимались медитацией-на делянке.

— Ну, у меня поначалу тоже не особенно получалось. Пришлось начать с созерцания собственных пальцев.

— Пальцев?

— Пройдемте-ка вон туда, — он показал на более открытое место, где сквозь листву просвечивала небесная синева. — Я вам покажу.

Мы перешли туда, и Фил начал урок,

— Откиньтесь назад и соедините кончики указательных фальцев. Держите руки так, чтобы видеть пальцы на фоне неба. Теперь слегка разведите пальцы и смотрите между ними. Что-нибудь видите?

— Какие-то мурашки в глазах.

— Не обращайте на это внимания. Расфокусируйте взгляд, сведите снова кончики пальцев, потом опять разведите.

Я слушал его и шевелил пальцами, не совсем понимая, что значит расфокусировать взгляд. Рассеянно взглянув на промежуток между кончиками пальцев, я вдруг увидел, что их очертания стали размытыми и от пальца к пальцу тянется Нечто вроде струйки дыма.

— О Боже! — воскликнул я и поторопился рассказать Филу об увиденном.

— Вот-вот, это оно самое, — обрадовался он. — Ну, теперь потренируйтесь немного.

Я стал сводить и разводить пальцы, ладони, запястья. И каждый раз мне удавалось увидеть струйку энергии между ними. Наконец я опустил руки и посмотрел на Фила.

— А, вы хотите на мою энергию взглянуть? — понял он. Он отошел на несколько шагов и встал так, чтобы я видел его на фоне неба. Я стал в него вглядываться, но тут за спиной у Меня послышались шаги, и я отвлекся. Я оглянулся и увидел Сару.

Фил шагнул ей навстречу, широко улыбаясь.

— Ах, вот, значит, кого вы ждали!

Сара тоже улыбалась.

— Привет, я тебя знаю! — сказала она Филу.

Они тепло обнялись. Сара повернулась ко мне.

— Извините, что запоздала. Внутренний будильник почему-то сегодня не сработал. Только, кажется, я знаю почему — чтобы вы с Филом смогли познакомиться и пообщаться. Чем занимались?

— Он научился видеть энергетическое поле между пальцами, — доложил Фил.

Сара посмотрела на меня с одобрением.

— В прошлом году мы с Филом учились тому же на этом самом месте. Фил, давай-ка станем спиной друг к другу, может, он увидит поле между нами.

Они встали спина к спине. Я попросил их подойти поближе ко мне. Они понемногу придвигались, пока между нами не осталось и двух шагов. На глубокой синеве неба, которое еще не успело посветлеть в этом направлении, четко выделялись их фигуры, а между ними, к моему удивлению, воздух засветился нежным желтовато-розовым мерцанием.

— Он видит! — воскликнул Фил, поняв все по выражению моего лица.

Сара, взяв Фила за руку, отвела его от меня на пару шагов подальше. Их головы и плечи окутало явственно видимое бело-розовое энергетическое поле.

— Прекрасно! — Сара была очень серьезна. Она подошла ко мне и присела на корточки рядом. — А теперь посмотрите, какая красота вокруг.

И тут я испытал настоящее потрясение. На меня нахлынули цвета и формы окружающих растений. Каждый из гигантских дубов воспринимался мною целиком и во всех подробностях, я видел неповторимую форму каждой ветви. Переводя взгляд от одного дерева к другому, я впитывал их глазами, и мне казалось, что я вижу их в первый раз, впервые ощущаю их присутствие.

Потом мое внимание привлек пышный подлесок с его яркой тропической зеленью, И снова я видел все вместе и каждое растение в отдельности, в его неповторимой индивидуальности. Я заметил, что растения определенных видов тянутся друг к другу, образуя маленькие сообщества, — например, вокруг высоких пальмовидных растений, похожих на бананы, собирались небольшие филодендроны, под которыми, в свою очередь, селились низкие, но пышные папоротники. И ни одна форма листа, ни один изгиб ветви не повторялись.

Мне бросилось в глаза растущее в трех тагах от меня листопадное растение. Это был пестролистый филодендрон, я держал такие дома, но впервые видел такой совершенный, пышущий здоровьем и жизненной силой, так широко раскинувший ярко-зеленые листья экземпляр.

— Ну-ка, сосредоточьтесь на нем, — велела Сара. — Только не напрягайтесь.

Глядя на филодендрон, я экспериментировал с тем, что Фил назвал фокусировкой взгляда. Когда я попробовал сосредоточиться на пространстве в пределах пятнадцати

сантиметров от листьев, я понемногу стал различать мерцающий свет — и вдруг, удачно направив взгляд, я разом увидел молочно-белый светящийся ореол, окутывающий все растение.

— Вот теперь я что-то вижу, — объявил я.

— А теперь посмотрите вокруг, — предложила Сара.

Я шагнул назад и остолбенел. Абсолютно каждое растение окружено светлым ореолом, ясно видимым, но совершенно прозрачным, не мешающим смотреть. Эти ореолы только усиливали ощущение неповторимой красоты каждого, дерева, травинки.

Получалась такая лестница восприятия: сначала я просто видел растения. Потом я ощутил живое присутствие и неповторимость каждого. А когда я приблизился к восприятию красоты их физического облика, мне оставался только шаг до того, чтобы увидеть энергетические поля.

— Попробуйте посмотреть сюда, — сказала Сара.

Она села на землю между мной и филодендроном лицом растению. Светящееся белое облачко, окружающее ее, подалось вперед и окутало филодендрон. Собственное поле при этом заметно расширилось.

— Ну и ну! — воскликнул я. Мои друзья рассмеялись. Через минуту я и сам хохотал. Я отчетливо понимал необычайность происходящего, но чувствовал себя легко и свободно — а ведь я только что видел воочию вещи, в реальность которых не верил еще полчаса назад. Как ни странно, зрелище энергетических полей не превращало окружающее в фантасмагорию, а, наоборот, усиливало ощущение прочной реальности.

Но в то же время все вокруг преобразилось, Я мог сравнить это только с кинофильмом, где, показывая лес, усиливают насыщенность и контрастность цвета, чтобы создать впечатление таинственности. Стволы, зелень, небо казались ярче, рельефнее, слегка подрагивали — все казалось живым и даже обладающим сознанием, противореча обыденным представлениям. Я знал, что больше никогда не смогу скользить по лесу равнодушным взглядом.

Я посмотрел на Фила.

— Попробуйте теперь вы присесть и направить свою энергию на этот филодендрон, — попросил я. — Хочу сравнить. Моя просьба его смутила.

— У меня не получится, — сказал он. — Сам не знаю почему.

— Это не у всех получается, — вставила Сара. — Мы еще не все понимаем. Марджори отбирает из своих студентов тех, кто на это способен. Наши психологи пытаются как-то связать эту способность со свойствами характера, но пока безуспешно.

— А ну-ка я попробую! — решился я.

— Валяйте! — согласилась Сара.

Я сел лицом к филодендрону. Сара и Фил стояли по обе стороны от меня.

— С чего начинать?

— Просто нацельте свое внимание на растение и попытайтесь наполнить его своей энергией — словно надуваете воздушный шарик.

Я уставился па филодендрон, представляя себе, как внутри его расширяется облако энергии. Через несколько минут я поднял глаза к своим друзьям,

— Как ни жаль, — сказала Сара с усмешкой, — вы, очевидно, не принадлежите к избранным.

Я поглядел на Фила с шутливым отчаянием.

Тут до нас долетели негодующие восклицания снизу, от тропинки, и наш разговор прервался. Из-за деревьев мы видели, как мимо прошло несколько человек, сердито переговариваясь.

— Кто это такие? — спросил Фил.

— Понятия не имею, — ответила Сара. — Видимо, очередные наши критики.

Теперь лес казался мне совершенно обыкновенным. Я пугался.

— Послушайте, я больше не вижу полей! — воскликнул я.

— Вас, видимо, приводит в уныние человеческая злоба, верно?— заметила Сара Фил с улыбкой потрепал меня по плечу.

— Не расстраивайтесь, увидите, когда захотите. Это все равно, что научиться ездить на велосипеде, — уже не разучиться. Начните с созерцания красоты, и все вернется.

И тут я вспомнил о времени. Солнце уже поднялось высоко, и легкий утренний ветерок раскачивал верхушки деревьев. Я взглянул на часы. Без десяти восемь.

— Мне, пожалуй, пора.

Сара и Фил решили меня проводить. Когда мы вышли на дорожку, я оглянулся на поросший лесом склон холма.

— Чудесное место! — сказал я. — Жаль, что в Штатах та-х больше не осталось.

— Когда вы научитесь видеть энергию повсюду, — ответил , — вы поймете, сколько жизни и движения в этом лесу. ть хоть эти дубы. Их почти не осталось в Перу, а здесь, в исьенте, они растут. В промышленном лесу — особенно , гонясь за выгодой, вырубают лиственные породы, остав-одни сосны, — уровень энергии очень низок А в городах Ш вообще совсем другая, если не говорить о людях. Я пробовал созерцать растения по сторонам дороги, но ходу это делать не удавалось, внимание рассеивалось.

— А вы уверены, что я снова смогу видеть поля? — спросил я.

— Совершенно уверена, — ответила Сара. — Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь, уже обнаруживший эту способность, потом ее лишился. У нас тут побывал один офтальмолог. Он пришел в полный восторг, когда увидел поля в первый раз. Оказалось, что он занимался аномалиями зрения, в том числе некоторыми видами дальтонизма, и пришел к выводу, что у некоторых людей глазные рецепторы слишком, как он это называл, “ленивые”. Ему удавалось научить своих пациентов видеть цвета, которых они до того не воспринимали. Он считал, что для того, чтобы видеть энергию, нужно фактически сделать то же самое — расшевелить спящие рецепторы. Теоретически это доступно всем.

— Хотел бы я жить поблизости от такого места! — вздохнул я.

— Кто бы не хотел! — отозвался Фил. — Сара, а Хейнс еще здесь?

— Здесь, — ответила Сара. — Куда же он от нас денется!

Фил повернулся ко мне.

— Вот, между прочим, кто проводит интереснейшие опыты с энергией. Оказывается, она может произвести на человека удивительное действие.

— Я знаю, — сказал я, — я с ним вчера разговаривал.

— Когда я тут был в прошлый раз, — продолжал Фил, — он мне рассказывал, что задумал серию опытов, чтобы узнать, как действует на человека простое пребывание в месте с сильным энергетическим зарядом, например, в этом лесу. Он собирался применить свою прежнюю методику оценки жизнедеятельности органов по анализам крови.

— А я и так знаю, каким окажется это действие, — вставила Сара. — Как только я приезжаю в Висьенте, сразу начинаю лучите себя чувствовать. Все способности обостряются. Прибывает сил, думать начинаю яснее и быстрее. И потрясающе обостряется интуиция, а это так важно для. моих физических исследований.

— А над чем вы работаете? — спросил я.

— Помните, я вам рассказывала о поразительных явлениях микрофизики, когда элементарные частицы оказываются именно там, где их ожидает увидеть экспериментатор?

— Помню, конечно.

— Ну вот, а я поставила серию опытов при более общей постановке вопроса. Меня в данном случае интересует не решение чисто физических задач, которыми занимаются мои коллеги-атомщики, а проблема, о которой я вам уже говорила: в какой степени физический мир как целое — мир, первоосновой которого является все та же энергия, — способен откликаться на наши ожидания? Другими словами: в какой степени наши ожидания формируют окружающую нас действительность?

— Вы имеете в виду значащие совпадения?

— Да! Переберите-ка события собственной жизни. В нашем обществе господствует ньютоновский принцип — все совпадения, не обусловленные причинно-следственной связью, чисто случайны. Можно быть готовым к случайностям и принимать разумные решения, но связи между случайными событиями и нашими чувствами и мыслями никакой нет. Но открытия, сделанные в физике за последние годы, дают нам основание спросить себя: а не является ли Вселенная более живой и сложной, чем мы считаем? Возможно, что механистический взгляд на связь событий — только первое и грубое приближение, а существует еще тонкое реагирование на проявления нашей ментальной энергии? Что, собственно, тут невозможного? Если мы можем заставить растения быстрее расти, почему мы не можем ускорять ход других событий? Или, наоборот, замедлять, если нужно?

— А Рукопись что-нибудь говорит об этом?

Сара улыбнулась.

— А как же! Все наши идеи оттуда.

Она на ходу порылась в рюкзаке и извлекла оттуда стопку бумаги.

— Вот, я сделала для вас копию.

Мельком взглянув на бумаги, я сунул их в карман. Мы шли через мост, и я на минуту задержался, разглядывая буйную зелень. Правильно сфокусировав взгляд, я немедленно увидел энергетические поля, окутывающие все вокруг меня. У Сары и Фила они светились зеленовато-желтым светом, хотя в Сарином поле время от времени появлялись нежно-розовые вспышки.

Внезапно оба они остановились, настороженно глядя перед собой. Впереди показался мужчина, размашисто шагающий в нашу сторону. Несмотря на охватившую меня непонятную тревогу, я старался удержать восприятие энергии. Когда он подошел поближе, я его узнал: это был один из представителей Перуанского университета — тот из троих, что был повыше, — которые вчера искали опытные делянки. Его поле было окрашено в багровые тона.

Подойдя к нам, он высокомерно обратился к Саре:

— Вы, как я понимаю, тоже имеете отношение к науке?

— Да, — коротко ответила она,

— Тогда как вы терпите эти, с позволения сказать, исследования? Был я на этих делянках — поразительно неряшливые опыты! Все пущено на самотек. Некоторые растения действительно крупнее других, но это может объясняться десятком причин. А у вас только одна контрольная группа!

— Нам этого пока хватает, ведь мы изучаем только общие тенденции, — ответила Сара. Я заметил, что она старается сдерживаться, но голос ее подрагивал от скрытого раздражения.

— Вы постулируете наличие какой-то якобы визуально наблюдаемой энергии, лежащей в основе биохимических процессов — экая чушь! У вас нет доказательств.

— Мы их ищем.

— Как же можно говорить о существовании чего бы то ни было, не имея доказательств! Это ненаучно!

Оба были уже порядком рассержены. Я, однако, слушал их вполуха — мое внимание было занято изменениями в энергетических полях спорщиков. С началом дискуссии мы с Филом отошли в сторонку, а Сара и ее оппонент стояли лицом к лицу на расстоянии двух шагов друг от друга. И немедленно их поля усилились и завибрировали, а во время спора стали смешиваться, проникая одно в другое. Когда один из противников подавал реплику, его поле втягивало в себя, словно засасывая, поле противника, а когда тот возражал, процесс шел в другую сторону. Создавалось впечатление, что целью спора является захват чужого поля.

—...А кроме того, — говорила Сара, — мы ведь наблюдали явления, которые исследуем!

— Значит, вы не только никудышные ученые, а еще и ненормальные вдобавок!

И, окинув Сару презрительным взглядом, он пошел прочь,

— А вы просто динозавр! — крикнула Сара ему вслед. Мы с Филом рассмеялись, но Сара разъярилась не на шутку.

— Не выношу подобных людей! — воскликнула она, когда мы пошли дальше.

— Остынь! — сказал Фил. — Такие люди были и будут, ничего не поделаешь.

— Но почему их так много! — не унималась она. — Почему они на каждом шагу!

Мы подошли к дому. Билл уже стоял подле джипа. Дверцы машины были распахнуты, на капоте разложены инструмен-Билл сразу заметил меня и замахал мне рукой, подзывая.

— Ну что же, мне пора! — сказал я своим спутникам. Это были первые слова, произнесенные после десятиминутного молчания, которое воцарилось после того, как я пытался описать то, что видел во время спора. Видимо, мне это плохо удалось, потому что Сара и Фил ответили мне непонимающими взглядами и погрузились в собственные мысли.

— Рада была с вами познакомиться, — сказала Сара, протянув руку. Фил смотрел на джип.

— Это кто там, не Уилсон ли Джеймс? — спросил он. — с ним вы едете?

— Да, а что?

— Просто спрашиваю. Я его и раньше видел. Он друг здешнего владельца и одним из первых заговорил об энергетических полях.

— Пойдемте, я вас познакомлю, — предложил я.

— Да нет, мне уже пора. Мы, конечно, еще увидимся. Вас обязательно потянет вернуться сюда.

— Не сомневаюсь!

Сара тоже заторопилась идти. Если она мне понадобится, сказала она, всегда можно будет ей написать на адрес поместья. Я еще раз поблагодарил обоих за полученные уроки. На прощание Сара очень серьезно сказала:

— Способность видеть энергию — и, следовательно, по-новому воспринимать окружающее — передается от человекра к человеку подобно инфекции. Мы не понимаем, как это происходит, но тот, кто общается с видящими, и сам, как правило, начинает видеть. Поэтому постарайтесь обучить этому других.

Я кивнул и поспешил к джипу. Билл встретил меня улыбкой.

— Ну как, вы готовы? — спросил я.

— Самая малость осталась. Как провели утро?

— Было очень интересно. Я многое хочу обсудить с вами.

— Только не сейчас, — ответил он. — Надо уносить отсюда ноги. Дела обстоят не лучшим образом. Я подошел ближе.

— Случилось что-нибудь?

— Да нет, пока ничего страшного. Я потом расскажу. Идите за вещами.

Я поднялся на третий этаж и взял из своей комнаты то немногое, что у меня с собой было. Билл говорил, что мы — личные гости хозяина и платы с нас не возьмут, поэтому я просто вернул на пост ключ и направился к джипу.

Билл, ковыряющийся в двигателе, захлопнул при моем приближении крышку капота.

— Ну вот и все, — сказал он. — Поехали!

Мы вырулили со стоянки и покатили по гравию к главным воротам усадьбы. Вслед за нами отъехало еще несколько машин.

— Что же все-таки случилось? — спросил я.

— Это все местные чиновники! — ответил он. — Да еще каше-то шишки из научных кругов. Накатали жалобу на здешних исследователей. Прямых обвинений в нарушении закона нет, но они утверждают, что здесь толчется нежелательная, как они выражаются, публика, шарлатаны от науки. Это может сильно повредить исследованиям. Не исключено, что усадьбу вообще прикроют.

Я смотрел, ничего не понимая. Он продолжал:

— Видите ли, тут ведь много ученых собирается, и только малая часть имеет отношение к Рукописи. Остальные занимаются своим, сюда их привлекает просто приятная обстановка. А если власти начнут совать сюда нос, никто не захочет приезжать.

— Но вы же говорили, что Висьенте — источник валютных поступлений и властям это выгодно, поэтому они не вмешиваются.

— Так оно и было. А теперь не знаю — очень уж они задергались из-за Рукописи. Кому-то она здорово мешает. На делянках что-нибудь заметили?

— Нет, просто там немного удивляются, что вдруг появилось сразу столько злобных критиков.

Билл замолчал. Мы выехали из ворот усадьбы и повернули к юго-востоку. Проехав около мили, мы свернули на другую дорогу, ведущую прямиком на восток, к далеким горам.

— Сейчас будем проезжать мимо опытных делянок, — сообщил Билл.

Показался первый из знакомых металлических сараев. Когда мы поравнялись с ним, дверь его открылась и в выходящей женщине я узнал Марджори. Наши глаза встретились, она улыбнулась. Мы с ней смотрели друг на друга, пока джип не проехал.

— Кто это? — спросил Билл.

— Мы с ней вчера познакомились, — ответил я, слегка смутившись.

Билл кивнул и заговорил о другом.

— Ну как, вы познакомились с Третьим откровением?

— У меня даже есть экземпляр, — похвастался я.

На это он ничего не ответил и погрузился в свои мысли. перевод и нашел место, на котором остановил-говорилось, что ощущение прекрасного является для людей ключом к созерцанию энергетических полей. А после этого наше восприятие материального мира полностью преображается, изменяя и образ жизни.

Например, мы начинаем предпочитать “живые”, насыщенные энергией продукты. Мы начинаем отличать богатые энергией местности — те, где природа сохранилась нетронутой, особенно леса. Мне осталось всего несколько страниц, когда Билл неожиданно заговорил.

— Расскажите, что вы видели на участках.

Я пересказал ему все, что произошло за эти два дня, стараясь припомнить все подробности. Описал всех своих новых знакомых. Когда я описывал встречу с Марджори, он заулыбался.

—А о других откровениях не заходил разговор? — спросил он, когда я кончил свой рассказ. — И о том, как опыты на участках связаны с Первым и Вторым откровениями?

— Нет, я вообще о них ничего не говорил. Сначала я помалкивал из осторожности, а потом решил, что уж эти-то люди наверняка знают больше меня.

— Мне кажется, если бы вы не осторожничали, вы бы могли сообщить им нечто очень важное.

— Я? Важное? Но что же?

— Вам лучше знать. — И он тепло улыбнулся.

Не зная, что сказать, я повернулся к окну. С приближением гор местность становилась более каменистой. По обеим сторонам дороги возвышались гранитные валуны.

— А как вы думаете, почему нам встретилась Марджори, когда мы проезжали мимо участков?

Я уже открыл рот, чтобы ответить: “Это простое совпадение”, но осекся и сказал:

— Не знаю. А вы как думаете?

— Я думаю, что бессмысленных случайностей не бывает. По-моему это значит, что вы не успели что-то сказать друг другу.

Я и обрадовался, и огорчился. Меня всю жизнь упрекали в излишней замкнутости, скованности. Разговаривая с людьми, я интересовался их мнением, но слишком часто умалчивал о собственном. И вот теперь слова Билла снова заставили меня пожалеть о своей скованности.

Я заметил к тому же, что с отъездом из Висьенте мое настроение изменилось. Там я чувствовал отвагу и уверенность в своих силах, а теперь ко мне вернулось мое прежнее уныние и беспокойство.

— Вы меня огорчили, — пожаловался я. Билл засмеялся.

— Дело не во мне, — сказал он, — это на вас действует расставание с усадьбой. Там вы испытывали подъем благодаря высокой энергетике этого места. Не зря же люди туда стремятся. Все эти ученые — они даже не понимают, почему их так тянет туда. — Он заглянул мне в глаза. — Но мы-то с вами понимаем, в чем дело, верно?

Он посмотрел на дорогу и снова заботливо взглянул на меня.

— Уезжая из такого места, надо хорошенько зарядиться энергией.

Я ответил ему недоумевающим взглядом. Он ободряюще улыбнулся. Какое-то время мы молчали, потом он попросил:

— Расскажите еще об участках.

Я продолжал свой рассказ. Когда я дошел до того, как смог наконец увидеть энергию, Билл явно удивился, по промолчал.

— А вы видите поле?

— Вижу, — коротко ответил он. — Рассказывайте дальше. Он слушал не перебивая, пока я не дошел до Сариной •стычки с перуанским ученым. Я описал, как менялись их поля во время спора.

— А что Сара и Фил говорят об этом? — спросил он.

— Ничего. Они как будто даже не поняли, о чем я толкую.

— Думаю, дело в том, что они полностью захвачены Третьим откровением и пока остановились на нем, а схватки за энергию — это содержание Четвертого откровения.

— Схватки за энергию? — удивился я. Он молча улыбнулся и кивнул на бумаги, лежащие у меня коленях..

Я нашел место, на котором остановился, и стал читать далыше. А дальше как раз и излагалось Четвертое откровение. Там говорилось, что люди научатся видеть мир таким, каков он есть — состоящим из динамической энергии, которая является источником наших сил и реагирует на наши ожидания и надежды. Мы поймем также, что сами отсоединили себя от главных источников этой энергии, и именно поэтому так слабы, не уверены в себе и беспокойны.

А поскольку каждый из нас бессознательно ощущает недостаток энергии, мы пытаемся его восполнить. Но умеем мы это делать единственным способом: похищать чужую энергию. Подспудная основа всех человеческих конфликтов — это схватка из-за энергии.

4 - БИТВА ЗА ВЛАСТЬ

Джип тряхнуло на выбоине проселочной дороги, я проснулся и посмотрел на часы. Было три часа дня. Я как следует потянулся, чтобы проснуться окончательно, и у меня заломило в пояснице.

Дорога вымотала все силы. Весь вчерашний день мы ехали не останавливаясь и часто меняли направление, словно Билл искал какого-то знака или приметы, которая указала бы путь. Ночь мы провели в маленькой гостинице, где постели оказались жесткими, с какими-то комками в матрасах, и я почти не сомкнул глаз. И теперь, когда второй день путешествия оказался ничуть не лучше, я готов был возроптать.

Я взглянул на Билла. Все его внимание было устремлено на дорогу, смотрел он сурово, и я решил его не отвлекать. Он был настроен столь же серьезно, как и несколько часов назад, когда вдруг остановил машину и сказал, что у него есть ко мне разговор.

— Помните, я говорил, что откровения надо усваивать постепенно, одно за другим? — начал он.

- Конечно!

— И вы верите, что каждое само явит себя в свой срок?

— Во всяком случае, до сих пор так оно и было, — весело, почти легкомысленно ответил я. Но Билл глядел очень серьезно.

— Третье откровение далось вам очень легко — чтобы получить его, оказалось достаточно явиться в Висьенте. А вот дальше дело может оказаться намного сложнее.

Он помолчал.

— Я думаю, что нам надо ехать на юг, в одну деревушку поблизости от Килабамбы. Она называется Кула. Там тоже растет девственный лес, в котором вам наверняка стоит побывать. А теперь самое главное. Вам придется — и это, имейте в виду, для вас жизненно важно — все время быть настороже. Совпадения будут происходить постоянно, и ваша задача — не пропускать их. Вам понятно, о чем я?

Я ответил, что, по-моему, понимаю его и постараюсь запомнить его слова. Мы поехали дальше молча, и меня одолел глубокий сон, о чем я сейчас весьма жалел, потому что поясницу ломило нестерпимо — видимо, я спал в неудобном положении. Я снова потянулся, и Билл искоса глянул на меня.

— Где мы? —- спросил я.

— Снова в Андах.

Вместо прежней холмистой равнины нас окружали горные кряжи, разделенные долинами. Растительность была довольно скудная, деревья чахлые. Сделав глубокий вздох, я заметил, что воздух тут разреженный и холодный.

— Вот, наденьте-ка куртку. — Билл достал из дорожной сумки коричневую хлопчатобумажную штормовку — Ближе к вечеру будет совсем холодно.

Впереди, за поворотом, нашу дорогу пересекала другая, поуже. На перекрестке расположились заправочная станция и скромный магазинчик с белыми стенами. В сторонке стоял автомобиль с поднятым капотом, на крыле его была расстелена тряпица с инструментами. Мы как раз проезжали мимо магазина, когда оттуда вышел человек, бросивший беглый взгляд на нашу машину Он был светловолосый и круглолицый, в очках с массивной темной оправой. Я присмотрелся к нему и в голове у меня всплыли воспоминания пятилетней давности.

— Знаете, — сказал я Биллу — этот человек ужасно напоминает мне одного старого друга. Хотя это, конечно, не он. Просто я его пять лет не вспоминал, а тут вспомнил. Мы работали когда-то вместе.

Я заметил, что Билл пытливо смотрит на меня.

— Я же говорил, что надо быть настороже. Давайте-ка вернемся. Может быть, этому парию не помешает наша помощь. Он вроде бы не местный.

Проехав чуть подальше, мы нашли место, где можно было развернуться, и вернулись к перекрестку. Очкарик возился с двигателем. Билл подъехал поближе и высунул голову из окна.

— Вам помочь?

Незнакомец поправил сползшие на кончик носа очки. Точно так же, тыльной стороной ладони, поправлял свои окуляры мой давний друг.

— Видите ли, — был ответ, — я где-то потерял водяной насос, и это создает неудобства.

Он был невысок и худощав, лет сорока на вид. Его английские фразы были построены слишком тщательно, и говорил он с французским акцентом.

Билл немедленно вылез из машины и приступил к знакомству. Улыбка и рукопожатие блондина тоже показались мне очень знакомыми. Его звали Крис Рено.

— Судя по вашей речи, вы, должно быть, француз, — заметил я.

— Так и есть, — ответил он. — Я работаю в Бразилии, преподаю психологию. А сюда, в Перу, я приехал в поисках информации об одном старинном документе, который тут был обнаружен. Это некая Рукопись.

Я немного поколебался — можно ли ему довериться? — но все же решился.

— Мы тоже здесь из-за нее.

На его лице отразился неподдельный интерес.

— Что же вы о ней знаете? Список у вас есть?

Тут из магазина вышел Билл, хлопнув стеклянной дверью,

— Нам, считай, повезло, — сообщил он. — Хозяин предоставляет место для палаток. Горячая еда тоже есть. Вполне можем тут переночевать. — Он повернулся к Рено и вопросительно посмотрел на него. — Если вы, конечно, не возражаете против нашего общества.

— Конечно, конечно, — заверил тот, — я очень рад. Новый насос доставят только завтра.

Тут они погрузились в обсуждение технических характеристик и достоинств внедорожника, принадлежащего Рено. Я тем временем, прислонясь к джипу, грелся на солнышке, погрузившись в приятные воспоминания о старом друге, которого мне напоминал новый знакомый. Друг этот был остроглазый и любознательный — каким и француз мне показался — и большой любитель чтения. Он всегда был готов обсудить какую-нибудь новую теорию. Только вот подробностей наших разговоров я за давностью времени припомнить не мог.

Билл хлопнул меня по спине.

— Ну, пошли разбивать лагерь!

— Иду, иду! — рассеянно отозвался я. Он вытащил через заднюю дверь палатку и спальные мешки и сунул их мне, а сам захватил брезентовый мешок с теплой одеждой. Рено запирал свою машину Мы обошли магазин и стали спускаться по каменным ступенькам. Справа был крутой каменный обрыв, а налево вела узенькая тропинка. Пройдя немного по ней, мы услышали шум горного водопада. Было прохладно и пахло мятой.

Мы вышли на ровный участок с небольшим озерцом. Кто-то уже расчистил место для палатки, выложил из плоских камней основание для костра и даже сложил у ближайшего дерева небольшую поленницу

— Отлично! — обрадовался Билл и начал раскидывать большую четырехместную палатку Поправее стал устраиваться Рено со своей палаткой, поменьше.

— Вы с Биллом научные работники? — поинтересовался Рено. Билл к этому времени закончил ставить палатку и пошел узнать насчет обеда.

— Уилсон работает проводником. А я в данное время вообще не имею определенных занятий.

Рено захлопал глазами.

Я улыбнулся и спросил:

— Вы уже успели ознакомиться с Рукописью, хотя бы частично?

— Я знаю Первое и Второе откровения, — тихонько сказал он, подходя поближе. — И знаете, что я вам скажу? То, что говорится в Рукописи, — чистая правда. Мы действительно начинаем видеть мир по-другому. Будучи психологом, я это ясно вижу.

— Что же именно вы видите? Он перевел дыхание.

— Моя специальность — межличностные конфликты. Я стараюсь понять, почему в человеческих отношениях столько насилия и агрессии. Давно известно, что агрессия порождается стремлением к господству над людьми, желанием подчинить их своей воле, но только в последнее время мы, конфликтологи, стали изучать это явление изнутри, с точки зрения индивидуальной психики. Мы спросили себя: откуда же возникает в человеке эта страсть к господству над другими, что ее порождает? И вот что выяснилось. Предположим, один человек подходит к другому и вступает с ним в разговор. Это случается каждый день, миллиарды раз, во всем мире. И оказывается, что, в зависимости от того, как протекает общение, человек этот к концу разговора будет чувствовать себя либо набравшимся сил, либо, наоборот, ослабевшим.

По выражению моего лица он догадался, что я ничего не понял, и смутился, решив, что мне неинтересна длинная лекция на столь специальную тему. Но я попросил его продолжать.

— Именно поэтому, — стал он объяснять дальше, — нам так важно обернуть каждый разговор к своему возвышению над собеседником. Независимо от содержания беседы, мы

стремимся одержать в ней верх, навязать свою точку зрения. Если это удается, мы чувствуем, что одержали психологическую победу.

Следовательно, из каждого акта общения люди стремятся извлечь выгоду — я имею в виду не материальную выгоду, а психологическую. Именно в этом и заключается причина такого множества конфликтов, совершенно неоправданных с точки зрения здравого смысла, — и не только в индивидуальном общении, но и в международных отношениях.

Специалисты в области психологии общения считают, что как раз сейчас все более широкий крут людей начинает это понимать. А если человек осознает свое подспудное стремление навязывать всем подряд свою волю, он может переосмыслить свое поведение. Думаю, что в этом переосмыслении и состоит преображение общественного сознания, о котором говорится в Рукописи.

Наш разговор прервал подошедший Билл.

— Там уже накрывают на стол, — объявил он. Мы поспешили к дому. На первом этаже находились жилые комнаты хозяев. Миновав гостиную, мы прошли в столовую. На столе уже стояли тарелки с тушеным мясом, картошкой и салатом.

— Прошу садиться, — приговаривал по-английски хозяин, суетясь вокруг стола. Тут же находилась средних лет женщина — видимо, его жена, — и девочка лет пятнадцати.

Садясь за стол, Билл нечаянно смахнул вилку, и она с шумом свалилась на пол. Хозяин бросил быстрый взгляд на жену, а та, в свою очередь, сердито прикрикнула на девочку — видимо потому, что та не бросилась сразу же за чистой вилкой. Девочка поспешила в соседнюю комнату, принесла вилку робко протянула ее Биллу. Ее рука дрожала, сама она сутулилась. Я переглянулся с Рено.

— Приятного аппетита, — сказал хозяин, ставя передо мной тарелку.

За обедом Билл толковал с Рено о превратностях академической жизни, сложности преподавания и проблемах с публикациями. Хозяин удалился, но его жена осталась стоять на пороге.

Когда пришло время десерта и они с девочкой подавали каждому из нас по тарелке с куском пирога, девочка задела локтем мой стакан и вода выплеснулась на стол. Женщина свирепо накинулась на нее, громко крича по-испански, и толкнула ее от стола.

— Ах, извините, извините!— приговаривала она, вытирая воду. — Эта девчонка такая неуклюжая!

Девочка, вспыхнув от ярости, швырнула в мать остатками пирога. Она, к счастью, промахнулась, и ошметки пирога и осколки разбившейся тарелки усеяли стол. В эту минуту вошел хозяин.

Он рявкнул, и девочка выбежала из комнаты.

— Извините! — произнес он, подбегая к столу.

— Ничего! — поспешил я ответить. — Не ругайте слишком вашу дочку.

Билл уже встал. Мы расплатились и поспешили уйти. Не проронивший до этого ни слова Рено заговорил, когда мы шли по ступенькам к своим палаткам.

— Вы рассмотрели эту девочку? — спросил он у меня. — Вот вам классический пример психологической агрессии. Вот к чему приводит стремление подавлять и господствовать. Родители полностью подчинили себе девочку. Поэтому она такая нервная, поэтому и горбится.

— Да, — ответил я. — Но, кажется, у нее кончилось терпение.

— Вот именно. Родители все время понукают и пилят ее, а она не знает других способов самозащиты, кроме вспышек ярости. Только эти вспышки и позволяют ей ощутить, что она — не пустое место. К сожалению, когда она вырастет, она будет обращаться со всеми, кто от нее зависит, и в первую очередь со своими детьми, так же, как обращались с ней самой. Она будет думать, что для людей естественно подавлять друг друга. Детские травмы оставляют неизгладимый след.

Я уверен, что и ее родители в детстве испытывали такое же обращение. Они придираются к дочери, потому что их собственные родители в свое время придирались к ним. Вот так-то и передастся от поколения к поколению механизм психологической агрессии.

Рено внезапно остановился.

— Я забыл спальный мешок в машине, — сказал он. — Сейчас вернусь.

Я кивнул, и мы с Биллом пошли дальше, к палаткам.

— Вы много разговариваете с Рено, — заметил он.

—Да.

Билл улыбнулся.

— Вот только говорит-то по большей части он. Вы слушаете, задаете вопросы. А вам самому что же, нечего рассказать?

— Просто мне интересно было послушать его. — Снова мне приходилось оправдываться из-за своей скованности! Билл продолжал, не реагируя на мой тон:

— Вы обратили внимание на энергообмен между членами этого семейства? Отец с матерью буквально высасывали энергию из ребенка. Девочка истощена до полусмерти.

— Я и забыл следить за их полями, — признался я.

— А как вы думаете, Рено интересно было бы это увидеть? И что вы, кстати, думаете о нашей с ним встрече?

— Да ничего особенного не думаю.

— А вам не кажется, что в ней есть значение и смысл? Вспомните: мы едем по дороге, вы замечаете человека, который напоминает кого-то из ваших старых друзей, и когда мы завязываем с ним знакомство, оказывается, что он тоже интересуется Рукописью. Как, по-вашему, похоже это на простую случайность?

— Думаю, нет.

— Не исключено, что он встретился вам, чтобы сообщить нечто такое, из-за чего вам придется пробыть в этой стране подольше. И думаю, у вас есть что рассказать ему взамен.

— Может, и так. А что, по-вашему, я ему должен рассказать?

Билл посмотрел на меня со своим обычным выражением заботливого участия.

— Правду, — коротко ответил он.

Прежде чем я успел что-то сказать, на тропинке появился Рено и устремился к нам.

— Я прихватил с собой фонарик — вдруг понадобится, — объявил он**.**

Только сейчас до меня дошло, что вечер уже наступил. Я поднял глаза. Солнце уже село, но вся западная сторона неба полыхала алым огнем, а немногочисленные облачка отсвечивали темным багрянцем. Мне показалось, что я вижу белое свечение вокруг ближних растений, но это длилось всего мгновение.

— Красивый закат! — заметил я.

Билл скрылся в палатке. Рено извлекал из чехла свой спальник.

— Да, очень, — рассеянно ответил он, не поднимая головы.

Я подошел к нему. Он поднял ко мне глаза.

— А я ведь так и не спросил вас — какие откровения усвоили вы?

— Первые два я узнал с чужих слов. Потом мы двое суток пробыли в усадьбе Висьенте, я познакомился с тамошними исследователями, и мне дали перевод Третьего. Оно просто поразительно!

У него загорелись глаза.

— И этот перевод у вас с собой!

— Да. Хотите почитать?

Он радостно схватил бумаги и немедленно отправился в свою палатку их читать. При помощи нескольких спичек и обрывка старой газеты я разжег костерок. Когда он весело запылал, Билл вылез из палатки.

— А Рено где? — спросил он.

— Читает перевод, который мне Сара дала.

Билл удобно уселся на толстое ошкуренное бревно, которое кто-то заботливо положил недалеко от костра. Я присоединился к нему Уже совсем стемнело, и видны были смутные очертания деревьев слева от нас, неяркие огни автозаправки за спиной да слабо светился фонарь в палатке Рено. Лес был наполнен звуками, многие из которых были мне незнакомы.

Через полчаса Рено вышел из палатки с фонариком в руке, Он подошел и сел слева от меня. Билл сладко зевнул.

— Потрясающее откровение! — произнес Рено. — Но неужели кто-нибудь из вас действительно видел энергетические поля?

Я рассказал ему о своих наблюдениях, начиная с прибытия в Висьенте и кончая моментом, когда я впервые разглядел энергию.

Некоторое время он молча переваривал мой рассказ, потом спросил:

— И что же, им действительно удается заставить растения быстрее расти, просто глядя на них?

— И не только быстрее расти, по и становиться более питательными.

— Но все-таки содержание откровения намного шире, — задумчиво произнес он, обращаясь скорее к самому себе. — Третье откровение состоит в том, что вся Вселенная построена из энергии, и мы можем влиять не только на растения, но и на многое другое. Для этого нам надо научиться управлять нашей собственной энергией, той, которая находится в нашем распоряжении. — Он снова замолчал на минуту. — Интересно, как наша энергия влияет на других людей.

Билл с улыбкой взглянул на меня.

— Могу рассказать вам, что я видел, — предложил я. — Я наблюдал, что происходило с полями двоих людей во время спора. Это было поразительно!

Рено поправил сползшие очки.

— Да, пожалуйста, расскажите!

Билл поднялся с бревна.

— Отправлюсь-ка я на боковую! — сказал он, зевая. — Что-то я малость притомился.

Мы пожелали ему доброй ночи, и он ушел в палатку. А я стал как мог рассказывать о стычке Сары с перуанским ученым и о том, как вели себя при этом их поля.

— Подождите, подождите! — воскликнул Рено. — Вы что же, действительно видели, как поле каждого из них пыталось поглотить чужое во время спора?

— Вот именно!

Он задумался.

— Это надо как следует проанализировать. Итак: двое спорят том, кто из них более правильно оценивает некую ситуацию. Каждый желает доказать свою правоту, доказать, что другой неспособен к верным оценкам. Каждый хочет поколебатъ уверенность другого, при этом они доходят до самой настоящей брани. Так, так…

После недолгого размышления он радостно воскликнул:

— Есть! Мне теперь все понятно!

— Что именно? — удивился я.

— Наблюдения за человеческим энергообменом помогут понять, чего мы на самом деле домогаемся, когда спорим, бранимся и нападаем друг на друга. Подчиняя себе кого-то, мы отбираем его энергию. Мы, так сказать, заряжаемся за чужой счет. Это и есть мотив всех конфликтов! Послушайте, мне просто необходимо научиться самому видеть энергию. Где находится это самое Висьенте? Как туда доехать?

Я смог объяснить это только приблизительно, но сказал, что Билл, без сомнения, даст ему точные указания.

— Непременно утром его расспрошу; — решил психолог — А пока что пойду посплю. Завтра отправлюсь в путь как можно раньше.

Попрощавшись, он исчез в своей палатке. Я остался в одиночестве и долго еще смотрел на потрескивающий костер и слушал звуки ночного леса.

Когда я проснулся, Билла в палатке не было, а от костра доносился запах горячей овсянки. Я выбрался из спальника и выглянул наружу. Билл держал над огнем котелок. Рено отсутствовал, и его палатка тоже.

— А сосед наш куда делся? — спросил я, подходя к огню.

— Собрал вещички и ждет у машины. Хочет уехать сразу, как ему доставят насос.

Билл протянул мне миску с кашей, и мы расположились на бревне, чтобы позавтракать.

— Долго вы вчера еще сидели? — спросил Билл.

— Да нет, не очень. Я рассказал ему все, что знаю. На дорожке послышались шаги. Это Рено поспешно спускался к нам.

— У меня все готово, — сказал он. — Пришел проститься.

Мы поговорили несколько минут, и он отправился своей дорогой.

Мы с Биллом по очереди приняли душ и побрились в хозяйской ванной, уложили вещи, заправились и тоже покатили. Наш путь лежал на север.

— Далеко до Кулы? — спросил я.

— Если повезет, доберемся до темноты, — ответил Билл и в свою очередь спросил: — Ну как, вы услышали от этого парня что-нибудь новое для себя?

Я посмотрел на него — он явно хотел какого-то определенного ответа, а я не знал что сказать.

— Да вроде нет, не знаю...

— Но он же что-то объяснял вам?

— Он считает, что люди бессознательно стремятся подчинить себе других, чтобы завладеть их энергией. Энергия накапливается, и мы испытываем подъем сил.

Билл смотрел на дорогу не отрываясь и, казалось, думал о чем-то своем.

— А почему вы спрашиваете? Это что, и есть Четвертое откровение?

Теперь он повернулся ко мне.

— Не совсем еще. Вы видели, как энергия переходит от человека к человеку. Но вряд ли вы представляете себе, что при этом чувствуют те, с кем это происходит.

— Ну так расскажите мне! — воскликнул я, начиная сердиться. — Вы упрекаете меня в том, что я ничего другим не рассказываю, а из вас самого надо каждое слово клещами тянуть! Я с первого дня прошу вас рассказать о том, как вы постигали Рукопись, а вы ничем не желаете со мной поделиться! Вы не отвечаете на мои вопросы! Его это насмешило. Потом он одарил меня дружелюбной улыбкой.

— А ведь мы с вами договорились, забыли уже? Я ведь не ухожу от ответов на ваши вопросы. Одно из откровений учит толковать события своего прошлого. Занимаясь этим, вы поймете, кто вы такой и в чем ваше жизненное назначение. Вот когда мы с вами доберемся до этого откровения, тогда я и расскажу о своем прошлом. Идет?

Я улыбнулся: ничего не скажешь, этот человек умел заинтриговать собеседника.

— Ладно!

И весь остаток утра мы ехали молча. День был ясный. Когда мы поднялись выше в горы, нам случалось нырять в густые облака, улегшиеся прямо на дороге, и после этого на ветровом стекле оставались водяные капли. К полудню мы добрались до перевала, откуда открывался дивной красоты вид на горы и лежащие к востоку долины.

— Как насчет перекусить? — предложил Билл.

Я кивнул. Он потянулся к заднему сиденью, извлек из сумки два аккуратно завернутых бутерброда и протянул мне один.

— Нравится вам этот вид?

— Очень красиво! — искренне восхитился я. Он слегка улыбнулся, продолжая смотреть на меня. Мне пришло в голову, что, возможно, он рассматривает мое энергетическое поле.

— Что вы так на меня смотрите? — спросил я.

— Да так просто. Горные вершины — не простые места, на них можно зарядится энергией очень основательно. А у вас такой вид, словно вы сродни этим горам. Я рассказал

Биллу о горной долине своего деда, о глядящейся в озеро вершинах и о том, как их вид наполнил меня бодростью и жизненной силой в тот день, когда мне позвонила Чарлина.

— Вполне возможно, — задумчиво сказал он, — то, что вы выросли в горах, подготовило вас к этому путешествию.

Я хотел расспросить его о том, как заряжаться в горах энергией, но он продолжал:

— А если в горах к тому же растет девственный лес, энергия еще выше.

— Мы и едем к такому лесу? — спросил я.

— А вы не спрашивайте, вы смотрите. Вы же видите.

Он указал на восток. Я увидел вдали два горных кряжа. Они тянулись параллельно друг другу на несколько миль, а потом сходились, образуя гигантское V. Между ними я рассмотрел небольшой городок. Там, где кряжи сходились, вздымался высокий пик — выше, чем то место, где мы находились. У его подножия зеленели густые заросли.

— Вы про эту зелень?

— Да, — ответил Билл. — Это место похоже на Висьенте, только еще сильнее. Оно действует по-особому.

— Как же?

— Оно помогает усвоить одно из откровений.

— Но как? — повторил я.

Билл завел мотор и съехал на дорогу.

— Спорю, — сказал он, — что вы сами это поймете.

Около часа мы почти не разговаривали. Потом я заснул. Проснулся я оттого, что Билл тряс меня за плечо.

— Пора просыпаться, — сказал он. — Въезжаем в Кулу.

Я выпрямился на сиденье. Перед нами лежала долина, где сходились две дороги, а в ней раскинулся городок. Это был тот самый, который я видел с перевала. По обе стороны долины высились горы. Деревья, растущие на их склонах, напомнили мне дубы из Висьенте. Их листва ярко зеленела.

— Прежде чем мы въедем в город, я хочу кое-что сказать вам, — начал Билл. — Несмотря на высокий уровень энергии, здесь гораздо меньше цивилизации, чем в других районах Перу. Именно здесь можно многое узнать о Рукописи. Правда, когда я был тут в последний раз, тут вертелось слишком много жадных людишек — из тех, что ни энергии не ощущают, ни откровений понять не могут, но очень желают добиться денег и славы, найдя Девятое откровение.

Я посмотрел на городок. Скорее, это была деревня — всего четыре или пять улиц. Две из них, главные, пересекались в центре и были застроены большими каменными домами, Остальные были узенькие — не улицы даже, а переулки, — дома, стоящие на них, тоже можно было назвать скорее хижинами. На пересечении двух главных улиц была небольшая площадь, и там стояло с десяток машин — внедорожники и грузовики.

— Что это тут машины собрались? — спросил я.

— Да просто дальше в горах уже будет негде заправиться и достать припасов.

Мы медленно проехали по улице и остановились перед одним из крупных строений. Там был магазин. Надпись на вывеске была по-испански, ее я прочесть не смог, по, судя по витрине, здесь торговали бакалеей и скобяными изделиями. Подождите меня здесь, — сказал Билл, — а я схожу запасусь кое-чем.

Я кивнул, и он скрылся в дверях магазина, Я стал глядеть в окно. На противоположной стороне улицы остановился подъехавший грузовик. Из него вышло несколько человек. Среди них была темноволосая женщина в простой брезентовой куртке. Каково же было мое изумление, когда я узнал ней Марджори! Вместе с молодым человеком, которому было едва за двадцать, она перешла улицу и остановилась прямо перед моим джипом. Я поскорее выскочил из машины.

— Марджори! — завопил я.

Она недоуменно оглянулась и, заметив меня, улыбнулась.

— Привет! — Она сделала шаг ко мне, но молодой человек схватил ее за плечо,

— Роберт приказал не вступать ни с кем в разговоры, — проговорил он вполголоса, чтобы я не расслышал.

— Все в порядке, — ответила она, — это мой знакомый. Сходи пока в магазин.

Паренек окинул меня недоверчивым взглядом, но послушно повернулся и вошел в магазин. Я начал сбивчиво извиняться за свое поведение на делянке. Она рассмеялась и объявила, что они уже обсудили этот случай с Сарой. Она хотела что-то добавить, но тут из магазина вышел Билл с охапкой свертков в руках.

Я познакомил их, и мы обменивались какими-то словами, пока Билл укладывал купленные припасы на заднее сиденье.

— Есть идея! — сказал Билл. — Почему бы нам не перекусить вместе? Вон там, напротив.

Я поглядел через улицу и увидел закусочную.

— Не возражаю!

— Я, пожалуй, не смогу, — сказала Марджори, — некогда, машина ждет.

— Куда вы едете? — спросил я.

— Недалеко, всего пара миль к западу. Я гощу там на ферме. Там сейчас живут люди, целая группа, которые занимаются Рукописью.

— Мы можем вас подвезти после обеда, — предложил Билл.

— Ну тогда, я думаю, можно.

Билл посмотрел на меня.

— Я забыл еще кое-что купить. Идите пока, заказывайте себе, а я скоро подойду.

И он направился куда-то по улице. Мы с Марджори ждали у края тротуара, пока по улице проезжало несколько грузовиков. Тут из магазина выскочил парень, с которым приехала Марджори, и подбежал к нам.

— Куда это вы собрались? — грозно вопросил он, хватая ее за руку.

— Я же тебе сказала, это мой знакомый. Мы пообедаем, а потом он меня отвезет.

— Послушай, ты же знаешь, что никому здесь нельзя доверять. Роберт будет очень недоволен.

— Не будет.

— А ну-ка пошли со мной!

Я взял его за плечо и отодвинул от Марджори.

— Вы что, не слышали, что девушка говорит? Он послушно отошел, сразу утратив весь свой воинственный задор, и пошагал назад в магазин.

— Пошли! — сказал я.

Мы пересекли улицу и вошли в закусочную. Вся она состояла из одного небольшого зальца столиков на восемь. В воздухе стоял чад и запах жира. Слева от входа обнаружился незанятый столик. Несколько пар глаз внимательно оглядели нас.

Официантка по-английски не понимала, но Марджори знала испанский и сделала заказ для нас обоих, после чего удалилась. Мы сидели и улыбались друг другу.

— Что это за парнишка с вами?

— Это Кении. Не знаю, что на него нашло. Спасибо, вы меня просто выручили.

При этих словах она посмотрела мне в глаза, и я почувствовал себя на седьмом небе,

— А что это вообще за люди? Откуда вы их знаете?

— Это все Роберт. Роберт Дженсен, археолог, он собрал несколько человек, они изучают Рукопись и ищут Девятое откровение. Он приезжал в Висьенте месяца полтора назад, и на днях тоже. Я... видите ли...

— Да?

— Понимаете, там, в Висьенте был один человек... Наши отношения меня тяготили. Потом я встретила Роберта, он был так мил. И меня очень интересовало то, чем он занимается. Он убедил меня, что наши опыты на делянках очень продвинутся, если мы узнаем Девятое откровение, а он вот-вот найдет его. Он сказал, что поиски откровения — самое увлекательное

занятие на свете. Когда он предложил мне вступить в его команду на несколько месяцев, я решила согласиться...

Она замолчала и опустила глаза. Я решил проявить деликатность и сменил тему:

— Сколько же откровений вы успели прочесть?

— Только те, что были в Висьенте. У Роберта есть и другие, но он считает, что они ничего не дадут тем, кто сохраняет традиционные представления. Он предпочитает сам растолковывать основные принципы.

Я, должно быть, нахмурился, потому что она быстро спросила

— Вам это не нравится?

— Мне эта позиция кажется сомнительной.

Марджори посмотрела на меня внимательным взглядом.

— Я тоже не уверена, что он прав. Может быть, вы поговорите с ним, когда отвезете меня? Потом расскажете мне, какое у вас сложится впечатление.

Появилась официантка с нашим заказом. Стоило ей отойти, как в дверях появился Билл. Он поспешно подошел к нам.

— Мне тут надо кое с кем повидаться, — сказал он. — Это около мили к северу отсюда. Так что я отлучусь часа на два, а вы берите джип и доставьте Марджори. А меня подвезут. — Он сверкнул на меня улыбкой. — Увидимся здесь же.

У меня мелькнула мысль, не рассказать ли ему теперь же об этом Роберте Дженсене, но я решил, что не стоит.

— Договорились! — ответил я.

Он посмотрел на Марджори.

— Рад был с вами познакомиться. Жаль, что приходится спешить, не успели толком поговорить.

Она застенчиво улыбнулась ему.

— Как-нибудь в другой раз!

Билл кивнул, бросил мне ключи от машины и вышел.

Какое-то время мы ели молча, потом Марджори сказала:

— Ваш друг, по-моему, очень решительный человек, и целеустремленный, Как вы познакомились?

Я рассказал ей о том, что случилось в день моего появления в Перу. Она слушала очень внимательно, и это пробудило во мне дар рассказчика — я говорил с выразительными подробностями, живо и увлекательно. Марджори смотрела на меня во все глаза, ловя каждое слово.

— Боже мой! — воскликнула она, когда я дошел до выстрелов. — Как вы думаете, вы и сейчас в опасности?

— Вряд ли, — ответил я. — В Лиме — может быть, но сейчас мы слишком далеко оттуда.

Она ждала от меня продолжения, и я, пока мы приканчивали наш обед, рассказал ей, что было дальше, как мы появились в Висьенте, — словом, все вплоть до того момента, когда Сара привела меня на делянку.

— И там я встретил вас, — сказал я в заключение. — А вы от меня убежали.

Она смутилась.

— Ну что вы, не убежала, а просто... Я ведь вас совсем не знала, поэтому, когда увидела, что вы чувствуете, решила, что мне лучше уйти.

— Что же, — сказал я, невольно фыркнув от смеха, — прошу извинить разнузданное поведение моего невоспитанного поля.

Марджори посмотрела на часы.

— Мне, пожалуй, пора, а то они будут беспокоиться.

Я оставил на столе несколько бумажек — по моим подсчетам, этого должно было хватить, и мы отправились к Биллову джипу. Вечер был холодный, даже пар шел изо рта. Мы сели в машину. Марджори показала, куда ехать.

— Сначала на север, по этой дороге. Потом я скажу, когда надо будет свернуть.

Я кивнул, развернулся и покатил в указанном направлении.

— Расскажите про ферму, куда мы едем, — попросил я до спутницу.

— Кажется, Роберт ее арендует Во всяком случае, его команда давно уже там расположилась, с тех самых пор, как изучает откровения. А все время, что я там пробыла, они запасались продуктами, приводили в порядок машины.,. Народ они грубоватый — кое-кто, во всяком случае.

— А вы ему зачем?

— Он говорит, что я ему понадоблюсь для истолкования Девятого откровения, когда оно найдется. То есть это он говорил в Висьенте. А здесь разговоры идут только о продовольствии и подготовке к поездке.

— И куда же он собирается ехать?

— Не знаю. Я спрашивала, но он молчит.

Мили через полторы она попросила свернуть налево, на каменистую дорогу. Попетляв в горах, дорога привела в долину. Показался бревенчатый дом, окруженный сараями и прочими хозяйственными постройками. С огороженного луга на подъезжающую машину смотрели три ламы.

Затормозивший джип обступило несколько человек хмурого вида. Возле дома урчал электрогенератор на бензине, распахнулась дверь, и на крыльцо вышел высокий темноволосый человек с волевым худощавым лицом.

— Вот Роберт, — шепнула Марджори.

— Отлично! — отозвался я. Я был спокоен и уверен в себе. Мы вышли из машины. Подошедший Дженсен обратился Марджори.

— Я беспокоился о тебе. Ты вроде встретила знакомого?

Я представился. Он крепко пожал мою руку.

— Роберт Дженсен. Рад, что с вами ничего не случилось. Заходите.

В доме кипела подготовка к путешествию. Кто-то таскал палатки и снаряжение в задние комнаты. Через раскрытые двери столовой я увидел двух перуанок на кухне — они укладывали припасы. Дженсен привел нас в гостиную, сел на стул и кивком указал нам на два других.

— А почему вы боялись, что с нами что-то случится? — спросил я.

Он наклонился ко мне и ответил вопросом на вопрос

— Вы давно в этих краях?

— Только сегодня днем приехал.

— Тогда вы просто не знаете, как тут опасно. Люди, случается, исчезают. Вы знаете о Рукописи? И о недостающем Девятом откровении?

— Знаю. И больше того... Он перебил меня.

— Тогда тем более вы должны понимать, что происходит. За Девятое откровение идет борьба. К поискам подключились опасные люди.

— Кто именно?

— Люди, которых не волнует историческая ценность Рукописи. Они преследуют собственные цели.

В комнату вошел бородач с широченными плечами и обширным брюхом. Он протянул Дженсену какой-то список. Они коротко переговорили по-испански, после чего Дженсен снова повернулся ко мне.

— А вы что, тоже ищете Девятое откровение? Вы хоть отдаете себе отчет, во что ввязались?

Мне стало неуютно, и я с трудом нашел, что ответить.

— Меня, собственно, больше интересует Рукопись в целом. Я еще недостаточно с ней знаком.

Он выпрямился на стуле.

— А вы понимаете, что эта Рукопись — собственность государства и на изготовление копий требуется разрешение?

— Понимаю. Но ученые протестуют против этого. Они считают, что государство скрывает важную ин...

— На вам не кажется, что народ Перу вправе сам распоряжаться своим национальным достоянием? Властям известно вашем прибытии?

На это мне нечего было отвечать. Неуверенность и тревога снова охватили меня.

— Поймите меня правильно. — Теперь он улыбался. — Я на вашей стороне. Если вас поддерживают какие-то научные круги за пределами страны, так и скажите. Просто мне показалось, что вы пустились в это приключение на свой страх риск.

— Примерно так и есть, — признался я.

Я заметил, что Марджори больше не смотрит на меня. Все ее внимание было обращено на Дженсена.

— Что, ты считаешь, ему надо делать? — спросила она.

Дженсен, по-прежнему улыбаясь, встал со стула.

— Возможно, для вас нашлось бы место в моей команде, мне нужны люди. Там, куда мы отправляемся, довольно безопасно. В крайнем случае вы вернетесь домой с дороги.

Его глаза сузились.

— Но только вам придется во всем мне повиноваться. Во всем. И всегда.

Я бросил взгляд на Марджори, но она смотрела только на Дженсена. Я был растерян. “Может быть, действительно стоит принять его предложение, — подумал я. — Если он действует с разрешения правительства, то, может быть, только с его помощью я смогу легально вернуться в Штаты. Возможно, я действительно вел себя глупо и ввязался в историю, которая выше моего понимания”.

— Думаю, вам стоит прислушаться к Роберту. — Марджори наконец подала голос. — В этих местах страшно остаться од ному.

Я понимал, что она, возможно, права. И все же я верил в Билла и в наши с ним замыслы. Я хотел сказать им об этом, но оказалось, что мне недостает слов, чтобы выразить свою мысль. В голове стоял туман, мысли мешались.

Плечистый бородач снова появился в комнате. На сей раз он пошел к окну. Дженсен опередил его, выглянул наружу и с деланной небрежностью обратился к Марджори.

— Кто-то подъехал. Позови, пожалуйста, Кении.

Марджори кивнула и вышла. Из окна мне были видны огни приближающегося грузовика. Он остановился у забора, в двадцати шагах от дома.

Дженсен открыл дверь. Я услышал, что кто-то произнес мое имя.

— Кто приехал? — с трудом спросил я.

Дженсен бросил на меня зоркий взгляд.

— Сидите тихо! — приказал он и вышел. Бородач последовал за ним, плотно прикрыв за собой дверь. В свете фар подъехавшего грузовика мне был виден силуэт высокой мужской фигуры.

Поначалу я собирался оставаться на месте — Дженсену удалось напугать меня. Но фигура у грузовика показалась мне знакомой. Я раскрыл дверь и вышел из дому. Дженсен сразу заметал меня и пошел мне наперерез.

— Вы что здесь делаете? А ну назад, в дом!

Мне опять показалось, что кто-то называет мое имя.

— В дом, сию же минуту! — крикнул Дженсен. — Это ловушка, поймите! — Он стоял прямо передо мной, загораживая от меня грузовик. — Немедленно возвращайтесь в дом!

Охваченный страхом и растерянностью, я не знал, на что решиться. Но тут человек, освещенный фарами, подошел ближе и стал мне виден из-за Дженсенова плеча. Я ясно расслышал свое имя и слова: “Идите сюда, надо поговорить!” И тут у меня прояснилось в голове. Это был Билл. Я бросился к нему.

— Что с вами? — быстро спросил он. — Надо скорее выбираться отсюда.

— А как же Марджори?

— Сейчас мы ничем не можем ей помочь. Надо уносить ноги.

Мы пошли к машине. Дженсен прокричал нам вслед;

— Советую вернуться! Ничего у вас не выйдет. Я оглянулся. Билл остановился, глядя на меня. Я понял, что он предоставляет мне решить — ехать или оставаться.

— Поехали! — решил я.

Проходя мимо грузовика, на котором приехал Билл, я заметил там двоих мужчин на переднем сиденье. Мы дошли до джипа, я отдал Биллу ключи, и мы поехали. Грузовик с друзьями Билла следовал за нами. Билл повернулся ко мне.

— Этот Дженсен сказал, что вы решили остаться с ним. Как было на самом деле?

— Откуда вы знаете его имя? Как вы меня нашли? — Я говорил с трудом, заикаясь.

— Я об этом типе немало слышал, — объяснил Билл. — Он работает на правительство. Он действительно археолог. Он дал обязательство хранить все в тайне в обмен на исключительное право изучать Рукопись. А вот искать недостающее откровение ему не полагалось. Видно, он решил нарушить все свои соглашения. Говорят, он вот-вот отправляется за Девятым.

Ну и вот. А когда я узнал, что Марджори работает с ним, я решил, что лучше мне подъехать сюда без промедления. Что он вам говорил?

— Сказал, что я в опасности и что, если я присоединюсь к его команде, он поможет мне вернуться домой, когда я захочу.

Билл покачал головой.

— Да, крепко он вас зацепил!

— То есть?

— Видели бы вы свое поле! Он втянул его в себя почти полностью.

— Не понимаю...

— А вы вспомните, как Сара ссорилась с тем ученым в Висьенте. Когда кто-то из них подавал удачную реплику, лишая собеседника уверенности, часть энергии побежденного переходила к победителю. В итоге побежденный чувствовал слабость, растерянность, у него мешались мысли. То же было в том перуанском семействе, помните? И то же самое, — тут Билл улыбнулся, — произошло сейчас с вами.

— И вы это видели?

— Видел. И знали бы вы, какого труда стоило мне заставить вас опомниться и собраться с силами. Мне уж показалось, что вы так там и останетесь.

— Боже мой! — воскликнул я. — Какой же он негодяй!

— Да нет, не обязательно. Скорее всего, он сам не до конца понимает, что делает. Он считает, что командует по праву, а опыт давно научил его эффективным приемам командования. Сначала он прикидывается вашим другом, потом находит слабости в вашей позиции. В данном случае он играл на угрожающей вам опасности. В конце концов вы полностью теряете уверенность в себе и верите только ему. И все, вы у него на крючке.

Билл поглядел на меня.

— И это только один из многих способов отбирать чужую энергию. О других способах вы узнаете, когда дойдете до Шестого откровения.

Но я уже перестал его слушать: я думал о Марджори. Мне очень не нравилось, что мы оставили ее у Дженсена.

— Как вы считаете, стоит попытаться выручить Марджори? — спросил я.

— Только не сейчас. Пока, я думаю, ей опасность не грозит. Завтра, перед отъездом попробуем заехать туда и поговорить с ней.

Помолчав немного, Билл спросил:

— Вы поняли меня, когда я сказал, что Дженсен не вполне понимает, что делает? Он не слишком отличается от большинства. Он просто ведет себя так, чтобы все время чувствовать свою силу и превосходство над остальными.

— Нет, мне это не совсем понятно.

Билл задумался.

— Это относится к бессознательным основам поведения. Мы чувствуем свою слабость и замечаем, что, когда мы подчиняем себе кого-то, слабость уходит и нам лучше. Мы не понимаем того, что этот прилив сил происходит за чужой счет. Мы похищаем чужую энергию. Многие люди всю свою жизнь посвящают охоте за энергией своих ближних.

Тут он посмотрел на меня, и его глаза засветились лукавством.

— Но случается и наоборот. Бывает, что кто-то по доброй воле отдает нам свою энергию, хотя бы на время.

— Вы на что-то намекаете? — удивился я.

— А вы вспомните этот обед с Марджори. Помните, как я вошел в кафе?

— Ну и что же?

— Не знаю уж, о чем вы толковали, но ее энергия изливалась в вас потоком. Я это ясно видел. Скажите-ка мне, как вы себя тогда чувствовали?

— Чувствовал я себя прекрасно, — вспомнил я. — Мысль работала четко, речь лилась свободно. В общем, было хорошо. И что это значит?

Билл улыбнулся.

— Человек может иногда добровольно отдать нам энергию, чтобы мы поняли, как он к нам относится. Вот Марджори это самое и сделала. Мы тогда чувствуем свою силу. Но только это не может долго продолжаться. Большинство людей — и Марджори в том числе — недостаточно сильны, чтобы отдавать энергию постоянно, Поэтому-то наши отношения перерождаются со временем в битву за власть. Люди оказываются связанными общим запасом энергии и начинают бороться за свою долю. И, как всегда, проигравший платит. Он помолчал немного.

— Ну как, усвоили вы Четвертое откровение? Вспомните раз, что с вами происходило. Вы видели, как энергия переходит от одного спорщика к другому, но еще не понимали, что это значит. Потом вам встретился Рено и рассказал, что психологи как раз задумались о причине, заставляющей людей искать господства над себе подобными. Потом мы наблюдали битву за энергию на примере той перуанской семьи. Вы видели, что тот, кто главенствует в отношениях, чувствует себя умным и могущественным, но при этом отбирает жизненную энергию у того, кто подчиняется. Конечно, тот, кто подчиняет себе другого, может говорить, что делает это для его же блага, что родители и должны распоряжаться детьми, — это не меняет сути дела. Забирая у человека энергию, мы причиняем ему вред.

И вот наконец вы встречаетесь с Дженсеном и на себе убеждаетесь, что это значит. Испытывая психологическое насилие, мы в буквальном смысле отдаем насильнику свой разум. Дело ведь было не так, что у вас был интеллектуальный спор и вы проиграли. Нет, у вас просто не было ни сил, ни ясности ума для спора. Вся сила вашего ума перешла к Дженсену. К сожалению, психологическая агрессия — обычное дело в человеческих отношениях. Так было всегда, на протяжении всей истории. Причем сознательные намерения агрессора могут быть и добрыми.

Мне оставалось только согласиться с Биллом. Он очень точно описал все, что было.

— Постарайтесь осознать Четвертое откровение во всей его полноте, — продолжал Билл. — Посмотрите, как оно согласуется со всем, что вы успели узнать раньше. Вспомните: Третье откровение заставило вас понять, что материальный мир есть не что иное, как огромная энергетическая система. А Четвертое добавляет к этому, что люди, сами того не сознавая, испокон века вступают в схватки за ту единственную часть энергии, которая им доступна, — ту, что перетекает от человека к человеку. И в этом, и только в этом стимул и причина всех человеческих конфликтов — от мелких семейных стычек, от склок на рабочем месте до кровопролитных войн. Любой конфликт возникает из-за того, что человек испытывает слабость и неуверенность в себе и только заряд чужой энергии дает ему возможность почувствовать себя лучше.

— Подождите-ка! — воскликнул я. — А как же справедливые войны? Бывают случаи, когда люди просто обязаны воевать.

— Бывают, конечно, — согласился Билл. — Но ведь причина таких войн в неразумном поведении противника, иначе конфликт можно было бы легко уладить мирным путем. А противник ведет себя неразумно именно потому, что ему нужна ваша энергия.

Тут Билл что-то вспомнил и принялся рыться в сумке. Наконец он извлек оттуда стопочку бумаг, соединенных скрепкой.

— Чуть не забыл! Вот, я достал список Четвертого откровения.

Вручив мне бумаги, он замолчал. Теперь он смотрел только на дорогу.

Я достал из-под сиденья небольшой фонарик и погрузился в чтение. Эта глава была коротенькой, я одолел ее за двадцать минут. Человеческое общество, говорилось там, — арена борьбы за энергию и тем самым за власть.

Но, сообщало откровение, как только люди это осознают, они смогут стать выше этой борьбы. Мы перестанем вступать в схватки из-за чужой энергии... почему? Да потому, что получим доступ к неограниченным ее запасам. Мы найдем новый источник энергии!

Я повернулся к Биллу.

— Какой новый источник? — спросил я.

Но Билл только улыбнулся в ответ.

5 - МИСТИЧЕСКОЕ ОЗАРЕНИЕ

На следующее утро я проснулся, услышав, что Билл уже поднимается с постели. Мы провели эту ночь в доме одного его знакомого. Билл сидел на раскладушке, торопливо натягивая одежду. За окном было еще темно.

— Давайте-ка быстро собираться, — прошептал он.

Мы уложились и в несколько ходок перетащили в джип запас еды в дорогу — все, что Билл успел закупить накануне.

Мы находились менее чем в километре от центра городка, но огней на улице почти не было. Заря едва занялась, и только редкие голоса приветствующих приближение утра птиц нарушали тишину.

Когда со сборами было покончено, я сел в машину. Билл коротко переговорил со своим приятелем, который, позевывая, вышел на крыльцо нас проводить. Внезапно раздался шум моторов, и мы увидели огни трех грузовиков, которые подъехали к центральному перекрестку и остановились там.

— Не Дженсен ли пожаловал?— заметил Билл. — Ну-ка сходим поглядим, что там такое! Только осторожно.

Кружным путем, через несколько улиц мы вышли в узкий переулок, глядящий прямо на центральную площадь. До грузовиков было шагов тридцать. Два из них как раз заправлялись, а третий ждал своей очереди перед зданием магазина. Несколько человек стояли рядом. Я увидел Марджори — она вышла из магазина и положила что-то на сиденье грузовика, потом стала прохаживаться, разглядывая витрины. Она подходила все ближе к нам.

— Подите к ней, — шепнул Билл. — Попробуйте уговорить ее ехать с нами. Я буду ждать здесь.

Я скользнул за угол, сделал несколько шагов и остановился, как громом пораженный. Только сейчас я заметил, что стоящие у магазина люди Дженсена вооружены автоматами. И, к вящему моему испугу, на противоположной стороне улицы показался отряд вооруженных солдат, крадучись подступавших к грузовику

Дальше все происходило одновременно: Марджори заметила меня, люди Дженсена заметили солдат и рассыпались. Улица взорвалась автоматными очередями. Марджори смотрела распахнутыми в ужасе глазами. Я подскочил и схватил ее за плечо. Мы нырнули в ближайшую боковую улочку Сзади раздавались выстрелы, кто-то кричал по-испански. Мы споткнулись о кучу картонных коробок и упали, едва не столкнувшись лбами.

— Бежим! — крикнул я, поспешно вскакивая. Марджори, приподнявшись, снова опустилась на землю, кивком показывая вперед. В конце переулка, спиной к нам, стояли двое

вооруженных мужчин, оглядывая следующую улицу. Они явно пытались скрыться от солдат. Мы замерли на месте. Наконец мужчины решились перебежать улицу и помчались в сторону ближнего леса.

Я понимал, что нам надо пробираться к дому Биллова приятеля, где остался джип. Билл, конечно, тоже придет туда. Мы прокрались к углу. Справа раздавались крики и выстрелы, но дома загораживали от нас схватку. Я взглянул налево — никого не видно. Где Билл? Наверное, успел убежать.

— Побежали к лесу! — сказал я Марджори, которая успела немного оправиться от испуга. — Там пойдем вдоль опушки. Как раз выйдем к нашему джипу.

— Хорошо! — согласилась она.

Мы перебежали улицу и краем леса подобрались шагов на тридцать к дому. Джип стоял на месте, но Билла не было. Мы приготовились к последней перебежке, но тут из-за угла вывернулась машина с солдатами и поползла к дому. Откуда ни возьмись появился Билл, бросился через двор к джипу, вскочил в кабину; завел двигатель и помчался прочь. Машина пустилась за ним.

— Ах ты, черт! — вырвалось у меня.

— И что теперь делать? — спросила Марджори, побледнев от страха.

За спиной у нас снова раздалась автоматная очередь. Теперь стреляли гораздо ближе. Прямо перед нами темнел лес, покрывающий горный склон. Это был тот самый кряж, который я видел, когда мы с Биллом подъезжали к Куле. Он нависал над деревней, простираясь с юга на север.

— Вперед! — крикнул я. — Скорей!

Мы вскарабкались по косогору на сотню метров. Добравшись до ровного места, мы остановились и оглянулись. По улицам городка разъезжали военные машины, и солдаты обходили улицы, заглядывая в каждый дом. От подножия склона, где мы только что были, доносились голоса.

У нас не было выбора. Мы бросились наверх.

Все утро мы шли на север вдоль гребня, почти не останавливаясь и только припадая к земле, когда на дороге, шедшей по второму, параллельному гребню показывалась машина. В основном это были все те же серые военные джипы, но попадались и легковушки. Отойти подальше от дороги мы не решались, так как она, будучи источником опасности, служила в то же время единственным ориентиром. Я боялся заблудиться в густой чаще, покрывающей гору.

Впереди, на месте схождения двух гребней, вздымалась каменистая вершина. Острые выступы скал нависали над долиной. Неожиданно мы увидели едущий по второму гребню навстречу нам джип, чрезвычайно похожий на Биллов. Мелькнув перед глазами, машина быстро свернула на боковую дорогу, спускающуюся, петляя, в долину. Немного проехав, она остановилась.

— Это не Билл ли там? — воскликнул я, всматриваясь изо всех сил.

— Пошли скорее вниз! — обрадовалась Марджори.

— Подожди! А что, если это ловушка? Вдруг они захватили Билла и используют его машину для приманки? Ее радость вмиг испарилась.

— Оставайся здесь, — решил я. — Я спущусь, а ты смотри, что будет. Если все нормально, я тебе махну рукой.

Она нехотя согласилась. Я стал спускаться по крутому склону. Сквозь листву я смутно различал вышедшего из машины человека, по разглядеть его не удавалось. Я пробирался кустарником, огибая каменистые выступы и время от времени поскальзываясь на перегнившей опали.

Наконец я подошел к машине на расстояние сотни метров. Нас разделял только неширокий овраг. Рассмотреть водителя, стоявшего, прислонясь к заднему колесу, по-прежнему не удавалось. Я отошел поправее, откуда было лучше видно. Да, это был Билл! Радостно вскрикнув, я бросился бежать и вдруг поскользнулся и поехал вниз. В последний момент я ухватился за ствол дерева и сумел подняться. Сердце у меня на мгновение

остановилось от испуга: я был на краю крутого обрыва высотой не меньше десяти метров. Упав туда, я бы, конечно, разбился насмерть.

Все еще держась за спасительный ствол, я замахал Биллу, обводил взором гребень горы над моей головой. Наконец он опустил глаза и заметил меня. Вздрогнув, он бросился ко мне через кусты. Я указал на край обрыва. Он осмотрел овраг и сказал:

— Здесь не перебраться. Придется вам спуститься в долину и обойти кругом.

Я уже собирался подать знак Марджори, когда услышал отдаленный шум приближающейся машины. Билл вскочил джип и поспешил вернуться на главную дорогу. Я заторопился наверх. Сквозь листву я видел Марджори, пробирающуюся мне навстречу.

Неожиданно у нее за спиной раздались громкие крики и топот шагов. Кричали по-испански. Марджори нырнула под ступ скалы. Я повернул и, стараясь двигаться быстро, но бесшумно, стал отходить влево. При этом я вес время обводил глазами деревья, чтобы вовремя увидеть Марджори. И увидел — она кричала, а двое солдат, схватив ее за руки, поднимали с земли.

Я побежал дольше по склону, поднимаясь все выше, с колотящимся сердцем, не помня себя от страха. Добравшись до гребня, я пустился на север.

Пробежав около мили, я остановился и прислушался. Все было тихо. Бросившись навзничь на землю, я старался отдышаться и обдумать положение, но ничего не получалось: ужасная сцена пленения Марджори неотступно стояла перед глазами. Как я мог оставить ее одну? Что теперь делать?

Я сел на землю, сделал глубокий вдох и посмотрел на соседний гребень. Пока я бежал, я не видел там ни одной машины. Я еще раз внимательно прислушался: ничего, кроме обычных лесных звуков. Постепенно спокойствие стало возвращаться ко мне. Возможно, Марджори не причинят вреда. Она ведь не нарушил никаких законов, всего лишь убегала от выстрелов. Возможно, ее задержат для установления личности — что же, она ученый, в стране находится легально. В чем ее могут обвинить?

Я отправился дальше на север. Я устал и перепачкался, желудок подвело от голода, поясницу ломило. Тупо, ни о чем не думая, я шел около двух часов, никого не встретив.

Внезапно на склоне, опускающемся вправо, послышался топот бегущих ног. Я замер и прислушался. Тишина. Здесь деревья были повыше, они затемняли землю, и подлесок был не такой густой, так что метров на пятьдесят лес просматривался. Я не увидел никакого движения. Стараясь двигаться как можно тише, я зашел за купу деревьев, растущих у большого валуна. Впереди торчали три скалы. Я прошел мимо двух, и когда добрался до третьей, за моей спиной хрустнула ветка. Я медленно повернулся.

У одной из скал стоял толстый бородач, которого я видел на ферме Дженсена, В его глазах был безумный страх. Дрожащими руками он направил автомат прямо мне в живот. Мне показалось, что он готов узнать меня.

— Не стреляйте! — с трудом произнес я. — Я знакомый Дженсена.

Уставившись на меня, он медленно опустил оружие. Сзади, в лесу, послышался звук шагов. Бородач пустился бежать к северу, мимо меня, держа автомат в одной руке. Я без размышлений побежал тоже. Мы мчались во весь дух, цепляясь за ветки и спотыкаясь о камни и время от времени оглядываясь.

Через несколько минут он споткнулся, и я вырвался вперед. Увидев расщелину, я бросился туда, чтобы перевести дух и оглядеться, Я увидел солдата, который целился из винтовки в толстяка, который как раз поднялся с земли. Я хотел закричать, предупредить его, но не успел. Грянул выстрел. Пули прошили грудь бородача, брызги крови долетели до меня. Громкое эхо прошумело в горах.

Какое-то мгновение он стоял неподвижно, с остекленевшими глазами, потом рухнул на землю. Не чуя под собой ног, я бросился вперед, подальше от солдата с ружьем, надеясь, что деревья заслонят меня от пули. Мой путь забирал все круче вверх, камней и скал становилось все больше. Дрожа от страха и усталости, я протискивался между скалами. В какой-то миг, поскользнувшись, я решился бросить взгляд назад. Солдат подходил к поверженному телу

Мне удалось скрыться за каменным выступом прежде, чем он поднял глаза, глядя в мою сторону. Прижавшись к земле, я полз среди скал. Дальше шло ровное место, где мой преследователь уже не мог меня увидеть, и я снова вскочил на ноги и побежал. В голове не было ни одной мысли. Я чувствовал только одно желание: убежать, скрыться. Я боялся оглянуться. В ушах звенело, и я был уверен, что слышу шаги бегущего за мной солдата.

Впереди снова был крутой склон. Я вскарабкался вверх, чувствуя, что силы мои на исходе. Дальше опять пошло ровное место, поросшее деревьями с густым подлеском. А потом передо мной оказалась отвесная скала. Осторожно, хватаясь за выступы и ставя ноги в углубления, я кое-как влез на нее и с упавшим сердцем увидел перед собой крутой тридцатиметровый обрыв. Дальше было не пройти.

Это был конец. Я слышал, как осыпались камни под ногами моего преследователя. Он приближался. Я упал на колени. Сил больше не было. Я глубоко вздохнул, отказываясь от дальнейшей борьбы. Мне оставалось только смириться с моей участью и ждать выстрела. Как ни странно, смерть, означающая конец этого ужаса, казалась желанным избавлением. Я ждал, и в голове мелькали картины детства, воскресного богослужения, Как искренне я думал о Боге в те дни! Какой она будет, смерть? Я старался подготовиться к последнему испытанию.

Шло время. Не знаю, долго ли я ждал, но наконец осознал, что ничего не происходит. Я посмотрел вокруг и впервые заметил, что нахожусь на самой вершине горы. Оба хребта тянулись гораздо ниже, и передо мной открывалась широкая панорама местности.

Мой взгляд уловил какое-то движение. Там, далеко внизу, на склоне, вразвалку уходил прочь солдат, повесив на плечо автомат убитого.

Мне стало жарко. Я трясся от беззвучного хохота, Я жив и буду жить! Я сел на землю, скрестив ноги, наслаждаясь опьяняющим чувством свободы и безопасности. Стоял чудесный ясный день, и солнце сияло в лазурном небе.

Я обратил внимание на синеющие вдалеке холмы. Каким-то образом мне казалось, что они совсем рядом. Над головой ползли белые ватные облака, и мне чудилось, что я могу дотянуться до них рукой.

Я поднял кверху руку Я ощущал свое тело совершенно по-новому и очень необычно. Рука скользнула вверх с удивившей меня свободой и легкостью. Я держал спину шею и голову совершенно прямо без малейшего усилия. Мне захотелось встать, и я мгновенно встал, без всякого усилия и не опираясь руками о землю. Мне казалось, что мое тело ничего не весит.

Глядя вдаль, я увидел опускающуюся за горной грядой бледную дневную луну. Она была в первой четверти и висела над горизонтом, как опрокинутая чаша. Я мгновенно понял, почему у нее такая форма. Солнце, висящее в небе за миллионы миль от меня, освещало только макушку заходящей луны. Я ощутил прямую линию, ведущую от солнца к лунной поверхности, и это позволило моему осознанию окружающего расшириться еще дальше.

Я представил себе луну, опустившуюся за горизонт, и зеркально отраженную форму, которой она представится тем, кто живет дальше к западу и будет видеть ее и тогда. Потом я представил себе, что луна находится по другую сторону земли, в точности напротив того места, где я стою. Тамошним жителям она будет казаться полной, потому что стоящее над моей головой солнце осветит ее целиком.

По спине у меня прошла дрожь восторга, и я еще шире расправил плечи. Я понял — нет, я ощутил, что небесное пространство, которое я привык созерцать над головой, простирается и у меня под ногами, по другую сторону земного шара. Впервые в жизни я не просто головой знал, что земля круглая, по всеми чувствами ощущал это.

Я чувствовал возбуждение и восторг и в то же время новые ощущения казались мне совершенно естественными. Мне хотелось только одного — полностью погрузиться в ощущение парения в безграничном, простирающемся во всех направлениях пространстве. Мне уже не казалось, что я стою, упираясь ногами в землю и сопротивляясь ее притяжению, — нет, я чувствовал, что какая-то сила тянет меня вверх, словно воздушный шар, наполненный гелием, и я парю, едва касаясь ногами земли. Спортсмен, находящийся в превосходной форме

после года утомительных тренировок, не ощущает такой легкости и согласованности всех движений, как я в тот миг.

Я присел на камень. По-прежнему все казалось мне удивительно близким — и изломанная граница горы, и высокие деревья на склоне, и синеющие на горизонте вершины. Глядя на раскачивающиеся по ветру ветви деревьев, я не просто видел, я ощущал, как свои, их движения, словно не листву шевелил ветер, а мои собственные волосы.

Все окружающее я воспринимал как часть самого себя. Я сидел на самой верхушке горы, созерцая далекие просторы, и то, что я привык считать своим телом, казалось мне только головой какого-то другого, громадного тела, включающего в себя весь видимый мир. Я ощущал, что вся бескрайняя Вселенная глядит на себя моими глазами. Это ощущение всколыхнуло воспоминания. Моя память Устремилась к давнему прошлому, до поездки в Перу, до моего детства, — до моего рождения. Я сознавал, что моя жизнь началась не в момент рождения, не в момент зачатия — нет, намного раньше. Она началась, когда зародилось мое тело — мое настоящее тело, вся Вселенная.

Теория эволюции, когда приходилось изучать ее в школе, казалась мне скучной. Но теперь, когда память воскрешала мою прошлую жизнь, мне вспомнилось все, что я читал на эту тему. Вспомнились и беседы с моим другом — тем, которого напомнил мне Рено. Вот о чем, оказывается, мы с ним рассуждали — об эволюции.

То, что я знал из книг, смешивалось с моими собственными воспоминаниями. И воспоминания позволили мне теперь представить себе эволюцию совершенно по-новому.

Вот произошел первоначальный взрыв и образовалась Вселенная. Я ощутил правоту Третьего откровения — непроницаемой, твердой материи не существует. Материя — это просто энергия с определенным уровнем колебаний, и вначале она существовала только на простейшем колебательном уровне, в виде элемента, который мы называем водородом. Больше ничего не было во Вселенной, один водород.

Далее я наблюдал, как атомы водорода стали притягиваться друг к другу, словно бы материей руководило стремление обрести более сложную форму. И когда скопление водорода достигало достаточной плотности, оно воспламенялось — возникало то, что мы называем звездой. В звездных недрах атомы водорода сплавлялись в огне и возникали элементы с более высоким уровнем колебаний.

Я видел, как звезды, постепенно старея, наконец взрывались, остатки водорода и новые элементы разлетались в пространстве и все начиналось сначала. Снова собирались вместе атомы, скопление разогревалось, и когда температура повышалась достаточно, рождалась новая звезда. Новые, более сложные элементы сплавлялись в ней, порождая еще более высокие вибрации вещества.

И так далее. В каждом новом поколении звезд появлялись атомы, не существовавшие прежде, пока не возник весь набор элементов и не рассеялся по космосу. Материя в своем развитии прошла путь от водорода — простейшей формы вещества с самыми низкими колебаниями — до углерода, элемента, чей уровень колебаний во много раз выше. Все было готово для следующей стадии эволюции.

Когда образовалось наше Солнце, некоторые скопления вещества стали обращаться вокруг него. Одно из них — наша Земля — обладало всем набором новосозданных элементов, включая углерод. По мере того как Земля остывала, газы, растворенные в полужидкой магме, поднимались к поверхности и, собираясь в скопления, образовали тучи, из которых полились обильные дожди. Так возникли океаны. А когда воды покрыли большую часть поверхности нашей планеты, небо очистилось, и ярко пылающее Солнце обрушило на. новорожденный мир потоки света, тепла и радиации.

И вот в неглубоких водоемах, под действием солнечного излучения и многочисленных бурных гроз, бушующих в небе планеты, вещество перешло от колебательного уровня углерода к еще более высокому — возникли аминокислоты. Поскольку новое состояние материи было чрезвычайно сложным, его уровень — такая ситуация возникла впервые — не мог поддерживаться сам собой. Новая материя должна была постоянно поглощать другую

материю, чтобы сохранять уровень своих колебаний. Другими словами, она должна была питаться. Так новый виток эволюции создал жизнь. Я видел, как жизнь, существующая пока только в водной среде, разделилась на две формы. Одна из этих форм — та, которую мы называем растительной — питалась неорганической материей, превращая ее элементы в свою пищу с помощью двуокиси углерода, поступающей из атмосферы, которая имела в те времена не такой состав, как сейчас. Побочным продуктом этого процесса явился свободный кислород, которым растения стали насыщать атмосферу. Растительная жизнь постепенно распространилась в океанах, а затем вышла и на сушу.

Другая форма жизни — животные — нуждалась для под держания своих колебаний в органической пище. Я видел, как животные плодятся в океанах. Это была эпоха рыб. Затем, когда растения достаточно обогатили атмосферу кислородом, животные стали появляться и на суше.

Сначала это были амфибии — наполовину рыбы, наполовину нечто новое. Покинув воду, они стали дышать воздухом при помощи нового органа — легких. Затем возникла новая форма жизни: появились рептилии и заполнили Землю. Началась эпоха динозавров. Еще позже стали появляться все в большем количестве теплокровные животные. И каждая новая форма жизни имела более высокий уровень колебаний по сравнению с предыдущей. И наконец, как вершина жизненных форм эволюции, появился человек.

Человек... На этом мое видение завершилось. В один краткий миг передо мною прошла вся великая история эволюции — возникновение материи, ее развитие в согласии с неким грандиозным планом, повышение ее колебательного уровня, подготовившее появление человека... каждого из нас. Сидя на вершине горы, я почти осознал и дальнейший ход эволюции, предметом которой стала теперь жизнь человека. Орудием эволюции стали теперь значимые совпадения, случающиеся с людьми, В жизни каждого из нас происходят события, дающие нам новый жизненный толчок и создающие для нас новый уровень колебаний. Эволюция продолжается. И все же, как я ни пытался ясно представить себе, как это происходит, я не смог.

Я долго сидел на камне, поглощенный ощущением душевного мира и полноты жизненных сил, и не сразу заметил, что солнце уже клонится к западу. Еще я заметил, что в миле от меня к северо-востоку лежит какой-то город. Я различал очертания крыш. Дорога на западном гребне после нескольких поворотов подходила прямиком туда.

Я начал спуск среди скал. Меня обуревал радостный смех. Я все еще ощущал кровную связь с ландшафтом, словно ступал по своему собственному телу, исследуя и изучая его. Это ощущение переполняло меня радостью.

Спустившись с обрыва, я вошел в лес. Удлинившиеся тени деревьев свидетельствовали о скором наступлении вечера. На полпути вниз я забрел в густую, высокую чащу. Чувство легкости и свободы движений усилилось. Я остановился и обвел взглядом деревья и кусты, любуясь их красотой. Я увидел розоватое свечение, перемежающееся белыми вспышками света вокруг каждого растения.

Я пошел дальше. На моем пути оказался ручей, от которого исходило голубое мерцание, наполнившее меня неизъяснимым покоем. Я даже почувствовал легкую сопливость. Наконец я пересек долину и поднялся на соседний гребень. Там шла гравиевая дорога. Я зашагал на север.

Впереди, у поворота, я увидел человека в одежде священника. Охваченный радостью, без всякого страха, я ускорил шаг, решив заговорить с ним. Я еще не знал, что скажу ему, но не сомневался, что нужные слова придут сами собой. Я чувствовал себя великолепно. Вдруг, к моему крайнему удивлению, священник пропал из глаз. В этом месте от дороги отходило ответвление, ведущее вниз, в долину, но там я никого не увидел. Я пустился бежать по главной дороге. Впереди не было никого. Я подумал, не вернуться ли, чтобы все-таки поискать его на дороге, ведущей вниз, но, поскольку город лежал впереди, я решил идти туда. И все же дорога в долину продолжала занимать мои мысли.

Шагов через сто, добравшись до следующего поворота, я услышал урчание двигателей. За деревьями показалась колонна армейских машин. Они быстро приближались. Какое-то время я колебался — мне казалось, что я справлюсь с любой ситуацией. Потом я вспомнил ужас, пережитый на склоне. Времени хватило только на то, чтобы скатиться с дороги и замереть. Мимо пронеслось не меньше десятка джипов. Я лежал на открытом месте — мне оставалось только надеяться, что никто не взглянет в эту сторону. До меня донеслась удушливая волна выхлопных газов — машины проезжали в каких-нибудь шести-семи метрах, я отчетливо различал лица солдат.

К счастью, никто меня не заметил. Когда колонна скрылась, я заполз за толстое дерево. Руки дрожали. От ощущения душевного мира и сопричастности природе ничего не осталось, прежний страх снова сковал движения.

Наконец я снова вскарабкался на дорогу Снова послышался шум машин, снова я бросился с дороги вниз. На этот раз проехало два джипа. Меня тошнило.

Больше я на главную дорогу не вернулся. Вместо этого я осторожно пробрался по склону назад, к оставленной позади дороге в долину. Но и на нее я побоялся выйти. Ловя каждый звук, я решил пробираться в долину лесом, вдоль дороги. Мое тело снова было сковано тяжестью, движения давались с трудом. Что же я наделал, спрашивал я себя, зачем потащился на эту дорогу? Должно быть, я был одурманен эйфорией, последовавшей за пережитым шоком и неожиданным спасением. Опомнись, вернись-ка к реальности, приказал я себе. Осторожность прежде всего! Любая ошибка может стоить тебе жизни.

И тут я замер на месте. Впереди, в нескольких десятках метров перед собой, я увидел того самого священника. Он сидел под сенью большого дерева, окруженного скалами. Я уставился на него. Он открыл глаза, и наши взгляды встретились. Я вздрогнул. Он улыбнулся и жестом пригласил меня подойти.

Я нерешительно подошел. Он сидел не двигаясь — худой, высокий, лет пятидесяти, с коротко остриженными темными волосами и карими глазами.

— По-моему, вам нужна помощь, — произнес он. Его английский был превосходен.

— Кто вы? — спросил я.

— Меня зовут отец Санчес. А вас?

Я назвался, сказал, кто я такой и откуда. Ноги не держали меня. Я опустился на одно колено, потом сел..

— Вы имеете отношение к тому, что случилось в Куле?

— А вам что об этом известно? — Я решил проявить осторожность. Можно ли ему довериться? Я не знал.

— Я знаю, что кое-кто наверху сильно разгневан. Они не хотят, чтобы о Рукописи знали.

— Но почему?

Он встал, глядя на меня сверху вниз.

— Может быть, вы пойдете со мной? До нашей миссии каких-нибудь полмили. У нас вам ничего не угрожает.

Я понимал, что выбора у меня нет. С трудом поднявшись на ноги, я кивнул.

Мы медленно зашагали по дороге. Его речь была вежлива и неторопliва, каждое слово обдумано.

— Солдаты еще ищут вас? — спросил он среди разговора.

— Не знаю.

После недолгого молчания он задал еще один вопрос:

— Вы ищете Рукопись?

— Уже нет. Сейчас у меня одна задача: остаться в живых и вернуться домой.

Он сочувственно покивал. Я начинал проникаться к нему доверием. Его заботливость и доброта располагали к нему. Он напомнил мне Билла.

Миссия представляла собой скопление набольших домиков, глядящих во двор скромной церкви. Место тут было очень красивое. Во дворе было несколько человек в рясах.

Отец Санчес что-то сказал им по-испански, и они мгновенно ушли. У меня не было сил даже посмотреть им вслед, я валился с ног от усталости. Священник привел меня в один из домиков.

Внутри оказалась небольшая гостиная и две спальни. В печке горел огонь. Вскоре другой священник принес поднос с хлебом и супом. Я устало хлебал суп, а отец Санчес вежливо ждал, сидя рядом. Потом он предложил мне располагаться на одной из кроватей. Я растянулся в постели и провалился в глубокий сон.

Когда я утром вышел во двор, прежде всего мне бросились в глаза безукоризненный порядок и чистота. Гравиевые дорожки обрамлялись ровными рядами кустов. Их естественные очертания не были искажены стрижкой. Я потянулся, чувствуя прикосновение накрахмаленной рубашки. Она была из грубоватой хлопчатобумажной ткани, и воротник слегка натирал шею. Зато рубашка была чистая и свежевыглаженная. Когда я проснулся, двое незнакомых священников натаскали в корыто горячей воды и дали мне смену одежды Помывшись и одевшись, я вышел в комнату и обнаружил на столе горячие оладьи и вяленые фрукты. Я жадно набросился на еду, а священники стоя ждали. Когда я поел, они ушли, а я вышел во двор и вот теперь стоял, осматриваясь. Я присел на каменную скамейку. Солнце стояло невысоко над верхушками деревьев и согревало мне лицо.

— Как спали? — раздался голос у меня за спиной, Я повернулся и увидел отца Санчеса. Он стоял, держась очень прямо, и улыбался.

— Спасибо, прекрасно.

— Можно присесть с вами?

— Конечно!

Несколько минут мы молчали, мне даже стало неловко. Я посматривал на него и несколько раз собирался что-то сказать, но он смотрел на солнце, откинув голову и сощурив глаза.

Наконец он заговорил первый:

— Славное местечко вы выбрали.

Я не сразу понял, что он имеет в виду эту скамейку.

— Послушайте! — начал я. — Мне нужен совет. Есть ли безопасный способ вернуться в Соединенные Штаты?

Он серьезно поглядел на меня.

— Не знаю. Смотря по тому, насколько опасным считает вас наша власть. Расскажите, как вы оказались в Куле.

Я рассказал ему все, начиная с того дня, когда впервые услышал о Рукописи от Чарлины. Дойдя до радостного возбуждения, охватившего меня на вершине, я скомкал рассказ, считая то, что там происходило со мной, плодом самомнения и фантазии. По Санчес очень заинтересовался этим эпизодом и засыпал меня вопросами.

— Что же вы делали после того, как солдат ушел, не заметив вас?

— Просто сидел там пару часов. Чувствовал облегчение. Хотел отдышаться.

— А что вы чувствовали, кроме облегчения?

Мне не хотелось рассказывать, по я все же попытался.

— Это нелегко описать. Я чувствовал радость и родство со всем окружающим, безопасность и уверенность в себе. Усталости совсем не было.

Он улыбнулся.

— У вас было мистическое переживание. Есть немало людей, ощутивших нечто подобное на той вершине.

Я неуверенно кивнул.

Он повернулся на скамье. Теперь он глядел мне прямо в глаза.

— Сходные переживания описываются мистиками всех религий. Вам приходилось читать что-нибудь о подобных вещах?

— Кое-что читал, но давно. Несколько лет назад.

— Но испытать самому до вчерашнего дня не довелось?

— Вроде нет.

К скамейке приблизился совсем молоденький священник, поздоровался со мной и что-то шепнул Санчесу. Тот кивнул, и молодой священник сразу отошел от нас. Санчес провожал его взглядом. Юноша пересек двор и оказался в расположенном дальше парке. Только сейчас я обратил на этот парк внимание. Он был очень чистый, ухоженный и зеленый, полный разнообразных растений. Молодой священник ходил там, время от времени останавливаясь, словно искал что-то. Наконец он сел. Похоже было, что он занялся каким-то упражнением. Санчес удовлетворенно улыбнулся и снова повернулся ко мне.

— Я думаю, что пока вам не стоит пытаться выбраться из страны, слишком опасно. Я попробую разузнать, как обстоят дела и не слышно ли чего о ваших друзьях. — Он встал со скамьи.

— Мне сейчас надо кое-чем заняться. Не сомневайтесь, что мы поможем вам во всем, что в наших силах. Надеюсь, вам будет у нас хорошо. Отдыхайте пока, набирайтесь сил. Я кивнул. Он достал из кармана бумаги и протянул мне.

— Вот текст Пятого откровения. Здесь как раз описывается нечто подобное тому, что вы испытали на Горе. Вам, наверное, будет интересно.

Я нехотя взял бумаги.

— Как вы понимаете последнее из усвоенных вами откровений? — спросил он.

Я ответил не сразу. Мне сейчас не хотелось думать ни о каких рукописях с откровениями.

— Люди постоянно вступают в схватки из-за энергии, — наконец произнес я. — Когда кому-то из нас удается навязать тому свою точку зрения, а тот подчиняется, мы заряжаемся его энергией и испытываем прилив сил. Он улыбнулся.

— Беда, следовательно, в том, что энергии не хватает на всех, так? Ведь мы охотимся за чужой энергией, потому что ощущаем недостаток собственной, верно?

— Именно так.

— Но можно поправить дело, обратившись к другим источникам энергии, правильно?

— Так там написано.

Он кивнул и неторопливо направился к церкви. Я сидел, опустив голову и упираясь локтями в колени и не спешил заглядывать в бумаги. Мне просто не хотелось их читать. События последних двух дней охладили мой пыл. теперь интересовала не столько Рукопись, сколько возвращение домой.

Молодой священник тем временем поднялся на ноги, неспешно перешел в другой уголок парка и снова сел, как и в тот раз, лицом в мою сторону.

Мне стало любопытно, чем он там занят. Я подумал, что, возможно, узнаю об этом из Рукописи. Я взял первый из данных мне листков и начал читать.

Там давалось новое объяснение феномену, известному издавна под названием мистического озарения. В последние десятилетия двадцатого века, говорилось там, подобные озарения, достигающиеся эзотерической практикой многих религий, станут доступны многим. Для большинства эти озарения останутся всего лишь умственным представлением, темой для разговоров и дискуссий, но все большее число людей начнет познавать их на собственном опыте. Для них это будут реально переживаемые вспышки особого сознания, Эти озарения, утверждала Рукопись, помогут покончить со всеми человеческими конфликтами, потому что во время прозрений людям станет доступен иной источник энергии — и постепенно они научатся пользоваться им в любое время по своему усмотрению.

Я поднял глаза и снова взглянул на молодого священника. Его глаза были открыты и обращены, кажется, в мою сторону. Я не различал выражения его лица, но на всякий случай кивнул. К моему удивлению, он кивнул в ответ и слегка улыбнулся. Потом он встал и, не глядя на меня, вышел из парка, прошел через двор и скрылся в одном из домиков.

Сзади послышались шаги. Я повернулся и увидел выходящего из церкви Санчеса. Он подошел ко мне с улыбкой.

— Быстро отделался, — заметил он. — Не хотите ли немного прогуляться?

— С удовольствием, — ответил я. — Расскажите мне, что у вас тут за парк. — И я указал на место, где сидел молодой священник.

— Пойдемте поглядим, — предложил Сапчес.

Пока мы шли через двор, Санчес успел рассказать мне, что этой миссии более четырехсот лет. Ее основателем был один выдающийся испанский миссионер. Он был единственным, кто считал, что обращать индейцев в католичество следует не силой оружия, а убеждением, обращаясь к их сердцам. Он действовал, по словам Санчеса, весьма успешно, и отчасти поэтому, отчасти же потому что он выбрал для своей проповеди такую удаленную местность, его оставили покое и позволили действовать, как он хотел.

— Мы следуем его традиции и ищем истину в сердце, — сказал Санчес.

Парк содержался в образцовом порядке. Примерно пол-гектара леса расчистили и засадили цветами и красивым кустарником, проложили дорожки, посыпанные речной галькой. Растения здесь не теснились, каждое свободно росло, выявляя свою неповторимую форму.

— Где бы вы хотели присесть? — спросил Санчес. Я осмотрелся. Вокруг было несколько уютных уголков, и каждый сам по себе закончен и красив. В каждом были и открытая площадка, и цветы, и камни, и большие деревья самой разнообразной формы. В одном из них, слева, там, где сидел молодой священник, камней было больше.

— Пожалуй, вот здесь, — решил я.

Санчес одобрительно кивнул. Мы прошли туда и сели. Несколько минут он молчал, глубоко и равномерно дыша, потом посмотрел на меня.

— Расскажите мне еще о своих переживаниях на горе, — попросил он.

Мне не хотелось об этом говорить.

— Да я уж все, кажется, рассказал. Это продолжалось недолго.

Священник посмотрел сурово.

— То, что это переживание испарилось, когда вы снова испугались, не значит ведь, что оно потеряло значение. Возможно, оно еще вернется к вам.

— Возможно, — ответил я. — Но мне трудно сохранять космическое сознание, когда меня пытаются убить.

Он засмеялся и бросил на меня сочувственный взгляд.

— А вы здесь, в миссии, изучаете Рукопись? — спросил я.

— Да. Мы учим людей достигать того состояния, в котором вы находились на горе. Ведь вам хотелось бы снова испытать такое, разве нет?

Наш разговор прервался: со двора кто-то окликнул Санчеса. Он, извинившись, встал и пошел поговорить со священником, который его позвал. Я в это время, слегка запрокинув голову, смотрел на окружающие меня растения и камни, расфокусировав взгляд. Мне удалось рассмотреть легкое мерцание вокруг ближайшего куста, по когда я перевел глаза на камни, ничего не получилось.

Вернулся Санчес.

— Мне нужно ненадолго отлучиться, — сказал он. — Я встречусь кое с кем в городе. Заодно попытаюсь что-нибудь разузнать о ваших друзьях. Во всяком случае, узнаю, насколько безопасно для вас передвигаться.

— Да, пожалуйста. Вы сегодня вернетесь?

— Вряд ли. Скорее всего, завтра утром.

Должно быть, у меня на лице отразилась тревога, которую я испытывал, потому что он подошел ближе и положил мне руку на плечо.

— Не волнуйтесь. Вы здесь в полной безопасности. И пожалуйста, чувствуйте себя как дома. Походите, осмотритесь. Пообщайтесь со священниками. Только учтите, что не все они одинаково продвинуты. Одни смогут понять вас лучше, чем другие.

Я кивнул.

Он улыбнулся и, обогнув церковь, сел в старенький грузовичок, которого я раньше не заметил. После нескольких бесплодных попыток Санчес наконец завел двигатель и выехал .мимо церкви на дорогу, ведущую к гребню.

Я оставался в парке еще несколько часов, приводя в порядок мысли. Я думал о Марджори — как там она, обошлось ли?— и о Билле — удалось ли ему уйти от погони? Несколько раз передо мной возникал образ убитого человека с бородой, но я боролся с этими воспоминаниями, чтобы сохранить душевное равновесие.

Около полудня я заметил, что священники поставили посреди двора длинный стол и носят на него блюда с едой. Когда стол был накрыт, к ним присоединилось еще несколько человек в рясах. Они клали на тарелки свои порции и, присаживаясь на скамьи, ели. Священники ласково улыбались друг другу, но почти не разговаривали. Один из них заметил меня и приглашающе кивнул, указывая на еду.

Я подошел и положил себе вареной кукурузы и бобов. Я ловил на себе взгляды обедающих, по никто не пытался заговорить со мной. Я сам попробовал завязать разговор, сделав несколько замечаний по поводу еды, но мне отвечали только улыбками и вежливыми кивками.

Тогда я в одиночестве уселся на одну из скамей и принялся за еду. Овощи и бобы были не посолены, но приправлены травами. Когда обед закончился и все вернули посуду на стол, из церкви вышел еще один священник и поспешно наполнил свою тарелку. Потом он оглянулся, ища куда бы присесть, и наши глаза встретились. Он улыбнулся. Я узнал того самого юношу который утром медитировал в парке. Я улыбнулся в ответ. Он подошел и заговорил на ломаном английском.

— Можно мне сесть с вами?

— Да, пожалуйста!

Он сел и начал есть, очень медленно, тщательно все разжевывая и время от времени улыбаясь мне. Был он невысок, с худощавой, гибкой фигурой и угольно-черными волосами. Глаза были светло-карие.

— Вам понравился обед? — спросил он. Тарелка лежала у меня на коленях, и в ней оставалось немного кукурузы.

— Да, очень, — ответил я и положил в рот кусочек. Заметив, как медленно и тщательно он жует, я постарался есть так же. Тут я сообразил, что так ели все они.

— Вы тут, в миссии, сами выращиваете овощи? — спросил я. Он помедлил с ответом, дожевывая очередной кусочек.

— Да. Ведь очень важно, что есть.

— А вы медитируете над растениями?

Он поглядел на меня с удивлением.

— Вы читали Рукопись?

— Да, первые четыре откровения.

— И вы тоже выращиваете овощи?

— Нет, нет. Просто я интересовался этим.

— А вы видите энергетические поля?

— Иногда.

Мы помолчали. Он съел еще несколько кусочков.

— Энергия поступает прежде всего с пищей, — заметил он.

Я согласно кивнул.

— Но чтобы усвоить энергию, надо ценить пищу и... Он, видимо, подыскивал нужное английское слово.

— Наслаждаться вкусом, — произнес он наконец. — Надо ценить вкус пищи, это ключ ко всему. Для этого и нужна молитва перед едой. Мы не просто выражаем благодарность за дарование пищи, мы освящаем процесс еды. Тогда энергия наполнит наше тело.

Он внимательно посмотрел, чтобы понять, уяснил ли я его слова.

Я молча кивнул. Он задумался.

Я тоже размышлял над сказанным. Значит, думал я, обычай возносить благодарственную молитву перед едой служит тому, чтобы заключенная в пище энергия лучше усваивалась.

— Но брать энергию из пищи, — снова заговорил юноша, — это только первый шаг. Накопив немного энергии, мы начинаем замечать ее повсюду, и тогда можно усваивать ее иначе, без еды.

Я снова кивнул.

— Все вокруг нас, — продолжал он, — наполнено энергией, только по-разному. Поэтому в одних местах можно зарядиться лучше, чем в других. Все зависит от того, насколько вы сродни этому месту.

— Вы именно это и делали утром в парке? — спросил я. — Заряжались энергией?

Он кивнул, очень довольный.

— Да.

— А как это делается?

— Надо открыться, почувствовать родство со всем вокруг, оценить красоту. Словом, все так, как при созерцании энергетических полей. Только надо сделать еще один шаг — ощутить, что энергия наполняет вас.

— Не совсем вас понимаю.

Он нахмурился, огорченный моей непонятливостью.

— Хотите, пойдем вместе в парк? Я покажу вам.

— Пошли, — согласился я,

И я отправился следом за ним в парк. Там он остановился и осмотрелся, словно ища что-то.

— Пойдемте туда, — сказал он, показывая на местечко у границы густого леса.

Мы пошли по дорожке, петляющей среди деревьев и кустов. Мой спутник выбрал место под высоким деревом, узловатый ствол которого вздымался из груды валунов. Корни обвивались вкруг камней, прорастали сквозь них, добираясь до земли. Впереди полукругом стояли кусты, усыпанные желтыми цветами, и до меня долетал их незнакомый сладкий запах. А дальше зеленой стеной возвышался лес.

Юноша предложил мне сесть на прогалинку среди кустов, лицом к дереву, и сам сел рядом.

— Как по-вашему, это дерево красиво? — спросил он.

— Да.

— Ну так почувствуйте... мм...— Он снова не мог найти нужное слово. Подумав, он сказал: — Отец Санчес говорил, что у вас было прозрение там, на вершине. Вы можете припомнить, что чувствовали тогда?

— Легкость. Безопасность. Причастность.

— Причастность к чему?

—- Это очень трудно описать. Как будто вся природа была частью меня самого.

— Да, но как именно вы это ощущали? Я задумался. Как же я это ощущал? Потом нужное слово пришло.

— Я любил! — воскликнул я. — Я чувствовал всеобъемлющую любовь.

— Именно так. Любовь. Полюбите это дерево!

— Но как? — удивился я. — Ведь любовь приходит сама. Как можно полюбить по заказу? Я не могу заставить себя любить.

— Не надо заставлять себя. Позвольте любви войти в вас. Для этого надо вспомнить, как это было тогда и постараться, чтобы это ощущение вернулось.

Я смотрел на дерево и старался припомнить то, что переживал на горной вершине. Постепенно я начинал проникаться красотой дерева и обостренным ощущением его присутствия. Я восхищался этим деревом и действительно начинал его любить. Я любил его так, как когда-то в детстве любил свою мать, а позже, подростком, — одну девочку. Я смотрел на дерево и любил его, это чувство переполняло мое сердце и распространялось на все окружающее.

Молодой человек отошел на несколько шагов, не отрывая глаз от меня.

— Хорошо! — прошептал он. — Вы наполняетесь энергией.

Я заметил, что его взгляд расфокусирован.

— Откуда вы знаете?

— Я вижу, как ваше поле расширяется.

Я закрыл глаза, стараясь достичь такой же силы и глубины чувства, как тогда, на вершине. Но нет, то, что было, не повторилось. Все было похоже, но гораздо слабее. Неудача заставила меня усомниться в себе.

— Что случилось? — удивился мой спутник. — Ваше поле ослабевает.

— Сам не знаю, — ответил я. — Мои чувства слабее, чем тогда. Не могу их усилить.

Ему, кажется, показалось это забавным. Он сказал с легким нетерпением:

— То, что вы испытали на горе, было даром, прорывом, указанием нового пути. Теперь вы должны научиться сами достигать такого состояния. Это не может получиться сразу.

Он сделал шаг назад.

— Попробуйте еще раз.

Я закрыл глаза, стараясь переживать свое состояние как можно глубже. Наконец чувства снова нахлынули на меня. Я удерживал их и, не отводя взгляда от дерева, старался понемногу усиливать.

— Вот сейчас очень хорошо, — сказал внезапно священник. — Вы и получаете энергию и отдаете ее дереву. Я посмотрел на него, ничего не понимая.

— Отдаю дереву?

— Когда вы восхищаетесь красотой и неповторимостью чего-то, — объяснил он, — вы получаете энергию. Но когда ваше чувство поднимается до истинной любви, вы можете, если пожелаете, вернуть энергию.

Я долго просидел перед деревом. Чем внимательнее я смотрел на него, чем больше росло мое восхищение его красотой, тем больше любви ко всему вокруг я испытывал. Это было поразительное ощущение. Я представлял себе, как моя энергия подплывает к дереву и наполняет его, но увидеть это так и не смог. Краем глаза я заметил, что молодой священник встал и хочет уйти,

— А как выглядит переход моей энергии к дереву? — спросил я.

Он подробно описал мне, что видел, и я узнал то самое явление, которое наблюдал, когда Сара передавала энергию филодендрону в Висьенте. У Сары это получалось, хотя она не знала, что для передачи энергии нужно испытывать любовь. Видимо, для нее ощущение любви было настолько естественно, что она даже не сознавала его.

Священник направился к домам, и я потерял его из виду. Сам я оставался в парке до темноты.

Я вошел в дом, и двое священников вежливо кивнули. Вечер был прохладный, но в печке полыхал огонь, несколько масляных ламп ярко освещали комнату. Пахло овощным, или, может быть, картофельным супом. На столе стояла глиняная миска и тарелка с четырьмя ломтями хлеба, лежали ложки.

Один из священников тут же повернулся и, не глядя на меня, вышел. Другой, опустив глаза, кивнул мне на чугунок, стоящий на печи рядом с огнем. Из-под крышки торчала ручка половника.

— Вам нужно что-нибудь еще? — осведомился священник.

— Пожалуй, нет, — ответил я, — спасибо. Попрощавшись кивком, он тоже ушел. Я остался один. Поднял крышку чугунка — картофельный суп! Запах от него восхитительный. Я наполнил миску, сел за стол и, вытащил пятую главу Рукописи, которую дал мне Санчес, положил ее рядом, намереваясь почитать за едой. Но суп оказался таким вкусным, что я полностью сосредоточился на еде. Покончив с супом, я сложил посуду в таз и долго, как зачарованный, смотрел на огонь, пока печка не прогорела. Тогда я привернул фитили у ламп и отправился в постель.

Проснулся я на заре, великолепно выспавшись. За окном стоял утренний туман. Я подложил в печку угля, добавил щепок и раздул огонь, после чего собрался пошарить на кухне в поисках чего-нибудь съедобного. Но тут послышалось тарахтенье Санчесова грузовичка.

Я вышел во двор и увидел, что Санчес выходит из-за церкви с мешком в одной руке и несколькими свертками в другой.

— Я привез кое-какие новости, — сказал он, проходя в дом. Я последовал за ним.

Немедленно появилось несколько святых отцов с кукурузными лепешками, овсянкой и вялеными фруктами. Выложив все это на стол, они молниеносно удалились. Мы с Санчесом сели.

— Я встретился кое с кем из Южного совета церквей, — начал он. — Мы собрались, чтобы потолковать о Рукописи. Вернее, об агрессивном поведении власть имущих. Впервые группа священников открыто собралась, чтобы высказаться в поддержку этого документа. Только мы начали обсуждение, как явился некий правительственный чин и потребовал, чтобы мы допустили его на заседание.

Положив себе на тарелку немного еды, он на время замолчал и, тщательно, как всегда, пережевывая, съел несколько кусочков.

— Этот господин, — продолжал он, — всячески уверял нас, что единственная цель правительства — не допустить, чтобы чуждые элементы спекулировали на Рукописи. Граждане Перу должны получить разрешение на хранение копий. Он заявил, что понимает нашу озабоченность, но требует, чтобы мы подчинились требованиям закона и сдали свои копии, а правительство якобы немедленно предоставит нам официально изготовленные экземпляры.

— И вы сдали? — перебил я.

— Еще чего!

Несколько минут мы молча ели. Я старался хорошо жевать и наслаждаться вкусом.

— Мы подняли вопрос о стрельбе в Куле, — продолжал Санчес. — Он ответил, что эта акция была необходима. Она была направлена против человека по имени Дженсен. Якобы несколько его людей были вооруженными иностранными агентами и собирались завладеть не обнаруженной до этого частью Рукописи и вывезти ее из Перу. Поэтому у правительства не было иного выхода, кроме как немедленно арестовать их. Ни о вас, ни о ваших друзьях он не упомянул.

— И вы ему поверили?

— Естественно, нет. После его ухода мы продолжали обсуждение. Все согласились действовать методом мирного сопротивления. Мы по-прежнему будем делать списки и, соблюдая осторожность, их распространять.

— А как на это посмотрит ваше церковное начальство?

— Трудно сказать. Вообще-то оно настроено против Рукописи, но пока что ничего не предпринималось против тех, кто ею занимается. Главным образом нас беспокоит один кардинал, чья епархия лежит дальше к северу, — кардинал Себастьян. Это очень влиятельный иерарх. Он выступает против Рукописи громче всех. Если он подвигнет руководство церкви на решительные меры, нам придется крепко подумать, что делать дальше.

— А почему он выступает против Рукописи?

— Боится.

— Но чего же?

— Я давно с ним не виделся, а о Рукописи мы с ним вообще никогда не говорили. Похоже, он думает, что человек должен жить одной верой и не нуждается в духовных знаниях. Он боится, что знакомство с Рукописью поведет к потрясению основ, к крушению церковного авторитета.

— Каким образом?

Санчес наклонил голову с едва заметной улыбкой.

— Кто обладает истиной, тот свободен.

Я смотрел на него, доедая хлеб и фрукты, и пытался понять его слова. Он съел еще несколько кусочков и встал, отодвинув стул.

— А у вас вроде сил прибавилось, — заметил он. — Общались с кем-нибудь без меня?

— Да. Я научился подключаться к энергии у одного священника — не знаю, как его зовут. Он медитировал в парке вчера утром, когда мы сидели на скамье, помните? Потом я с ним разговорился, и он научил меня впитывать энергию и отдавать ее.

— Это Джон, — вставил Сапчес и кивнул мне, чтобы я продолжал.

—- Это было необыкновенное переживание. Я вызнал в себе любовь и раскрылся. Я просидел там целый день, упиваясь этим состоянием. Было не так, как на горе, но очень близко к тому.

Санчес посерьезнел.

— Смысл и действие любви долгое время понимались совершенно неверно. Предполагалось, что мы должны стремиться к любви, чтобы стать лучше самим или чтобы мир стал лучше, — из некоего абстрактного морального долга или чтобы избавиться от эгоистического стремления к наслаждениям. Когда мы подключаемся к энергетическому полю, мы испытываем возбуждение, радостный восторг и, наконец, любовь. Если у нас будет достаточно энергии, чтобы сохранить переживание любви, то и мир, конечно, станет лучше, но в первую очередь это идет на пользу нам самим. Это и есть высшее наслаждение,

Я согласился. Тут я заметил, что он отодвинулся со стулом на несколько шагов и смотрит на меня расфокусированным взглядом.

— И как же выглядит мое поле?

— Оно расширилось. Вы, наверное, хорошо себя чувствуете?

— Очень.

— Прекрасно! Вот этим мы тут и занимаемся.

— Расскажите, пожалуйста, об этом.

— Мы обучаем священников, которым предстоит проповедовать индейцам в горах. Им там приходится полагаться только на собственные силы, а это нелегко. Мы тщательно отбираем пригодных для такой работы людей, и все они имеют нечто общее — каждому довелось пережить мистическое озарение.

Я занимаюсь изучением мистического опыта уже много лет, — продолжал он. — Когда я начинал, Рукопись еще не была обнаружена. Я уверен, что человеку, знакомому с мистическими переживаниями, гораздо легче достичь состояния, нужного для подключения к энергии. Остальным это доступно, но дается гораздо труднее и времени требует больше. Думаю, вы на собственном опыте убедились, что воспоминание о пережитом облегчает обретение нужного настроя. Не сразу, но он возвращается.

— И что тогда происходит с собственным полем?

— Оно расширяется и изменяет цвет.

— Как?

— Как правило, тускловато-белое свечение сменяется зеленым и голубым. Но главный признак — расширение поля. У вас, например, во время вашего озарения на вершине горы поле расширилось настолько, что охватило всю Вселенную. Вы поглощали энергию бескрайнего космоса и в свою очередь изливали ее на все его пространство. Вы помните, что испытывали?

— Да. Я ощущал всю Вселенную как собственное тело, а сам я был лишь головой или, вернее, глазами.

— Вот именно. В ту минуту вы объединили свое поле с полем вселенским, и Вселенная поистине была вашим телом.

— И с памятью моей, — добавил я, — происходило нечто странное. Я ясно помнил, как развивалось это мое громадное тело, Вселенная. Я видел, как из водородных скоплений возникали первые звезды и как потом сменялись поколения звезд и возникала более сложная материя. Правда, я не видел никакой материи — только колебания энергии, которая

развивалась и усложнялась, переходя ко все более высокому уровню колебаний. А потом... потом возникла жизнь и ее эволюция привела, наконец, к появлению человека...

Внезапно я замолчал. Мое настроение изменилось, и Санчес это заметил.

— Что с вами?

— На этом поток воспоминаний оборвался, — объяснил я. — Я чувствовал, что эволюция должна продолжаться и дальше, но как именно — не ощутил.

Да, — подтвердил священник, — эволюция действительно продолжается. И продолжают ее люди. Именно они призваны поднять Вселенную до высочайшего колебательного уровня.

— Каким образом?

Он улыбнулся, но оставил мой вопрос без ответа.

— Поговорим об этом позже. Сейчас мне надо заняться кое-какими делами. Увидимся через час-другой.

Я кивнул. Он ушел, прихватив со стола яблоко. Я вышел было во двор вслед за ним, потом вспомнил про оставшуюся в спальне пятую главу Рукописи и вернулся за ней. Еще раньше мне вспомнился лес, где я впервые увидел Санчеса. Как ни был я измучен и напуган тогда, я не мог не заметить необыкновенной красоты этого уединенного уголка, куда я сейчас и решил отправиться. Идущая на запад дорога привела меня прямо к тому месту, где сидел тогда Санчес. Там я и устроился.

Прислонившись спиной к дереву, я некоторое время смотрел вокруг, ни о чем не думая. Утро было ясное и ветреное, и я смотрел на колеблющиеся над головой верхушки деревьев, глубоко дыша чистым, прохладным воздухом. Под шорох ветра я вынул бумаги и стал искать место, на котором остановился. Но раньше, чем я смог его найти, до моих ушей донесся шум машины.

Я лег на землю у подножия дерева и попробовал определить, с какой стороны она приближается. Звук шел со стороны миссии. Потом машина показался на дороге, и я узнал грузовик Санчеса. Сам он сидел за рулем,

— Я так и думал, что вы здесь, — сказал он, подъехав ко мне. — Садитесь, надо уезжать.

— Что случилось? — спросил я, взбираясь на сиденье. Он выехал на главную дорогу

— Один из наших священников рассказал мне о разговоре, который он случайно услышал в деревне. Туда явились какие-то официальные лица с расспросами обо мне и о нашей миссии.

— И что им нужно, как вы думаете?

Во взгляде Санчеса не было ни тревоги, ни страха.

— Не знаю. Но у меня больше нет уверенности, что они оставят нас в покое. Думаю, что в качестве предосторожности нам стоит перебраться повыше в горы. Там, поблизости от Мачу-Пикчу, живет один из наших священников, отец Карл. У него в доме мы будем в безопасности, а тем временем разузнаем что можно. — Он улыбнулся. — В любом случае вам стоит взглянуть на Мачу-Пикчу. Внезапно меня охватило страшное подозрение: а вдруг Санчес уже договорился с властями и собирается сдать меня в руки? Я решил быть очень осторожным и оставаться начеку, пока дело не разъяснится.

— Вы уже дочитали перевод? — спросил Санчес.

— Совсем немного осталось.

— Вас интересовала эволюция человека. Вы прочли место, где говорится об этом?

— Нет.

Он отвел глаза от дороги и пытливо взглянул на меня. Я сделал вид, что ничего не замечаю.

— Что с вами? — спросил он.

— Ничего, все в порядке. До Мачу-Пикчу далеко ехать?

— Часа четыре.

Я предпочел бы помолчать — пусть говорит Санчес. Я надеялся, что он как-нибудь проговорится о своих замыслах.. Но любопытство все-таки пересилило, и я спросил:

— Так как же люди эволюционируют?

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— А вы сами что об этом думаете?

— Я не знаю, — ответил я, — но там, на горе, у меня мелькнула мысль, что это имеет отношение к тем значимым совпадениям, о которых толкует Первое откровение.

— Это так и есть. Ведь это согласуется со следующими откровениями, верно?

Я растерялся. Я почти понял, о чем он говорит, но не до конца, и потому промолчал.

— Посмотрите, как откровения естественно вытекают одно из другого, — продолжал Санчес. — Первое говорит о совпадениях — мы должны относиться к ним серьезно. Эти совпадения заставляют нас осознать, что за событиями нашей жизни скрывается некая духовная сила. Второе откровение придает этому осознанию реальное содержание. Мы понимаем, что все наше внимание было отдано материальному выживанию. Мы познавали мир постольку, поскольку это нужно было для нашей безопасности. Теперь же, с осознанием действия духовных сил, мы приближаемся к истинному постижению мира.

Третье откровение позволяет нам взглянуть на жизнь совершенно по-новому. Мы узнаем, что материальный мир построен из чистой энергии, которая способна откликаться на наши мысли и чувства.

Четвертое откровение объясняет людям их привычку отнимать у других энергию, подавляя их, порабощая их разум, Это — преступление, совершать которое нас заставляет недостаток собственной энергии, который мы ощущаем как упадок жизненных сил. Однако этот недостаток можно восполнить, подключаясь к иным источникам энергии. Вселенная даст нам все, в чем мы нуждаемся, если мы сумеем открыться ей. И это является содержанием Пятого откровения.

— Возьмем ваш случай, — продолжал священник. — Вы испытали мистическое озарение, которое помогло вам понять, какие громадные запасы энергии могут стать доступны человечеству. Можно сказать, что вы совершили некий прорыв, скачок в будущее, опередив остальных. Такое переживание не может долго длиться. Как только мы начинаем общение с кем-то, кто находится в обычном состоянии сознания, как только мы возвращаемся к жизни в мире, где продолжаются конфликты и стычки, нас мгновенно отбрасывает в прежнее состояние.

И вот теперь вашей задачей является медленное и постепенное овладение тем, что явилось вам мгновенным проблеском. Вы должны начать медленное и упорное восхождение к высшему сознанию. Но для этого следует научиться сознательно усваивать энергию, потому что именно запас энергии увеличивает число значимых совпадений, тех событий жизни, которые и помогут нам сделать новое состояние сознания постоянным.

У меня, видимо, был очень озадаченный вид, потому что Санчес добавил:

— Обдумайте это и постарайтесь понять. Когда случается маловероятное событие, придающее нашей жизни новое направление, человек как бы находит, реализует себя. Он чувствует, что исполняет свое предназначение. И тот энергетический уровень, который позволяет происходить таким событиям, становится для него естественным. Он, конечно, может потерять его, сбиться на более низкий уровень при сильном испуге, но это временно. Ему будет нетрудно вернуться на уже достигнутый ранее высокий уровень. Он уже другой человек, существующий на более высоких энергиях. Поймите это! Он перешел на новый уровень колебаний.

Вы поняли суть? Мы наполняемся энергией, растем, снова наполняемся и снова растем. Именно так мы, люди, продолжаем эволюцию Вселенной — переходя ко все более высоким колебательным уровням.

Санчес замолчал, а потом как будто вспомнил что-то и добавил:

— Этот процесс шел на всем протяжении человеческой истории, только мы его не сознавали. Этим объясняется и прогресс цивилизации, и то, что люди становились выше

ростом, жили дольше и так далее. А теперь мы начинаем сознавать это. И в Рукописи говорится об этом. Духовное осознание распространяется по всему миру.

Я внимательно слушал. Слова Санчеса произвели на меня большое впечатление.

— Значит, основная наша задача — усвоить побольше энергии? Так, как научил меня Джон? И тогда частота значимых совпадений увеличится?

— В общем, так и есть, только все-таки это не так просто, как вам кажется. Прежде чем мы сможем перейти на новый энергетический уровень — не на краткое время, а прочно — придется преодолеть еще один рубеж. Об этом говорится в шестом откровении.

— Что же это за рубеж?

Священник заглянул мне в глаза.

— Каждый из нас подчиняет себе других на свой, особый лад. И вам придется изучить себя, чтобы понять, какой способ доминирования присущ именно вам. Вы помните, что в четвертом откровении говорится, что люди, постоянно ощущая нехватку энергии, стремятся навязать другим свою волю и точку зрения, чтобы отобрать их энергию. Пятое же откровение учит нас извлекать недостающую энергию из другого источника. Но дело в том, что мы не сможем постоянно подпитываться из этого источника, пока не преодолеем привычку подчинять других именно своим, индивидуальным способом. Потому что если мы опять начнем это делать, то сразу отключимся от источника.

А преодолеть эту привычку нелегко по той причине, что мы тут действуем бессознательно. Следовательно, мы должны осознать, во-первых, то, что мы постоянно стремимся к подчинению себе своих ближних и, во-вторых, что мы это делаем каждый по-своему — тем способом, который мы усвоили еще в детстве, чтобы привлечь к себе внимание и зарядиться энергией. Усвоив свой стереотип, мы повторяем его снова и снова. Я называю это нашим бессознательным *сценарием борьбы за власть.*

Я выбрал слово “сценарий”, потому что это действительно напоминает кино, где повторяется одна и та же ситуация, в которой мы действуем по сценарию, написанному нами самими в начале жизни. Мы проигрываем этот сценарий снова и снова, не сознавая этого. Все, что мы осознаем, — это то, что в нашей жизни постоянно возникают сходные ситуации, Мы зацикливаемся на них, и тогда кинофильм нашей жизни не может продолжаться, и для волнующих приключений, к которым могли бы привести значимые совпадения, просто не остается места. Мы сами его останавливаем, будучи в плену своего сценария, своего стереотипа битвы за власть.

Санчес убавил скорость, чтобы осторожно миновать глубокие выбоины на дороге. Я чувствовал усталость и тоску. Его рассуждения о сценарии остались мне непонятны. Я хотел пожаловаться ему, но не смог. Недоверие отдаляло меня от него, и открывать душу не хотелось.

— Вы меня поняли? — спросил он.

— Не знаю, — коротко ответил я. — По-моему, у меня нет никакого сценария.

Участливо взглянув на меня, он фыркнул от смеха.

— Неужели? — произнес он. — Откуда же тогда ваша всегдашняя замкнутость?

6 - ИССЛЕДОВАНИЕ СВОЕГО ПРОШЛОГО

Дорога впереди сужалась, круто огибая каменный выступ горы. Грузовик осторожно повернул, подскакивая на крупных камнях. Вокруг нас Анды вздымали свои могучие серые вершины, окутанные белоснежными облаками.

Я поглядел на Санчеса. Он внимательно вел машину, склонившись к рулю. Уже несколько часов мы с трудом одолевали тяжелую, с крутыми подъемами дорогу. Временами и без того узкий проезд загромождался завалами камней. Мне хотелось возобновить разговор о сценариях, но время для этого было явно неподходящее — все свое внимание Санчес должен был уделять дороге. Да к тому же я и сам, собственно, не знал, о чем хочу спросить. Я дочитал Пятое откровение, и прочитанное близко перекликалось с рассказом священника. Конечно,

неплохо было бы избавиться от сценария борьбы за власть, особенно если бы это ускорило мою эволюцию, но я так и не понял, что это за сценарий и как он действует.

— О чем задумались? — неожиданно спросил Санчес.

— Я дочитал Пятое откровение, — ответил я. — И все думаю об этих ваших сценариях. Вы, кажется, считаете, что мой сценарий как-то мешает мне быть раскованным?

Он не ответил. Его глаза были прикованы к дороге. Метрах в тридцати перед нами стоял, загораживая путь, крупный внедорожник. Неподалеку, у края скалистого обрыва, стояли мужчина и женщина. Они тоже увидели нас.

Санчес, остановив грузовик, вгляделся в них и улыбнулся.

— Я знаю ее, — сказал он. — Это Хулия. Все в порядке. Надо с ними поговорить.

Оба они были темноволосые и смуглые — видимо, перуанцы. Женщина была постарше, на вид лет пятидесяти, мужчине можно было дать лет тридцать.

— Отец Санчес! — воскликнула она, подходя.

— Привет, Хулия!

Они обнялись. Мы перезнакомились. Мужчину звали Роландо.

Хулия и Санчес молча повернулись и подошли к краю обрыва, где она до этого стояла с Роландо. Роландо внимательно приглядывался ко мне. Мне стало неловко, и я отошел, приближаясь к тем двоим. Роландо последовал за мной, глядя так, словно чего-то хотел от меня. Несмотря на молодость, лицо его было грубым и обветренным. Я ощутил непонятную тревогу.

Пока мы шли к обрыву, он несколько раз хотел заговорить, но я отводил глаза и убыстрял шаг. Так он и не произнес ни слова. Дойдя до края, я сел на узкий выступ скалы так, чтобы он не смог пристроиться рядом. Хулия и Санчес расположились немного поодаль и повыше, сидя рядышком на большом валуне.

Роландо выбрал место как можно ближе ко мне. Мне было не по себе от его пристального взгляда, и в то же время его явный интерес ко мне пробудил во мне любопытство.

Поймав наконец мой взгляд, он спросил:

— Вы здесь из-за Рукописи?

Я ответил не сразу.

— Я слышал о ней.

Он, кажется, удивился.

— По вы ее видели?

— Какие-то отрывки, — осторожно ответил я. — А вы имеете к ней отношение?

— Интересуюсь, — сказал он. — Но пока что мне не попался ни один список.

Мы помолчали.

— Вы из Соединенных Штатов?

Этот вопрос мне не понравился, и я решил промолчать.

Вместо ответа я спросил:

— А храмовые развалины в Мачу-Пикчу как-то связаны с Рукописью?

— По-моему, нет. Правда, она создавалась примерно тогда же, когда возводились эти храмы.

Я замолчал, любуясь величественной красотой гор. Я рассудил, что, если я буду молчать, он рано или поздно сам выложит, что они с Хулией тут делают и при чем здесь Рукопись. Так мы и промолчали минут двадцать. Наконец Роландо встал и медленно двинулся туда, где разговаривали Санчес и Хулия. Я не знал, что делать. Мне не хотелось идти туда, потому что Санчес с Хулией явно хотели побеседовать наедине. Еще примерно полчаса я сидел на том же месте, глядя на скалистые вершины и безуспешно напрягая слух, чтобы услышать хоть что-то из разговора. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Наконец я решил присоединиться к остальным. Но, прежде чем я успел встать на ноги, вся троица спустилась и направилась к машине Хулии. Я полез через нагроможденные камни туда же.

— Им надо ехать, — сообщил Санчес, когда я подошел.

— Жаль, что мы не успели поговорить, — обратилась ко мне Хулия. — Надеюсь, мы еще увидимся. — Она смотрела на меня с выражением теплой заботы — таким же, какое я часто видел на лице Санчеса. Я кивнул, и она, склонив голову набок, добавила: — Скажу больше, я уверена, что мы увидимся очень скоро.

Я чувствовал, что на это надо что-то ответить, но ничего не придумал. Дойдя до машины, Хулия только кивнула и скороговоркой простилась. Она села за руль, Роландо — рядом, и они покатили на север, туда, откуда приехали мы с Санчесом. Весь эпизод оставил у меня чувство недоумения.

Когда мы вернулись в свою машину, Санчес спросил:

— Роландо рассказал про Билла?

— Нет! А что, они его видели?

Санчес, кажется, смутился.

— Да, они встретились с ним в одной деревеньке, за сорок миль к востоку отсюда.

— Билл что-нибудь говорил обо мне?

— Он только сказал, по словам Хулии, что вам с ним пришлось разделиться. Она говорит, что он больше общался с Роландо, Вы ему что-нибудь рассказали о себе?

— Нет. Я не знал, можно ли ему доверять.

Санчес смотрел на меня в полном недоумении.

— Я же сказал вам, что все в порядке! Я знаю Хулию много лет. Она из Лимы, у нее там дело, но с тех пор, как стало известно о Рукописи, она занимается поисками Девятого откровения. Неужели бы она стала разъезжать с человеком, которому нельзя доверять! Никакой опасности не было, а вы упустили случай узнать ценную информацию.

Санчес глядел на меня с очень серьезным выражением.

— Вот, —продолжал он, — прекрасный пример того, как сценарий вмешивается в жизнь. Из-за вашей отчужденности совпадение, которое могло произойти, не произошло.

Поняв по моему лицу, что я собираюсь оправдываться, он добавил:

— Ну ладно, что поделаешь! У всех нас свои сценарии. Нет худа без добра — по крайней мере вы поняли, как действует ваш.

— Ничего я не понял! —- воскликнул я. — Как он действует?

— Ваш способ использовать людей и обстоятельства с целью зарядиться энергией, — начал объяснять Санчес, — состоит в том, что вы, согласно написанному вами сценарию, замыкаетесь в себе, ведете себя загадочно, скрытничаете. Себя вы убеждаете в том, что это разумная предосторожность, на самом же деле вы надеетесь, что кто-нибудь втянется в ваш сценарий и станет пытаться разгадать ваши загадки. Когда так и происходит, вы стараетесь, ничего не объясняя, вынудить этого человека расспрашивать вас, теряясь в догадках о ваших истинных чувствах.

Тем самым вы полностью приковываете к себе внимание этого человека, и его энергия поступает к вам. Чем дольше вы поддерживаете его неудовлетворенный интерес к себе, тем больше энергии вам достается. Беда только в том, что, изображая необщительность, вы искусственно замедляете ход своей жизни, потому что одно и то же повторяется в ней раз за разом. Если бы вы держались с Роландо более открыто, ваша жизнь уже сегодня получила бы новое, важное для вас направление.

Мне стало горько. Ведь и Билл говорил мне что-то похожее, когда заметил, что мне не хочется делиться сведениями с Рено. Это была чистая правда — я действительно предпочитал утаивать свои мысли. Я выглянул в окно — дорога шла в гору, вокруг вздымались острые скалы. Санчес сосредоточился на вождении, чтобы не слететь с обрыва. Когда мы выехали на ровный участок, он повернулся ко мне и сказал:

— Чтобы нейтрализовать свой сценарий, каждый из нас должен в первую очередь полностью осознать его. Никакой прогресс невозможен, пока мы полностью не уясним себе наши личные приемы добывания энергии. Это только что произошло с вами.

— А дальше что делать? — спросил я.

— Дальше нужно вспомнить свое прошлое, вплоть до раннего детства, и понять, как именно сформировались ваши привычки. Когда мы доберемся до их истока, поймем, как зародился наш сценарий, мы уже не сможем следовать ему бессознательно. Помните, что наши родные, когда мы были детьми, пытались заполучить нашу энергию, следуя собственному сценарию, и именно в ответ на это сформировался наш собственный. Мы же нуждались в какой-то стратегии, чтобы отвоевать энергию. Мы пишем сценарий в зависимости от поведения наших родных. Но когда мы начинаем осознавать, что в действительности за этим стоит битва за энергию, мы уже не нуждаемся в сценарии, мы видим суть дела.

— Какую суть?

— Человек должен вспомнить свое детство и понять его с точки зрения эволюции, духовной реальности. Тогда он поймет, кто он такой на самом деле. Тогда сценарий уходит в прошлое, и мы живем своей, настоящей жизнью.

— С чего же мне начать?

— Надо понять, как создавался ваш сценарий. Расскажите мне о своем отце.

— Он хороший человек. Любит пошутить. Способный. Но...—- Я колебался. Мне не хотелось показаться неблагодарным сыном.

— Но что?

— Ну, в общем... Он всегда критиковал меня. Все, что я делал, было неправильно.

— Как именно он критиковал?

Я вспомнил своего отца, когда он был молод и силен.

— Он расспрашивал меня. И мои ответы никогда ему не нравились.

— И что происходило с вашей энергией?

— Думаю, она выходила из меня. Поэтому я старался ничего ему не рассказывать.

— Я так понимаю, что вы старались отвечать ему уклончиво, неопределенно, чтобы привлечь его внимание и в то же время не раскрыться, не дать ему возможности критиковать вас. Он был “следователем”, вы же пытались уйти от допроса. Вы культивировали замкнутость.

— Да, наверное... Что значит “был следователем”?

— Быть “следователем” — это особый сценарий. Люди, пользующиеся этим способом получения энергии, всегда расспрашивают человека, чтобы проникнуть в его внутренний мир исключительно с целью отыскать его погрешности и недостатки. Когда это удается, они указывают на эти погрешности, критикуют собеседника. При успехе такой стратегии критикуемые втягиваются в этот сценарий. Помня о присутствии “следователя”, они теряют самостоятельность и уверенность в себе и думают только о том, чтобы не сделать ошибки, не навлечь на себя критику. Их психологическая зависимость и дает “следователю” энергию, которая ему нужна.

Вспомните, как вы вели себя в присутствии таких “следователей”? Разве вы не втягивались в их сценарий и не вели себя так, чтобы избежать критики? Эти люди заставляли вас смотреть на себя их глазами и поглощали вашу энергию. Все дело было в том, что вы сами начинали судить себя по тому, что они о вас думали.

Мне вспомнился эпизод с Дженсеном. Все было именно так, как описал священник.

— Значит, мой отец был “следователем”? — спросил я еще раз.

— Похоже на то.

На мгновение я задумался о своей матери. Какой сценарий был у нее?

Санчес спросил, о чем я думаю.

— О сценарии своей матери. Сколько всего разновидностей существует?

— Сейчас я вам расскажу, какая классификация сценариев дается в Рукописи. Энергию можно добывать или агрессивно, силой подчиняя себе людей, или пассивно, играя на чужом сочувствии или любопытстве с целью привлечь к себе внимание. Например, если кто-то угрожает вам, будь то действиями или словами, вы поневоле, из осторожности или страха,

отдадите ему свое внимание и, следовательно, энергию. Тот, кто угрожает вам, вовлекает вас в самый агрессивный сценарий. В Рукописи такая разновидность называется “пугало”.

С другой стороны, если кто-то упорно рассказывает вам о своих несчастьях, рассчитывая на вашу отзывчивость, давая понять, что, если вы ему не поможете, он станет еще несчастнее, то такой человек достигает своих целей на самом пассивном уровне, действуя по сценарию, который в Рукописи называется “бедняжка”. Припомните-ка, не попадался ли вам когда-нибудь человек, в присутствии которого вы всегда чувствовали себя виноватым без всяких на то причин?

— Случалось.

— Так вот, это значило, что вы оказывались втянуты в сценарий этого “бедняжки”. Что бы вы ни делали, что бы ни говорили, вам постоянно приходилось оправдываться в том, что вы мало делаете для него. Уже одно его присутствие заставляло вас чувствовать себя виноватым.

Я кивнул.

— Все остальные сценарии, — продолжал Санчес, — располагаются по шкале агрессивности где-то между этими двумя. Если у человека более тонкая агрессия, чем у “пугала”, если он вторгается в ваш мир исподволь, разрушая его критикой, как ваш отец, — то это “следователь”. Ваш сценарий “замкнутого” несколько менее пассивен, чем у “бедняжки”. Другими словами, порядок по мере убывания агрессивности будет такой: “пугало”, “следователь”, “замкнутый”, “бедняжка”. Ну как, вы находите в этом смысл?

— Пожалуй. И что же, каждый пользуется одним из этих сценариев?

— Именно так. Правда, некоторые люди могут пользоваться разными сценариями в зависимости от обстоятельств, но у большинства из нас один сценарий, который мы проигрываем множество раз. А выбор его определяется тем, какой из помогал нам в детстве, при столкновениях с родными.

Тут меня осенило: моя мать вела себя со мной так же, как и отец. Я посмотрел на Санчеса.

— Моя мать... Я знаю, кем она была. Тоже “следователем”.

— Значит, вам досталось вдвойне. Тут уж не приходится удивляться вашей скованности. Но по крайней мере они не запугивали вас. Вам хотя бы не приходилось опасаться за свою безопасность.

— А что было бы в этом случае?

— Тогда у вас был бы сценарий “бедняжки”. Понимаете, как это происходит? Предположим, вы ребенок, из которого выкачивают энергию путем угроз — например, угрожая побоями. В этом случае никакая замкнутость вам не поможет. Никого не волнует, раскованны вы или, наоборот, застенчивы и, вообще, что там у вас на душе. Ваши угнетатели слишком агрессивны. И тогда ваш единственный выход — выбрать самую пассивную роль, роль “бедняжки”, в надежде вызвать жалость к себе и чувство вины у ваших угнетателей.

Но если эти надежды оказываются тщетными, то есть сценарий “бедняжки” не срабатывает, тогда вы, когда подрастете, сами начнете прибегать к насилию и на агрессию отвечать агрессией. — Санчес помолчал. — Как та девочка-перуанка, о которой вы мне рассказывали, помните?

Ребенок делает все возможное, чтобы добиться внимания членов своей семьи и получить энергию. И сценарий, который ему в этом помогает, остается с ним на всю жизнь и проигрывается каждый раз, когда он, нуждаясь в энергии, хочет получить ее у кого-то.

— Я понял, как формируется “путало”, — сказал я, — а как возникает сценарий “следователя”?

— Представьте себе ребенка, родители которого не замечают его, не обращают на него внимания — например, потому, что заняты своей карьерой или еще чем-нибудь. Что бы вы делали на месте такого ребенка?

— Не знаю.

— Давайте подумаем. Замкнутость не поможет — они ее и не заметят. Они сами замкнуты для вас. Наверное, вы попытались бы разузнать побольше об этих холодных, отчужденных людях, поискали бы, к чему в них можно придраться, найти за ними какую-нибудь вину, чтобы обратить на себя внимание, добиться энергии. Вот и вышел бы из вас “следователь”. Меня осенило.

— Значит, “замкнутые” создают “следователей”!

— Вот именно.

— А “следователи” вынуждают детей становиться “замкнутыми”. А “пугала” формируют у детей сценарий “бедняжки”, а если он не помогает, ребенок сам вырастает “пугалом”.

— Совершенно верно. Таким образом сценарии битвы за энергию и переходят из поколения в поколение. Причем заметьте, можно ясно видеть один из этих сценариев у других, но себя полагать свободным от этих стереотипов. Эту иллюзию следует полностью преодолеть, если мы хотим продвинуться вперед. Почти все привязаны к какому-то сценарию — во всяком случае, большую часть времени, — и надо вспомнить прошлое и повнимательнее заглянуть в себя, чтобы распознать свой.

Я долго молчал. Потом повернулся к Санчесу и спросил:

— А когда мы узнаем свой сценарий, что делать потом? Санчес специально притормозил, чтобы заглянуть мне в глаза.

— У нас есть выбор. Мы можем подняться над ролью, которую бессознательно усвоили. Я уже говорил, мы можем найти более высокий смысл в своей жизни и истинную, духовную причину того, что родились именно в таких семьях. Мы можем понять, кто мы такие.

— Мы почти приехали, — сообщил Санчес. Дорога достигла своей высшей точки между двух острых вершин. Когда мы миновали один огромный пик, я увидел впереди небольшой домик, прижавшийся к другой величавой громаде.

— А его грузовика нет на месте, — заметил Санчес, Мы вылезли из машины и подойти к дому. Санчес без церемоний отворил дверь и вошел, а я остался снаружи, глубоко вдыхая холодный разреженный воздух. Небо было покрыло темно-серыми кучами. В любую минуту мог пойти дождь.

Санчес вышел из дома.

— Никого нет. Наверное, он на развалинах.

— А как туда попасть?

И тут я увидел, что священник еле держится на ногах от усталости.

— Еще полмили по дороге, — Произнес он, протягивая мне ключи от машины. — До следующего перевала и чуть за него. Развалины пониже, вы их увидите. Садитесь в грузовик и поезжайте, а я останусь здесь. Хочу заняться медитацией.

— Ладно! — И я пошел к машине.

Я пересек небольшую долину и добрался до перевала, рассчитывая на очередной потрясающий вид. Мне не пришлось разочароваться. С перевала я мог видеть знаменитые развалины Мачу-Пикчу во всей их красе: храмовый ансамбль, сложенный из массивных, тщательно обработанных многотонных каменных глыб, громоздящихся друг на друга. Даже в такой тусклый пасмурный день невозможно было оторвать глаза от этого чуда.

Я остановил грузовик и подышал, набираясь энергии, десять или пятнадцать минут. Внизу, среди развалин, ходили люди. Я увидел человека в стоячем воротничке священника, который вышел из одного разрушенного здания и пошел к грузовику, стоящему неподалеку. Но он был далеко, да и одет был все-таки не в рясу, а в кожаную куртку с брюками, так что никакой уверенности, что это и есть отец Карл, у меня не было.

Я снова завел машину и подъехал ближе.

Услышав шум мотора, он поднял глаза и улыбнулся, очевидно узнав Санчесов грузовик. Тут он увидел меня, заинтересовался и подошел ближе. Он был невысокий,

приземистый, с тускло-коричневыми волосами, пухлолицый. Глаза были ярко-синие. Ему могло быть лет тридцать.

— Я друг отца Санчеса, — отрекомендовался я, вылезая из машины. — Он остался в вашем доме. Он протянул мне руку.

— Я отец Карл.

Я посмотрел на развалины. Вблизи они производили еще более внушительное впечатление.

— Вы тут впервые? — спросил отец Карл.

— Да. Я много слышал об этом месте, но не представлял себе такого.

— Это одно из самых богатых энергией мест в мире.

Я пригляделся к нему. Очевидно, он говорил об энергии же смысле, что и Рукопись. Утвердительно кивнув, я сказал

— Я уже достиг стадии, когда учусь сознательно впитывать энергию, и разобрался со своим сценарием. При этом я чувствовал некоторую неловкость от своей откровенности, но и удовольствие — я говорил искренне и открыто.

— Вы не кажетесь слишком замкнутым, — заметил он.

Я поразился.

— Откуда вы знаете, какой у меня сценарий?

— У меня развилось чутье на такие вещи. Потому я и здесь.

— Вы помогаете людям определять свои сценарии?

— Да. И узнать свою истинную природу тоже.

Его глаза сияли искренностью. Он раскрывался перед впервые встреченным человеком без малейшей неловкости и смущения.

Я молчал. Он спросил:

— Вы усвоили первые пять откровений?

— Я прочел почти все, — ответил я, — и, кроме того, разные люди объясняли мне их.

Не успел я это сказать, как понял, что опять отвечаю слишком уклончиво.

— Думаю, что я усвоил первые пять, — поправился я. — А шестое мне не совсем понятно. Он кивнул и сказал:

— Большинство людей, с которыми я общаюсь, даже не слышали ничего о Рукописи. Они приезжают сюда и впадают в восторг от наплыва энергии. Это одно заставляет их переосмыслить всю свою жизнь.

— А как вы встречаетесь с ними?

Он многозначительно посмотрел на меня,

— Они как-то находят меня.

— И вы говорите, что помогаете им узнать свою истинную природу? А как?

Он сделал глубокий вдох.

— Есть только один способ. Нужно вернуться в начало жизни, к детству и прожить его заново. Когда мы осознаем свой сценарий битвы за энергию, мы должны задуматься о высшей истине нашей семьи. Ведь кроме схваток за энергию, там было и другое, хорошее. Когда мы обретем эту истину, наша жизнь наполнится энергией, потому что мы будем знать, кто мы такие, на какой дороге, в чем наше назначение,

— Санчес тоже говорил об этом, — ответил я. — Я хочу знать, как найти эту истину.

Близился вечер, становилось холодновато. Отец Карл застегнул “молнию” на своей куртке.

— Надеюсь, что у нас будет возможность поговорить об этом, — сказал он. — А сейчас мне не терпится увидеть отца Санчеса.

Я снова бросил взгляд на развалины, и он добавил:

— Пожалуйста, гуляйте здесь, сколько хотите. Увидимся позже у меня дома.

Я прогуливался вокруг древних развалин еще часа полтора. В некоторых местах я задерживался, чувствуя там особенный прилив сил. Я пытался представить себе цивилизацию,

возводившую такие храмы. Как им удалось поднять эти камни на такую высоту и взгромоздить их один на другой? Мне казалось, что это превосходит человеческие силы.

Но постепенно мой интерес к развалинам угас, и я снова задумался о своем положении. Хотя оно за последние часы, собственно, не изменилось, я больше не испытывал страха. Доверие к Санчесу полностью вернулось — глупо было с моей стороны сомневаться в нем. И мне сразу понравился отец Карл.

С наступлением темноты я вернулся к грузовику и покатил назад, к дому Карла, Подъехав, я увидел в окно обоих отцов — они стояли рядышком. Еще с порога я услышал раскаты смеха. Они, оказывается, были на кухне — готовили вдвоем обед. Отец Карл приветствовал меня и торжественно проводил к стулу. Я лениво расселся перед огнем, ярко горящим в камине, и огляделся вокруг.

Комната была просторная, обшитая широкими деревянными панелями, протравленными морилкой. Через открытые двери мне были видны еще две комнаты — видимо, спальни — соединенные узким коридорчиком. Освещался электрическими лампочками, не слишком мощными, — меня доносилось гуденье генератора. Когда обед был готов, меня позвали к грубо сколоченному столу. Санчес прочел короткую молитву, и мы поели. За едой священники продолжали свою беседу. Потом мы втроем сели у огня.

— Отец Карл разговаривал с Биллом, — сообщил Санчес.

— Когда? — воскликнул я, волнуясь.

— Мы повстречались несколько дней назад, — ответил Карл. — Я с ним познакомился в прошлом году А сейчас он специально заехал ко мне, чтобы рассказать новости. Он говорит, что, кажется, выяснил, кто вдохновляет действия властей против Рукописи.

— Кто же?

— Кардинал Себастьян, — вставил Санчес.

— Каким образом?

— У меня такое впечатление, — ответил Санчес, — что он использует свое влияние в правительстве, чтобы натравить на нас военных. Он всегда предпочитал действовать тихой сапой в правительственных коридорах, ничего не обсуждая церковных советах, чтобы не спровоцировать раскола. Сейчас он перешел к энергичным действиям. Увы, они могут увенчаться успехом.

— То есть?

— За исключением нескольких пастырей из Северного совета, да еще трех-четырех человек вроде Хулии и Билла, ни у кого не осталось копий Рукописи.

— А ученые из Висьенте? — напомнил я.

Наступило молчание. Наконец Карл ответил мне.

— Билл рассказал, что Висьенте прикрыли. Ученые арестованы, материалы опытов изъяты.

— Неужели научное сообщество это потерпит?

— А что они могут поделать? — спросил Санчес. — В конце концов, большая часть ученых не признавала этих опытов. По официальной версии, исследователи из Висьенте нарушили закон.

— Не может быть, чтобы правительству это сошло с рук.

— Похоже, что уже сошло, — заметил отец Карл. — Я тут звонил в несколько мест, и все рассказывают одно и то же. Надо думать, власти собираются под сурдинку прикрутить гайки.

— И что же теперь будет?

Карл только пожал плечами, а Санчес сказал:

— Что будет, я не знаю, но не исключаю, что исход зависит от того, найдет ли Билл то, что ищет,

— А при чем тут это?

— Билл ведь ищет недостающую часть Рукописи, Девятое откровение, Интерес к такой находке может быть настолько велик, что в дело вмешается мировая общественность.

— А Билл говорил, куда направляется? — спросил я у отца Карла.

— Он и сам этого не знал. Сказал только, что интуиция подсказывает ему двигаться на север, поближе к Гватемале.

— Интуиция?

— Да. Когда вы разберетесь в себе и познакомитесь с Седьмым откровением, вам это станет понятно.

Меня поражало безмятежное спокойствие моих собеседников.

— Как вы можете так спокойно рассуждать об этом? — не выдержал я. — А если сейчас вломятся солдаты и арестуют нас всех?

Они смотрели на меня все с тем же спокойствием и терпением. Ответил мне отец Санчес.

— Спокойствие не означает беззаботности. Человек спокоен и невозмутим настолько, насколько он подключен к энергии. Мы сохраняем нашу связь с источником энергии, потому что это наилучший способ поведения, независимо от обстоятельств. Вам ведь это понятно?

— Да, конечно. Дело, наверное, в том, что мне самому это плохо удается.

Священники улыбнулись.

— Сохранять связь с источником, — сказал отец Карл, — будет намного легче, когда вы разберетесь в себе.

Тут отец Санчес встал и отправился на кухню — мыть посуду, как он объявил.

Я посмотрел на отца Карла.

— Ну так как же надо разбираться в себе? С чего начать?

— Отец Санчес говорит, что вы уже поняли, какие сценарии были у ваших родителей. Верно?

— Верно. Оба они были “следователями”, и оттого я стал замкнутым”.

— Ну вот, А теперь, оставив в стороне борьбу за энергию, ищите истинную причину своего появления на свет именно в вашей семье.

Я ответил ему недоумевающим взглядом.

— Для того, чтобы осознать свою истинную, духовную личность, надо понять сюжет своей жизни, выявить ее смысл и значение. И начать надо с вопроса: почему я родился именно в этой семье, у этих родителей? Зачем я появился на свет?

— Не знаю!

— Ладно. Ваш отец был “следователем”. Кем еще? Как бы его охарактеризовали?

— Вы имеете в виду его взгляды?

—Да.

Я задумался.

— Ну, он считает, что надо радоваться жизни. Что жить надо честно, но в свое удовольствие. В общем, что надо жить полной жизнью.

— И ему это удалось?

— Более или менее. Правда, всегда выходило так, что удача изменяла ему в последний момент, когда он думал, что трудности кончились и остается жить да радоваться.

Отец Карл задумчиво прищурился,

— Значит, он считает, что жизнь дана для радости и удовольствий, но на деле у него так прожить не получилось?

—Ну да.

— А почему так, вы задумывались когда-нибудь?

— Не знаю. Я обычно считал, что ему не повезло.

— Может быть, он просто не знал, как этого добиться?

— Может быть.

— А что вы можете сказать о вашей матушке?

— Ее уже нет в живых.

— Как вы могли бы описать ее жизнь?

— Ее жизнь была посвящена церкви. Она была ревностной христианкой.

— В чем это выражалось?

— Она считала, что надо служить ближним и соблюдать заповеди.

— И она их соблюдала?

— И очень строго. Во всяком случае, так, как ее учили в церкви.

— А вашего отца она убедила, что надо так жить?

Я даже засмеялся.

— Вот уж нет! Мама хотела, чтобы он ходил в церковь каждое воскресенье и принимал участие в благотворительных делах. Но он был слишком большим вольнодумцем для этого.

— Ну и как это все отразилось на вас?

Я удивился.

— Никогда об этом не задумывался.

— Но ведь, наверное, каждый из них хотел сделать вас своим союзником? Может быть, потому они и “допрашивали” вас? Ни один из них не хотел, чтобы вы усвоили ценности другого, верно? Каждый хотел, чтобы вы были на его стороне, разве не так?

— Должно быть, вы правы.

— И как вы реагировали?

— Я не хотел становиться ни на чью сторону.

— Каждый из них тащил вас в свою сторону, и в итоге вы стали “замкнутым”.

— Похоже на то.

— Что случилось с вашей матушкой?

— Она страдала паркинсонизмом, долго болела.

— Но веру свою она сохранила?

— О, да! До самого конца.

— Ну так каким же смыслом она наделила вас?

— Что-что?

— Вам нужно понять, какой смысл заключен в ее жизни — именно для вас. Вы должны понять, почему родились именно у нее, чему вы должны были у нес научиться. Любой из нас, независимо от того, сознает ли он это, своей жизнью демонстрирует собственное понимание того, как должен жить человек. Вы должны понять, чему учит вас жизнь вашей матери. Ей в то же время уяснить, что можно было бы исправить в ее жизни. Это непременная часть вашей жизненной задачи.

— Почему только часть?

— Потому что у вас был еще и отец. Понять, что можно было бы поправить в жизни отца, — это вторая часть.

Я все еще ничего не понимал.

Он положил руку мне на плечо.

— Мы ведь не только физически происходим от своих родителей. Мы и в духовном смысле — их создания. Вы родились у этого мужчины и этой женщины. Их жизнь оставила неизгладимый отпечаток на вашей личности. Чтобы добраться до своей истинной сути, надо начать с уяснения того, что эта суть — ваше истинное “я” — зародилась между правдой отца и правдой матери. И родились вы у них именно для того, чтобы подняться выше и увидеть каждую из этих правд в более широкой перспективе. Ваша жизненная цель — найти правду, которая объединила бы их верования, подняв их на более высокий уровень.

Я кивнул.

— Ну так как бы вы сформулировали то, чему учили вас родители?

— Это нелегко сделать.

— А вы попробуйте.

— Отец считал, что надо жить “на полную катушку”, быть самим собой и радоваться этому. Во всяком случае, он стремился к такой жизни. Мама считала, что надо жертвовать собой, жить для ближних. Отречься от себя. Она так понимала Писание.

— Ну а сами вы что чувствуете?

— Я не знаю.

— Какую точку зрения вы предпочитаете, отцовскую или материнскую?

— Ни ту, ни другую. Я считаю, что все не так просто.

Карл засмеялся.

— Снова уклоняетесь от ответа!

— Да нет, я просто не знаю.

— Но если бы вам пришлось выбирать одно их двух?

Я колебался, подыскивая самый честный ответ. Наконец меня осенило:

— Они оба правы, — сказал я, — И в то же время не правы.

Глаза священника просияли.

— Каким образом?

— Сам не знаю. Но правильная жизнь должна сочетать обе точки зрения.

— Вот. Ваша задача и состоит в том, чтобы понять, как их можно объединить. От вашей матушки вы унаследовали убеждение, что смысл жизни в духовности. От отца вы узнали, что жизнь — это самовыражение, веселье, приключение.

— И значит, моя жизнь должна как-то объединить эти два подхода?

— Да. Для вас главное в жизни — духовность. Ваша жизненная задача — в обретении духовности, в которой вы могли бы углубить и выразить свою личность. Вашим родителям не удалось решить эту задачу, они оставили ее вам. В этом и должна состоять цель вашего жизненного странствия, вашей личной эволюции.

Я погрузился в глубокие размышления. Отец Карл еще что-то говорил, но я уже не мог сосредоточиться на его словах. Огонь в камине догорал. Я понял, что очень устал.

Отец Карл выпрямился на стуле и сказал:

— Думаю, вы на сегодня истощили свой запас энергии. Позвольте сказать вам на прощанье только одно. Вы можете пойти спать и больше никогда не вспомнить о нашем разговоре. Вы можете вернуться к своему сценарию или, наоборот, проснуться завтра с новым пониманием себя и своей жизненной задачи. И в этом случае, вы, возможно, сделаете еще один шаг вперед — вспомните все, что случалось с вами в жизни с самого рождения. Если вы рассмотрите свою жизнь как развитие единого сюжета — с рождения и до настоящей минуты, — вы увидите, что именно разрешением этой задачи и были всегда заняты. Вы поймете, что привело вас в Перу и что вам делать дальше.

Я кивнул и внимательно посмотрел на него. В его глазах я прочел заботу и участие — то же выражение, которое я так часто видел на лицах Билла и Санчеса.

— Спокойной ночи! — И отец Карл удалился в спальню, закрыв за собой дверь.

Я расстелил на полу спальный мешок, залез в него и моментально заснул.

Когда я проснулся, моя первая мысль была о Билле. Мне захотелось подробнее расспросить о его планах отца Карла. Пока я лежал и думал, все еще в спальнике, в комнату тихонько вошел отец Карл и начал растапливать камин.

Я расстегнул “молнию” на спальном мешке, и он, услышав этот звук, обернулся.

— Доброе утро! — сказал он. — Как споли?

— Нормально! — бодро ответил я, вставая. Он положил на угли горку щепочек, а на них поленья покрупнее.

— Что Билл думает сейчас делать, говорил он? — спросил я.

Карл выпрямился и поглядел на меня.

— Он сказал, что заедет к одному своему другу, чтобы подождать каких-то вестей. Видимо, сведений о Девятом откровении.

— А еще что он говорил?

— Он считает, что кардинал Себастьян сам хочет найти это откровение. Похоже, что он близок к цели.

Билл считает, что от человека, в чьих руках окажется последнее откровение, зависит судьба всей Рукописи — получит ли она распространение, поймут ли ее.

— А почему?

— Я точно не знаю. Билл был один из первых, кому удалось собрать и прочесть все откровения. Возможно, он понимает их лучше, чем кто бы то ни было. Ему, по-моему, кажется, что с последним откровением все предыдущие станут понятнее, их будет легче усвоить.

— Вы думаете, он прав?

— Не знаю. Он лучше меня разбирается в этом. Я усвоил только то, что входит в мою задачу

— То есть?

Он ответил не сразу.

— Как я уже говорил вам, моя задача состоит в том, чтобы помогать людям найти свою истинную суть. Мне стало это ясно, когда я прочел Рукопись. Для меня в ней главное откровение — Шестое. Моя истина в том, чтобы помогать людям освоить именно это откровение. Мне это удастся, потому что я сам проделал весь процесс самопознания.

— И какой был у вас сценарий? — поинтересовался я. Его глаза весело сверкнули,

— Я был “следователем”.

— Вы подчиняли себе людей, находя в их жизни ошибки и недостатки? — поразился я.

— Вот именно. Мой отец был “бедняжкой”, а матушка “замкнутой”. На меня они не обращали внимания. Единственным способом добыть энергию для меня было придираться к их поступкам и выискивать у них недостатки.

— И как давно вы это преодолели?

— Около полутора лет назад. Я повстречал отца Санчеса и начал изучать Рукопись. Когда я всерьез задумался о своих родителях, я понял, чему должен послужить опыт, который я вынес из общения с ними. Понимаете, мой отец считал, что необходимо добиваться успеха во всем, что делаешь. Он был очень целеустремленный человек. Он распределял свое время до минуты и оценивал себя по тому, чего ему удалось добиться. А матушка была мистически настроенным человеком и полагалась на интуицию. Она считала, что каждому из нас ниспослано духовное руководство и главная задача жизни — ему следовать.

— А что ваш отец думал об этом?

— Считал это бреднями. Я улыбнулся, по промолчал.

— Понимаете, как это на меня повлияло? — спросил отец Карл.

Я покачал головой — я все-таки еще не до конца все понял.

— Благодаря отцу, — продолжал священник, — я усвоил мысль, что в жизни необходимо добиваться какой-то цели, ставить себе задачи и не успокаиваться, пока их не решишь. Матушка же приучила меня полагаться на духовное руководство, внутренний голос. Я понял, что моя жизнь должна сочетать обе точки зрения. Я пытался понять, каким образом духовное руководство подвигает человека на цель, достичь которой должен именно он, и никто другой. Я понимал, что важнее всего в жизни именно стремление к этой цели, только тогда возможно ощущение счастья и полноты жизни.

Я кивнул.

— Поэтому, как вы понимаете, именно Шестое откровение произвело на меня самое сильное впечатление. Как только я с ним познакомился, я сразу понял, что моя миссия в жизни состоит именно в этом — помогать людям разобраться в себе и найти свою цель, свою жизненную задачу

— А вам известно, как Билл пришел к тому, чем он сейчас занят?

— Да, он мне кое-что рассказывал. Он был “замкнутый”, как и вы. А его родители тоже, как и у вас, были “следователями”, и каждый из них имел вполне определенные взгляды, которые желал внушить ребенку. Его отец был немецким писателем. Он считал, что род человеческий нуждается в совершенствовании. Он-то был гуманистом, но нацисты ухватили идею совершенствования, чтобы оправдать истребление так называемых низших рас.

Такое искажение его мыслей было страшным ударом для старика. Он эмигрировал в Южную Америку с женой и сыном. Его жена была перуанка, но выросла и получила образование в Соединенных Штатах. Она тоже была писательница, но придерживалась

восточной философии. Она считала, что главное в жизни — достичь внутреннего просветления, Высшего сознания, главные признаки которого — душевный мир и отречение от всего мирского. Целью жизни, по ее мнению, было не совершенствование, а устранение нужды в любом совершенствовании, в любом продвижении... Как это, по-вашему, должно было повлиять на Билла?

Я покачал головой.

— Он оказался, — продолжал отец Карл, — в затруднительном положении. Его отец был сторонником западной идеи прогресса, а мать была сторонницей восточного принципа, по которому жизнь дана нам всецело для достижения душевного мира.

Взгляды родителей подготовили Билла к стремлению сочетать основные черты восточной и западной культур, хотя он далеко не сразу это понял. Сначала он стал инженером и трудился ради прогресса, а потом — простым проводником, который показывает людям прекрасные, трогающие душу места этой страны, сам обретая при этом душевный мир.

Но Рукопись помогла ему понять себя. В откровениях нашелся ответ на его главный вопрос, и он понял, что западная и восточная мысль действительно могут объединиться в некоей истине высшего порядка. Из откровений следовало, что Запад прав в том отношении, что действительно в жизни должен быть прогресс, совершенствование, стремление к лучшему. Но и Восток прав, потому что для совершенствования нужно отрешиться от эгоизма. Ограничиваясь только логикой, усовершенствоваться нельзя. Надо достичь полноты осознания, внутренней связи с Божеством, потому что только тогда эволюция будет направляться лучшими, высшими сторонами нашей личности.

Когда Билл начал постигать откровения, в его жизни участились важные события. Он встретился с Хосе — священником, который первым обнаружил рукопись и нашел для нее переводчиков. Вскоре после этого он познакомился с владельцем Висьенте и положил начало исследованиям, проводившимся в поместье. Примерно в то же время он повстречал Хулию, которая помимо собственного дела тоже работала проводником, сопровождая туристов в девственные леса.

С Хулией у них обнаружилось много общего. Общность целей сблизила их, и они быстро подружились. Отец Хулии тоже любил потолковать о духовности, но на фантастический, причудливый лад. А ее мать преподавала риторику в колледже, была завзятой спорщицей и превыше всего ценила ясность мысли. В итоге Хулия чувствовала тягу к духовности, но не терпела расплывчатости и высокопарной туманности выражений.

Билл искал синтеза западного и восточного понимания духовности, а Хулия стремилась выразить это понимание как можно более четко и ясно. Каждый из них нашел в Рукописи то, что искал.

— Завтрак готов! — крикнул Санчес из кухни.

Я повернулся к двери, удивленный — я думал, что он еще спит. Отложив беседу, мы с отцом Карлом двинулись на кухню, где нас ждали фрукты и овсянка. После еды отец Карл предложил мне прогуляться с ним к развалинам. Я с радостью согласился — меня очень тянуло туда. Мы одновременно глянули на отца Санчеса, но он вежливо отказался. Ему надо было спуститься в долину и позвонить кое-кому, объяснил он.

Небо сияло чистейшей голубизной, и солнце золотило вершины гор. Мы бодро зашагали по дороге.

— Интересно, можно как-нибудь связаться с Биллом? — спросил я.

— Вряд ли. Я даже не знаю, кто эти друзья, к которым он поехал. Что-нибудь разузнать о нем можно было бы в Икитосе — это пограничный городок на севере, — но ехать сейчас туда, боюсь, небезопасно.

— А почему в Икитосе?

Он говорил, что, наверное, поиски приведут туда. Там много развалин поблизости. И миссия кардинала Себастьяна там же.

— Как вы думаете, найдет Билл Девятое откровение?

— Не знаю.

Несколько минут мы шли молча, потом отец Карл снова заговорил:

— Ну как, вы выбрали свой путь?

— То есть?

— Отец Санчес мне рассказал, что первое время вы могли думать только о возвращении в Штаты, но потом заинтересовались откровениями. А сейчас что вы чувствуете?

— Сомнения и страх, — честно ответил я. — И все же меня почему-то тянет остаться.

— Помнится, у вас на глазах убили человека?

— Да.

— И все-таки вы хотите остаться?

— Нет! Я хочу бежать отсюда, спасаться... Но не уеду.

— А почему, как вы думаете?

Я заглянул ему в глаза.

— Не знаю сам. А вы знаете?

— Помните, на чем мы остановились вчера вечером?

Я помнил очень хорошо.

— Мы обсуждали жизненную задачу, которую я получил от родителей: найти такую духовность, которая поможет моему самовыражению, даст мне переживание приключений и ощущение жизненной полноты. И еще вы сказали, что надо рассмотреть свою жизнь с точки зрения этой моей эволюционной задачи и тогда станет ясным смысл происходящего сейчас.

Он загадочно улыбнулся.

— Да, если верить Рукописи, так и будет.

— Как это произойдет?

— Каждый из нас должен вспомнить поворотные пункты своей жизни и понять, какое отношение они имеют к эволюционной задаче.

Я потряс головой, ничего не понимая.

— Вспомните, чем вы всерьез интересовались, с кем дружили, какие значимые совпадения с вами случались. Какова их взаимосвязь? В какую сторону они вас подталкивали?

Я подумал о том, что со мной происходило с самого детства. Нет, я не мог уловить осмысленного узора в пестрой череде событий.

— Как вы проводили время подростком?

— Ну как вам сказать? В общем, я был обычным мальчишкой. Читать очень любил.

— Какие книги вам нравились?

— Детективы в основном, потом научная фантастика, про призраков еще... Всякое такое.

— Что происходило с вами в те годы?

Я вспомнил, какое влияние оказывал на меня дед, и рассказал отцу Карлу о нашем озере и горах. Он понимающе кивнул.

— А потом, когда вы выросли, что было?

— Поступил в колледж. Меня не было дома, когда умер дед.

— Что вы изучали в колледже?

— Социологию.

— Почему именно ее?

— Я случайно познакомился с одним преподавателем, и мне очень понравилось, как он разбирается в человеческой природе. Мне стало интересно, и я решил заниматься у него.

— Дальше что было?

— Дальше я получил диплом и поступил на работу.

— Работа вам нравилась?

— Да, И довольно долго.

— А потом?

— Потом я понял, что она почти не приносит результатов. Я работал с трудными подростками — жертвами жестокого обращения. У них были всякие эмоциональные нарушения, комплекс жертвы, отклонения в поведении. Я думал, что смогу помочь им

преодолеть прошлое и построить свою жизнь заново. Но потом я убедился, что в моем подходе чего-то недостает.

— И что произошло?

— Я оставил работу.

— А потом?

— А потом одна моя старинная приятельница позвонила мне и рассказала о Рукописи.

— И тогда вы решили лететь в Перу?

— Да.

— Что вы думаете о пережитом здесь?

— Думаю, что я с ума спятил. Дождусь, что меня подстрелят.

— Я имею в виду, как вы оцениваете свою личную эволюцию за время, проведенное здесь?

— Не понимаю вас!

— Когда отец Санчес рассказывал мне о ваших приключениях в Перу я поразился последовательности, в которой выстраивались значимые совпадения для того, чтобы познакомить вас с очередным откровением Рукописи как раз тогда, когда вы в нем нуждались.

— И что это должно значить?

Он остановился и, став передо мной, испытующе посмотрел на меня.

— Это значит, что вы готовы. Вы стоите там же, где и мы. Другими словами, вы дошли до рубежа, где вам понадобится Рукопись, чтобы ваша эволюция продолжалась. Подумайте только, как взаимосвязаны все события вашей жизни! С детства вас интересует все таинственное, загадочное. Это естественно привело вас к изучению человеческой природы. Как вы думаете, почему вам повстречался именно этот преподаватель? Благодаря ему ваш интерес к загадкам и тайнам сосредоточился на величайшей тайне из всех: природе человека, его месте в мироздании и смысле жизни. При этом вы до определенной степени и тогда понимали, что осознание смысла жизни требует переосмысления своего прошлого, избавления от груза приобретенных стереотипов и продвижения вперед. Именно поэтому вы и работали с трудными ребятишками.

Но, как вы теперь понимаете, вам нужны были откровения, чтобы разобраться, чего же вам недоставало в вашей работе с детьми. Для того, чтобы дети с эмоциональными нарушениями могли развиваться, они нуждались в том же, в чем нуждаемся и все мы: им нужен был доступ к энергии, без которой они не могли понять свои сценарии и, как вы говорите, преодолеть свое прошлое, чтобы далее продолжать процесс духовного развития — тот самый процесс, который вы все это время пытаетесь осознать.

Рассмотрите эти события в правильной перспективе. Все интересы, управлявшие вашим поведением в прошлом, все фазы вашего развития приготовили вас к появлению здесь, к восприятию откровений. Вы искали путей продвижения к духовности, развивающей и утверждающей вашу личность, всю жизнь. Энергия, полученная вами в том уголке природы, где вы выросли, — энергия, к которой приобщил вас ваш дед, — дала вам смелость для появления в Перу. Вы здесь, потому что вам надо быть здесь, чтобы эволюционировать дальше. Вся ваша жизнь была одной длинной дорогой сюда.

Он улыбнулся.

— Когда вы полностью усвоите этот взгляд на свою жизнь, вы обретете то, что Рукопись называет ясным осознанием своего духовного пути. Здесь нельзя торопиться — Рукопись учит нас посвящать исследованию своего прошлого столько времени, сколько понадобится. Большинство из нас следует своему сценарию битвы за энергию, который надо преодолеть, но после этого мы можем понять высший смысл нашего рождения у своих родителей и осознать значение всех событий своей жизни. Каждый из нас имеет свою духовную цель, свою миссию, которую мы стремились исполнить, даже сознавая этого. Но как только мы овладеем полным осознанием своей миссии, наша жизнь стремительно двинется вперед.

Вы уже поняли свою миссию. Теперь вы должны идти вперед, позволяя значимым совпадениям направлять вас. Они скажут вам, что вы должны сделать здесь, в Перу. До сих пор вы пользовались энергией Билла и отца Санчеса. Пришло время научиться развиваться самостоятельно и сознательно. Он хотел еще что-то сказать, но мы оба отвлеклись, завидев на дороге догоняющий нас грузовик Санчеса. Когда машина остановилась и Санчес опустил стекло, Карл спросил:

— Что случилось?

— Мне нужно немедленно собраться и вернуться в миссию, — ответил Санчес. — Там солдаты... и кардинал Себастьян. Мы вскочили в грузовик, и Санчес отвез нас назад, к дому отца Карла. По дороге он рассказал, что солдаты вломились в миссию, чтобы отобрать все копии Рукописи. Не исключено и то, что миссию совсем закроют.

Подъехав, мы торопливо вбежали в дом. Отец Санчес сразу бросился собирать свои вещи. Я стоял в сторонке, не зная, га что решиться. Отец Карл подошел к собрату и заявил:

— Думаю, мне надо поехать с вами.

— Вы уверены? — спросил Санчес.

— Да. Это мой долг.

— Но чем вы можете нам помочь?

— Еще не знаю.

Санчес посмотрел ему в глаза и вернулся к своим сборам, сказав только:

— Что ж, если вы думаете, что так лучше...

Я стоял, прислонившись к дверной раме.

— А мне что делать?— спросил я.

Оба оглянулись на меня.

— Это вам решать, — сказал отец Карл.

Я молчал.

— Вы должны сами принять решение, — эхом отозвался Санчес.

Я не верил своим ушам. Неужели им совершенно безразлично, что я буду делать? Если я поеду с ними, солдаты, без сомнения, арестуют меня. Но и остаться тут одному было невозможно.

— Послушайте, — сказал я, — я просто не знаю, что делать. Вы должны мне помочь. Есть тут кто-нибудь, у кого я мог бы укрыться?

Священники переглянулись.

— По-моему, нет, — ответил Карл.

Я беспомощно смотрел на них. Меня терзал страх.

Отец Карл улыбнулся.

— Ну же, — проговорил он, — соберитесь! Вспомните, кто вы такой.

Санчес вынул из дорожной сумки папку с листами бумаги.

— Вот вам список Шестого откровения. Возможно, он подскажет вам решение.

Я взял бумаги. Санчес спросил у Карла:

— Когда вы сможете отправиться?

— Мне нужен еще час. Надо кое с кем связаться. Санчес посмотрел на меня.

— Почитайте пока, подумайте. Потом поговорим.

Они снова занялись приготовлениями к отъезду, а я вышел из дома, сел на валун и достал бумаги. То, что я прочел, уже было мне знакомо из разговоров с Санчесом и Карлом. Исследование прошлого необходимо для осознания своего индивидуального способа отбирать чужую энергию. Этот способ усваивается нами в детстве. Преодолев этот стереотип, мы сможем найти свое высшее “я” и подняться на лестнице эволюции.

Я прочел все меньше чем за полчаса. Я понял главное содержание откровения: прежде чем мы сможем полностью овладеть тем особым состоянием сознания — это состояние знакомо многим по мгновенным проблескам, — при котором мы ясно видим, что идем по жизни, направляемые таинственными совпадениями, мы прежде всего должны понять свою истинную сущность.

И тут как раз отец Карл, выйдя из-за угла дома, увидел меня и подошел.

— Дочитали?

Он говорил тепло и дружески, как всегда.

— Да.

— Не возражаете, если я посижу тут с вами немного?

— Мне этого очень хочется.

Он пристроился на валуне у моего правого бока и, помолчав спросил:

— Вы понимаете, что сейчас стоите на пути познания?

— Да, наверное, но делать-то что?

— Нет, вы должны сначала поверить до конца.

— Не могу, мне очень страшно.

— Поймите, как важно принять правильное решение. Ведь истина, которую вы ищете, так же важна, как эволюция всего мироздания. Потому что эту эволюцию совершаем мы. Неужели вам непонятно? Отец Санчес рассказал мне о вашем прозрении на вершине горы. Вы видели, как развивалась материя — от водорода с его простейшими колебания-до человека. Тогда вы еще не знали, как люди продолжают эволюцию. Теперь вы это знаете.

Люди рождаются — каждый на своем месте, в свое время, своей исторической обстановке. Они вступают в союз с другими людьми, нашедшими свою цель. Ребенок, родившийся от такого союза, примиряет позиции своих родителей в некоем высшем синтезе. Ему помогают в этом значимые совпадения. Я не сомневаюсь, что вы поняли Пятое откровение: каждый раз, как мы, впитав энергию и встретив нужное совпадение, продвигаемся вперед, мы повышаем свой энергетический уровень и остаемся на нем. Наши дети наследуют у нас уровень колебаний и в собственной жизни повышают его дальше. Эволюция совершается нами, людьми.

Наше время внесло в этот процесс нечто новое. Мы готовы осознать эволюционный процесс и тем самым его ускорить. Страшно вам или нет — это не имеет значения, у вас нет выбора. Раз уж вы поняли, в чем смысл вашей жизни, вы не можете утратить это знание. Если вы попробуете направить вашу жизнь в другую сторону, вы останетесь с ощущением урона, неполноты. Вы лишитесь самого главного.

— Но сейчас-то мне что делать?

— Не знаю. Это знаете только вы. Я могу только посоветовать вам набрать побольше энергии.

К нам присоединился отец Санчес. Он подошел как можно тише и незаметнее, отводя глаза, словно боялся нам помешать. Я попытался сосредоточиться, сфокусировав внимание на окружающих дом скалах. Сделав глубокий вдох, и понял, что с той минуты, как вышел из дома, был полностью поглощен собой, ничего вокруг не замечая. Я отсек себя от красоты и величия гор.

Глядя вокруг и пытаясь проникнуться окружающей красотой, я снова, как бывало, ощутил свою причастность ко всему, что вижу. Все вокруг стало близким, реальным, все засветилось. Я снова ощутил свое тело легким и полным сил.

Я посмотрел сперва на отца Санчеса, потом на отца Карла. Оба внимательно глядели на меня, и я понял, что они видят мое энергетическое поле.

— Как я выгляжу? — спросил я.

— Вроде бы получше, — ответил Санчес. — Побудьте здесь, наберите энергии как можно больше. Мы соберемся через двадцать минут.

Он улыбнулся — чуть-чуть лукаво.

— И вы, — добавил он, — будете готовы начать.

7 - ВСТУПЛЕНИЕ В ПОТОК

Священники вернулись в дом, а я провел еще несколько минут, любуясь горами и пытаясь набрать побольше энергии**.** Но потом я, утратив сосредоточенность, задумался о Билле. Где он? Удастся ли ему найти Девятое откровение?

Мне представилась картина: он бежит через сельву с откровением в руке, спасаясь от преследующих его солдат. Я подумал о кардинале, отправившем солдат в погоню. В этом сне наяву мне было ясно, что Себастьян, несмотря на свою власть и авторитет, не прав, что он неверно представляет себе влияние откровений на человеческие души. Мне покаюсь, что его можно было бы переубедить, если бы только поняли, какая именно часть Рукописи его напугала. Среди этих размышлений мне вспомнилась Марджори, она, что с ней? Я представил себе нашу встречу. Где и когда это случится?

Хлопнула входная дверь, и я вернулся к действительности. Я снова ощутил свою слабость, свой страх. Санчес обогнул дом и подошел ко мне быстрым, уверенным шагом. Он присел рядом и спросил:

— Вы приняли решение?

Я покачал головой.

— Судя по вашему виду, вы не набрались сил.

— Нет, скорее, я чувствую слабость.

— Мне кажется, вы не выработали верной последовательности действий при насыщении энергией.

— Как это?

— Позвольте, я объясню вам мой личный метод впитывания энергии. Может быть, это поможет вам найти собственный.

Кивком головы я попросил его продолжать.

— В первую очередь, — начал он, — я стараюсь сосредоточиться на том, что меня окружает. Думаю, что и вы начинаете с этого. Потом я стараюсь припомнить, как выглядит это все, когда я переполнен энергией. Я вспоминаю свое ощущение живого присутствия всех предметов, неповторимой красоты и формы каждого, особенно растений. Вспоминаю, как все краски делаются ярче, как все начинает мерцать и светиться. Это все вам понятно?

— Да, так же и я делаю.

— Затем я стараюсь вернуть чувство близости и причастности всему, когда мне кажется, что я могу коснуться самых удаленных предметов. Потом я делаю вдох и вбираю в себя все это.

— Как вбираете?

— А разве отец Джон не объяснил вам этого?

— Нет!

Санчес смутился.

— Наверное, он собирался вернуться и рассказать вам об этом попозже. У него есть пристрастие к сценическим эффектам. Он уходит в середине урока, оставляя учеников поразмыслить над тем, о чем он говорил. Потом он является снова, в самый нужный момент, чтобы добавить что-нибудь к своему наставлению. Наверняка он и к вам хотел вернуться, но не успел, мы слишком скоро уехали.

— Я хотел бы узнать об этом, — сказал я.

— Вы помните ощущение радостного восторга, которое испытали там, на горе?

— Еще бы!

— Чтобы вернуть себе подобное ощущение, я на вдохе втягиваю в себя энергию, к которой подключился.

Слушая Санчеса, я пытался проделать то, о чем он говорил. При его описании я ощутил, что моя причастность к окружающему увеличивается. Все вокруг меня как бы выступило из тумана, все стало прекрасным. Даже камни обрели беловатое свечение. Энергетическое поле Санчеса расширилось и поголубело. Он дышал глубоко и медленно, делая после каждого вдоха пятисекундную паузу. Я последовал его примеру.

— Если предстаешь себе, — сказал он, — что каждый вдох наполняет нас энергией, что мы раздуваемся от нее, как воздушный шар, мы и на самом деле впитаем ее больше. Мы будем чувствовать легкость и восторг.

После нескольких вдохов я почувствовал, что он прав.

— Наполнившись энергией, — продолжал Санчес, — я начинаю следить за своими эмоциями, Я уже говорил вам: по тому, что я чувствую, я сужу, подключился ли я по-настоящему.

— Вы говорите о любви?

— Именно о ней. Помните наш разговор в миссии? Любовь — не абстрактное понятие и не моральный долг. Любовь — эта та эмоция, которая охватывает нас, когда мы подключаемся к энергии мироздания, — а это, конечно, энергия Бога.

Отец Санчес смотрел на меня, слегка расфокусировав взгляд**.**

— Вот теперь, — сказал он, — у вас получается. Вот этот уровень энергии вам и нужен. Сейчас я немножко помог вам, но впредь вы сможете достигать его самостоятельно.

— Как именно вы мне помогли? Священник махнул рукой.

— Это сейчас неважно. Вы узнаете об этом позже, когда дойдете до Восьмого откровения.

Из-за угла дома вышел отец Карл. Он посмотрел на нас и, кажется, остался доволен. Подойдя, он обратился ко мне с вопросом:

— Ну как, вы пришли к какому-нибудь решению?

Мне уже надоел этот вопрос. Я почувствовал раздражение и едва не начал терять энергию.

— Вы снова впадаете в свой, сценарий, — заметил отец Карл. — Но уйти от выбора вам все равно не удастся. Что, по вашему мнению, вам надо делать?

— Нету меня никакого мнения! — признался я. — В этом-то вся проблема.

— Вы уверены, что нет? Когда человек подключается, иной раз у него появляются неожиданные мысли.

Я ответил на это недоумевающим взглядом.

— Когда мы пытаемся управлять событиями при помощи логики, — объяснил он, — у нас в голове вертятся одни и те привычные мысли. Но когда мы отрешаемся от своих стереотипов, эти мысли уходят. Когда вы наполняете себя энергией, у вас появляются новые мысли, внушенные лучшей, высшей частью вашего “я”. Их можно назвать интуитивными прозрениями. Их не спутаешь с теми, другими. Они просто появляются у вас, иногда принимая форму сна наяву или видения. Они приходят, чтобы направить вас, указать вам путь. Я все еще не понимал.

— Расскажите, о чем вы думали, когда сидели тут один.

— Да мне всего и не вспомнить!

— А вы попытайтесь.

Я стал припоминать.

— Я думал о Билле. О том, удастся ли ему найти Девятое откровение. О Себастьяне, вдохновляющем борьбу с Рукописью.

— Еще о чем?

— Потом я вспомнил Марджори и стал думать, где она и что с ней... Но я не понимаю, как это поможет мне понять, что делать!

— Позвольте, я объясню, — сказал отец Санчес. — Впитав достаточно энергии, вы начинаете сознательно двигаться по пути эволюции. Вы заставляете учащаться совпадения, которые помогают вашему продвижению. Вы идете по собственному пути, предназначенному только вам, и никому другому. Сначала, как я уже сказал, вы впитываете энергию, потом вспоминаете свою главную задачу, жизненную цель — ту, которой вас наделили родители, — потому что эволюционировать вы можете только на пути к этой цели. Далее вы должны выбрать путь, для чего надо ответить на те вопросы, которые стоят перед вами в данную

минуту. Эти вопросы всегда имеют отношение к вашей главной жизненной задаче и определяют, далеко ли вы продвинулись в ее решении.

Когда вы четко сформулируете для себя эти вопросы, ваша интуиция обязательно подскажет вам, что делать и куда направиться. Вы сразу поймете это. Иначе и быть не может Понимаете, главная жизненная трудность не в том, чтобы получить ответ, а в том, чтобы суметь задать нужный вопрос. Когда вопрос сформулирован правильно, ответ не замедлит.

А когда ответ будет получен и вы узнаете, что надо делать, — продолжал он, — ваша дальнейшая задача — постоянно быть настороже и не пропустить совпадения, которое рано или поздно произойдет и поможет вам продвинуться на пути, указанном интуицией. Это вам понятно?

— Кажется, да.

— Так вот, не кажется ли вам, что мысли о Билле и Марджори появились у вас не зря? Чтобы понять, почему они к вам пришли, вы опять должны вспомнить главные обстоятельства своей жизни. Вы помните, что родились у ваших родителей для того, чтобы обрести такую духовность, которая разовьет, утвердит вашу личность и станет радостным приключением. Это так?

— Да.

— Поэтому вы, будучи ребенком, интересовались загадками и тайнами, а когда выросли, изучали социологию и работали с трудными детьми. При этом вы не сознавали причину; по которой поступаете именно так. Затем, когда вы стали пробуждаться, вы услышали о Рукописи и прилетели в Перу. Здесь вы стали одно за другим постигать откровения, и каждое из них что-то сообщало вам о той духовности, которую вы ищете. Теперь, когда вы многое уяснили, вы можете стать на путь осознанной эволюции, для чего вам надо сформулировать стоящие перед вами вопросы и услышать ответы, которые будут вам даны. Я молча смотрел на него.

— Какие вопросы стоят перед вами? — спросил он.

— Ну... Я хочу узнать остальные откровения. Особенно хочу знать, найдет ли Билл Девятое. Хочу узнать о Марджори. Еще... хочу узнать о Себастьяне.

— И что вам отвечает интуиция?

— Не знаю. Я представлял себе встречу с Марджори. Представлял, как Билл убегает, а солдаты за ним гонятся. Что это значит?

— А где вам представился Билл?

— В сельве.

— Возможно, это указание, куда вам ехать. Икитос как раз окружен сельвой. А как вы видели Марджори?

— Мне просто представилась наша встреча.

— А Себастьян при чем?

— Мне пришло в голову, что он борется с Рукописью, потому что неверно ее истолковал, и что его можно переубедить, если понять, чего именно он в ней боится.

Священники обменялись удивленными взглядами.

— Что это все значит? — спросил я.

Отец Санчес ответил вопросом на вопрос:

— А вы как думаете?

Впервые после памятного приключения на верху горы я чувствовал себя наполненным энергией, сильным и уверенным в себе. Я поднял глаза и твердо сказал:

— Думаю, это значит, что мне надо отправиться в сельву и постараться узнать, что именно в Рукописи пугает церковные власти.

Отец Карл улыбнулся.

— Замечательно! Можете взять мой грузовик.

Я кивнул. Мы обогнули дом и пошли к машинам. Все мои вещи вместе с запасом еды и питья уже лежали в грузовике отца Карла. Свои вещи священники погрузили в машину Санчеса.

— Вот что я хочу вам сказать на прощанье, — проговорил Санчес. — Не забывайте почаще останавливаться, чтобы возобновить запас энергии. Ощущайте полноту, ощущайте любовь. Помните, что если вы ощущаете любовь, ничто и никто не сможет отобрать у вас энергию. Если вы и отдадите энергию кому-то, то сможете ее восстановить. В действительности, поток отдаваемой вами энергии тут же создаст встречное течение, направленное к вам, так что ваша энергия никогда не иссякнет. Все, что требуется, — это полное осознание обоих потоков. Особенно это важно, когда вы общаетесь с людьми.

Он замолчал, и тут же, словно по данному знаку, подошел и заговорил отец Карл.

— Вы изучили все откровения, кроме двух, — Седьмого и Восьмого. Седьмое учит нас сознательной эволюции — нужно быть начеку и замечать каждое значимое совпадение, каждый ответ, который посылает нам Вселенная.

Он протянул мне небольшую папку.

— Это — Седьмое. Оно недлинное и носит общий характер. Оно учит нас помнить, что вещи, которые бросаются в глаза, и приходящие в голову мысли могут быть посланы нам как ответы на наши вопросы. Что касается Восьмого, то вы познакомитесь с ним, когда придет время. Оно учит нас помогать людям дать нам нужные ответы. А дальше оно описывает новую этику человеческих отношений. Мы узнаем, как люди должны относиться друг к другу, чтобы каждый мог без помех эволюционировать.

А почему вы сразу не дадите мне Восьмое откровение? — спросил я.

Отец Карл, улыбнувшись, положил руку мне на плечо.

— Потому, что мы чувствуем, что этого делать не надо. Мы ведь тоже должны прислушиваться к своей интуиции. Не сомневайтесь, вы получите Восьмое, — когда зададите нужный вопрос

Я сказал, что все понял. Друзья обнялись со мной и пожелали мне удачи. Отец Карл еще раз заверил меня, что мы скоро увидимся и что я обязательно узнаю все, ради чего прилетел в эту страну:

Мы уже собрались сесть по машинам, когда Санчес неожиданно снова повернулся ко мне.

— Интуиция велит мне сказать вам еще одну вещь, которую вы поймете позже. Определяйте путь по красоте и радужному свечению. Места и люди, которые несут вам ответы, будут сиять и радовать глаз.

Я кивнул и сел в грузовик отца Карла. Мы тронулись — друзья мои впереди, я за ними. Так мы ехали по каменистой дороге несколько миль, до развилки, а там Санчес помахал мне рукой из окна и свернул с отцом Карлом на восток. Я проводил их взглядом и направил ветхий грузовичок на север, к бассейну Амазонки.

Я начинал терять терпение. Проделав с хорошей скоростью трехчасовой путь, я застрял на развилке, не зная, на что решиться.

Можно было свернуть налево. Судя по карте, эта дорога, шедшая вдоль горного хребта, вела к северу на сотню миль, потом резко сворачивала к востоку — к Икитосу. Путь направо уводил сразу на восток, в сельву, и шел к Икитосу прямиком.

Я сделал глубокий вздох, чтобы успокоиться и сосредоточиться. Бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида — дорога была пустынна. Мне вообще уже больше часа не попадались ни машины, ни бредущие по обочине местные жители. Я постарался стряхнуть беспокойство, понимая, что надо подключиться к энергии, чтобы принять правильное решение.

Я сосредоточился на окружающем. Дорога, ведущая направо, проходила мимо купы высоких деревьев и углублялась в лес. У подножия деревьев громоздились валуны, окруженные пышными тропическими кустами. Другая дорога шла среди голых скал, меж которых еле пробивалась скудная растительность. Одно дерево, впрочем, виднелось и в той стороне.

Я перевел взгляд направо и попытался пробудить в себе любовь к тому, что вижу. Кусты и деревья покрывала яркая, сочная зелень. Потом я посмотрел налево и тоже

попробовал полюбить увиденное. И сразу мне бросилась в глаза тянущаяся вдоль дороги полоска травы с цветами. Трава была чахлая, с пожухлыми листьями, но белые цветы создавали неповторимо красивый узор на этой убегающей вдаль полоске — я удивился, как мог сразу не заметить их. Они прямо-таки светились. Я постарался охватить взглядом все, что лежало в этом направлении, и поразился, как красочны и выразительны серые камни и коричневые пятна гравия, расцвеченные янтарными, фиолетовыми и багровыми оттенками цвета.

Я снова повернулся направо, к кустам и деревьям. Как ни были они прекрасны, их красота побледнела по сравнению с тем, что я видел на другой дороге. Я не мог понять, почему это случилось, ведь сначала именно правая дорога казалась мне гораздо красивее. Моя интуиция явно влекла меня налево, прельщая красотой цвета и формы.

Моим колебаниям пришел конец: я знал теперь, куда ехать. Я завел грузовик, и он покатил налево, подскакивая на камнях и ухабах. Я же, сидя на трясущемся сиденье, чувствовал себя легким и сильным. Шея и спина безо всякого усилия распрямились, руки твердо держали руль, не опираясь на него.

Проехав около двух часов без приключений, я перекусил из корзинки, заботливо положенной на сиденье отцом Карлом, и пустился дальше. Пустынная по-прежнему дорога петляла, то поднимаясь, то опускаясь, от холма к холму. И вдруг я заметил на вершине одного из холмов два автомобиля, довольно ветхих. Они стояли под деревьями у самой обочины. Людей не было видно, и я заключил, что эти машины просто брошены здесь. Впереди дорога делала резкий поворот и, описав широкую дугу, спускалась в долину. С высоты, на которой я находился, местность просматривалась на несколько миль вокруг.

Я резко затормозил. Внизу, в долине, у обеих сторон дороги стояли военные джипы. Несколько солдат прохаживалось поблизости. Дрожь пробежала у меня по спине — дорога была перекрыта. Я подал назад, укрыв свой грузовик за двумя крупными скалами. Выйдя из машины, я вернулся к вершине холма, чтобы посмотреть, что делается внизу. Один из джипов медленно удалялся.

Внезапно я услышал шум за спиной. Мгновенно обернувшись, я увидел Фила — эколога из Висьенте.

Он был поражен неожиданной встречей не меньше меня.

— Что вы тут делаете? — воскликнул он, подбегая ко мне,

— Пытаюсь добраться до Икитоса.

Он тревожно озирался по сторонам.

— Мы тоже. Власти просто беснуются из-за Рукописи. Мы вот думаем, стоит ли попытаться тут проскочить. Нас четверо.

Он кивнул налево. Я увидел за деревьями несколько человек.

— А зачем вам в Икитос? — спросил он.

— Я ищу Билла. Нам пришлось разделиться в Куле, но я слышал, что он, возможно, направится в Икитос. Он ведь ищет конец Рукописи.

Фил испугался.

— Зачем он это делает! Военные власти изымают у всех копии! Вы разве не знаете, что произошло в Висьенте?

— Я слышал, но не знаю подробностей.

— Меня там не было в это время. Говорят, они вломились в усадьбу и арестовали всех, у кого были копии, а остальных задержали и допросили. Хейнса и еще несколько человек куда-то увезли, и никто не знает, что с ним.

— А вы знаете, почему власти так ополчились на Рукопись? — спросил я.

— Понятия не имею! Но когда я понял, какой опасности подвергаюсь, я решил вернуться в Икитос, забрать свои материалы и уехать из страны.

Я рассказал ему о том, что случилось со мной и Биллом после отъезда из Висьенте, и подробно описал убийство, виденное мною на горе.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Неужели вы и после этого не бросили эти игры?

Его слова слегка поколебали мою уверенность, но я возразил:

— Послушайте, если мы смиримся, то Рукопись просто будет уничтожена. Мир не узнает о ней. А я считаю, что ее откровения очень нужны людям.

— И стоят того, чтобы за них умереть?

Я не успел ответить — раздался шум двигателей. Машины ехали по долине в нашу сторону.

— О черт! — воскликнул Фил. — Они идут на нас! Не успел он договорить, как мы услышали, что и с другой стороны приближаются машины.

— Мы окружены! — Фил был в ужасе.

Я подбежал к своему грузовику, поспешно положил корзинку с едой в сумку и туда же запихнул листы с откровением. Потом передумал и сунул бумаги под сиденье.

Машины приближались. Я побежал через дорогу направо, вслед за Филом. Я увидел его ниже на склоне — он и еще несколько человек притаились за нагромождением камней. Я присоединился к ним. У меня еще оставалась надежда, что машины пройдут, не остановившись. Мой грузовик был с дороги не виден. Что касается тех, старых машин, то я надеялся, что они, как и я, решат, что их бросили здесь давно.

Джипы с солдатами, едущие с юга, появились первыми и, к моему ужасу, остановились поблизости от брошенных машин. Раздался голос:

— Не двигаться! Полиция!

Мы в ужасе застыли. На склоне появилось несколько вооруженных до зубов солдат. Они двигались, внимательно оглядывая местность, и, конечно, заметили нас. Подойдя к нам, они нас обыскали, отобрав все, что было у нас в карманах, и повели к дороге. Там уже собралось несколько десятков солдат. Они обыскивали машины. Фила со спутниками погрузили в один из джипов, который тут же уехал, Я успел бросить последний взгляд на Фила — он был смертельно бледен.

Меня привели к вершине холма и велели сесть на землю. Вокруг толпились солдаты — у каждого был автомат на плече. Наконец появился офицер. Он бросил на землю к моим ногам папку с седьмой главой Рукописи. За ней на землю полетели ключи от грузовика отца Карла.

— Это ваши бумаги? — спросил офицер.

Я молча смотрел па него.

— Эти ключи отобрали у вас, — продолжал он. — Бумаги найдены в вашей машине. Я еще раз спрашиваю: они ваши?

— Я буду отвечать только в присутствии адвоката, — пробормотал я. На эту сакраментальную фразу офицер ответил саркастическим смешком. Солдаты подвели меня к джипу и усадили на переднее сиденье, рядом с местом водителя. Двое из них уселись сзади, держа оружие наготове. Во второй джип село еще несколько человек. Помедлив несколько минут, обе машины двинулись к северу, в долину.

Беспокойные мысли теснились у меня в голове. Куда меня везут? Как я оказался в таком положении? Священники так старались подготовить меня — и вот, меня и на один день не хватило. Там, на развилке, я был совершенно уверен, что выбрал правильный путь. Именно эта дорога “сияла и радовала взгляд”, сомневаться не приходилось. В чем же я ошибся? Я сделал глубокий вдох, стараясь успокоиться. Что будет со мной? Я решил изображать безобидного туриста. Скажу, что ничего не знаю, ничего не видел, какие-то люди сбили меня с толку, заблудился в горах, хочу домой.

Я зажал руки коленями, стараясь унять дрожь. Один из сидящих сзади солдат протянул мне фляжку с водой, я взял ее, хоть и не хотел пить. Солдатик был совсем молоденький, и когда я протянул ему фляжку назад, он улыбнулся мне открыто и дружелюбно. Я вспомнил ужас на лице Фила. Что с ним сделают?

Тут мне пришло в голову, что встреча с Филом на вершине холма была совпадением. В чем его значение? О чем мы говорили бы, если бы нам не помешали? Я успел высказать свою убежденность в важности Рукописи, а он успел предупредить меня об опасности и посоветовал исчезнуть, пока меня не поймали. К сожалению, его совет запоздал.

Несколько часов мы ехали в полном молчании. Вокруг была ровная местность, разреженная атмосфера гор сменилась теплым воздухом долины. В какой-то момент молодой солдат протянул мне открытую консервную банку с солдатским пайком — говяжья тушенка, кажется, — но есть я не мог. С заходом солнца мгновенно наступила темнота.

Я ни о чем не думал и тупо смотрел вперед на освещенный фарами участок дороги. Потом меня одолела беспокойная дремота. Мне снилось, что я убегаю от кого-то. Я бежал изо всех сил, а вокруг горели костры, сотни костров. Я знал, что где-то должен быть ключ, который откроет мне дверь к познанию, и я спасусь. И вот, в самом центре одного из пылающих костров я увидел этот ключ! Я бросился к нему...

Я вздрогнул и проснулся, обливаясь потом. Солдаты смотрели на меня с недоумением, Я встряхнулся и прислонился головой к дверце машины. Глядя в окно на неопределенно-черные формы бегущего навстречу ландшафта, я боролся с подступающим ужасом. Я был один рядом со своими стражами, меня везли куда-то в темноту, и никого не интересовали мои кошмары.

Около полуночи мы подъехали к большому, слабо освещенному строению из тесаного камня. В нем было два этажа. Меня провели мимо главного входа в боковую дверь. От нее вели ступеньки в узкий коридор. Внутренние стены тоже были сложены из камня, а потолок был деревянный — толстые балки и грубо оструганные доски. Путь нам освещали свисающие с потолка электрические лампочки без абажуров. Мы вошли еще в одну дверь. Там оказалось помещение, разделенное на несколько камер. Один солдат, который по дороге отстал, теперь догнал нас, распахнул дверь одной из камер и знаком приказал мне войти.

Внутри стояли три койки и деревянный стол с цветочной вазой. К моему удивлению, в камере было очень чисто. Войдя, я увидел там молодого перуанца, лет восемнадцати-девятнадцати. Вид у него был кроткий. Солдат запер дверь и ударился. Я сел на одну из коек. Юноша повернул фитиль масляной лампы, чтобы она горела ярче, Когда свет упал на лицо, я разглядел, что он индеец.

— Вы говорите по-английски? — спросил я.

— Да, немного.

— Где мы находимся?

— Поблизости от Пулкупы.

— Это что, тюрьма?

— Нет. Здесь держат тех, кого допрашивают о Рукописи.

— Вы давно тут?

Он обратил на меня мягкий взгляд карих глаз.

— Два месяца.

— Как с вами обращаются?

— Убеждают не верить Рукописи и сказать, у кого есть копии.

— Как убеждают?

— Просто уговаривают. Словами.

— А не угрожают?

— Нет.

Я замолчал. Он вопросительно глядел на меня.

— У вас обнаружили копию Рукописи? — спросил он наконец.

— Да. А у вас?

— Тоже. Я живу тут поблизости, в сиротском приюте. Наш директор объяснял нам Рукопись. Он разрешал мне рассказывать о ней детям. Ему удалось скрыться, а меня поймали.

— Сколько вы знаете откровений?

— Все, что найдены. А вы?

— Я... Я видел все, кроме Седьмого и Восьмого. Седьмое было у меня с собой, но я не успел его прочесть — солдаты помешали.

Юноша зевнул.

— Ну что, будем спать?

— Да, — рассеянно ответил я, — конечно.

Я улегся на койку и закрыл глаза. Мысли путались. Что делать? Как я позволил себя схватить? Можно ли будет убежать? Несколько вариантов развития событий успели промелькнуть у меня в голове. Наконец я заснул.

Мне снился сон, живой и яркий. В поисках того же самого ключа я блуждал теперь в дремучем лесу. Я метался то туда, то сюда, надеясь на какой-нибудь знак, который укажет верную дорогу. Потом разразилась гроза с обильным ливнем. Стремительно мчащийся поток захватил меня и вынес в бурную реку. Накатывающиеся волны едва не погребли меня под водой. Я изо всех сил боролся с течением. Мне казалось, что это продолжается долго, несколько суток. Наконец мне удалось прибиться к скалистому берегу. Я кое-как выбрался на камни и стал карабкаться вверх, цепляясь за уступы скал. Подъем становился все круче и опаснее. Я собрал всю свою волю и осторожно продвигался вверх, но наконец беспомощно прижался к каменному откосу, боясь пошевелиться. Я взглянул вниз и с отчаянием увидел, что река, из которой я выбрался с таким трудом, подвергаясь такой опасности, течет дальше спокойно и плавно среди отлогих зеленеющих берегов. И там, на лугу, среди цветов лежал в траве мой ключ. Тут мои руки сорвались, я с криком упал в воду и пошел ко дну…

Я рывком сел, глотая воздух. Молодой индеец, который, видимо, уже не спал, подошел ко мне.

— Что с вами? — спросил он.

Слегка отдышавшись, я огляделся вокруг и вспомнил, где нахожусь. Только сейчас я заметил, что в камере есть окно — правда, с решеткой. На улице было уже совсем светло.

— Дурной сон приснился, — объяснил я.

Он улыбнулся, словно ему это понравилось.

— Плохие сны зачастую несут важные сообщения, — заметил он.

— Какие сообщения? — спросил я, вставая и надевая рубашку.

Он помолчал, подыскивая нужные слова.

— Про сны объясняется в Седьмом откровении, — сказал он наконец.

— Что же там говорится?

— Откровение учит... м-м... как бы это сказать...

— Толковать сны?

— Да, вот именно! Толковать.

— А как это делать?

— Там говорится, что надо сопоставить то, что происходило во сне, с тем, что случилось с вами наяву. Я задумался, не уверенный, что правильно его понял.

— Что значит “сопоставить”?

Юноша словно бы не смел заглянуть мне в глаза.

— Хотите, истолкуем ваш сон?

Я кивнул и рассказал ему все, что видел.

Он слушал очень внимательно.

— А теперь сопоставим это с жизнью.

Я смотрел недоуменно.

— Как? С чего начинать?

— С самого начала. Что вы делали в начале сна?

— Ходил по лесу и искал ключ.

— Как вы себя ощущали?

— Потерянным. Я заблудился и не знал, в какую сторону идти.

— Сопоставим это с тем, что происходит с вами наяву.

— Ну, может, и правда есть какая-то связь, Я ищу ответа на некоторые вопросы, связанные с Рукописью, и в каком-то смысле действительно заблудился.

— Еще что с вами происходит?

— Вот, поймали меня. Как я ни старался уйти от них, но попался и теперь сижу под замком. Вся надежда на то, что уговорю их меня отпустить.

— А вы старались избежать ареста?

— Естественно!

— Что дальше было во сне?

— Я боролся с течением.

— Почему?

До меня постепенно стало доходить, к чему он клонит.

— Потому что боялся утонуть.

— А если бы не боролись?

— Меня вынесло бы в тихое место, и я нашел бы ключ. То есть, вы хотите сказать, что если бы я безропотно подчинился событиям, у меня уже были бы все ответы?

Он опять застенчиво отвел глаза.

— Это ведь не я говорю, а ваш сон.

Я задумался. Неужели мы правильно истолковали сон?

Юноша поглядел на меня и спросил:

— Если бы ваш сон повторился, как бы вы вели себя теперь?

— Я бы не сопротивлялся течению, не боялся утонуть. Я понимал бы, что оно вынесет меня, куда надо.

— А сейчас вы чего боитесь?

— Боюсь солдат. Боюсь, что меня не отпустят.

— Так. И что советует вам этот сон?

— Вы думаете, сон намекает на то, что мой арест окажется к лучшему?

Юноша молча улыбнулся.

Я сидел на койке, прислонясь спиной к стене. Истолкование сна придало мне бодрости. Если оно было верным, то, значит, я не совершил ошибки тогда, на развилке. Значит, все шло так, как надо.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Пабло.

Я улыбнулся юноше и назвал себя. Потом я кратко рассказал ему историю своего появления в Перу и все, что случилось потом. Пабло сидел, упершись локтями в колени. Он был невысокий, черноволосый и щупленький.

— А в эти места зачем вы поехали? — спросил он.

— Из-за Рукописи.

— А точнее?

— Чтобы узнать Седьмое откровение. Кроме того, мне надо разузнать о моих друзьях, Билле и Марджори. И потом еще… я хочу понять, почему церковь настроена против Рукописи.

— Здесь много священников, можно поговорить с ними, — заметил он.

Я помолчал, подумал. Потом спросил:

— Что еще говорится в Седьмом откровении насчет снов?

Пабло стал рассказывать, что сны являются, чтобы обратить наше внимание на возможности, которые мы упускаем.

Он говорил что-то еще, по я уже не слушал: я задумался о Марджори. Мне ясно представлялось ее лицо. Где она? Потом мне представилось, что она, улыбаясь, подбегает ко мне. Внезапно я заметил, что Пабло молчит,

— Извините, я отвлекся, — сказал я.

— Ничего, — ответил он. — О чем вы задумались?

— Да так, об одной приятельнице. Ничего особенного.

Он, кажется, хотел расспрашивать дальше, но тут в коридоре послышались приближающиеся к нашей двери шаги. Через решетку в дверном отверстии мы увидели солдата, отодвигающего засов.

— Пора завтракать, — заметил Пабло.

Солдат открыл дверь и кивком головы велел нам выходить из камеры. Я пошел вслед за Пабло по мощеному камнем коридору. Дойдя до лестницы, мы поднялись на один пролет и оказались в небольшой столовой. По углам стояли солдаты. Двое мужчин и одна женщина выстроились в очередь за своими порциями.

Я замер на месте, не веря своим глазам: передо мной была Марджори! В ту же минуту и она меня заметила. Ее глаза широко раскрылись от удивления, и она прикрыла рот рукой, чтобы удержать готовое вырваться восклицание.

Я оглянулся на солдата, который нас привел. Он направлялся к своим товарищам в углу, беспечно улыбаясь и что-то говоря по-испански. Мы с Пабло заняли место в очереди.

Двое мужчин, взяв свои подносы, сели за один столик, продолжая беседовать. Марджори несколько раз переглядывалась со мной, борясь с желанием что-то сказать. Пабло сразу догадался, что мы с ней знакомы, и бросил на меня вопросительный взгляд.

Марджори села за свободный столик Мы с Пабло, получив свои порции, подошли и сели с ней. Солдаты не обращали на нас внимания, запятые своим разговором.

— Господи, до чего же я рада тебя видеть! — воскликнула она. — Как ты здесь оказался?

— Я укрывался некоторое время у священников, — сказал я. — Потом поехал искать Билла. Вчера меня арестовали. Ты давно здесь?

— С тех самых пор, как меня схватили тогда, на склоне.

Пабло не сводил с нас глаз. Я представил его Марджори.

— Я так и знал, что это вы, — сказал он.

Они обменялись несколькими словами. Потом я спросил:

— Что было после того, как тебя схватили?

— Ничего особенного. Я, собственно, не понимаю, почему меня не отпускают. Каждый день меня водят на допрос, то к одному священнику, то к какому-нибудь офицеру. Они хотят знать, с кем я общалась в Висьенте и где у меня остальные экземпляры Рукописи. Каждый раз одно и то же!

Марджори улыбнулась. Она казалась такой хрупкой и беззащитной! Меня снова потянуло к ней. Она метнула на меня быстрый взгляд, и мы тихонько рассмеялись. Потом мы занялись едой.

Раскрылась дверь и в столовую вошел священнослужитель в полном облачении. Его сопровождал какой-то, судя по виду, высокий чин.

— Это у них самый главный, — прошептал Пабло.

Военный что-то приказал солдатам, мгновенно ставшим по стойке смирно, и они со священником пошли в сторону кухни. Священник взглянул на меня, и наши глаза встретились на миг, который показался мне очень длинным. Я отвел взгляд и откусил кусочек хлеба, не желая привлекать к себе внимание. Эти двое прошли через кухню и вышли в другую дверь.

— Этот тоже тебя допрашивал? — спросил я.

— Нет, ответила Марджори, — я его впервые вижу.

— Я знаю, кто это, — сказал Пабло. — Он приехал вчера. Это кардинал Себастьян.

Я поразился.

— Так это и есть Себастьян?

— А ты что, слышал что-нибудь о нем? — удивилась Марджори.

— О да! Это он — вдохновитель всех гонений на Рукопись! А я думал, что он сейчас в миссии отца Санчеса.

— Кто такой отец Санчес?

Я готов был начать рассказ, но тут к нам подошел конвоир и приказал мне с Пабло двигаться за ним.

— Время прогулки, — пояснил Пабло.

Мы с Марджори посмотрели друг другу в глаза. В ее взгляде я прочел беспокойство.

— Не надо тревожиться! — сказал я. — Встретимся за обедом. Все будет хорошо!

Правда, я сам не до конца разделял собственный оптимизм. Эти люди могли поступить с нами как угодно. Кто мог поручится, что мы не исчезнем без следа?

Солдат повел нас по недлинным коридором к лестнице, которая вела во двор, окруженный высокой каменной стеной. Мы с Пабло начали раз за разом обходить его по периметру, в то время как солдат стоял у двери. Во время прогулки Пабло несколько раз наклонился, чтобы сорвать цветок с клумбы.

— Что еще говорится в Седьмом откровении? — спросил я.

Пабло снова наклонился за цветком.

— Что не только сны направляют нас, но и картины, которые представляются нам наяву.

— Да, отец Карл тоже это говорил. Расскажите подробнее!

— Нам представляется какая-то сцена, какое-то событие в знак того, что это действительно может произойти. Если мы не пропустим это указание, то, когда событие действительно произойдет, мы будем к нему готовы.

Я взглянул на юношу.

— А знаете, Пабло, мне ведь представлялось, что мы с Марджори встретимся. Вот и встретились.

Он улыбнулся.

По спине у меня пробежала дрожь. Так, значит, я действительно попал туда, куда надо! Моя интуиция не обманула меня! Я несколько раз думал, как бы найти Марджори. И вот я ее нашел. Нужное совпадение произошло. Мне стало легко.

— Но меня не часто посещают вещие мысли, — заметил я.

Пабло, по своему обыкновению, отвел глаза.

— В Седьмом откровении говорится, что мы просто часто не замечаем таких мыслей. Чтобы не пропускать их, мы должны занять позицию наблюдателя. Когда к нам в голову приходит какая-то мысль, надо всегда спрашивать себя: зачем она пришла?

Почему меня посетила именно в эту минуту именно эта мысль? Какое отношение имеет она к моей жизненной задаче? Позиция наблюдателя позволяет нам контролировать течение событий. Она помещает нас в поток эволюции.

— А как же негативные мысли? — спросил я. — Представления о несчастьях, неудачах? Скажем, нам представляется, что что-то плохое происходит с тем, кого мы любим, или что нам не удается что-то очень для нас важное.

— Очень просто, — ответил Пабло. — Седьмое откровение учит, что плохие мысли надо останавливать при появлении. А когда представляется что-то хорошее, надо ввести это в сознание усилием воли. Тогда плохие мысли перестанут нам являться. Наша интуиция должна быть направлена на позитивные вещи. Но если негативное представление упорно возвращается, то, говорит Рукопись, к нему надо отнестись очень серьезно и сделать выводы. Например, если вам приходит мысль об автомобильной катастрофе, а кто-то предлагает вас подвезти, откажитесь.

Мы как раз, описав полный круг, приближались к солдату, поэтому замолчали. Пабло нагнулся за цветком, а я сделал глубокий вдох. Было тепло и сыро. За стеной нашей тюрьмы пышно росли тропические растения. Я заметил летающих москитов.

— Пошли! — неожиданно крикнул солдат. Он провел нас к дверям камеры. Пабло вошел первым, я собирался пройти за ним, но конвоир преградил мне путь,

— Вам не сюда! — произнес он и знаком приказал мне следовать за ним. Мы прошли в коридору, поднялись по лестнице и вышли в ту боковую дверь, через которую вчера попали в здание. На парковочной площадке я заметил кардинала Себастьяна. Он садился на заднее сиденье длинного автомобиля. Водитель закрыл за ним дверь, В последний момент Себастьян снова встретился со мной глазами, потом отвернулся и что-то сказал шоферу. Машина быстро снялась с места.

Солдат подтолкнул меня к центральному входу, и мы снова вошли в здание. Там он привел меня и какой-то кабинет.

Мне было приказано сесть на стул, стоящий перед металлическим, выкрашенным белой краской столом. Через несколько минут в комнату вошел невысокий светловолосый священник лет тридцати и уселся за стол, делая вид, что не замечает моего присутствия. Какое-то время он молча листал бумаги, потом наконец поднял на меня глаза. Его лицо показалось мне умным — возможно, благодаря круглым очкам в золотой оправе,

— Вы были арестованы за незаконное обладание документом государственной важности, — спокойно проговорил он. — Моя задача — решить, будет ли вам предъявлено официальное обвинение. Рассчитываю на ваше сотрудничество.

Я кивнул.

— Кто дал вам перевод?

— Я не понимаю, — сказал я, — почему законом запрещено иметь копию этого документа.

— Правительство Перу имеет на то причины, — сказал он. — Пожалуйста, отвечайте на вопрос.

— А почему в это вовлечена церковь? — снова спросил я.

— Потому что Рукопись ниспровергает наши религиозные традиции. Она дает искаженное понимание духовной природы человека. Кто дал вам…

— Послушайте!— перебил я. — Я просто пытаюсь понять, что происходит. Я турист. Я заинтересовался Рукописью, но я ни для кого не опасен. Я просто хочу знать, что вы в ней видите такого страшного.

Он, кажется, был озадачен и не сразу понял, какой тактики со мной придерживаться. Я же нарочно упрямился, пытаясь сориентироваться.

— Церковь считает, что Рукопись может сбить наш народ с толку. — Он явно старался тщательно формулировать свои утверждения. Она учит людей самостоятельно управлять своей жизнью, без оглядки на Писание.

— В чем же Рукопись противоречит Писанию?

— Ну, например, заповеди “Почитай отца своего и мать свою”.

— В чем же противоречие?

— Рукопись обвиняет родителей в трудностях, с которыми сталкиваются дети. Это принижает семейные отношения.

— А я понял так, что, наоборот, Рукопись помогает загладить старые обиды и увидеть все хорошее, что было в детстве.

— Нет, — упрямо повторил он. — Она сбивает с толку. Никаких обид вообще не должно быть.

— Разве родители не могут ошибаться?

— Родители всегда желают ребенку добра. Дети должны их прощать.

— Но ведь об этом Рукопись и толкует! Разве мы не простим их, если положительно оценим свое детство?

— Но от чьего имени вещает эта ваша Рукопись? — Его голос задрожал от гнева. — Почему мы должны ей доверять?

Он вскочил с места и склонился над моим стулом, гневно воззрившись на меня.

— Вы не понимаете того, о чем беретесь судить! Вы что, изучали богословие? Нет, конечно! У вас перед глазами примеры раскола и беспорядка, которые принесла эта Рукопись! Разве вы не понимаете, что только закон и власть поддерживают порядок в мире? Как вы смеете подвергать сомнению действия властей в таком важном деле!

Я молчал, отчего он разъярился еще больше.

— К вашему сведению, — продолжал он, — за преступление, которое вы совершили, вам полагается несколько лет тюремного заключения. Вы когда-нибудь бывали в перуанской тюрьме? Я знаю, что все янки любопытны, — вам интересно там побывать? Могу вам это устроить! Вы поняли? Я могу устроить вам долгую-долгую экскурсию в нашу тюрьму!

Он закрыл глаза рукой и помолчал, глубоко дыша и, по всей видимости, стараясь успокоиться.

— Я должен узнать, откуда у вас копия, кто их распространяет. Спрашиваю в последний раз: кто дал вам ваш перевод?

Его вспышка испугала меня. Выходит, я своими упрямыми вопросами только навредил себе. Что он сделает, если я не отвечу на его вопросы? Но не могу же я выдать Билла и отца Санчеса!

— Прежде чем я вам отвечу, мне надо подумать.

На мгновение мне показалось, что он опять разразится гневной вспышкой. Но ему удалось справиться с раздражением. Внезапно я понял, что передо мной смертельно уставший человек.

— Я дам вам время до завтрашнего утра, — проговорил он и сделал знак стоящему в дверях солдату увести меня. Тот отвел меня назад в камеру.

Я молча лег на койку, тоже чувствуя себя совсем обессиленным. Пабло стоял перед зарешеченным окном.

— Вас допрашивал кардинал Себастьян? — спросил он.

— Нет, другой. Он все допытывался, кто дал мне перевод, который у меня нашли.

— А вы что сказали?

— Ничего! Сказал, что мне надо подумать. Он дал мне время до завтра.

— А про Рукопись был разговор?

Я посмотрел на юношу, и на этот раз он не опустил взгляда.

— Да, он сказал, что Рукопись подрывает традиционные авторитеты. А потом разъярился и начал мне угрожать.

Пабло очень удивился.

— Он светловолосый? В круглых очках?

— Да.

— Это отец Костос. Что еще он говорил?

— Я стал возражать. Сказал, что Рукопись не подрывает никаких традиций. А он грозился упечь меня в тюрьму. Как вы думаете, он это серьезно?

— Не знаю.

Пабло сел на свою койку, которая стояла напротив моей. Я чувствовал, что его мысли чем-то заняты, но усталость и страх заставили меня закрыть глаза. Я уснул.

Проснулся я оттого, что Пабло тряс меня за плечо.

— Обедать пора!

Уже другой солдат проводил нас в столовую, где мы получили по тарелке хрящеватого мяса с картошкой. Двое мужчин, которых мы видели за завтраком, вошли следом за нами, но Марджори не было.

— А где Марджори? — спросил я у них, стараясь говорить как можно тише. Их, казалось, до смерти напугало мое к ним обращение, а солдаты подозрительно уставились на меня.

— Они, должно быть, не понимают по-английски, — сказал Пабло.

— Куда она подевалась? — повторил я.

Пабло что-то говорил, но я перестал его слушать. Мне представилось, что я бегу. Перед моим умственным взором явилась улица, я бегу по ней, влетаю в какую-то дверь — и я свободен!

— О чем вы задумались? — спросил Пабло.

— Да так, фантазирую. Представил себе, что убегаю. Что вы говорили?

— Погодите-ка! — сказал он. — Задержитесь на этой мысли. Не исключено, что это очень важно. Как вы убежали?

— Я просто представил себе, что бегу по какому-то переулку или улице, а потом врываюсь в какую-то дверь. И у меня было впечатление, что мне удалось освободиться.

— Что вы думаете об этом?

— Не знаю. Во всяком случае, это не имеет отношения к тому, о чем мы разговаривали.

— А вы помните, о чем мы говорили?

— Да. Я спрашивал, куда девалась Марджори.

— А то, что вам представилось, по-вашему, не имеет отношения к Марджори?

— Не вижу никакой связи. При чем тут она? Или вы думаете, что она убежала?

Он задумался.

— Вам, значит, представилось, что вы бежите...

— Ну да! Может, я бегу один...— Я посмотрел на него. Меня осенило. — Может быть, мы бежим с ней вместе!

— Вот и я так думаю.

— Но где же она?

— Не знаю.

Мы покончили с обедом в молчании. Мне хотелось есть, но мясо показалось слишком тяжелым. Почему-то я чувствовал утомление и слабость. Аппетит быстро улетучился.

Я заметил, что Пабло тоже плохо ест.

— Пошли назад, в камеру!— предложил он.

Я согласился. Мы сделали знак солдату, чтобы он отвел нас. В камере я сразу растянулся на койке, а Пабло сел рядом.

— Вы, похоже, растеряли энергию, — заметил он.

— Да, кажется. Не пойму, в чем дело.

— А вы пробовали подзарядиться?

— Да нет, где уж тут. И пища не такая, как надо.

— Но вам не потребуется много пищи, если вы зарядитесь энергией отсюда, — он провел рукой по воздуху.

— Я знаю. Только мне трудно ощутить любовь ко всему окружающему, сидя в камере.

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Но ведь иначе вы причините себе большой вред!

— Как это?

— Ваше тело имеет определенный колебательный уровень. Если ваш запас энергии заметно уменьшится, тело будет страдать. Именно поэтому стресс приводит к болезням. Испытывая любовь, мы повышаем уровень колебаний. Это делает нас здоровее. Это очень важно.

— Подождите несколько минут, — попросил я.

Я стал действовать по методу отца Санчеса. Мне сразу стало лучше. Вещи вокруг меня обрели выразительную форму, краски, красоту. Я закрыл глаза и сосредоточился на любви.

— Хорошо! — сказал Пабло.

Открыв глаза, я увидел, что юноша улыбается. Его фигурка оставалась тщедушной и лицо мальчишеским, но в глазах светилась мудрость.

— Я вижу, как вы набираетесь энергии, — сказал он.

Сам он был окружен зеленоватым сиянием. И цветы, которые он принес с прогулки и поставил в вазу, излучали свет.

— Чтобы усвоить Седьмое откровение и твердо стать на путь эволюции, — добавил он, — надо все предыдущие откровения претворить в образ жизни.

Я промолчал.

— Расскажите, как изменился для вас мир после того, как .вы познакомились с откровениями.

Я подумал немного.

— Я как бы проснулся и увидел, что мироздание — это тайна, что оно даст нам все, в чем мы нуждаемся, если мы, прояснив свое сознание, станем на правильный путь.

— И что дальше?

— Дальше мы вступаем в поток эволюции.

— Как именно?

Я еще немного подумал,

— Мы должны всегда твердо помнить стоящие перед нами в данный момент жизни вопросы. И не упускать указаний, которые посылаются нам в сновидениях, или в интуитивных прозрениях, или в обращающих на себя внимание подробностях окружающего.

Я снова помолчал, пытаясь собрать воедино все, что усвоил из откровений. Потом добавил:

— Мы должны набраться энергии и сосредоточиться на своих вопросах — и тогда придет ответ. Мы получим духовное прозрение и будем знать, куда идти и что делать. Произойдет значимое совпадение, которое направит нас на правильный путь.

— Да, да! — радостно подтвердил Пабло. — Именно так! И каждый раз, как совпадение позволяет нам совершить шаг вперед, мы растем, полнее обретаем свою личность, повышаем колебательный уровень.

Он склонился ко мне. Его поле невероятно расширилось, он излучал свет. Ничего в нем не осталось от застенчивого юноши, сила переполняла его.

— Пабло, что произошло с вами? — спросил я, пораженный. -— Когда я впервые вас увидел, вы были совсем не таким. Вы сейчас такой уверенный, мудрый! Вы достигли совершенства?

Оп рассмеялся.

— Когда вы здесь появились, я специально позволил своей энергии рассеяться — я думал, что вы поможете направить встречный поток. По потом я понял, что вы этого еще не умеете. Этому учит только Восьмое откровение.

Я не понял, о чем он,

— Чего, вы говорите, я не сумел сделать?

— Вам нужно понять, что все ответы, которые таинственным образом посылаются нам, исходят от других людей.

Вспомните все, что вы узнали здесь, в Перу, — ведь вы узнали это от людей, которые благодаря значимым совпадениям встречались вам.

Я обдумал его слова. Он был прав. Я “случайно” встречал нужных людей в нужную минуту: Чарлину, Добсона, Билла, Хейнса, Марджори, Фила, Рено, отца Санчеса и отца Карла. I Теперь вот встретил Пабло,

— Ведь и самоё Рукопись написал какой-то человек, — продолжал он. — Но далеко не все из встреченных вами людей имеют нужный запас энергии и ясность сознания, чтобы донести до вас свое сообщение. Вы должны помочь им собственной энергией. — Он помолчал, — Помните, вы рассказывали мне, что научились посылать свою энергию растению, сосредоточившись на его красоте?

— Да.

— Вот точно так же надо поступать и с людьми. Получив от вас заряд энергии, они узрят собственную истину и смогут сообщить ее вам.

Вот, например, отец Костос. У него было для вас важное сообщение, но вы не помогли ему и потому ничего не узнали. Вы засыпали его вопросами, и ваш разговор превратился в схватку за энергию. Он почувствовал это и обратился к своему сценарию “пугала”.

— А что же я должен был говорить?

Пабло не успел ответить. В коридоре раздались шаги.

В камеру вошел отец Костос.

Он кивнул Пабло, чуть заметно улыбнувшись. Пабло радостно улыбнулся в ответ. Похоже было, что он искренне рад видеть священника. Отец Костос повернулся ко мне, и лицо его сразу стало суровым. У меня сжалось сердце от дурного предчувствия.

— Вас желает видеть кардинал Себастьян, — объявил священник. — Вас препроводят в Икитос нынче после обеда. Я советовал бы вам ответить на все его вопросы.

— Зачем я ему понадобился? — спросил я.

— Грузовик, на котором вы ехали, принадлежит одному из наших священников. Мы предполагаем, что и копию Рукописи вы получили от него. Когда церковный пастырь нарушает закон — это очень серьезно.

Взгляд отца Костоса был суров и непреклонен.

Я поглядел на Пабло. Он кивнул мне, чтобы я не молчал.

— Вы действительно думаете, что Рукопись подрывает основы вашей религии? — мягко спросил я.

Священник поглядел на меня снисходительно.

— Не только нашей, но и любой религии. Вы что же думаете, мир возник сам по себе? Всем управляет Бог, Он решает нашу участь. Наша обязанность -— повиноваться Его законам. Эволюция — это миф. Только Бог решает, каким будет будущее. А если люди способны сами вершить свою эволюцию, то Бог, получается, ни при чем! Такие представления толкают людей к эгоизму, к обособленности. Они начинают думать, что их эволюция важнее Господних замыслов. Они станут обращаться друг с другом еще хуже, чем сейчас.

Я не знал, что еще у него спросить. Священник, поглядев на меня, добавил почти ласково:

— Я надеюсь, что вы найдете общий язык с кардиналом Себастьяном.

Он повернулся к Пабло, очевидно, довольный тем, как ответил на мой вопрос. Пабло только улыбнулся ему и снова кивнул. Священник вышел. Солдат запер на засов дверь камеры. Пабло наклонился ко мне, по-прежнему окруженный сиянием, преображенный, могучий.

Я не мог не улыбнуться ему.

— Как по-вашему, что сейчас произошло? -- спросил он.

Мне захотелось пошутить.

— Я узнал, что мое положение еще хуже, чем я думал. Он засмеялся.

— А еще что?

— Не понимаю, к чему вы клоните!

— Какие задачи стояли перед вами, когда вы появились здесь?

— Я хотел найти Марджори и Билла.

— Что же, Марджори вы уже нашли. Еще?

— У меня была догадка, что церковные власти воюют с Рукописью не со зла, а просто потому, что не понимают ее. Я хотел узнать их доводы против нее. Мне почему-то казалось, что их можно переубедить.

И тут я внезапно понял, что хочет сказать Пабло. Я ведь услышал от Костоса, почему он борется с влиянием Рукописи!

-— Какое сообщение вы получили? — продолжал он.

— Сообщение?

— Да, сообщение!

Я недоуменно посмотрел на него.

— Их больше всего смущает идея эволюции, да? Вы об этом?

— Да, — просто ответил он.

— Да, пожалуй, так и есть. Уже идея физической эволюции была для них мало приемлема, но распространить понятие эволюции на обыденную жизнь, на наши личные решения, на историю — это просто немыслимо! Они думают, что человечество просто помешается на эволюции, что это разрушит все связи между людьми... Неудивительно, что они решили помешать распространению Рукописи!

— Вы могли бы убедить их, что они ошибаются?

— Нет... Не думаю, я сам еще так мало знаю!

— А что нужно, чтобы их убедить?

— Для этого нужно владеть истиной. Надо знать, какими стали бы человеческие отношения, если бы все овладели откровениями и стали на путь эволюции.

Пабло выглядел очень довольным.

— Чему вы радуетесь? — спросил я, тоже невольно улыбаясь.

— Дело в том, что отношения между людьми рассматриваются в Восьмом откровении. Смотрите: вы получили ответ на вопрос, почему церковь борется с Рукописью, и он сразу породил новый вопрос.

— Вы правы, — ответил я, задумавшись, — мне необходимо познакомиться с Восьмым откровением. Надо как-то выбираться отсюда.

— Только не торопитесь! — предостерег Пабло. — Не спешите двигаться дальше, пока полностью не усвоите Седьмое.

— А как вы думаете, усвоил я его? Я уже вошел в поток эволюции?

— Войдете, если всегда будете помнить свои задачи. Даже те, кто еще не достиг полного осознания, могут найти ответы — вернее, случайно натолкнуться на них. Только совпадения они замечают задним числом. Овладеть Седьмым откровением — значит сразу замечать, как совпадение отвечает на наши вопросы. При этом все, что происходит с человеком, наполняется глубоким смыслом.

Он был прав. Но ведь если я получаю ответы и поднимаюсь на новый уровень, то, значит, и с Пабло происходит то же самое.

Внезапно мы услышали чьи-то шаги в коридоре. Пабло серьезно взглянул мне в глаза.

— Послушайте меня, — сказал он, — и запомните мои слова. Восьмое откровение ждет вас В нем идет речь об этике человеческих отношений. О том, как люди должны относиться друг к другу, чтобы получать и передавать сообщения. Но не спешите! Твердо знайте, где вы стоите каждую минуту. Какие сейчас перед вами задачи?

— Я должен узнать, где Билл. Найти Восьмое откровение. Найти Марджори.

— Что подсказывает ваша интуиция относительно Марджори?

Я подумал.

— Что я убегу... Нет, что мы убежим вместе. Кто-то подошел к двери.

— А я принес вам какое-то сообщение? — спросил я.

— А как же! До вашего появления я не знал, зачем я здесь. Я понимал, что это имеет отношение к передаче Седьмого откровения, но сомневался в своей способности учить ему. Я думал, что моих знаний недостаточно. А благодаря вам я понял, что способен на это. Это одно из сообщений, которые вы принесли мне.

— Так было и еще одно?

— Да. Ваше интуитивное прозрение, что служителей церкви можно переубедить — доказать, что они неверно судят о Рукописи, — тоже явилось сообщением для меня. Теперь я думаю, что моя задача — убедить отца Костоса.

С его последними словами открылась дверь и солдат знаком приказал мне следовать за ним. Я посмотрел на Пабло.

— Я хочу сказать вам еще одну вещь. Это тоже из Восьмого откровения...

Но солдат схватил меня за руку, вывел за дверь и задвинул засов. Он уже уводил меня, когда лицо Пабло показалось за решеткой дверного отверстия.

— Восьмое откровение предупреждает.... — проговорил он мне вслед. — Ваш рост может остановиться. Это случится, если вы станете слишком зависеть от кого-то.

8 - ЭТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Солдат провел меня по лестнице к выходу. Стоял ясный солнечный день. Предупреждение Пабло эхом повторялось у меня в голове. Слишком зависеть от кого-то? Что он хотел сказать? В каком смысле зависеть?

На парковочной площадке нас ждали еще два солдата, стоящих у военного джипа. Они внимательно смотрели, как мы приближаемся. Подойдя к джипу поближе, я заметил, что на заднем сиденье уже кто-то сидит. Марджори! Она была бледна и взволнована. Прежде чем я успел поймать ее взгляд, мой конвоир схватил меня за руку и втолкнул в машину. Я оказался рядом с ней. Двое солдат сели спереди. Тот, что занял место водителя, обернулся и бросил на нас беглый взгляд. Машина тронулась. Мы отправлялись на север.

— Вы говорите по-английски? — спросил я у солдат.

Крепыш, сидящий рядом с водителем, равнодушно взглянул на меня, что-то пробормотал по-испански и тут же отвернулся.

Теперь ничто не отвлекало меня от Марджори,

— Ну как ты? — прошептал я.

— Я... да вот... — ее голос задрожал, и по щекам покатились слезы.

— Все будет хорошо! — сказал я, обнимая ее. Она подняла глаза, с трудом улыбнулась и опустила голову мне на плечо, Я сидел не шевелясь, взволнованный ее прикосновением.

Машину встряхивало на немощеной дороге. Мы ехали около часа, и растительность вокруг делалась вес пышнее и необузданнее. Наконец за очередным поворотом сельва расступилась и мы въехали в небольшой городок. По обеим сторонам дороги теснились аккуратные деревянные дома,

В сотне метров впереди стоял, преграждая нам путь, огромный грузовик, окруженный солдатами. Они сделали нам знак остановиться. Дальше на дороге стояли другие машины, некоторые с желтыми мигалками. Я встрепенулся. Мы остановились, подошел солдат и что-то прокричал по-испански. Я разобрал только слово “бензин”. Наши стражи вышли из машины и вступили в оживленную беседу с патрульными, не забывая время от времени поглядывать на нас. Они были вооружены.

Я заметил уходящую налево узкую улочку. Глядя на двери домов и витрины скромных магазинчиков, я заметил, что мое восприятие изменилось. Форма и цвет домов прояснились, они рельефно выступили, притягивая взгляд.

Я шепотом позвал Марджори. Она подняла глаза, но ничего не успела сказать — страшной силы взрыв сотряс нашу машину. Перед нами взвился столп огня, солдаты рухнули на землю. Улицу окутал дым и пепел.

— Бежим! — закричал я и рывком вытащил Марджори из машины. Незамеченные в общем смятении, мы побежали по узкой улице, которую я перед этим рассматривал. За нашей спиной раздавались крики и стоны. Мы пробежали в дыму шагов пятьдесят. Внезапно мне бросилась в глаза одна дверь, слева.

— Сюда! — воскликнул я. Дверь была не заперта, мы вбежали в дом. Я привалился к двери и плотно прикрыл ее. Обернувшись, я увидел женщину средних лет, внимательно глядящую на нас. Мы вломились в чей-то дом.

Я попытался изобразить улыбку. К моему удивлению, женщина не казалась ни испуганной, ни рассерженной — а ведь двое незнакомцев влетели к ней в дом после взрыва. Наше появление, скорее, вызвало у нее улыбку вместе с легким вздохом, словно она нас ждала и вот теперь должна будет, оставив свои дела, заниматься нами. Рядом с ней на стуле сидела девчушка лет четырех.

— Быстро! — сказала женщина по-английски. — Вас будут искать.

Она провела нас через скромно обставленную жилую комнату в коридор и оттуда по деревянной лестнице в длинный погреб. Девочка шла с нею рядом. Быстро пройдя погреб, мы поднялись по другой лестнице к двери, которая выходила в переулок.

Там стояла малолитражка. Женщина отперла ее и велела нам быстро лечь на заднее сиденье. Набросив на нас какое-то одеяло, она села за руль и повела машину, насколько я мог судить, в северном направлении. За все время я не проронил ни слова и только подчинялся ее указаниям. Когда я осознал, что произошло, меня переполнила радость. Мое интуитивное прозрение оказалось истинным: мы убежали!

Марджори лежала рядом со мной, закрыв глаза.

— Ты как, ничего? — прошептал я.

Она посмотрела на меня и кивнула. Глаза ее были полны слез.

Минут через пятнадцать женщина сказала:

— Теперь можете сесть.

Я отбросил одеяло и посмотрел в окно. Мы были вроде бы на той же дороге, по которой ехали до взрыва, только дальше к северу.

— Кто вы? — спросил я.

Она повернулась, глядя все с той же полуулыбкой. Ей было лет сорок — стройная, хорошо сложенная, с черными волосами до плеч.

— Меня зовут Карла Деэс. А это моя дочь Марета.

Девчушка улыбалась, глядя на нас громадными любопытными глазами. У нее тоже были длинные смоляно-черные волосы.

Я представился, назвал Марджори. Потом спросил:

— Как вы догадались, что нам нужна помощь?

Карла улыбнулась пошире.

— Вы же убежали от солдат. Это все из-за Рукописи, правда?

— Да, но вы-то откуда это знаете?

— Я ведь тоже читала Рукопись.

— Куда вы нас везете?

— Этого я еще не знаю. Вы мне сами скажете.

Я поглядел на Марджори. Пока я говорил, она не отрывала от меня глаз.

— В настоящую минуту я не знаю, куда мне нужно, — проговорил я. — Когда меня арестовали, я собирался в Икитос.

— Почему именно туда?

— Мне нужно разыскать друга. Он ищет Девятое откровение.

— Опасное дело!

— Знаю.

— Ну так мы туда вас и отвезем. Правда, Марета?

Девочка прыснула от смеха и ответила не по-детски солидно:

— Обязательно.

— А что это был за взрыв? — спросил я.

— Должно быть, грузовик вез баллоны с газом. Один несчастный случай из-за утечки уже был не так давно.

Меня продолжала удивлять мгновенная готовность, с которой Карла пришла нам на помощь, и я решился расспросить ее об этом поподробней.

— Как вы все-таки узнали, что мы бежим от солдат? Она глубоко вздохнула.

— Вчера на север проехало много машин с солдатами. Такое тут нечасто бывает. Два месяца назад забрали моих друзей. Мы с ними вместе изучали Рукопись. Я сразу их вспомнила. Кроме нас, ни у кого в нашей деревне не было всех восьми откровений. Явились солдаты и увезли их, и с тех пор я ничего о них не слышала.

А вчера, когда я смотрела на проезжающие машины, я поняла, что охота за копиями Рукописи продолжается, что есть люди, подобные моим друзьям, и они нуждаются в помощи. Я размечталась о том, как я помогла бы таким людям, если бы представился случай. Естественно, я сразу заподозрила, что эти мысли не случайно появились у меня именно в этот день. Потому я и не удивилась, когда вы ворвались в мой дом.

Помолчав, она спросила:

— А с вами такое случалось?

— Да.

Карла притормозила. Мы доехали до развилки.

— Наверное, надо свернуть направо, — сказала она. — Здесь будет подлиннее, зато безопаснее.

Карла резко повернула направо, и Марета, не удержавшись на сиденье, ухватилась за него руками. Это ее насмешило. Марджори поглядела на девочку с симпатией.

— Сколько Марете лет? — спросила она у Карлы.

Карла была недовольна вопросом, но ответила мягко:

— Пожалуйста, не надо говорить о девочке, словно ее здесь нет. Ведь будь она взрослой, вы обратились бы к ней!

— Ох, конечно, извините!

— Мне уже пять! — гордо сообщила Марета.

— Вы изучали Восьмое откровение? — спросила Карла.

— Нет, я читала только Третье, — ответила Марджори.

— Я дошел до Восьмого, — сказал я.

— У вас есть список?

— Нет, все списки отобрали солдаты.

— А что, Восьмое учит обращаться с детьми?

— Да, там речь о том, как люди в конце концов научатся относиться друг к другу. Там и еще о многом говорится — например, как делиться энергией и как избегать чрезмерной зависимости от других.

Снова это предупреждение! Я собрался подробнее расспросить Карлу об этом, по тут опять заговорила Марджори.

— Расскажите нам о Восьмом откровении!

— Оно о том, как по-новому применять энергию, общаясь с людьми — всеми людьми, вообще, но начинается это с самого начала, с отношения к детям.

— Как же надо к ним относиться? — спросил я.

— Мы должны прежде всего понять, что дети — это стрелки, указывающие направление эволюции. Но чтобы они могли развиваться, мы должны отдавать им энергию, постоянно, не требуя ничего взамен. Худшее, что можно сделать с детьми — это выкачивать из них энергию под предлогом воспитания. Из-за этого они подпадают во власть своих сценариев, как вы уже знаете. Но сценарий не сформируется, если взрослые будут отдавать им энергию — всегда и при любых обстоятельствах. Поэтому дети всегда должны участвовать в разговоре, особенно если речь о них. И детей должно быть ровно столько, сколько вы можете охватить постоянным вниманием и заботой, ни в коем случае не больше.

—- И все это написано в Рукописи? — удивился я.

— Да. Причем вопросу о числе детей придается большое значение.

— А почему это так важно?

Она на мгновение оторвала глаза от дороги и посмотрела на меня.

— Потому, что ни один взрослый не может одновременно уделять внимание нескольким детям — только одному. Если детей больше, чем взрослых, то взрослые утомляются и уже не могут дать им энергии сколько надо. Дети начинают соревноваться из-за внимания взрослых, то есть из-за энергии.

— Братья-соперники, — произнес я.

— Да, только Рукопись учит, что эта проблема гораздо важнее, чем мы привыкли думать. Нам нравится представлять себе большие семьи, где дети растут вместе. Но дети учатся познавать мир от взрослых, а не друг от друга. Дети не должны сбиваться в стаи, как, к сожалению, бывает во многих странах. Люди постепенно поймут, говорится в Рукописи, что нельзя заводить детей, если нет по крайней мере одного взрослого, который будет уделять свое полное, нераздельное внимание каждому ребенку каждую минуту.

— Позвольте, — возразил я, — ведь нередко бывает так, что и мать и отец вынуждены работать ради хлеба насущного. Что же им, оставаться бездетными?

— Не обязательно, — ответила Карла. — Там сказано, что люди будут жить большими семьями — в них войдут не только кровные родственники. И если родители заняты, кто-то другой уделит ребенку внимание. Ведь ребенку не обязательно нужна именно родительская энергия. Собственно, даже лучше получать ее от чужих. Но кто бы ни заботился о детях, всегда должно сохраняться это соотношение: один взрослый — один ребенок.

— Ну, — сказал я, — у вас с этим явно все в порядке. Марета у вас очень развитая девочка.

Карла нахмурилась.

— Скажите это ей, а не мне.

— Ах, ну да! — Я повернулся к ребенку.

— Ты прямо как взрослая, Марета.

Девочка застенчиво отвернулась, но справилась со смущением и ответила:

—- Спасибо!

Карла с любовью обняла дочку и с гордостью повернулась ко мне:

— Вот уже два года, как у нас с Маретой все строится по указаниям Рукописи, правда, Марета?

Девочка с улыбкой кивнула.

— Я отдаю ей энергию и всегда говорю только правду, о чем бы ни зашла речь, — конечно, на языке, который она в состоянии понять. Она, как все дети, задает много вопросов, и ко всем ее вопросам я отношусь очень серьезно, никогда не отделываюсь шуточками, как это принято у некоторых.

Я улыбнулся.

— То есть вы ей не рассказываете, например, что детей приносят аисты?

— Не рассказываю. Хотя про аистов — это как раз не страшно. Это старая, традиционная шутка, и дети очень быстро разбираются что к чему. Гораздо хуже басни, которые родители изобретают на месте — ради смеха или потому что они думают, что правда будет непонятна ребенку. Но это не так: любую правду всегда можно сказать так, что ребенок ее поймет. Надо только подумать немножко.

— А что в Рукописи говорится по этому поводу?

— Так и говорится: найти слова, чтобы сказать ребенку правду.

Мне не очень хотелось с ней соглашаться. Я как раз из тех, кто любит пошутить с детишками.

— По разве дети не понимают, что взрослые просто шутят? Нельзя же всегда быть серьезными! Иначе дети слишком быстро повзрослеют. Зачем лишать их детства?

Карла поглядела сурово,

— Марета — очень веселая девочка. Мы с ней бегаем, играем в прятки, сколько угодно фантазируем. Но только она отличает фантазии от правды.

Я кивнул — что тут возразишь!

— Марета так уверена в себе, — продолжала Карла, — потому что я всегда рядом. Ей принадлежит мое безраздельное внимание. А если мне нужно уйти, то моя сестра — она живет в соседнем доме — побудет с ней. Рядом с ней всегда находится взрослый человек, который ответит на любой ее вопрос. А раз она всегда чувствует себя в центре внимания, ей и в голову не приходит кривляться или притворяться. Она никогда не испытывала недостатка в энергии и поэтому верит, что так будет всегда, а с такой уверенностью гораздо легче научиться впитывать энергию Вселенной. Мы с ней уже начинаем поговаривать об этом.

Я посмотрел в окно. Нас окружала сельва. Солнца я не видел, но знал, что оно опускается.

— Успеем сегодня добраться до Икитоса? — спросил я.

— Нет, — ответила Карла. — Но я знаю дом, где можно заночевать.

— Это близко?

— Да. Там живет один мой друг. Он работает в природоохранной организации.

— Это правительственная организация?

— Да, часть бассейна Амазонки находится под охраной. Мой друг — местный представитель этой службы и довольно влиятельный в здешних краях человек. Его зовут Хуан Хинтон. И не тревожьтесь, он тоже изучает Рукопись, хотя его ни разу из-за этого не побеспокоили.

К дому Хинтона мы подъехали, когда уже совсем стемнело. Вокруг простиралась сельва и слышались обычные звуки ночного леса. Воздух был влажный, душный. Деревянный дом, стоящий в конце просеки, светился огнями. Рядом возвышались два больших строения, стояло несколько джипов. Еще одна машина висела на блоках, и два механика возились с нею при свете мощной лампы.

Карла постучала, и дверь открыл худощавый перуанец в дорогом костюме. Он широко улыбнулся гостье, но тут заметил на ступеньках Марджори, Марету и меня, и приветливое

выражение лица сменилось у него недовольной гримасой. Он раздраженно, проговорил что-то по-испански. Карла говорила с просительными интонациями, но по его тону было ясно, что он не желает пускать нас в дом.

В дверной просвет я заметил стоящую в вестибюле одинокую женскую фигуру. Я сделал шаг в сторону, чтобы лучше рассмотреть ее лицо. Это была Хулия. Почувствовав мой взгляд, она повернулась и, увидев меня, очень удивилась и бросилась к двери. Она положила руку на плечо стоящего на крыльце человека и что-то тихонько сказала ему. Он кивнул и, вздохнув, как бы покоряясь неизбежному, распахнул дверь. Карла нас представила. Хинтон пригласил нас в гостиную.

— Вот мы и встретились, — сказала Хулия, посмотрев на меня. На ней были брюки цвета хаки с большими карманами и ярко-красная футболка.

По дороге Хинтона остановил слуга-перуанец и, обменявшись несколькими словами, они вдвоем удалились куда-то в другую часть дома. Хулия опустилась в кресло у кофейного столика и жестом пригласила нас садиться на стоящий напротив диван.

Марджори, чем-то очень напуганная, не сводила с меня глаз. Карла тоже заметила ее состояние. Она подошла и взяла девушку за руку.

— Пойдемте-ка чайку горячего попьем, — предложила она.

Уходя, Марджори бросила на меня растерянный взгляд. Я улыбнулся и провожал их глазами, пока они не свернули по коридору в кухню. Потом повернулся к Хулии.

— Ну что, по-вашему, это значит? — спросила она.

— Что именно? — не понял я.

— То, что мы снова случайно увиделись.

— А... Не знаю.

— Как вы встретились с Карлой и куда направляетесь?

— Она спасла нас Меня с Марджори держали под арестом военные. Когда мы убежали, она укрыла нас и привезла сюда. Хулия внимательно глядела на меня.

— Расскажите мне, что с вами было. Я откинулся на спинку стула и рассказал ей все, начиная со своего отъезда на грузовике отца Карла и кончая бегством.

— И Карла согласилась отвезти вас в Икитос? — уточнила Хулия.

— А зачем вам туда?

— Билл говорил отцу Карлу, что направляется в эти края. Видимо, он рассчитывал именно здесь найти Девятое откровение. К тому же и кардинал Себастьян здесь.

Хулия кивнула.

— Да, у Себастьяна миссия поблизости. Он широко известен как проповедник, много работает с индейцами.

— Ну а вы? — спросил я. — Что вы здесь делаете?

Хулим стала рассказывать, что тоже искала Девятое откровение, но до сих пор безуспешно. А в этот дом она явилась, потому что с какого-то времени ей настойчиво стал вспоминаться Хинтон, ее старинный друг

Я почти не слушал ее. Марджори с Карлой вышли из кухни и разговаривали, стоя в коридоре и держа в руках чашки. Марджори поймала мой взгляд, но ничего не сказала.

— Она много прочла из Рукописи? — спросила Хулия, кивком указывая на Марджори.

— Только третье откровение, — ответил я.

— Мы, наверное, сможем вывезти ее из Перу, если она, конечно, захочет.

Я повернулся к ней.

— А как?

— Роландо завтра отправляется в Бразилию. У нас там есть друзья в американском посольстве. Они смогут доставить ее в Штаты. Нам уже случалось помогать американцам вернуться домой.

Я неуверенно кивнул. Ее предложение вызвало у меня смешанные чувства. Я понимал, конечно, что Марджори лучше покинуть Перу. Но в то же время я хотел, чтобы она осталась — осталась со мной. Когда она была поблизости, я чувствовал прилив сил и бодрости.

— Я поговорю с ней, — наконец ответил я.

— Да, конечно, — согласилась Хулия. — Вернемся к этому разговору позже.

Я встал со стула. Карла направлялась обратно на кухню. Марджори, завернув за угол, оказалась в неосвещенном уголке коридора. Я подошел к ней. Она стояла, прислонившись к стене.

Я обнял ее, весь дрожа.

— Чувствуешь энергию? — прошептал я ей на ушко.

— Да, невероятно! — шепнула она. — Что это значит?

— Не знаю. Что-то нас связывает.

Я оглянулся. Никто нас не видел. Мы пылко поцеловались.

Когда я оторвался от нее и заглянул ей в лицо, она уже не выглядела растерянной или напуганной — наоборот, она казалась полной сил, и я вспомнил нашу первую встречу в Висьенте и обед в Куле. В ее присутствии, и особенно когда она прикасалась ко мне, я чувствовал невероятный прилив энергии.

Она обняла меня.

— С того самого дня в Висьенте, — сказала она, — я хотела быть с тобой. Тогда я просто не знала, что думать об этом, но сейчас... Прилив энергии просто потрясающий. Никогда со мной такого не было.

Краем глаза я заметил, что к нам подходит, улыбаясь, Карла. Она сообщила, что обед готов. Мы отправились в столовую и обнаружили там буфетную стойку со свежими фруктами, овощами и хлебом разных сортов. Все накладывали еду себе на тарелку и рассаживались вокруг большого стола. Марета прочла молитву, и мы принялись за еду и разговоры. Это продолжалось часа полтора. Хинтон успокоился и поддерживал за столом непринужденную беседу, заставившую нас забыть волнения минувшего дня. Марджори весело болтала и смеялась рядом со мной, и любовь к ней согревала мое сердце.

После обеда мы вернулись в гостиную, куда принесли десерт с ликером. Мы с Марджори устроились на диване и погрузились в долгий разговор — каждый рассказывал о себе, о важных и значительных событиях своей жизни. Мы становились все ближе друг другу. Таинственное, что, как оказалось, нас разделяло, было то, что она жила на западном побережье, а я на юге, да и это, как под конец заявила, рассмеявшись, Марджори, было не Бог весть каким препятствием.

— Не могу дождаться, когда мы наконец вернемся в Штаты! — воскликнула она. — Будем ездить друг к другу, вот уж покатаемся!

С меня сразу слетело веселое настроение.

— Хулия говорит, что может помочь тебе вернуться домой, — сказал я.

— Ты хочешь сказать, нам обоим?

— Нет. Видишь ли... я пока не могу возвращаться.

— Почему? Я без тебя не поеду! По и здесь я оставаться больше не могу, я с ума сойду!

— Придется тебе поехать одной. Я тоже скоро вернусь.

— Нет! — воскликнула она. — Этого не будет!

В это время в кабинет вернулась Карла — она укладывала Марету спать. Она бросила на нас быстрый взгляд и сразу отвернулась. Хинтон и Хулия были заняты разговором и, по-видимому, не обратили внимания на вспышку Марджори.

— Ну пожалуйста! — продолжала она. — Поедем вместе!

Я отвел взгляд.

— Ах, так? Ну ладно, можешь оставаться! — Она резким движением встала и бросилась прочь,

Я смотрел ей вслед, и сердце мое сжималось. Вся обретенная рядом с ней энергия улетучилась, я чувствовал слабость :и растерянность. Я попробовал уговорить себя, что ничего страшного не произошло. В конце концов, говорил я себе, мы знакомы очень недолго. Но тут же мне пришла в голову мысль, что она, возможно, права. Не поехать ли мне, действительно, домой? Чего я тут смогу добиться? Дома я, пожалуй, скорее мог бы

организовать какие-нибудь действия в поддержку Рукописи — и, кстати, в полной безопасности. Я уже встал, чтобы идти догонять Марджори, по что-то заставило меня снова опуститься на диван. Я не знал, на что решиться. Внезапно рядом оказалась Карла. Я и не заметил, как она подходила.

— Можно посидеть с вами?

— Конечно!

Она села и заботливо посмотрела на меня.

— Я невольно услышала ваш разговор, — сказала она, — И я подумала, что вам, прежде чем принимать какое-то решение, стоит узнать, что говорит Восьмое откровение о нашей зависимости от других.

— Да, пожалуйста, я давно хотел об этом узнать.

— Случается, что человек с проясненным сознанием вступает на путь эволюции, но продвинуться по нему не в состоянии. Ему мешает зависимость от другого человека.

— Вы намекаете на нас с Марджори, правильно я вас понимаю?

— Позвольте, я расскажу вам, как это бывает, а там уж судите сами.

— Ну ладно.

— Для начала скажу вам, что мне очень тяжело давалась эта часть откровения. Возможно, я так и не смогла бы усвоить это, если бы не повстречалась с профессором Рено.

— Рено? — воскликнул я. — Я его знаю! Мы познакомились, когда я изучал Четвертое откровение.

— А я, — продолжала она, — встретилась с ним, когда мы оба дошли до Восьмого, Он провел несколько дней в моем доме.

Я все не мог оправиться от удивления.

— И он сказал, что идеи Рукописи о зависимости от другого человека помогают понять, почему схватки за власть возникают у людей, переживающих самые романтические любовные истории. Действительно, люди испокон веков удивлялись тому, что восторг и упоение любви сплошь и рядом внезапно сменяются ссорами и взаимным недовольством. Но теперь мы знаем, отчего так бывает.

Когда двое полюбят друг друга, они, не сознавая этого, делятся энергией. Поэтому оба чувствуют подъем сил и восторг. Это радостное ощущение и называется влюбленностью, Но, к сожалению, каждый из них привыкает ждать энергии от другого, и они отсекают себя от главного источника — от энергии Вселенной. Тогда рано или поздно наступает момент, когда им начинает недоставать энергии, и они возвращаются к своим сценариям, пытаясь подчинить себе любимого человека, чтобы завладеть его энергией. Влюбленность переходит в обычный конфликт — схватку за энергию.

Она помолчала немного, давая мне время обдумать то, что я услышал.

— Рено говорил мне, что нашу склонность впадать в зависимость от другого можно объяснить психологически. Возможно, это поможет вам лучше попять, что происходит.

Она вопросительно поглядела на меня, и я кивнул, чтобы она продолжала.

— Рено считает, что корни конфликта уходят в наше раннее детство. Из-за того, что борьба за энергию начинается уже тогда, никто из нас не способен сделать один важный шаг в своем психологическом развитии. Мы не можем включить в состав своей личности компоненту противоположного пола.

— Что-что?

— Вот я, например, не сумела справиться со своим мужским началом. А вы не смогли подчинить себе свою женскую сторону Мы впадаем в зависимость от человека противоположного пола, потому что не научились до того получать энергию этого пола из универсального источника. Впоследствии мы найдем к ней доступ, но когда мы только становимся на путь эволюции, надо вести себя с осторожностью. Развитие личности требует времени. Если мы впервые получаем энергию противоположного пола от человека, мы тем самым закрываем себе доступ к универсальному источнику. Я ничего не понял и так ей и сказал.

— Подумайте, как должна бы развиваться личность при идеальных семейных отношениях, и вы поймете, что я пытаюсь объяснить. В любой семье ребенок сначала получает энергию только от взрослых. Обычно он идентифицирует себя с родителем своего пола, поэтому усвоение энергии этого родителя не составляет труда, А вот получить энергию другого родителя ему сложнее из-за разницы полов.

Возьмем в качестве примера девочку. Когда маленькая девочка пытается овладеть своим мужским началом, она воспринимает это как повышенную тягу к отцу. Она все время хочет быть рядом с ним. Дело в том, и Рукопись это объясняет, что она нуждается в мужской энергии — чтобы включить в состав своей формирующейся личности мужскую компоненту, в дополнение к женской, которая, естественно, будет преобладать. Мужская энергия дает ей радостное чувство полноты личности. Но девочка ошибочно считает, что ей необходима для этого физическая близость с отцом, “обладание” им.

При этом, что интересно, она интуитивно чувствует, что имеет право на эту энергию, на распоряжение ею — и начинает командовать отцом, словно он полностью принадлежит только ей. Она считает его добрым и всемогущим волшебником, способным исполнить любое ее желание. И если семья не слишком приближается к идеалу, начинается схватка за власть между этой крошкой и ее папочкой. Постепенно она обнаруживает приемы, помогающие ей манипулировать отцом и брать у него энергию, — у нее формируется сценарий.

Но в идеальной семье отец не будет вступать с дочкой в схватку за энергию. И хотя он и не будет исполнять все прихоти девочки, энергию он будет отдавать ей добровольно, не требуя ничего взамен. При этом отец всегда будет открыт для нее и готов к общению. Это очень важно. Девочка считает его всемогущим, а он честно объяснит ей, что он может, чего не может, какой он вообще человек. Тогда, с одной стороны, девочка начнет видеть отца в более реалистическом свете, а с другой — она усвоит себе главные черты его личности как часть своей собственной. В итоге она будет видеть в отце не волшебное существо, а человека со своими достоинствами и недостатками. И тогда девочке уже будет легко научиться получать мужскую энергию не от отца, а из универсального источника, где она смешана с женской.

Беда в том, — продолжала Карла, — что большинство родителей вступает с детьми в схватки за энергию. Во всяком случае, так было до сих пор, и это оставило отпечаток на любом из нас. Мы не научились получать энергию противоположного пола от Вселенной, мы застряли на той стадии, когда она может быть получена только от другого, от человека противоположного пола, — и мы считаем его всемогущим волшебником и стремимся к обладанию им. Понимаете, в чем дело?

— Да, кажется, я понял.

— Такое положение вещей опасно, если мы хотим сознательно эволюционировать. Как я уже говорила, Восьмое откровение учит, что на пути эволюции мы автоматически получаем энергию противоположного пола как часть общего энергетического потока. Это энергия Вселенной, которую мы научились усваивать. Но если на нашем пути возникает человек, который добровольно отдает нам свою энергию, мы можем закрыть себе доступ к истинному источнику... и перестанем расти. — Она усмехнулась.

— Что вас насмешило? — спросил я.

— Рено придумал такую аналогию. Пока мы не научимся избегать такой зависимости от другого, мы будем напоминать недоконченный круг. Понимаете, мы похожи на букву С. Мы тянемся к человеку противоположного пола, который тоже похож на С. Мы сближаемся, получается полный круг, мы счастливы и переполнены энергией, мы чувствуем восторг и полноту — в точности как при подключении к вселенскому источнику. На самом же деле мы, со своей недоразвившейся личностью, попали в зависимость от другой недоразвившейся личности, как и она стала зависеть от нас — вместо того, чтобы самостоятельно развиться до полноты.

Рено говорит, что это классическая схема взаимозависимости, чреватая неприятностями, которые немедленно и возникают.

Карла сделала паузу, словно ожидая от меня реплики, но я только кивнул.

— Понимаете, чем плохо это “О”, получившееся у нашей пары? Им кажется, что они достигли полноты и завершенности, но это не так. Эта кажущаяся полнота составлена из двух половинок, из двух людей, один из которых дает мужскую энергию, а другой женскую. Получилась двухсоставная, двухголовая личность. При этом оба они хотят управлять этой созданной вдвоем личностью, и в итоге каждый, как в детстве, стремится управлять другим, словно тот полностью принадлежит ему. Иллюзия полноты всегда приводит к схваткам за власть. Каждый стремится распоряжаться другим, каждый хочет, чтобы другой шел за ним повсюду. Естественно, ни одному не удается этого добиться — во всяком случае, в паше время. В прошлом случалось, что один из партнеров добровольно подчинялся во всем другому — обычно женщина, но случалось, что и мужчина. Но мы просыпаемся. Никто больше не хочет кому-то повиноваться.

Я подумал, что еще в Первом откровении говорилось о борьбе за власть между близкими людьми. Мне вспомнилась та женщина из ресторана, где я был с Чарлиной.

— Да, — сказал я, — вот вам и романтика!

— А романтика никуда не денется, — возразила Карла. — Просто сначала мы должны сами довершить свой круг. Нужно наладить постоянную, прочную связь со вселенским источником энергии. На это потребуется время, но зато потом мы сможем смело вступать в союз — в сверхсоюз, как это называется в Рукописи. Наша завершенная личность соединится с другой такой же, и получится сверх/личность... И это не помешает нам двигаться по пути индивидуальной эволюции.

— А что, по-вашему, сейчас происходит между мной и Марджори? Неужели каждый старается столкнуть другого с пути?

— Вот именно.

— Что же делать?

— Когда приходит “любовь с первого взгляда”, нужно какое-то время ей сопротивляться. Важно уметь поддерживать платонические отношения с противоположным полом. И помните, как развиваются отношения. Нужно поддерживать их только с теми людьми, кто открыт перед вами, кто честно все о себе рассказывает — как отец маленькой девочке в идеальной семье, о которой я говорила. Нужно, чтобы мы общались с реальным человеком, а не с тем фантастическим образом, в который сложились наши представления о противоположном поле. Только тогда мы сохраним свою подключенностъ ко Вселенной.

Не забывайте, что вам будет нелегко — особенно если придется рвать уже сложившиеся отношения взаимозависимости. Это прерывает энергетический поток. Это больно. Но это необходимо. Взаимозависимость — это не болезнь, которой одни заразились, а другие нет. Это наша общая беда, мы все взаимозависимы. Но пришло время пробуждения.

Нужно культивировать в себе то ощущение восторга и полноты, которое мы испытываем при начале взаимозависимых отношений, — только нужно испытывать его одному, самостоятельно. То, чего вам не хватает, чтобы ощутить полноту, нужно взрастить у себя внутри. Тогда вы будете эволюционировать. А потом уж можно вступать в романтические отношения с человеком, который тоже стоит на пути эволюции.

Она помолчала.

—• И кто знает, если и вы, и Марджори продвинетесь, каждый на своем пути, то может быть, и обнаружите, что созданы друг для друга. Но сейчас, поверьте мне, ваши отношения ведут в тупик.

Нашу беседу прервал подошедший Хинтон. Он сказал, что идет спать и что для нас приготовлены комнаты. Мы поблагодарили его за гостеприимство, и он ушел. Карла сказала:

— Я, пожалуй, тоже пойду спать. Еще успеем поговорить.

Я кивнул и проводил ее взглядом. Кто-то положил мне руку на плечо. Я повернулся. Это была Хулия.

— Я иду к себе, — сказала она. — А вы найдете свою комнату? Могу вас проводить.

— Да, пожалуйста! — сказал я и добавил как бы невзначай:— А где комната Марджори?

Она улыбнулась, вывела меня в коридор и показала на одну из дверей.

— Вот ваша, — сообщила она, — А ее комната далеко отсюда. У мистера Хинтона консервативные взгляды.

Я улыбнулся в ответ и пожелал ей спокойной ночи. Войдя в комнату я немедленно лег, но уснуть удалось далеко не сразу. Меня мучило желание.

Проснувшись, я ощутил восхитительный аромат кофе, несущийся по дому. Я оделся и явился в гостиную. Пожилой слуга предложил мне стакан свежего виноградного сока, который я с удовольствием выпил.

— Доброе утро! — раздался у меня за спиной голос Хулии. Я повернулся.

— Доброе утро.

Пристально глядя мне в глаза, она спросила:

— Ну как, вы поняли, зачем мы снова встретились?

— Нет, — ответил я, — у меня не было времени об этом подумать. Я размышлял о зависимости.

— Я видела, — ответила она.

— Что вы хотите сказать?

— Мне все было видно по вашему энергетическому полю.

— И как же оно выглядело?

— Ваша энергия и энергия Марджори соединились. Когда вы сидели здесь, а она была в другой комнате, ваше поле протянулось туда и слилось с ее полем.

Я изумленно потряс головой.

Хулия улыбнулась и положила мне руку на плечо.

— Вы утратили связь со Вселенной, Вы пользуетесь взамен энергией Марджори. В этом суть любой зависимости — мы пытаемся кем-то или чем-то заменить связь со Вселенной. Чтобы преодолеть зависимость, надо собрать всю свою энергию и сосредоточиться на главной задаче, ради которой вы явились сюда,

Я кивнул и вышел из дому, а она осталась ждать меня в гостиной. Минут десять я впитывал энергию методом, которому меня научил Санчес. Постепенно все вокруг засияло красотой, а я почувствовал себя много лучше. Я вернулся в дом.

— Ну вот, совсем иначе выглядите! — встретила меня Хулия.

— И чувствую себя иначе! — бодро ответил я.

— Итак, какие перед вами стоят задачи?

Я подумал. Марджори я уже нашел — эта задача отпала. Но мне еще нужно было найти Билла. И я по-прежнему хотел узнать, какими станут отношения между людьми, когда все будут следовать откровениям. Если перемены, принесенные Рукописью, будут только к лучшему, то Себастьян и остальные служители церкви могут успокоиться и прекратить гонения.

Я посмотрел на Хулию.

— Мне нужно усвоить Восьмое откровение до конца. И Билла я должен найти. Может быть, Девятое уже у него.

— Я завтра еду в Икитос, — сказала она. — Хотите со мной?

Я не знал, что сказать.

— Я уверена, что Билл там, — добавила она.

— Откуда вы знаете?

— Я думала о нем прошлой ночью.

Я молчал.

— О вас я тоже думала. О том, как мы вдвоем едем в Икитос. Вы как-то участвуете в этом.

— В чем?

Она широко улыбнулась.

— В том, что мы должны сделать. Надо найти Девятое откровение прежде, чем его найдет Себастьян.

Пока она говорила, мне представилось, как мы с ней приезжаем в Икитос, но там почему-то решаем разделиться. У меня была какая-то цель, но какая — я не смог бы объяснить.

Я снова посмотрел на Хулию. Она посмеивалась.

— Где вы были? — спросила она.

— Извините, я отвлекся. Задумался.

— О чем-то важном?

— Не знаю. Мне подумалось, что в Икитосе мы с вами разделимся.

В комнату вошел Роландо.

—- Я привез продовольствие, которое вы заказывали, — сказал он Хулии. Увидев меня, он вежливо поздоровался.

— Хорошо, спасибо, — ответила Хулия. — Солдат много попадалось?

— Ни одного не видел.

В комнату вошла Марджори, и я перестал слушать их разговор, но краем уха все же уловил, как Хулия говорила, что Марджори, вероятно, захочет поехать с ним в Бразилию, а оттуда вернется в Штаты.

Я подошел к Марджори.

— Как спала?

Она посмотрела так, словно не знала, сердится она на меня или нет.

— Не очень хорошо, — ответила она. Я кивнул в сторону Роландо.

— Это друг Хулии. Он сегодня отправляется в Бразилию. А оттуда ты с его помощью сможешь вернуться домой.

Она, кажется, испугалась.

— Не бойся, все будет хорошо. Они уже помогали вернуться американцам. У них есть знакомые в нашем тамошнем посольстве. Ты не успеешь оглянуться, как окажешься дома.

— Я не о себе беспокоюсь, а о тебе.

— Со мной ничего не случится. Не волнуйся. Как вернусь в Штаты, сразу тебе позвоню.

За спиной у меня раздался голос Хинтона, приглашающего нас завтракать. Мы отправились в столовую.

После завтрака Хулия и Роландо заторопились. Хулия объяснила, что Роландо и Марджори придется ехать весь день, и важно, чтобы они засветло добрались до границы.

Марджори уложила кое-какую одежду, которой ее любезно снабдил Хинтон. Когда сборы были закончены и Хулия с Роландо обменивались прощальными фразами на пороге, я отвел девушку в сторонку,

— Не беспокойся ни о чем, — сказал я. — Будь внимательна, и, может быть, тебе будут явлены новые откровения.

Она молча улыбнулась. Хулия и Роландо помогли отнести ее вещи в машину. Наши глаза встретились в последний раз, и они укатили.

— Как вы думаете, они благополучно доедут? — спросил я.

Хулия подмигнула мне.

— Ну конечно! А теперь нам тоже пора в путь. Я принесла вам кой-какую одежду.

Она протянула мне пакет. Мы снесли его и несколько коробок с продуктами в пикап. Простившись с Хинтоном, Карлой и Маретой, мы направились на север, в сторону Икитоса.

Лес, окружающий дорогу, делался все гуще, а людей мы почти не встречали. Я задумался о Восьмом откровении. Понятно, что оно учило строить отношения с людьми, но хотелось узнать об этом подробнее. Карла рассказала, как надо относиться к детям, и о том, как опасно зависеть от кого-то, Но и Пабло и Карла говорили еще о возможности сознательно посылать энергию другим, а этого я совсем не понимал.

Встретившись глазами с Хулией, я сказал:

— Я все-таки не до конца усвоил Восьмое откровение.

— Наше отношение к людям зависит оттого, быстро ли мы эволюционируем, быстро ли решаем свои жизненные задачи.

— И что получается?

— Давайте посмотрим на вашем примере. Как вы получали ответы на свои вопросы?

— Их сообщали мне люди, которых я встречал.

— Вы сразу воспринимали сообщения?

— Нет, Я был отчужден, слишком замкнут.

— А тех людей, которые приносили вам сообщения, это обижало? Они отворачивались от вас?

— Нет. Все они держались открыто и дружелюбно. Они... — Я не знал, как выразить то, что имел в виду.

— Они помогали вам раскрыться? — продолжала спрашивать Хулия? — Общаясь с ними, вы чувствовали тепло и прилив энергии?

Ее слова вызвали поток воспоминаний: как успокаивал меня Билл в Лиме, когда я был вне себя от страха, вспомнил доброту и гостеприимство отца Санчеса, заботливость отца Карла, участие Пабло, отзывчивость Карлы. Посмотрел на Хулию. У всех у них в глазах было одно и то же выражение.

— Да, — ответил я. — Вы все помогали мне.

— Правильно. Мы помогали вам сознательно — так, как учит Восьмое откровение. Мы помогали вам раскрыться и тем самым находили свою истину, то сообщение, которое вы приносили нам. Понимаете? Давая вам энергию, мы и себе делали лучше.

— Что именно говорится об этом в Рукописи?

— Там сказано, что у любого человека, встреченного нами на- пути, обязательно есть для нас сообщение. Случайных встреч вообще не бывает. А вот сумеем ли мы получить и прочитать это сообщение, зависит только от нас. Если мы, поговорив с этим человеком, не заметим никакого сообщения, относящегося к нашим текущим задачам, это не значит, что его нет. Это значит только одно: мы по какой-то причине его не заметили.

Она задумалась на минуту, потом продолжала:

— Бывало с вами когда-нибудь такое: вы случайно встречали какого-нибудь старого знакомого или друга, обменивались с ним парой фраз и шли дальше, а потом он снова встречался вам, в тот же день или на следующий?

— Бывало, и не раз.

— И что вы говорили в таких случаях? Наверное что-нибудь вроде “надо же, опять тебя вижу!”, смеялись и расходились опять.

— Вроде этого.

— В Рукописи говорится, что в таких случаях мы должны оставить то, чем заняты, что бы это ни было, и выяснить, какое сообщение несет нам этот человек и какое сообщение мы несем ему. Откровение предсказывает, что, когда все по-настоящему это усвоят, человеческие отношения будут более глубокими, не такими поверхностными и торопливыми, как сейчас.

— Но ведь это не так-то просто! Особенно если встреченный нами человек вообще не понимает, о чем речь.

— Да, но Рукопись учит, как поступать в таких случаях.

— То есть там подробно описывается, как вести себя с людьми?

— Именно так.

— И что же там сказано?

— Помните Третье откровение? Там говорится, что человек — единственное создание этого мира, которое может сознательно отдавать энергию?

— Помню.

— А помните, как это делается?

Я вспомнил уроки молоденького отца Джона.

— Да. Для этого надо восхищаться красотой находящегося перед нами предмета, пока мы не почувствуем прилив любви. После этого мы можем направить на предмет нашу энергию.

— Правильно. Вот и с людьми надо поступать точно так же. Мы должны сосредоточиться на человеке, заметить его красоту. И когда мы увидим его ясно и отчетливо, во всей неповторимости его облика и поведения, мы сможем поделиться с ним энергией.

Конечно, для этого нужно, чтобы наш собственный энергетический уровень был достаточно высок Тогда мы сможем направить на себя поток энергии из источника, а потом, через нас и с нашей помощью, эта энергия вольется в другого. Чем лучше мы ощущаем его целостность и внутреннюю красоту, тем больше энергии придет к нам и соответственно достанется ему.

Она засмеялась.

— Это можно назвать здоровым эгоизмом. Чем больше мы любим и ценим других, тем больше энергии получаем сами. Поэтому лучшее, что мы можем сделать для себя, — это любить ближних и давать им энергию.

— Я уже слышал это, — заметил я, — Отец Санчес часто это повторяет.

Я внимательно посмотрел на Хулию и почувствовал, что впервые вижу ее по-настоящему, во всей ее целостности и глубине. Она ответила мне таким же глубоким взглядом и снова сосредоточилась на дороге.

— Эти энергетические потоки очень влияют на людей. Например, сейчас я чувствую, что вы наполняете меня энергией. Это придает мне сил, проясняет сознание и помогает четче формулировать мысли.

Благодаря тому, что вы повышаете мой энергетический уровень, я лучше вижу свою истину и охотнее делюсь ею с вами. А вы яснее осознаете то, что заложено в моих словах. Тем самым вы прозреваете мое высшее “я”, сосредоточиваетесь на нем, лучше видите его красоту и даете мне еще больше энергии, я еще лучше постигаю истину — и вес повторяется по кругу, но уже на более высоком уровне. Таким образом люди могут достичь невероятных высот в общении, подпитывая и подкрепляя друг друга. Важно понимать, что это ничего общего не имеет с отношениями взаимозависимости, о которых мы говорили раньше. Там поначалу происходит нечто схожее, но уровень энергии изначально ограничен, потому что доступа ко вселенскому источнику нет — и вместо взаимной подпитки в конце концов получается схватка за энергию. Мы же не зависим друг от друга, ничего не требуем — мы просто хотим получить предназначенное нам сообщение.

Тут я вспомнил слова Пабло. Он говорил, что при первой встрече с отцом Костосом я не смог получить сообщение, которое он мне нес, из-за того, что заставил его проиграть свой сценарий.

— А что делать, — спросил я Хулию, — если наш собеседник погружен в свой сценарий и пытается и нас втянуть в него? Хулия ответила не задумываясь:

— Рукопись учит, что, если мы сами не начнем проигрывать собственный сценарий, собеседнику тоже придется выйти из своего.

— Не понимаю.

Хулия задумалась, глядя на дорогу.

— Туг подальше должен быть дом, где можно заправиться.

Я посмотрел на индикатор. Судя по его показаниям, бак был наполовину полон.

— У нас еще много бензина.

— Да, я знаю. Но раз мне пришла мысль остановиться для заправки, значит, скорее всего, так и надо сделать.

— Ах, ну да, конечно.

— Это здесь, — сказала она, показывая на ответвление дороги, идущее направо.

Мы свернули и проехали около мили среди сельвы. Наконец показалось строение, служащее, по-видимому, опорной базой для рыбаков и охотников. Рядом протекала река и у

причала колыхалось несколько привязанных лодок. Мы остановились у ржавой колонки, и Хулия отправилась в дом разыскивать хозяина.

Я вышел из машины, потянулся и прошелся, обогнув дом, к воде. Воздух был очень влажный. Густые древесные кроны загораживали солнце, но я не сомневался, что оно стоит почти в зените. Скоро станет нестерпимо жарко, подумал я.

Внезапно у меня за спиной кто-то сердито заговорил по-испански. Обернувшись, я увидел низкорослого, но крепкого перуанца. Злобно глядя на меня, он опять что-то сказал.

— Я вас не понимаю.

Он перешел на английский.

— Ты кто такой? Что здесь делаешь?

Я постарался сделать вид, что не заметил его враждебности.

— Мы только хотим заправиться. Уедем через несколько минут. — И я снова повернулся к воде, надеясь, что он оставит меня в покое.

Но он, наоборот, подошел и стал рядом.

— А ну говори, янки, кто ты есть!

Я поглядел на него — он явно не шутил.

— Я американец, — внятно проговорил я. — Куда еду, еще сам точно не знаю. Я не один, со мной приятельница.

— Заблудился, американец? — прорычал он.

— Да, — коротко ответил я.

— А зачем ты сюда явился? Ну, говори!

— Мне ничего от вас не нужно, — сказал я, бочком пробираясь поближе к машине. — Я вам ничего не сделал. Оставьте меня в покое!

Тут я заметил, что Хулия уже стоит возле машины. Когда Я повернулся к ней, перуанец тоже повернулся и увидел ее.

— Пора ехать, — сказала она. — Они больше не торгуют бензином.

— Кто ты такая? — спросил перуанец по-прежнему враждебно.

— А вы почему такой сердитый? — ответила она вопросом на вопрос.

Он чуть-чуть успокоился.

— Потому что я охраняю это место. Это моя работа, — проворчал он.

— Вы с ней хорошо справляетесь. Только с вами трудно разговаривать, очень уж вы пугаете людей.

Он тупо смотрел, стараясь понять, что она говорит.

— Мы едем в Икитос, — продолжала Хулия. — Хотим разыскать отца Санчеса и отца Карла. Вы их знаете?

Он покачал головой. Все же упоминание двоих священников совсем его успокоило. Он кивнул на прощанье и убрался.

— Поехали! — сказала Хулия.

Мы сели в пикап и покатили. Только тут я осознал, как меня взволновал и встревожил этот грубый сторож. Я постарался стряхнуть напряжение.

— Ну что, произошло что-то в доме? — спросил я.

Хулия недоуменно посмотрела не меня.

— То есть?

— Я хочу сказать: произошло ли там, в доме, что-то, что объяснило, почему вам пришла мысль здесь остановиться? Она рассмеялась.

— Нет, все действие разворачивалось снаружи!

Теперь я пришел в недоумение.

— Вы что же, ничего не поняли?

— Нет, — ответил я,

— О чем вы думали, когда мы сюда подъезжали?

— Что хочу расправить ноги и потянуться,

— Да нет, до этого! О чем был ваш последний вопрос, когда мы разговаривали?

Я стал припоминать. Мы говорили о сценариях. Вспомнил!

— Мне была непонятна одна вещь. Вы сказали, что человек не сможет проигрывать перед нами свой сценарий, если мы не погрузимся в собственный. Почему это так, я не понял.

— А сейчас понимаете?

— Нет... Что вы хотите сказать?

— Сцена, разыгравшаяся перед домом, наглядно продемонстрировала, что получается, когда мы начинаем действовать по своему сценарию.

— Каким образом?

Она бегло взглянула на меня.

— Какой сценарий у этого сторожа?

— “Пугало”, очевидно.

— Правильно. А вы кого играли?

— Я никого не играл, я просто старался от него отделаться.

— Да, конечно, но все-таки, какой сценарий вы проигрывали?

— Так...— задумался я. — Начал я со своей привычной замкнутости, но он продолжал на меня наседать.

— И тогда?

Мне не нравился этот разговор, но я постарался внутренне собраться и овладеть собой.

— Кажется, я начал превращаться в “бедняжку”. \

Хулия улыбнулась.

— Совершенно верно!

— А вы вот сразу с ним справились, — заметил я.

— Потому что я не стала в ответ обращаться к сценариям, привычным для этого человека. Вы помните, что наши сценарии формируются в детстве в ответ на сценарии родителей. Тем самым каждому из нас, чтобы развернуться в рамках своего сценария, нужно, чтобы партнер проигрывал свой, соответствующий нашему. Один сценарий нуждается в другом, ответном, иначе его трудно разыгрывать. “Пугалу”, чтобы получить энергию, нужен или “бедняжка”, или другое “пугало”.

— А вы как действовали?— спросил я, все еще ничего не понимая.

— Согласно моему собственному сценарию, я должна была бы играть “пугало”, стараясь переиграть в этом его. Не исключено, что дело кончилось бы дракой. Но я сделала то, что советует делать Рукопись. Я открытым текстом назвала его сценарий. Любой сценарий есть бессознательный стереотип поведения, помогающий отбирать чужую энергию. Он, согласно своему стереотипу, запугивал вас, чтобы отобрать у вас энергию. Когда он попытался проделать это и со мной, я тут же сказала ему, что он делает.

— Вы спросили, почему он такой сердитый.

— Совершенно верно. В Рукописи говорится, что бессознательные уловки получения энергии исчезнут, если вы их осознаёте, указываете на них и называете по имени. Они действуют только тайно, исподтишка. Это очень простой метод. Человек, которому назвали его сценарий, вынужден действовать более открыто и честно.

— Да, похоже на правду, — согласился я. — Я, наверное, и раньше иногда так поступал — замечал и называл чужие сценарии, — только сам этого не понимал.

— Наверняка! Каждому из нас доводилось это делать. Но только сейчас мы начинаем понимать суть того, что при этом происходит. А главное — нужно, отбросив сценарий, видеть самого человека, стоящего перед нами, видеть его сущность. И, по возможности, нужно послать ему побольше энергии. Тогда он поймет, что ее можно получить и без сценария, и ему легче будет от него отказаться,

— Но что вы могли оцепить и полюбить в этом типе?

— Я видела в нем напутанного ребенка, отчаянно нуждающегося в энергии. А кроме того, он ведь принес вам очень своевременное сообщение, верно?

Я вытаращил глаза. Она чуть не расхохоталась.

— Вы хотите сказать, что мы остановились там для того, чтобы я научился обращаться с человеком, проигрывающим сценарий?

— Но вас ведь именно это интересовало?

Я улыбнулся. Хорошее настроение возвращалось ко мне.

— Да, — согласился я. — Меня интересовало именно это.

Разбудил меня москит, вьющийся, жужжа, над лицом. Я посмотрел на Хулию. Она улыбалась, словно вспомнила что-то смешное. Со встречи с сердитым сторожем прошло уже несколько часов, и все это время мы ехали молча, жуя что-то из захваченных Хулией припасов.

— Проснулись?

— Проснулся. Далеко еще до Икитоса?

— До города еще миль тридцать, но Стюарт Инн совсем близко. Это небольшая гостиница с охотничьим привалом. Хозяин — англичанин и приверженец Рукописи. — Она снова улыбнулась. — Мы с ним немало встречались и славно разговаривали. Если ничего не случилось, он должен быть на месте. Я рассчитываю там узнать что-то про Билла.

Остановившись на обочине дороги, она повернулась ко мне.

— Нам с вами нужно сосредоточиться на своих задачах. До встречи с вами я колебалась — мне хотелось искать Девятое откровение, но я не имела понятия, где оно может быть. Потом я заметила, что мне все время приходит в голову Хинтон. Я приехала к нему, и вот пожалуйста — я встретила вас там же, и оказалось, что вы ищете Билла, а он, скорее всего, в Икитосе. Интуиция подсказывает мне, что мы с вами оба будем причастны к находке откровения, а вам — что мы в какой-то момент разделимся. Правильно?

— Да.

— Вот. А после этого я стала думать о Вилли Стюарте и его гостинице. Что-то там должно произойти.

Я кивнул.

Мы поехали дальше. Когда машина описала поворот, Хулия сказала:

— Вот и гостиница.

В паре сотен метров перед нами, там, где дорога снова круто заворачивала направо, стоял двухэтажный дом в викторианском стиле.

Мы заехали на гравиевую стоянку. Па веранде разговаривали несколько человек. Я открыл дверцу и собирался выйти из машины. Хулия прикоснулась к моему плечу.

— - Помните, — сказала она, —- случайных встреч не бывает. Будьте внимательны и ожидайте сообщений.

Мы поднялись на веранду — Хулия впереди, я следом. Беседующие мужчины, все перуанцы представительного вида, рассеянно кивнули, когда мы проходили мимо. Мы вошли в дверь и оказались в просторном холле. Хулия, показав мне вход в ресторан, попросила занять столик и подождать ее там, пока она поищет хозяина.

Я окинул взглядом помещение ресторана. Там было около дюжины столиков, стоящих в два ряда. Я выбрал один, в центре, и сел лицом к залу. Следом за мной вошел человек, занявший место в нескольких шагах. Он сел вполоборота ко мне. Судя по его виду, я решил, что он не местный — возможно, европеец.

Вошла Хулия и сразу заметила меня. Она села лицом ко мне.

— Хозяина нет, а портье ничего не знает про Билла.

— Что будем делать? — спросил я. Она пожала плечами,

— Не знаю. Будем надеяться, что у кого-то здесь есть для нас сообщение.

— А у кого, как вы думаете?

— Не знаю.

— Откуда же вы знаете, что будет сообщение? — усомнился я. Несмотря на то, что с момента моего прибытия в Перу совпадения происходили со мной постоянно, мне все еще трудно было поверить в то, что они будут происходить каждый раз, как нам это понадобится.

— Не забывайте Третье откровение, — ответила Хулия. — Вселенная состоит из энергии, которая реагирует на наши желания и нужды. А ведь люди тоже состоят из энергии. Раз нам нужен ответ на какой-то вопрос, обязательно появится тот, кто даст нам этот ответ.

Она обвела глазами сидящих.

— Я не знаю, кто эти люди, но уверена, что, если бы поговорить с ними, рано или поздно они сообщили бы нам истину, в которой мы нуждаемся.

Я ответил ей недоверчивым взглядом. Она наклонилась ко мне через стол.

Вы должны твердо запомнить: каждый, кого мы встречаем на нашем пути, несет нам какое-то сообщение. Иначе мы бы разминулись с этим человеком. Раз эти люди находятся здесь, значит, это для чего-то нужно.

Я продолжал молча смотреть на нее, Мне не верилось, что все так просто.

— Трудность в том, — продолжала она, — что может потребоваться долгий разговор, а ведь со всеми подряд говорить не станешь. Надо выбрать кого-то.

— Как?

— В Рукописи говорится, что должны быть знаки.

Продолжая слушать, что говорит Хулия, я почему-то посмотрел направо — туда, где сидел человек, вошедший следом за мной, В эту же минуту повернулся и он. Наши взгляды встретились, но он тут же отвернулся к своей тарелке. Я тоже отвернулся.

— Какие знаки? — спросил я.

— Вот такие, например.

— Какие?

— Такие, как сейчас. — Она кивнула направо.

— То есть?

Хулия снова наклонилась ко мне.

— В Рукописи говорится, что, если двое случайно встречаются взглядами, это верный знак, что им надо поговорить.

— Но ведь это случается на каждом шагу, — возразил я.

— Правильно. И оба обычно тут же забывают об этом и возвращаются к тому, чем были заняты. А зря.

Я кивнул.

— А еще какие бывают знаки?

— Например, вы точно знаете, что никогда не видели человека, и в то же время он кажется вам знакомым, кого-то напоминает.

Тут мне вспомнились Добсон и Рено. Оба при первой встрече показались мне знакомыми.

— А в Рукописи объясняется, почему эти люди кажутся знакомыми?

— Очень кратко. Там говорится, что бывают люди со сходными мыслями. Это те, чья эволюция протекает в одном направлении. А раз мысли схожи, то и внешний вид, и выражение лица будут схожи. Мы интуитивно узнаем людей, чьи мысли сходны с нашими, и очень часто у них оказывается для нас сообщение.

Я снова взглянул на мужчину, сидящего справа. Он действительно кого-то мне напоминал. Почувствовав мой взгляд, он снова повернулся, и мы встретились глазами. Пораженный, я поспешно отвернулся к Хулии

— Вам обязательно надо с ним поговорить, — решила она.

Я молчал. Мне казалось невозможным просто подойти и заговорить с незнакомым человеком. Мне захотелось скорее покинуть гостиницу и ехать дальше в Икитос. Я собирался предложить это Хулии, но она заговорила первой.

— Пока что наше место здесь, — сказала она, — а не в Икитосе. Мы должны довести до конца то, что начали. Беда в том, что вам трудно подойти к нему и заговорить.

— Как вам это удалось? — спросил я, изумленный.

— Что именно?

— Прочитать мои мысли!

— Никакой загадки в этом нет — я просто внимательно наблюдала за выражением вашего лица.

— И что же?

— Когда мы видим самую суть человека, мы проникаем за все, что может быть обманчивого в его внешности. Если хорошо сосредоточиться на ком-нибудь, можно действительно читать его мысли по самым легким изменениям в выражении лица. Ничего сверхъестественного!

— Какая-то телепатия! — сказал я.

Она засмеялась.

— В телепатии тоже нет ничего сверхъестественного.

Я снова взглянул направо. На этот раз сосед не обернулся.

— Вы бы лучше подкопили энергии и заговорили с ним, — предложила Хулия. — А то еще упустите возможность.

Я сосредоточился и попытался набраться энергии. Когда это мне удалось и я почувствовал прилив сил, я спросил:

— Ну и что мне ему сказать?

— Правду. Скажите ему правду в той форме, в которой, по-вашему, он ее воспримет.

— Ну ладно.

Я поднялся со стула и подошел к этому человеку. Он казался нервным и застенчивым — примерно также выглядел Пабло в первый вечер, когда я его увидел. Я попробовал заглянуть в глубь его личности, и мне показалось, что на его лице мелькнуло другое выражение, более твердое и уверенное.

— Здравствуйте! — сказал я. — Вы, кажется, не перуанец? Не можете ли вы мне помочь? Я разыскиваю своего друга. Его зовут Билл Джеймс.

— Присаживайтесь! — ответил он со скандинавским акцептом. — Я профессор Эдмонд Коннор.

Мы обменялись рукопожатием, и он добавил:

— Но я, к сожалению, не знаком с вашим другом Биллом.

Я представился и на всякий случай объяснил — у меня вдруг мелькнула надежда, что для него это будут не пустые слова, — что Билл ищет Девятое откровение.

— Я знаком с Рукописью, — сообщил он. — Я приехал сюда, чтобы убедиться в ее подлинности.

— Вы один?

— Я должен был встретиться с неким профессором Добсоном. Но он так и не появился. Не понимаю, что могло его задержать. Он уверял, что встретит меня здесь.

— Как! Вы знаете Добсона?!

— Да. Он один из пионеров научного исследования Рукописи.

— Так с ним все в порядке? Он сюда приедет?

Профессор удивленно взглянул на меня.

— Так мы договаривались. А разве что-то случилось?

Энергия отхлынула от меня. Все ясно, Добсон встречался с Коннором до его ареста.

— Я встретился с ним в самолете, — объяснил я, — когда летел в Перу. Его арестовали в Лиме. Я понятия не имею, что было дальше.

— Арестовали! Господи Боже!

— Когда вы разговаривали с ним в последний раз?

— Несколько недель назад. Но мы твердо договорились встретиться здесь. Он обещал позвонить, если что-то изменится.

— А почему вы решили встретиться здесь, а не в Лиме?

— Он сказал, что поблизости отсюда есть развалины и он рассчитывает увидеться здесь с другими учеными.

— А где именно, не помните? Где он думал увидеть этих ученых?

— Он говорил... дайте припомнить... В Сан-Луисе, кажется. А что?

— Да так... Я просто спросил.

И тут случились две вещи одновременно. Во-первых, мне пришла мысль о Добсоне — о том, что я обязательно его увижу снова. Мне представилось, что мы встречаемся на какой-то дороге, по сторонам которой растут высокие деревья. И же, выглянув в окно, я, к своему крайнему удивлению, увидел отца Санчеса. Он поднимался по ступенькам на веранду. Он выглядел усталым, одежда была в грязи. На стоянке у старого автомобиля стоял еще один священник.

— Кто это? — спросил Коннор.

— Отец Санчес! — ответил я, не в силах побороть волнение.

Я повернулся к Хулии, но ее уже не было за столиком. Я встал, и в эту минуту Санчес вошел в ресторанный зал. Увидев меня, он удивился и замер на месте, но тут же подбежал ко мне. Мы обнялись.

— Ну как вы? — спросил он.

— Все в порядке! — ответил я. — Что вы тут делаете? Несмотря на усталость, он рассмеялся.

— А мне больше некуда было ехать. Я и сюда-то еле добрался. Дорога забита военными.

— Зачем военные едут сюда? — спросил Коннор, подходя к нам.

— Извините, — ответил Санчес, — я не знаю, что у них на уме. Я знаю только, что их очень много.

Я представил их друг другу и объяснил Санчесу, что делает здесь Коннор. Последний был очень напуган новостями,

— Мне надо немедленно уезжать! — объявил он. — Только у меня нет водителя.

— Там, у машины, стоит отец Пол, — ответил Санчес. — Он сейчас едет в Лиму. Если хотите, поезжайте с ним.

— Конечно, хочу!

— Не думаю, что отца Пола задержат, — заметил Санчес. — Его никто не знает.

Тут вернулась Хулия, увидела Санчеса и бросилась его обнимать. Я познакомил ее с Коннором. Его испуг рос с каждой минутой, Наконец Санчес объявил, что отцу Полу пора ехать. Коннор быстро сбегал в свою комнату за вещами. Санчес с Хулией проводили его к машине, а я, попрощавшись с ним, остался ждать за столиком. Я не сомневался, что встреча с Коннором не случайна и что отец Санчес тоже не зря появился именно сейчас, но что это все значит, догадаться не мог.

Скоро вернулась Хулия.

— Я говорила вам, что нас ждут здесь важные события! — сказала она. — Не остановись мы здесь, не встретили бы Санчеса, да и Коннора, коли на то пошло. Кстати, что вы узнали от Коннора?

— Еще не понял, — ответил я. — Где отец Санчес?

— Снял номер и пошел немного отдохнуть. Он не спал двое суток.

Я отвел глаза. Я понимал, что Санчес валится с ног, и все же меня расстроило, что я не могу немедленно поговорить с ним. Мне очень хотелось услышать, что он думает о произошедших событиях, особенно о нашествии солдат. Мне было не по себе, и какой-то частью души я не прочь был бы убраться отсюда вместе с Коннором.

Хулия сразу поняла, что у меня на душе.

— Не надо волноваться, — сказала она. — Успокойтесь. Лучше расскажите мне, что вы успели усвоить из Восьмого откровения.

Я поглядел на нее и постарался сосредоточиться и собраться.

— Не знаю, с чего начать.

— Просто скажите, как вы понимаете содержание откровения.

Я подумал.

— Оно о том, как относиться к людям — к детям и взрослым. О том, что, сталкиваясь со сценарием, надо называть его по имени и преодолевать. О том, как, сосредоточившись на человеке, посылать ему энергию.

— Еще о чем?

Я сосредоточился на ее лице и сразу понял, чего она добивается.

— И что мы, если будем наблюдательны и правильно выберем собеседника, получим сообщения, которые помогут решить стоящие перед нами задачи.

Хулия широко улыбнулась.

— Ну как, усвоил я откровение? — спросил я.

— Почти. Осталось еще одно. Вы поняли, как один человек может прибавить сил другому. Вам еще нужно увидеть, что происходит в группе людей, где все этому обучены.

Я вышел на веранду и сел на один из крашеных железных стульев. Через несколько минут ко мне присоединилась Хулия. После неспешно съеденного обеда, за которым мы много разговаривали, мы решили посидеть на свежем воздухе, подышать вечерней прохладой. С тех пор, как Санчес удалился в свой номер, прошло три часа, и я изводился от нетерпения. Велико было мое облегчение, когда он вышел на веранду и сел рядом с нами.

— Вам удалось что-нибудь разузнать про Билла? — первым делом спросил я.

Санчес поставил свой стул так, чтобы сидеть лицом и ко мне, и к Хулии. Я заметил, что при этом он специально постарался устроиться на одинаковом расстоянии от нас.

— Да, — наконец ответил он. — Удалось. Он снова замолчал, задумавшись, а меня снедало нетерпение.

— Что же вы узнали?

— Давайте-ка я расскажу вам все по порядку, — начал он. — Когда мы с отцом Карлом ехали в мою миссию, мы думали, что застанем там Себастьяна и военных. Мы были готовы подвергнуться допросу. Но когда мы явились туда, оказалось, что и Себастьян и военные срочно отбыли за несколько часов до этого, получив какое-то известие.

Целые сутки мы были не в курсе происходящего. Но вчера нас посетил отец Костос, с которым, как я понял, вы встречались. Он объявил, что приехал по совету Билла Джеймса. Билл, очевидно, узнал о местонахождении моей миссии из прежнего своего разговора с отцом Карлом, и интуиция подсказала ему, что для нас будет важно узнать то, что может рассказать отец Костос. Дело в том, что отец Костос решил примкнуть к сторонникам Рукописи.

— А почему Себастьян так внезапно уехал? — спросил я.

— Он решил поскорее осуществить свой замысел. Известие, которое он получил, состояло в том, что отец Костос готов объявить публично, что Себастьян хочет уничтожить Девятое откровение.

— Неужели Себастьян его нашел?

— Пока нет, но вот-вот найдет. Обнаружился какой-то документ с указанием, где оно находится.

— И где же оно? — спросила Хулия.

— В Селестинских развалинах.

— А где это? — спросил я.

Ответила мне Хулия:

— В шестидесяти милях отсюда. Там ведутся раскопки, но допускают туда только перуанских ученых и результаты держатся в тайне. Там лежат развалины древних храмов в нескольких слоях — есть слой майя, а сверху слой инков. Видимо, для обеих цивилизаций это место было священным.

Неожиданно я понял, что Санчес необычно сосредоточен на нашей беседе. Когда я что-то говорил, он поворачивался ко мне и неотрывно смотрел на меня. Когда реплику подавала Хулия, он уделял все свое внимание ей. Было видно, что он глубоко продумывает каждое произнесенное слово. Я задумывался, что бы это значило, и как раз в эту минуту в разговоре возникла пауза. Я увидел, что оба смотрят на меня с ожиданием.

— В чем дело? — спросил я. Санчес улыбнулся.

— Ваша очередь говорить,

— Мы что, по очереди говорим? — удивился я.

— Нет, — ответила Хулия. — Но мы ведем осознанную беседу. Каждый собеседник говорит, когда энергия перемещается к нему Мы видим, что сейчас она у вас.

Я не знал, что сказать.

Санчес посмотрел на меня с теплым участием.

— В Восьмом откровении есть место, где говорится о ведении осознанной беседы. В ней принимает участие несколько человек. Смущаться не надо, просто постарайтесь понять, как это происходит. Когда беседуют несколько человек, то в каждую минуту только один из них может сказать нечто такое, что именно в этот момент важнее всего. Если остальные сосредоточены на разговоре, они чувствуют, кто сейчас должен заговорить, и они, фокусируя внимание на этом собеседнике, посылают ему энергию, помогая ему выразить свою мысль со всей возможной ясностью.

Потом важная мысль появляется у кого-то другого, и все уделяют внимание и энергию ему. И так далее. Если вы сосредоточены на разговоре, вы чувствуете, когда приходит ваша очередь говорить. Вам в голову приходит важная мысль. Санчес повернулся к Хулии, и она спросила у меня:

— О чем вы думали, когда мы замолчали? Я стал припоминать.

— Я удивлялся, почему отец Санчес так пристально смотрит на того, кто сейчас говорит. Я не понимал, что это значит.

— Главное, чему надо научиться, — сказал Санчес, — это говорить, когда настает ваша очередь, и посылать энергию другому, если говорить надо ему.

— Многие ведут беседу неправильно, — сказала Хулия. — Участие в беседе наполняет их восторгом, Им приходит в голову замечательная мысль, они ее высказывают, и прилив энергии так им приятен, что они говорят и говорят, когда на самом деле давно пора отдать энергию другому. А они пытаются завладеть разговором.

Другие, наоборот, слитком сдержанны. Даже чувствуя, что им пришла в голову хорошая мысль, они не решаются ее высказать. Это плохо, потому что беседа распадается и другие участники не получают всех сообщений, адресованных им. То же самое происходит, когда некоторые участники беседы не приемлют других. Тогда они не посылают им энергию, и из-за этого опять может случиться, что важное сообщение не дойдет до адресата,

Хулия умолкла, и мы оба обратили глаза к Санчесу, который перевел дыхание и в свою очередь заговорил:

— Важно знать, что бывает, когда мы кого-то не приемлем. Если какой-то человек нам не нравится или мы чувствуем исходящую от него угрозу для себя, мы невольно концентрируем внимание на тех его чертах, которые нас раздражают. К сожалению, при этом мы — вместо того, чтобы увидеть внутреннюю красоту этого человека и послать ему энергию, — отбираем энергию у него и тем самым причиняем ему вред. Сам этот человек при этом чувствует, что вдруг он мгновенно подурнел и утратил уверенность в себе, — а дело все в том, что у него отобрали энергию.

— Поэтому, — заговорила Хулия, — так важно уметь вести осознанную беседу. Люди и старятся так быстро потому, что теряют энергию в яростном соперничестве.

— Но помните, — добавил Санчес, — что при правильном ведении беседы все должно быть наоборот: энергия каждого собеседника должна возрасти благодаря вкладу всех остальных. При этом индивидуальные энергии всех участников смешиваются, образуя один общий запас. Получается как бы одно тело с несколькими головами. То одна голова говорит от имени тела, то другая. При этом каждый знает, когда ему говорить и что сказать, потому что его осознание жизни проясняется. Это и есть сверхличность, о которой Восьмое откровение говорит в связи с романтическими отношениями между мужчиной и женщиной, но которая может возникнуть и в групповой беседе.

Слова отца Санчеса заставили меня вспомнить отца Костоса и Пабло. Не могло ли быть заслугой Пабло то, что отец Костос изменил свое отношение к Рукописи и стал ее сторонником? Не мог ли Пабло переубедить его благодаря Восьмому откровению?

— А где сейчас отец Костос? — спросил я.

Вопрос этот, кажется, удивил моих собеседников, но отец Санчес немедленно ответил:

— Он отправился в Лиму вместе с отцом Карлом. Они задумали поговорить с церковными властями о замыслах кардинала Себастьяна.

— Я думаю, отец Карл именно поэтому настоял на том, чтобы ехать в миссию вместе с вами. Он знал, что там его ждет важное дело.

— Именно так, — подтвердил Санчес.

Разговор на мгновение прервался, и каждый из нас посмотрел на остальных, ожидая новых мыслей.

— Сейчас надо решить, — сказал наконец Санчес, — что делать *нам*?

Заговорила Хулия.

— Ко мне давно уже приходят мысли о Девятом откровении, о том, что я буду как-то вовлечена в его обнаружение... Но все это я вижу как-то неясно.

Мы с Санчесом внимательно смотрели на нее.

— Мне представляется место, где это случится...— продолжала она. — Подождите-ка! Это место... Это на развалинах. Да, это на Селестинских развалинах, среди храмов. Я чуть не забыла! — Она торжествующе посмотрела на нас. — Вот куда мне надо отправиться! Я еду к Селестинским развалинам!

Хулия договорила, и они с Санчесом повернулись ко мне.

— Я не знаю...— проговорил я. — Меня очень интересовало, почему Себастьян и иже с ним так настроены против Рукописи. Потом я понял, что их пугает идея внутренней эволюции... Но сейчас я не знаю, куда мне податься. Солдаты едут сюда... И похоже, что Себастьян найдет Девятое откровение раньше нас... Не знаю. Мне отчего-то кажется, что моя задача — уговорить его не уничтожать откровение.

Я замолчал. Мне пришел на мысль Добсон, а потом — Девятое откровение. Внезапно меня осенило, что в Девятом откровении будет объяснена цель эволюции. Перед этим я все размышлял, как люди будут относиться друг к другу под влиянием Рукописи. Восьмое откровение ответило на этот вопрос, А вслед за ним логично возникал следующий: куда приведет нас эволюция, какие общественные перемены возникнут в результате? Следующее откровение и должно было прояснить это.

Каким-то образом я понял, что именно это знание должно помочь развеять страхи Себастьяна перед эволюцией,,. Если он только захочет слушать.

— Я по-прежнему думаю, что кардинала Себастьяна можно убедить поверить в Рукопись, — твердо сказал я.

— И вы думаете, что именно вы его убедите? — спросил Санчес.

— Нет... Нет, не совсем... Я буду не один. Я буду с кем-то, кто может пробиться к нему... Кто знает его и говорит с ним на одном языке.

При этих словах мы с Хулией дружно повернули головы к отцу Санчесу.

Он попытался улыбнуться. Потом покорно заговорил:

— Мы с кардиналом Себастьяном долгое время избегали разговоров и споров о Рукописи. Я долго служил под его началом. Он покровительствовал мне, и я, должен признаться, смотрел на него снизу вверх. Но, пожалуй, я всегда знал, что этим кончится. Как только вы заговорили об этом, я сразу понял, что убеждать его придется мне. Вся моя жизнь подготовила меня к этой задаче.

Он внимательно посмотрел на нас и продолжал:

— Моя мать была свободомыслящей христианкой. Она терпеть не могла, когда людей обращали в веру принуждением или угрозами, Она считала, что людей должна приводить к религии любовь, а не страх. А мой отец был строгий и суровый человек. Впоследствии он стал священником. Как и Себастьян, он убежденно ратовал за подчинение традициям и авторитету

власти. Поэтому я, как их сын, хочу оставаться в рамках церковной организации, но в то же время смягчать ее суровость и стремиться к высшему духовному опыту.

Разговор с Себастьяном станет моим следующим шагом. Не хотелось мне этого делать, но я, как теперь знаю, должен отправиться в Икитос, в миссию Себастьяна,

— Я еду с вами, — сказал я.

9 - НОВАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
(окончание)

Дорога на север вилась среди густой сельвы, пересекая не однажды полноводные реки — притоки Амазонки, как объяснил мне отец Санчес. Мы встали на рассвете, наскоро попрощались с Хулией и пустились в путь на машине, которую отец Санчес одолжил у одного друга. Это был мощный грузовик-внедорожник с громадными шинами. Дорога шла слегка в гору. Здесь деревья росли посвободнее и были выше и стройнее.

— Напоминает окрестности Висьенте, — заметил я. Санчес улыбнулся и ответил:

— Мы сейчас находимся на особой земле, где энергетический уровень чрезвычайно велик. Этот участок — примерно пятьдесят миль на двадцать — тянется до самых Селестинских развалин, а со всех сторон его окружает дикая сельва.

Далеко справа, на границе сельвы, показалась полоса расчищенной земли.

— А это что? — спросил я.

— Ах, это? Это наше правительство так представляет себе развитие сельского хозяйства.

Деревья были повалены бульдозерами и кое-как свалены в кучи, часть стволов была обуглена. На обнаженной почве, поросшей дикой травой, паслось стадо. Несколько коров подняли головы на шум мотора и проводили нас равнодушным взглядом. Дальше я заметил участок, где деревья повалили совсем недавно, — и понял, что, если так и пойдет, бульдозеры скоро доберутся до тех стройных красавцев-деревьев, мимо которых мы проезжали.

— Какой ужас! — воскликнул я.

— Да, — ответил Санчес. — Даже кардинал Себастьян не одобряет этого.

Я вспомнил Фила — может быть, именно эти места он старался защитить. Что с ним, где он? И тут мне опять неожиданно вспомнился Добсон. Коннор говорил, что Добсон обещал приехать в гостиницу. Явно неспроста я получил от Коннора это сообщение. Где сейчас Добсон? Держат его под замком или выслали из страны? От моего внимания не ускользнуло, что мысль о Добсоне явилась мыс сама собой, стоило мне подумать о Филе.

— Далеко отсюда миссия Себастьяна? — спросил я.

— Около часа езды, — ответил Санчес. — Как вы себя чувствуете?

— В каком смысле?

— Я имею в виду энергетику.

— По-моему, уровень достаточно высок. Еще бы, такая красота вокруг!

— Что вы думаете о нашей вчерашней беседе втроем?

— Это было удивительно!

— А вы хорошо поняли, что там происходило?

— Вы имеете в виду то, что идеи появлялись у нас по очереди?

— Это само собой, по я имею в виду высший смысл всего этого.

— Я вас не понимаю.

— Я как раз об этом думал. По-моему, такое осознанное общение, когда каждый не стремится подчинить себе остальных, а, наоборот, помогает им проявить все лучшее, что в них есть, — это модель отношений, которую со временем усвоит все человечество. Подумайте только, как это поднимет всеобщий энергетический уровень и ускорит эволюцию,

— Вот именно, — подхватил я, — я тоже размышлял, к чему придет наша цивилизация, когда повысится общий уровень энергии.

По его взгляду я понял, что попал в точку.

— Это и я хотел бы знать!

Наши взгляды встретились, и я понял, что мы оба ждем мысли, что придет кому-то из нас. Наконец он сказал:

— Ответ на это должен быть в Девятом откровении. Оно объяснит, куда приведет нас эволюция.

— Я тоже так думаю,

Санчес затормозил. Мы приближались к развилке, и он, кажется, был не совсем уверен, куда нам сворачивать.

— А Сан-Луис нам не по дороге? — спросил я. Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Только если мы свернем налево. А что?

— Коннор говорил, что Добсон собирался проезжать Сан-Луис по пути в гостиницу. Я думаю, это было сообщение для меня.

Мы продолжали смотреть друг на друга.

— Вы ведь притормозили перед этой развилкой, — сказал я. — Почему?

Он пожал плечами.

— Сам не знаю. Самый короткий путь на Икитос — прямо. А я вдруг заколебался почему-то.

У меня дрожь пробежала по телу.

Санчес поднял бровь и широко улыбнулся.

— Пожалуй, придется ехать через Сан-Луис, а?

Я кивнул и ощутил прилив энергии. Теперь я видел, что остановка в гостинице и встреча с Коннором наполняются глубоким смыслом. Санчес свернул налево и покатил в сторону Сан-Луиса, а я смотрел на дорогу и чего-то ждал. Мы уже проехали тридцать или сорок миль, и ничего не произошло. Потом внезапно раздался гудок, и мы увидели догоняющий нас серебристый джип, Водитель изо всех сил махал нам. Мне он показался знакомым.

— Это Фил! — воскликнул я.

Мы подъехали к обочине. Фил выскочил из джипа, подбежал к нашему грузовику и схватил меня за руку, кивнув Санчесу.

— Не знаю, куда и зачем вы едете, — сказал он, — но дорога впереди забита солдатами. Вам лучше вернуться и переждать с нами.

— Откуда вы узнали, что мы тут проедем? — спросил я,

— Я не знал этого! Я просто случайно взглянул на дорогу и увидел вас. Мы в полумиле отсюда. — Он посмотрел вокруг и добавил: — Лучше побыстрее съехать с этой дороги.

— Мы поедем за вами, — сказал отец Санчес.

Мы развернулись вслед за Филом и поехали назад. Он свернул на другую дорогу, отходящую на восток, и вскоре остановился. Из-за купы деревьев навстречу нам вышел человек. Я не верил своим глазам — это был Добсон!

Я вылез из грузовика и побежал к нему. Он был удивлен не меньше меня. Мы обнялись.

— Как здорово, что я снова вас вижу! — воскликнул он.

— Взаимно! — ответил я. — Я думал, вас убили. Добсон похлопал меня по спине и сказал:

— Убить не убили, по перетрусил я здорово. Меня просто задержали. Но и среди чиновников кое-кто почитает Рукопись, — меня потихоньку отпустили. С тех пор я в бегах. — Он помолчал, улыбаясь мне. — Я рад, что с вами ничего не случилось. Когда Фил мне рассказал, что видел вас в Висьенте, а потом вас схватили вместе с ним, я не знал, что и думать. А ведь мне следовало бы знать, что мы еще встретимся. Куда вы направляетесь?

— Хотим встретиться с кардиналом Себастьяном. Мы предполагаем, что он хочет уничтожить последнее откровение.

Добсон кивнул и хотел что-то сказать, но тут подошел отец Санчес.

Я быстро представил их друг другу.

— Кажется, я слышал ваше имя, — сказал Добсон, — В Лиме говорили об аресте двух священников.

— Отца Карла и отца Костоса? — спросил я.

— Да, кажется, так их звали.

Санчес только покачал головой. Потом мы с Добсоном стали рассказывать друг другу наши приключения. Он похвастался, что усвоил все восемь откровений. Ему не терпелось еще о чем-то рассказать, но я его перебил, вспомнив про Коннора. Я рассказал, как встретился с ним и как он уехал в Лиму.

— Боюсь, там-то его и арестуют, — сказал Добсон. — Очень жаль, что я вовремя не попал в эту гостиницу, но мне надо было заехать сначала в Сан-Луис, чтобы встретиться еще с одним ученым. Правда, я его там не нашел, зато увидел Фила, и...

— И что? — спросил Санчес?

— Вы лучше сядьте, — сказал Добсон. — Вы не поверите. Фил нашел список части Девятого откровения! Мы застыли на месте.

— Это перевод? — спросил отец Санчес.

—Да.

Фил, который все это время возился с чем-то в джипе, подошел к нам.

— Так вы нашли часть Девятого откровения?! — воскликнул я.

— Не совсем так. Я не сам ее нашел, а мне дали. После того как нас с вами арестовали, меня привезли в какой-то другой город, не знаю, как он называется. Через некоторое время его посетил кардинал Себастьян. Он все расспрашивал меня о Висьенте и о моей деятельности в защиту леса. Я не понимал, почему это его интересует. И вдруг надзиратель приносит мне часть Девятого откровения! Он стащил ее у кого-то из людей Себастьяна, который, видимо, только что закончил ее переводить. Там говорится об энергии старых лесов.

— А что именно? — спросил я.

Он задумался, вспоминая, и Добсон снова предложил нам сесть. Он привел нас на прелестную полянку, в центре которой был расстелен брезент. Там было очень красиво. Полянка имела около десяти метров в диаметре и была со всех сторон окружена высокими деревьями. На ней росли кусты с ароматными цветами и папоротники — такой яркой зелени я никогда раньше не видел. Мы сели в кружок.

Фил посмотрел на Добсона. Добсон обвел взглядом нас всех и начал:

— Девятое откровение рассказывает, как изменится человеческая цивилизация в следующем тысячелетии в результате сознательной эволюции. Там описывается новый образ жизни. Например, Рукопись предсказывает, что мы добровольно сократим рождаемость и население земли уменьшиться, так что все смогут жить в самых красивых и богатых энергией уголках планеты. Причем заметьте, что тогда красивых мест станет намного больше; мы перестанем вырубать леса, и они будут спокойно расти, накапливая энергию.

Согласно Девятому откровению, в середине следующего тысячелетия все люди будут жить среди пятисотлетних лесов и тщательно ухоженных садов, но при этом вблизи от городов, наполненных невероятно сложной техникой. К тому времени все, что человеку нужно для жизни — еда, одежда, средства передвижения, — будет изготовляться автоматически и в таких количествах, что их хватит на всех. Все наши потребности будут полностью удовлетворяться безо всякой необходимости в каких-то денежных расчетах — но без излишеств и потворства лени.

Руководствуясь интуицией, мы будем точно знать, что и когда следует делать, и наши действия всегда будут согласованы с действиями остальных. Потребление не превзойдет разумных пределов, потому что мы изживем слепую страсть к обладанию вещами, и чрезмерная забота о своей безопасности тоже отойдет в прошлое. В следующем тысячелетии нас будут заботить совершенно другие вещи.

Согласно Рукописи, — продолжал Добсон, — все наши стремления сосредоточатся на собственной эволюции — каждому будут доставлять огромную радость интуитивные прозрения и их осуществление в его судьбе. Не будет больше безумной спешки и бега на

месте, и все мы будем осознанно ждать значимых совпадений. Мы будем знать, что эти совпадения могут произойти где угодно — на лесной тропке, например, или на мосту через горное ущелье.

Представьте себе, как человек встречается с человеком и эта встреча исполнена смысла и значения! Вот двое — они видят друг друга впервые. Для начала каждый из них увидит энергетическое поле другого и убедится в его открытости и искренности. Потом они поведают друг другу истории своей жизни, и каждый из них радостно встретит сообщения, которые принес ему другой. А после этого оба пойдут дальше своим путем, но совершившаяся встреча оставит в них важные перемены. Их колебательный уровень станет выше, и они смогут общаться с людьми при следующих встречах еще глубже и осознаннее, чем до этого.

Получая нашу энергию, Добсон говорил об обществе будущего с возрастающим вдохновением и красноречием. Его снова дышали истиной. Я, например, нимало не сомневался в возможности таких достижений. Но я знал также, что на протяжении человеческой истории многие провидели подобное будущее — Карл Маркс, например, — но никто не знал, как подступиться к осуществлению утопии. Коммунизм обернулся трагедией.

Даже усвоив первые восемь откровений, я не мог вообразить себе, каким же образом человечество достигнет высот, описанных в Девятом. Дождавшись, когда Добсон умолкнет, я высказал свои сомнения.

— Рукопись говорит, что извечное человеческое стремление к истине поддержит нас на пути, — ответил он, улыбаясь мне. — Но чтобы лучше понять, как произойдут перемены, наверное, стоит яснее представить себе будущее тысячелетие — также, как мы с вами тогда, в самолете, представили себе нынешнее, помните? Так, словно вы сами прожили его от начала до конца.

Добсон коротко рассказал остальным о нашей беседе в самолете, а потом продолжал:

— Подумайте сначала о том, что происходило за последнюю тысячу лет. В средние века мы жили в простом и понятном мире, где церковь учила нас, что есть добро и что зло. Но в эпоху Возрождения мы освободились от диктата церкви. Мы поняли, что мир устроен сложнее, чем думали священники, и захотели сами добраться до истины.

Мы поручили науке разведать, что же творится во Вселенной на самом деле, но, когда наука замедлила с ответами, которые были нам насущно необходимы, мы решили заняться своим благоустройством в мире, и так возникла современная этика труда, породившая озабоченность мирскими делами и отодвинувшая внимание к духовности на второй план. Но сейчас мы прозреваем природу этой озабоченности, мы видим истинную причину того, что пять столетий были посвящены созданию материальных удобств и ресурсов, — это нужно было, чтобы создать условия для другой, новой жизни — жизни, в которой тайны духовности возвращают свое значение.

Все сведения о мире, которые мы получили, пользуясь научным методом, указывают на то, что целью существования человечества на этой планете является сознательная эволюция. И когда каждый начнет продвижение на собственном пути, постигая истину за истиной, — тогда, предсказывает Девятое откровение, вся наша жизнь изменится коренным образом.

Он сделал паузу, но все молчали. Нам хотелось и дальше слушать его.

— Как только наше число достигнет критической массы, — продолжал Добсон, — и откровения распространятся по всему миру, человечество впервые в истории переживет период сосредоточенного созерцания. Мы поймем наконец, как прекрасен окружающий мир и сколько в нем духовности, Мы поймем, что деревья, реки и горы — это могучие святыни, достойные восторженного поклонения. Мы потребуем прекратить всякую хозяйственную деятельность, губительную для природы. Люди, близкие к проблемам загрязнения окружающей среды, найдут новые и действенные средства решения этих проблем, ибо, как только они станут на путь эволюции, их интуиция подскажет им, что надо делать.

Таково будет начало великих перемен. Для многих и многих из нас это будет нелегкое время, потому что, когда интуиция подскажет человеку, кто он на самом деле такой и чем должен заниматься, многие поймут, что делают не то, что надо, что их работа противоречит их

призванию, и захотят изменить ее. В этот период, говорит Рукопись, люди нередко будут менять профессию и род деятельности несколько раз на протяжении жизни.

Следующим важным сдвигом будет переход к автоматизации производства. Для людей, занимающихся этим уже сейчас, для инженеров и техников, автоматизация означает переход к более эффективной экономике. Но когда их осознание прояснится, интуиция подскажет им, что это лишь средство высвободить людям время для более важных устремлений.

Остальные из нас тем временем будут следовать указаниям собственной интуиции, заниматься своим делом. Для этого нам будет требоваться все больше свободного времени. Мы поймем, что наше истинное призвание слишком важно, чтобы тратить время на рутинную работу. Мы найдем способ сократить рабочее время, чтобы посвятить себя поискам собственной истины. Два-три человека будут делать на работе то, что раньше делал один. И поэтому тем, кому раньше автоматизация грозила потерей работы, будет обеспечена хотя бы частичная занятость.

— А как же деньги? — спросил я, — Неужели кто-то добровольно пойдет на сокращение доходов?

— А они не сократятся, — ответил Добсон. — В Рукописи говорится, что наши доходы останутся стабильными, потому что люди будут давать нам деньги взамен откровений.

Я чуть не расхохотался.

— Что-что?

Он улыбнулся, глядя на меня.

— В Рукописи говорится, что, когда мы глубже проникнем в энергетические процессы, идущие во Вселенной, мы поймем, что на самом деле происходит, когда мы что-то отдаем кому-нибудь. Сейчас существует только одно представление о духовной сущности дарения — понятие церковной десятины.

Он повернулся к отцу Санчесу.

— Как вы знаете, понятие церковной десятины обычно толкуется весьма узко — как обязанность отдавать церкви десятую часть своих доходов. Предполагается, что отданное вернется к нам сторицей. Но Девятое откровение разъясняет, что дарение — универсальный принцип помощи не только церкви, но каждого каждому. Когда мы отдаем, мы сторицей получаем взамен, потому что в этом и состоит сущность вселенского энергообмена. Вспомните, когда мы отдаем кому-то энергию, образовавшаяся в нас пустота немедленно восполняется из вселенского источника, если мы к нему подключены. Но ведь и с деньгами то лее самое. В Девятом откровении говорится, что, когда мы начнем постоянно отдавать, к нам будет возвращаться гораздо больше — столько, сколько мы и не сумеем истратить.

И наши дары, — продолжал он, — будут предназначены тем, от кого мы получаем духовные истины. Людей, которые появляются в нашей жизни как раз в нужный момент, чтобы принести сообщение, дать ответ на наш насущный вопрос, мы должны будем отдарить деньгами. За счет этого наши доходы останутся на прежнем уровне и мы сможем освободить часть рабочего времени. И чем больше людей будет вовлечено в эту духовную экономику, тем скорее мы перейдем к цивилизации следующего тысячелетия. Вслед за периодом, когда каждый становится на путь сознательной эволюции, настанет период, когда каждый будет получать деньги за то, что он свободно эволюционирует и сообщает другим добытые им истины.

Я посмотрел на Санчеса. Он внимательно и радостно слушал.

— Да, — сказал он Добсону. — Я ясно вижу, что так и будет. Если все будут в этом участвовать, все мы будем постоянно отдавать и получать. Этот взаимообмен, взаимопередача информации и станет нашей новой работой, нашей новой экономической ориентацией. Нам будут платить люди, на которых мы окажем духовное воздействие. Это позволит полностью автоматизировать все, что относится к материальным ресурсам жизни, потому что у нас не будет времени этим заниматься. Управление производством станет автоматическим, как машинная программа. Мы, возможно, вложим в него деньги, а сами будем развивать то, за что наше время получило название “века информации”.

Сейчас для нас самое важное — понять, к чему мы идем. До сих пор мы не могли спасти от загрязнения окружающую среду, демократизировать весь мир и накормить всех голодных, потому что отдавать нам мешал страх бедности и желание властвовать. Мы не могли от них избавиться при господстве старых взглядов на жизнь. Но теперь можем!

Он поглядел на Фила.

— Но ведь нам понадобятся дешевые источники энергии?

— Ядерная энергия, сверхпроводимость, искусственный интеллект, — сказал Фил. — Недалеко и до полной автоматизации, раз уж мы теперь Знаем, зачем она нужна.

— Это так, — сказал Добсон, — Главное понять справедливость и неизбежность нового образа жизни. Мы живем не для того, чтобы копить богатства и усиливать власть, а ради эволюции. Преображение начнется с того, что мы будем платить за откровения, а затем, с ростом автоматизации деньги вообще исчезнут. Они нам не понадобятся. Следуя своим интуитивным прозрениям, мы будем брать только то, в чем действительно нуждаемся.

— И мы поймем, — вставил Фил, — что надо лелеять и защищать природу, потому что это невероятной силы источник энергии.

Когда Фил заговорил, наше общее внимание обратилось на него, и он, казалось, удивился немедленному подъему сил, последовавшему за этим.

— Я не успел изучить все откровения, — продолжал он, глядя на меня. — После того, как тюремный надзиратель помог мне убежать, я, возможно, и не сохранил бы эту часть Девятого, если бы ранее не встретился с вами. Я вспомнил, что вы говорили о великом значении Рукописи. Но даже и не ознакомившись с остальными откровениями, я понимаю важность того, чтобы автоматизация находилась в гармонии с энергообменом на земле.

Меня всегда интересовали леса и их экологическая роль. Теперь я понимаю, что этот интерес уходит корнями в детские годы. Девятое откровение учит, что, став на путь духовной эволюции, человечество добровольно сократит свою численность до величины, необременительной для пашей планеты. Мы будем жить в равновесии с природной энергосистемой. Сельское хозяйство будет автоматизировано, если не говорить о съедобных растениях с высокой энергетикой, которые кто-то захочет вырастить для себя. Лес, необходимый для промышленности, будет выращиваться в специально отведенных для этого местах. Это позволит оставшимся на земле природным лесам спокойно расти, накапливая энергию.

В конце концов природные леса будут повсюду, и люди будут жить рядом с ними, пользуясь их энергией. Подумайте, как будет наполнен энергией мир, в котором мы заживем!

— Это повысит энергетический уровень всех людей без исключения! — вставил я.

— Да, конечно, — рассеянно проговорил Санчес. Он, видимо, успел забежать мыслью далеко вперед, рисуя себе последствия энергетического изобилия.

Все ждали, что он еще скажет.

— Процесс нашей эволюции, — произнес он наконец, — тем самым ускорится. Чем больше энергии впитает каждый из нас, тем таинственнее будут встречи с людьми, которых Вселенная посылает к нам с сообщениями в ответ на наши вопросы. — Он снова ненадолго задумался. — И с каждым новым интуитивным прозрением, с каждой новой таинственной встречей, ускоряющей наше продвижение, наш колебательный уровень будет повышаться.

...Вперед и все выше! — пробормотал он, как бы говоря сам с собой. — Если история будет продолжаться...

— То мы будем переходить на все более и более высокий энергетический и колебательный уровень, — договорил за него Добсон.

— Да, — подтвердил Санчес, — именно так. Извините меня, я через минуту вернусь, — Он встал, отошел за деревья и сел там в одиночестве,

— О чем еще говорится в Девятом откровении? — спросил я у Добсона.

— Неизвестно, — ответил он. — На этом та часть, которая у меня есть, заканчивается. Хотите поглядеть на нес?

Я ответил утвердительно, и он, сходив к своему грузовику, принес папку, в которой было около двадцати машинописных листов. Я быстро прочел их, удивляясь тому, как глубоко и ясно изложили Добсон и Фил содержание Рукописи. Дойдя до последней страницы, я убедился, что передо мной действительно только часть откровения, — текст неожиданно обрывался на полуслове. За словами о преобразовании планеты, которое положит начало новой духовной культуре и поднимет людей к новым колебательным уровням, следовало утверждение, что этот процесс приведет еще и к... но к чему — так и осталось неизвестным.

Прошло около часа. Санчес встал и подошел ко мне. Я так и просидел это время в окружении растений, рассматривая их могучие энергетические поля. Добсон и Фил, погруженные в беседу, стояли у своего джипа.

— Пожалуй, нам пора в Икитос, — сказал мне Санчес.

— А как же солдаты?

— Рискнем! Меня сейчас посетила мысль, что мы проскочим, если выедем немедленно.

Я согласился положиться на его интуицию, и мы пошли к Филу и Добсону, чтобы поделиться своими планами.

Они поддержали наш замысел. Добсон сказал:

— Мы сейчас тоже решали, что нам делать. Мы едем прямо на Селестинские развалины. Вдруг удастся спасти и оставшийся текст Девятого откровения.

Простившись с друзьями, мы с отцом Санчесом отправились на север.

— О чем вы думаете? — спросил я своего спутника после долгого молчания.

Отец Санчес немного притормозил и посмотрел на меня.

— О кардинале Себастьяне и о ваших словах. Вы говорили, что он прекратит борьбу с Рукописью, если мы сумеем все объяснить ему.

Слушая Санчеса, я представил себе встречу с Себастьяном. Мы находились в каком-то парадном помещении, и кардинал был суров и высокомерен. У него была возможность уничтожить Девятое откровение, а мы изо всех сил старались переубедить его, пока не поздно.

Опомнившись, я увидел, что Санчес с улыбкой смотрит на меня.

— Что вам привиделось? — осведомился он.

— Я думал о Себастьяне.

— И что же?

— Я ясно видел нашу встречу. Он хотел уничтожить откровение, а мы уговаривали его этого не делать. Санчес глубоко вздохнул.

— Похоже, что только от нас зависит, станет ли известной оставшаяся часть откровения.

У меня сжалось сердце.

— Что же мы ему скажем?

— Еще не знаю. Надо убедить его, что Рукопись не противоречит истинам нашей церкви, а лишь проясняет их. Я уверен, что и неизвестная нам часть откровения подтвердит это.

Мы ехали молча около часа по пустынной дороге. Я мысленно перебирал все события моего пребывания в Перу. Я знал, что откровения Рукописи глубоко усвоены мною. Я подмечал значимые совпадения, таинственно меняющие жизнь, как о них рассказывало Первое откровение. Я понимал, что множество людей осознают эту тайну, что формируется новое отношение к жизни, — как сообщало Второе откровение. Третье и Четвертое научили меня тому, что наша Вселенная представляет собой гигантскую энергетическую систему и что человеческие конфликты возникают из-за нехватки энергии и борьбы за овладение ею.

Пятое откровение показало, что можно положить конец всем конфликтам, если приобщиться к высшему источнику энергии. Я научился подключаться к этому источнику — это уже стало для меня почти привычным. Шестое откровение я тоже постоянно держал в памяти — оно давало знание о привычных сценариях схваток за энергию и учило преодолевать эти сценарии. Седьмое помогало обнаружить свое истинное “я” и стать на путь эволюции, для чего следовало четко формулировать насущные вопросы, доверять

интуитивным прозрениям и получать ответы. Только на этом пути человек мог быть по-настоящему счастлив.

Восьмое учило правильному отношению к людям. Надо видеть и укреплять лучшее, что есть в каждом из них, и тогда они принесут нам сообщение с ответами на насущные вопросы.

Объединившись в одно целое, все откровения помогали поддерживать состояние высокой осознанности и ожидания. Оставалось еще Девятое. Оно рассказывало о том, куда приведет человечество эволюция. Часть этого откровения нам уже известна. А остальное?

Отец Санчес остановил грузовик у обочины.

— До миссии кардинала Себастьяна осталось меньше четырех миль, — сказал он. — Нам надо поговорить.

— Хорошо.

— Не знаю, что будет, но думаю, что надо ехать прямо туда.

— Миссия большая?

— Большая. Он трудился над ее созданием двадцать лет. Это удаленное место он выбрал, чтобы быть поближе к глухим индейским деревням, которым, как он чувствовал, уделялось мало внимания. Теперь же сюда съезжаются со всей страны, чтобы поучиться у него. Он участвует в церковном управлении и потому должен часто бывать в Лиме, но эта миссия — его любимое детище. Он предан ей всем сердцем. Санчес заглянул мне в глаза.

— Будьте начеку. Может наступить момент, когда одному из нас понадобится помощь.

И мы поехали дальше. Проехав еще несколько миль по пустынной дороге, мы увидели у правого края дороги два военных джипа. В них сидели солдаты, проводившие нас внимательными взглядами.

— Так, — сказал Санчес, — теперь они знают, что мы здесь.

Еще через милю мы увидели въезд в миссию. За большими чугунными воротами тянулся мощеный проезд. Ворота были открыты, но джип с четырьмя солдатами загораживал путь. Нам подали знак остановиться. Один из солдат что-то сказал в рацию.

Санчес улыбнулся подошедшему солдату.

— Я отец Санчес, приехал к кардиналу Себастьяну.

Солдат внимательно оглядел его, потом меня. Потом он отвернулся и подошел к тому, у которого была рация. Они коротко переговорили, не сводя с нас глаз. Через несколько минут солдат вернулся и приказал следовать за ними.

Вслед за джипом мы проехали по трехполосной дороге еще несколько миль и наконец увидели миссию. Большая церковь из тесаного камня могла вместить, как я прикинул, не меньше тысячи человек. По обеим ее сторонам стояли четырехэтажные дома — видимо, школьные здания.

— Выглядит внушительно, — заметил я.

— Да, но люди-то все где? — удивился Санчес. На дорожках никого не было.

— Это знаменитая школа Себастьяна, — объяснил Санчес, — но куда же подевались ученики?

Военный джип остановился у входа в церковь. Солдаты вежливо, но твердо предложили нам выйти из машины и следовать за ними. Поднимаясь по каменным ступеням, я заметил за соседним домом несколько грузовиков и тридцать или сорок солдат, выстроившихся в шеренгу Нас провели к алтарю и пригласили в небольшое помещение рядом. Там нас обыскали и велели ждать, после чего солдаты удалились, не забыв запереть за собой дверь.

— А где кабинет Себастьяна? — спросил я.

— Здесь же, в здании церкви, только подальше.

Внезапно дверь распахнулась. Окруженный солдатами, на пороге стоял Себастьян. Он был высок ростом и держался очень прямо.

— Что вы тут делаете? — обратился он к Санчесу.

— Хочу поговорить с вами.

— О чем?

— О Девятом откровении Рукописи.

— Оно никогда не будет найдено. Говорить не о чем.

— Мы знаем, что вы уже нашли его.

Глаза кардинала расширились.

— Я не позволю распространять это откровение. Оно лжет.

— Откуда вы знаете? — возразил Санчес. — Вы можете ошибаться. Позвольте мне прочесть его.

Себастьян посмотрел на Санчеса, и жесткое выражение его лица слегка смягчилось.

— Раньше вы полагались на мои суждения в таких вопросах.

— Это так. Вы были моим наставником. Вы вдохновляли меня. Я подражал вам, строя свою миссию.

— Вы относились ко мне с уважением, пока не появилась эта Рукопись! — сказал Себастьян. — Видите, как она разделяет людей? Я предоставил вам идти собственным путем. Я не вмешался даже когда узнал, что вы обучаете паству этим откровениям. Но я не потерплю, чтобы этот документ разрушил все, что так долго созидала наша Церковь.

За спиной Себастьяна появился солдат и почтительно обратился к нему. Бросив взгляд на Санчеса, кардинал вышел. Дверь осталась открытой, и мы видели его, по разговора слышать не могли. Полученное известие явно встревожило Себастьяна. Он направился к выходу, сделал солдатам знак идти за ним. Только один по приказанию кардинала остался с нами.

Войдя в комнату, этот солдат прислонился к стене. Судя по лицу, он был чем-то встревожен. Он был совсем молоденький, лет двадцати.

— Что случилось? — обратился к нему Санчес.

Солдат только потряс головой.

— Это имеет отношение к Рукописи? К Девятому откровению?

Солдат удивленно раскрыл глаза.

— А что вы знаете о Девятом откровении? — несмело спросил он.

— Мы хотим его спасти.

— Я тоже хочу, чтобы его спасли, — проговорил юноша.

— А вы его читали? — спросил я.

— Нет. Но я слышал, что говорят. Оно оживит нашу религию.

Снаружи послышался грохот выстрелов.

— Что происходит? — воскликнул Санчес.

Солдат стоял не шелохнувшись.

Санчес легонько прикоснулся к его руке.

— Помоги нам!

Юноша выглянул в коридор. Потом сказал:

— Кто-то ворвался в церковь и похитил список Девятого откровения. Похититель не мог далеко уйти, он где-то здесь. Прогремело еще несколько выстрелов.

— Надо помочь им, — сказал Санчес.

Эти слова привели юношу в ужас.

— Мы должны выполнить свой долг, — продолжал священник. — На благо всего мира.

Солдат кивнул и предложил нам перейти в другую часть церкви, где было потише. Он добавил, что постарается помочь. Он проводил нас к лестнице и, поднявшись на два пролета, мы очутились в длинном коридоре, тянущемся во всю длину огромного здания.

— Кабинет кардинала прямо под нами, двумя этажами ниже, — прошептал юноша.

Внезапно мы услышали топот ног в соседнем коридоре. Несколько человек бежали в нашу сторону. Опередив меня, Санчес с солдатом вбежали в помещение по правой стороне коридора. Я не успевал добежать до нее, поэтому вскочил в соседнюю дверь, плотно прикрыв ее за собой.

Это была классная комната. Парты, кафедра, стенной шкаф. Он оказался открыт, я забрался внутрь и скорчился среди каких-то коробок и пахнущих плесенью курток. Я

постарался укрыться за ними, хотя понимал, что, если в шкаф заглянут, я буду немедленно обнаружен. Я старался не шевелиться и даже не дышать.

Дверь со скрипом отворилась, и в комнату вошло, судя по звуку, несколько человек. Один из них, кажется, направился к шкафу, но остановился и пошел в другую сторону. Вошедшие громко переговаривались по-испански. Потом наступила тишина.

Я подождал минут десять, прежде чем медленно и осторожно приоткрыть дверцу и выглянуть. В комнате никого не было. Я подкрался к двери. Снаружи было тихо. Я быстро подошел к двери, за которой скрылись Санчес с солдатом. К моему удивлению, за ней оказалась не комната, а новый коридор. Прислонясь к стене, со сжавшимся от волнения сердцем я тихонько позвал Санчеса. Никто не ответил. Я был один. У меня кружилась голова от страха.

Я сделал глубокий вдох и приказал себе не терять головы и зарядиться энергией. Прошло несколько минут усилий, и формы и краски коридора выпукло выступили, обретя красоту и живое присутствие. Я вызвал в себе любовь. Постепенно мне стало лучше. Вернулась мысль о Себастьяне. Если он у себя в кабинете, то и Санчес, конечно, пошел туда.

Коридор заканчивался лестницей. Я спустился на два пролета. Теперь я был на первом этаже здания. Через стеклянную дверь лестничной площадки я оглядел коридор. Он был пуст. Я открыл дверь и пошел вперед, сам не зная, куда иду.

И тут я услышал голос Санчеса — он раздавался из-за двери, перед которой я как раз замедлил шаг. Громко и сердито что-то проговорил Себастьян. В эту минуту дверь раскрылась, и появился солдат, немедленно наставивший на меня винтовку. Он втащил меня в комнату и поставил у стены. Санчес взглянул на меня и положил руку себе на солнечное сплетение. Себастьян брезгливо покачал головой. Молоденького солдата, который помогал нам, здесь не было.

Я понимал, что жест Санчеса что-то означает. Мне пришло в голову, что он, вероятно, нуждается в энергии. Я сосредоточился на его лице, пытаясь разглядеть его истинную сущность. Его поле сразу расширилось.

— Нельзя утаивать истину, — говорил он. — Люди должны ее узнать.

Себастьян смотрел на него надменно.

— Эти откровения отрицают Писание. Они лгут.

— А если они не отрицают Писания, а всего лишь разъясняют его смысл?

— Его смысл нам известен, — ответил кардинал. — Мы знаем его много веков. Вы что, забыли, чему вас учили столько лет?

— Нет, — сказал Санчес, — не забыл. Но я убедился, что откровения повышают нашу духовность. Они...

— Да чьи это откровения? — прогремел Себастьян. — Кто написал эту вашу Рукопись? Какой-то язычник майя, невесть откуда научившийся арамейскому? Что знали эти люди, эти дикари, которые верили в магические места и в какую-то непонятную энергию? Эти храмовые развалины, где нашлось Девятое откровение, — их называют Селестинскими храмами, то есть *небесными.* Но что они могли знать о небесах?

Их цивилизация сохранилась? — продолжал он. — Нет! Она погибла. Никто не знает, что случилось с майя. Они исчезли без следа. А вы хотите, чтобы мы уверовали в эту Рукопись? Если ей верить, от людей что-то зависит, они могут изменить мир. Но это не так. Все в Божьей воле. Единственный выбор, который есть у человека, — это верить или не верить в Писание, спасти свою душу или погубить.

— Но подумайте вот о чем, — заговорил Санчес. — Что, собственно, значит — уверовать в Писание и спасти свою душу? Что происходит при этом? Разве Рукопись не объясняет нам подробно, как стать духовнее, причаститься к миру, спастись — разве она не описывает то, что человек при этом чувствует? И разве Восьмое и Девятое откровения не показывают нам, что будет, если все начнут действовать подобным образом?

Себастьян, покачав головой, пошел к выходу, но тут же вернулся и уставил на Санчеса проницательный взгляд.

— Вы ведь не читали Девятого откровения!

— Нет, читал. Правда, только часть.

— Как она к вам попала?

— Начало мне пересказали еще до того, как мы сюда приехали. А следующий отрывок я прочел несколько минут назад.

— Что? Каким образом? Санчес шагнул к кардиналу.

— Кардинал Себастьян, очень многие хотят узнать Девятое откровение. Оно показывает в истинном свете все предыдущие. Оно показывает нам наше будущее. Оно объясняет, что такое осознание духовности.

— Нам известно о духовности все, отец Санчес.

— Неужели? А по-моему, не все. Много веков мы говорим о ней, представляем ее себе, исповедуем веру в нее. И все же она была для нас чем-то абстрактным, всего лишь умственным понятием. И мы призывали людей к вере только во избежание зол, но никогда ради того, чтобы приобрести что-то великолепное и восхитительное! Рукопись описывает вдохновение, которое охватывает нас, когда мы по-настоящему любим друг друга, когда мы действительно эволюционируем!

— Эволюционируем! Да вы прислушайтесь к собственным словам! Вы же всегда отрицали эволюцию! Что случилось с вами, отец Санчес?

Санчес собрался с мыслями.

— Да, я боролся с идеей эволюции, когда ею пытались подменить Бога, когда утверждали, что Вселенная возникла и развивалась без Него. Но теперь я вижу, что истина — в соединении научной и церковной точек зрения. Истина в том, что эволюция есть способ, которым Господь сотворил и продолжает творить мир.

— Нет никакой эволюции! — воскликнул Себастьян. — Господь сотворил мир — и все.

Санчес посмотрел на меня, но я не нашел, что сказать.

— Кардинал Себастьян, — продолжал он, — Рукопись описывает человеческий прогресс как идущую из поколения в поколения эволюцию понимания, развитие высшей духовности, повышение колебательного уровня. Каждое новое поколение увеличивает запас энергии и глубже познает истину, передавая свое знание следующему поколению, а оно идет еще дальше.

— Чушь! — сказал Себастьян. — Есть только один способ повысить свою духовность — следовать наставлениям и примерам Писания,

— Вот именно! — подхватил Санчес. — Но что это за наставления? Разве не о том повествует Писание, как люди пытались впитать энергию, идущую от Бога, причаститься к Его воле? Не к этому ли призывали народ ветхозаветные пророки? И не концентрация ли Господней энергии в некоем сыне плотника заставляет нас называть Его воплощенным Богом?

Разве Новый Завет, — продолжал он, — не рассказывает о том, как несколько человек насытили себя энергией так, что с ними произошло преображение? Разве Иисус не сказал, что и мы сможем делать то, что Он делает, и больше того? Только сейчас мы начинаем понимать эти слова и относиться к ним серьезно. Только сейчас мы начинаем понимать, куда Он звал нас! Рукопись объясняет Его слова! Объясняет, как мы можем их исполнить!

Себастьян отвернулся. Его лицо побагровело от гнева. Наступило молчание.

В комнату вбежал офицер в высоком чине и доложил кардиналу, что преступники обнаружены.

— Смотрите! — восклиютул он, указывая в окно. — Вот они!

В нескольких сотнях метров мы увидели двоих человек; бегущих по направлению к лесу. Отряд солдат стоял на опушке с ружьями на изготовку.

Офицер повернулся к кардиналу, держа наготове рацию.

— Если они успеют скрыться в лесу, — сказал он, — поймать их будет трудно. Разрешите открыть огонь? И тут я узнал бегущих.

— Это Билл и Хулия! — крикнул я.

Санчес подошел к Себастьяну почти вплотную.

— Во имя Господа! Вы не совершите убийства!

— Кардинал, если вы не хотите, чтобы Рукопись унесли, нужно отдать приказ! — повторил офицер.

Я не мог пошевелиться.

— Отец мой, поверьте мне! — умолял Санчес, — Рукопись не уничтожит того, что вы возводили, во что вы верите. Не убивайте этих людей!

Себастьян покачал головой,

— Поверить вам?

Он сел за стол и повернулся к офицеру.

— Не стрелять! Прикажите своим людям взять их живыми. Офицер поклонился и вышел.

— Спасибо! — сказал Санчес — Вы сделали верный выбор.

— Я не хочу никого убивать, — ответил Себастьян. — Но в остальном я остаюсь при прежнем мнении. Эта Рукопись появилась нам на погибель. Она подорвет структуру духовной власти. Она заставит людей вообразить, что они управляют своей участью. Она создаст разброд и шатания, люди отвернутся от Церкви, и час Пришествия застанет их врасплох, — Он сурово взглянул на Санчеса. — Сюда движутся тысячи отрядов. Ни от вас, ни от кого другого уже ничего не зависит. Девятое откровение никогда не покинет пределов Перу. А теперь — вон из моей миссии!

Мы мчались прочь, слыша в отдалении грохот грузовиков.

— Почему он нас отпустил? — спросил я.

— Решил, видимо, что это не меняет дела. Он думает, что мы все равно не сможем ему помешать. А я и сам не знаю, так это или нет. — Наши глаза встретились. — Мы ведь его не переубедили.

Я тоже не знал, что думать. Может быть, цель нашей поездки сюда была все-таки не в том, чтобы переубедить Себастьяна? Может быть, от нас и требовалось только отвлечь его ненадолго?

Я посмотрел на Санчеса. Он внимательно оглядывал дорогу, надеясь увидеть Билла и Хулию. Мы сразу решили ехать в ту сторону, где они скрылись. Пока что мы не увидели ничего примечательного.

Мы ехали, и у меня в голове бродили мысли о Селестинских развалинах. Я представил себе, как они выглядят: раскопы, палатки археологов и возвышающиеся над ними очертания древних пирамид.

— По-моему, их в этом лесу нет, — сказал Санчес. — Наверняка у них была машина. Надо решать, что нам делать.

— Пожалуй, надо ехать на развалины, — вслух подумал я.

Санчес поглядел на меня с интересом.

— На развалины так на развалины. А больше и некуда. Мы повернули к западу.

— Что вы знаете об этих развалинах?— спросил я,

— Они принадлежат двум эпохам, как и сказала вам Хулия. Во-первых, цветущей некогда цивилизации майя. Правда, большинство их храмов находится дальше к северу, на Юкатане. Все следы их цивилизации таинственно исчезли около шестисотого года до Рождества Христова, без всяких видимых причин. Позже в этих же местах создали свою цивилизацию инки.

— А что, по-вашему, случилось с майя?

Санчес посмотрел па меня.

— Не знаю.

Несколько минут мы ехали молча. Потом я внезапно вспомнил, что отец Санчес сказал Себастьяну, что прочел еще одну часть Девятого откровения.

— Как вам удалось увидеть еще одну часть Девятого? — спросил я.

— Молодой солдат, который помог нам, знал, где она спрятана. Когда мы с вами разделились, он отвел меня туда и показал ее мне. Это не так много добавило к тому, что

рассказали нам Добсон и Фил, но все-таки снабдило меня некоторыми аргументами в споре с Себастьяном.

— Что же там было?

— Там говорилось, что Рукопись проясняет содержание многих религий. Благодаря ей их обетования сбудутся. Любая религия, говорится там, помогает людям установить связь с высшим источником энергии. Все религии говорят о внутреннем восприятии Бога, которое переполняет и возвышает нас. Религия утрачивает свое содержание, когда ее служители начинают толковать людям Господню волю, вместо того чтобы учить их, как найти к нему внутренний путь. Рукопись говорит, что в истории случалось время от времени, что кто-то находил путь соединения с божественным источником энергии, — тогда он оставался в веках свидетельством, что такое возможно. — Санчес посмотрел на меня. — Разве не это сделал Иисус? Разве Он не увеличил свой колебательный уровень то того предела, когда стал настолько легок, что...

Санчес умолк, не договорив, и погрузился в глубокое размышление.

— О чем вы думаете? — спросил я. Санчес, казалось, был в замешательстве.

— Я и сам не знаю. То, что показал мне солдат, кончалось как раз на этом. Там говорилось, что такой человек может проторить дорогу всему человечеству. Но куда ведет эта дорога? Здесь текст обрывался.

Мы проехали еще минут пятнадцать, не разговаривая. Я попробовал сосредоточиться и получить какое-нибудь указание на то, что будет дальше, но ничего не получилось. Возможно, я слишком старался.

— Вот и развалины, — сказал Санчес.

Слева от дороги был лес, а за ним я различил впереди три высоких сооружения пирамидальной формы. Когда мы, остановив машину, подошли ближе, я увидел, что пирамиды сооружены из тесаного камня и расположены друг от друга на одинаковых расстояниях, около тридцати метров. Пространство между пирамидами было вымощено гладкими каменными плитами. У оснований пирамид чернело несколько раскопов.

— Посмотрите туда! — воскликнул Санчес, указывая на самую отдаленную пирамиду.

Там кто-то сидел — одинокая фигура перед гигантским сооружением. Я сразу ощутил энергетический подъем. Когда мы прошли половину пути, уровень энергии необычайно возрос. Я посмотрел на Санчеса. Он поднял бровь. Когда мы подошли еще ближе, я узнал Хулию. Она сидела, скрестив ноги, и держала в руках стопку бумажных листов.

— Хулия! — позвал Санчес.

Она повернулась к нам и встала. Ее лицо светилось радужным сиянием.

— А где Билл? — спросил я.

Хулия показала направо. Там, в сотне шагов от нас, стоял Билл. В предвечерних сумерках он весь светился.

— Что он делает? — спросил я.

— Вот Девятое, — вместо ответа проговорила Хулия, протягивая нам бумаги.

Санчес сказал ей, что мы уже знаем ту часть откровения, говорится о человечестве, преображенном в результате сознательной эволюции.

— Но куда приведет нас эволюция?— спросил Санчес. Хулия не ответила. Она просто стояла, воздев руку с бумагами, словно ожидала, что мы прочтем ее мысли.

— Что? — воскликнул я.

Санчес положил мне руку на плечо. Я понял, что он велит мне сосредоточиться и ждать.

— Девятое открывает нам наше конечное предназначение, — проговорила Хулия. — Теперь все кристально ясно, Мы, люди, — вершина эволюции, говорится там. Материя Па-1, читается как простейшая и слабая форма энергии, потом делается все сложнее, элемент за элементом, вид за видом, поднимаясь все па более высокие уровни колебаний.

Когда появились мы, люди, тогда еще первобытные, мы неведомо для самих себя продолжали эволюцию. Мы вступали в конфликты, побеждая врагов и отбирая их энергию, —

И тогда слегка продвигались вперед — или враги побеждали нас, и тогда мы энергию теряли. Эти схватки продолжались, пока мы не изобрели демократию — систему, которая хотя и не устранила конфликты, но по крайней мере подняла их с физического уровня на психологический.

А теперь, — продолжала Хулия, — мы начинаем осознавать этот процесс. Мы видим, что ход истории подготовил нас к сознательному эволюционированию. Мы можем повышать наш энергетический уровень и сознательно переживать значимые совпадения. Эволюция ускоряется, и уровень колебаний возрастает.

Она помолчала, глядя на нас, и повторила еще раз:

— Наше предназначение — повышать и дальше уровень энергии, С его повышением возрастает уровень колебаний атомов, из которых состоят наши тела.

Она снова замолчала.

— Что же это значит? — спросил я.

— Это значит, — сказала Хулия, — что материя, из которой мы состоим, делается все легче, все духовнее...

Я поглядел на Санчеса. Си устремил на Хулию сосредоточенный взгляд.

— Девятое откровение, — заговорила она снова, — говорит, что с повышением уровня колебаний начнут происходить поразительные вещи. Целые группы людей, достигнув определенного уровня, будут неожиданно становиться невидимыми для тех, чей уровень колебаний пока еще не столь высок. Этим людям будет казаться, что те, с высоким колебательным уровнем, просто исчезли, тогда как они будут видеть и ощущать себя по-прежнему — только более легкими.

Слушая Хулию, я замечал в ней перемены. Ее тело стало напоминать энергетическое поле. Его очертания по-прежнему были ясными и четкими, но я видел уже не кожу и мускулы — вся она словно бы состояла теперь из чистого, мерцающего изнутри света.

Я повернулся к Санчесу. Он выглядел так же. И больше того — к моему невероятному изумлению, так выглядело все — пирамиды, камень у нас под ногами, лес, окружающий развалины, мои руки... Окружающая меня красота достигла неимоверной силы и завершенности, превосходя все, что я был в состоянии вообразить, превосходя даже то, что я видел тогда, на вершине горы.

— Когда люди начнут повышать свои колебания до такого уровня, что станут невидимы для окружающих, — продолжала Хулия, — это будет знаком того, что мы пересекаем границу между этим миром и тем, откуда мы пришли и куда уйдем после смерти. Примером сознательного пересечения этой границы является Христос. Он открылся для энергии, пока не стал столь легок, что мог ходить по воде. Он перешел смертную границу здесь, на Земле, перешел ее первым и тем расширил физический мир до пределов духовного. Его жизнь учит нас делать то же самое, и если мы соединимся с тем же источником, мы сможем, шаг за шагом, повторить Его путь. Настанет день, когда все мы достигнем такого колебательного уровня, что сможем взойти на небеса, сохранив свой облик.

Я заметил, что Билл медленно подходит к нам. Его движения были необыкновенно грациозными, словно он не шел, а скользил по льду.

— Откровение сообщает, — говорила Хулия, — что большая часть человечества достигнет такого колебательного уровня в течение третьего тысячелетия. Это будут группы людей, соединенные самыми тесными связями. Но в истории уже случалось, что люди достигали такого уровня. Согласно откровению, все майя вместе перешли границу.

Хулия внезапно замолчала. Мы услышали за спиной приглушенные голоса. Говорили по-испански. Несколько десятков солдат появились па территории развалин. Они направлялись к нам. К собственному удивлению, я ничуть не испугался. Солдаты шли в нашем направлении, но, как ни странно, не прямо к нам.

— Они не видят нас! — сказал Санчес. — Мы на слишком высоком колебательном уровне.

Я снова посмотрел на солдат. Санчес был прав. Они прошли в десяти шагах от нас, но нас не заметили.

Внезапно мы услышали громкие испанские возгласы слева, у пирамид. Солдаты, которые были ближе всех к нам, остановились и побежали в этом направлении.

Я напряг зрение, пытаясь рассмотреть, что там происходит. Еще один отряд вышел из леса, таща за руки двоих человек. Это были Добсон и Фил! Увидев, что их схватили, я был так огорчен, что сразу почувствовал отлив энергии. С Санчесом и Хулией, которые стояли, неотрывно глядя на пленников, очевидно, происходило то же самое.

— Постойте! — донесся до нас крик Билла. Нам казалось, что он кричит издалека. — Постойте! Не теряйте энергию!

Я не только слышал эти слова — я их чувствовал. Они звучали как-то странно, искаженно.

Мы повернулись и увидели подбегающего к нам Билла. Он начал говорить еще что-то, но на сей раз его слова прозвучали совершенно неразборчиво. Я понял, что мне трудно сфокусировать на нем зрение. Его облик начал как-то расплываться. Я не верил своим глазам. Он постепенно исчезал.

Хулия повернулась ко мне и Санчесу. Ее энергетический уровень понизился, но она ничуть не была растеряна, словно произошедшее что-то ей объяснило.

— Нам не удалось сохранить уровень колебаний, — сказала она. — Страх очень заметно понижает его. — Она посмотрела на то место, где только что мы видели Билла. — Девятое откровение говорит, что, хотя отдельные люди смогут время от времени переходить границу, всеобщий переход не совершится, пока мы не избавимся от страха и не научимся поддерживать высокий уровень колебаний во всех ситуациях. Она говорила со всевозрастающим подъемом.

— Разве вы не поняли? Мы еще не способны на это, но Девятое откровение дает нам веру в свои силы. Это откровение открывает нам наше назначение и цель эволюции. Все остальные откровения рисуют нам мироздание как невероятную красоту и энергию, а мы, подключаясь к энергии, можем воспринимать эту красоту.

Чем больше красоты мы видим, тем дальше продвигаемся на пути эволюции. Чем дальше мы на этом пути, тем выше наш колебательный уровень. Девятое откровение говорит нам, что в конце концов наше обостренное восприятие красоты и высокий уровень колебаний откроют нам путь на Небеса, которые уже перед нами, хотя мы еще не видим их.

Если же мы усомнимся в своем пути или перестанем замечать свое продвижение, надо немедленно вспомнить пашу цель, в которой и заключается смысл человеческой жизни. Эта цель — обретение неба на земле. Вот зачем мы здесь. И теперь мы знаем, как этого можно достичь... Как мы этого достигнем.

Она помолчала минутку.

— В Девятом откровении упоминается существование Десятого. Я думаю, оно раскроет нам...

Прежде чем она успела договорить, раздалась автоматная очередь, и каменные осколки брызнули у самых моих ног. Мы бросились на землю, подняв руки. Никто не сказал ни слова, когда подошли солдаты, обыскали нас, отобрали бумаги и увели в разные стороны.

Первые недели после ареста были сплошным кошмаром. Офицеры; сменяя друг друга, беспрерывно допрашивали меня о Рукописи, и мой энергетический уровень резко упал.

Я изображал глупенького туриста и делал вид, что ничего не знаю. В конце концов, я действительно не знал, у кого еще из священников имеются копии или насколько широко распространены в обществе идеи Рукописи. Мало-помалу моя тактика стала приносить плоды. Я просто надоел своим следователям, и военные передали меня гражданским властям, которые подошли к делу совершенно иначе.

Чиновники начали убеждать меня, что моя поездка в Перу с самого начала была одной сплошной глупостью, потому что никакой Рукописи вообще никогда не существовало. Все

откровения, уверяли они, придумала небольшая группка смутьянов-священников, задумавших бунт, а меня просто-напросто обвели вокруг пальца. Я слушал и не возражал.

Через какое-то время эти беседы стали прямо-таки дружескими. Я стал считаться невинной жертвой заговора, доверчивым и наивным янки, который начитался приключенческих книжонок и вот, заблудился в чужой стране.

Поскольку моя энергия была на очень низком уровне, я не исключаю, что, может быть, они бы действительно промыли мне мозги, — если бы не одно событие. Меня внезапно перевели с военной базы, где я сидел, в правительственный комплекс неподалеку от лимского аэропорта, и оказалось, что там же держат отца Карла. Это совпадение вернуло часть моей утраченной уверенности.

Впервые я увидел его во дворе, куда вышел на прогулку. Он сидел на скамье и читал. Я подошел, поборов искушение броситься к нему со всех ног и надеясь, что не привлеку внимания служащих в доме. Когда я сел рядом, он поднял глаза и широко улыбнулся.

— Я вас ожидал, — сказал он.

— Правда?

Он отложил книгу Я увидел, что его глаза сияют радостью.

— Когда мы с отцом Костосом приехали в Лиму, — рассказал он, — нас немедленно задержали, разлучили, и с тех пор меня держат здесь — непонятно почему, меня даже не допрашивают. А потом я начал постоянно думать о вас. — Он многозначительно посмотрел на меня. — Вот я и понял, что вы должны появиться.

— Как я рад, что вы здесь! — ответил я. — Вам кто-нибудь рассказал, что произошло на Селестинских развалинах?

— Да. Мне удалось недолго поговорить с отцом Санчесом. Его привезли сюда на один день, а потом забрали.

— Он здоров? Знает, что стало с остальными? И что с ним будет? Посадят в тюрьму?

— Нет, он ничего не знал об остальных, и что будет с ним, тоже неизвестно. Власти методически разыскивают и уничтожают списки Рукописи. Они хотят представить все дело как крупномасштабную мистификацию. Нас представят обманщиками, а что сделают потом — кто знает?

— Но ведь есть же копии Добсона! Те, которые он вывез в Штаты.

— Эти копии уже у них. Отец Санчес рассказал, что правительственные агенты разыскали их и похитили. Перуанские агенты были, как оказалось, повсюду. Они знали про Добсона с самого начала и про вашу приятельницу Чарлину тоже.

— И вы думаете, что в итоге копий не останется совсем?

— Думаю, будет чудом, если уцелеет хоть одна. Я отвернулся. Моя новообретенная энергия опять уменьшилась.

— Но вы ведь понимаете, что это значит? — спросил отец Карл.

Я молча посмотрел на него.

— Это значит, — продолжал он, что каждый из нас должен запомнить как можно точнее то, что говорилось в Рукописи. Вам с Санчесом не удалось уговорить кардинала Себастьяна разрешить опубликовать Рукопись, но вы отвлекли его, и благодаря этому нам удалось узнать и усвоить Девятое откровение. Теперь надо его распространить, и вам придется принять в этом участие.

Его слова вызвали впечатление, что он на меня давит, и мой старый сценарий “замкнутого” снова напомнил о себе. Я откинулся на спинку скамьи и стал смотреть в другую сторону. Отец Карл расхохотался. Тут мы заметили, что на нас смотрят из окна несколько служащих комплекса.

— Послушайте, — быстро сказал отец Карл. — Наступило время, когда надо делиться откровениями с людьми. Каждый человек, получивший сообщение и осознавший истинность откровений, должен передать сообщение тому, кто готов его воспринять. Приобщение к источнику энергии — это то, к чему люди должны стремиться, ждать этого, говорить об этом. Иначе человечество может соскользнуть назад, на ту стадию, когда считалось, что мы живем

ради власти над людьми и эксплуатации нашей планеты, А если это случится, человечество обречено. Это сообщение мы должны передать миру.

Двое служащих вышли из здания и направились к нам.

— И еще одно, — тихонько сказал отец Карл.

— Что?

— Отец Санчес говорил, что Хулия упомянула Десятое откровение. Его еще не нашли, и никто даже не представляет, где оно может быть.

Служащие были совсем рядом.

— Я думаю, — сказал отец Карл, — что вас сейчас отпустят. Возможно, разыскать его будет некому, кроме вас.

Наш разговор прервался. Меня повели в здание. Отец Карл улыбнулся, помахал мне рукой и что-то сказал, но я не расслышал — с той минуты, как он заговорил о Десятом откровении, мысль о Чарлине прочно угнездилась у меня в голове. Почему? Какое отношение имеет она к Десятому откровению?

Мне предложили собрать те немногие вещи, что у меня были, проводили до ворот и погрузили в казенный автомобиль. Меня мигом примчали в аэропорт и сразу провели на посадку.

Один из чиновников вяло улыбнулся мне и окинул взглядом из-за толстых очков.

Улыбка его быстро слиняла. Он протянул мне мой паспорт и билет на рейс в Штаты... а потом с ужасающим акцентом посоветовал никогда, никогда не возвращаться в Перу

10.
ОТ АВТОРА

Эта книга, как и “Селестинские пророчества”, — приключенческая притча, попытка проиллюстрировать тот процесс духовного преображения, который уже происходит в наши дни. Хотелось бы надеяться, что обе эти книги в совокупности составляют то, что я назвал бы *целостной картиной,* то есть служат живым отражением новых представлений, переживаний и явлений, во многом определяющих нашу жизнь в начале третьего тысячелетия.

На мой взгляд, величайшая наша ошибка заключается в убеждении, будто духовная составляющая человеческой жизни — это нечто такое, что уже сформировалось и давно познано. Если история и учит нас чему-то, так только тому, что знание и культура человечества постоянно развиваются. Неизменными и догматическими являются лишь частные мнения отдельных людей. Истина куда более динамична, и самая большая радость в жизни — ее свободное течение, обретение наших собственных истин, которые мы должны возвестить миру, созерцание того, как эта истина развивается по пути синхронистичности, обретая все более ясные очертания, особенно тогда, когда затрагивает жизнь окружающих.

Все мы движемся к некой цели, и каждое новое поколение созидает на основе достижений предыдущего, стремясь исполнить предназначение, о коем мы едва можем вспомнить. Все мы пребываем в процессе пробуждения и осознания того, кто мы на самом деле и какова наша миссия на Земле, а это очень часто задача достаточно трудная. И все же я твердо убежден, что если мы всегда и во всем будем сочетать лучшие черты традиций, оставленных нам прежними поколениями, и помнить о процессе развития, то благодаря внутреннему чувству предопределения и чуда нам удастся преодолеть любые препятствия и межличностные конфликты, встречающиеся на этом пути.

Я отнюдь не намерен приуменьшать серьезные проблемы, с которыми еще сталкивается человечество; мне хотелось бы лишь подчеркнуть, что каждый из нас обязан по-своему принять участие в их решении. Если мы обретем пробуждение и осознаем, какой великой тайной является наша жизнь, мы поймем, что занимаем в ней наиболее оптимальное место и имеем все возможности для того, чтобы преобразить мир.

Весна 1996 года

...я взглянул, и вот, дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего. И тотчас я был в духе; и вот, престол стоял на небе... и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду. И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца, которые облачены были в белые одежды... И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...*

*- Откровение, 4:1-5, 21:1. — *Здесь и далее примеч. пер.*

В ПОИСКАХ ТРОПЫ

Подойдя к самому краю гранитного обрыва, я посмотрел на север, на панораму, открывавшуюся внизу. Перед моим взором лежала широкая межгорная долина Аппалачей, простиравшаяся на шесть или семь миль в длину и пять в ширину. По дну долины петляла река, пробираясь между пятнами открытых луговин и темных, густых лесов — надо полагать, достаточно старых, поскольку деревья в них достигали нескольких сот футов в высоту.

Я взглянул на грубое подобие карты, которое держал в руках. Буквально все в долине совпадало с показанными на ней деталями: и крутой обрыв, на котором я стоял, и дорога, спускавшаяся вниз, и описание ландшафта и реки, и, наконец, подножия холмов, расстилавшиеся внизу. По всей видимости, это было то самое место, которое Чарлин изобразила на клочке бумаги, найденном в ее офисе. Зачем она нарисовала его? И почему, в конце концов, она исчезла?

С того дня как Чарлин в последний раз разговаривала со своими сотрудниками по исследовательской фирме, где она работала, прошло уже больше месяца, и когда Фрэнк Симс, ее коллега, решил позвонить мне, он был явно обеспокоен.

— Она часто вела себя довольно странно, — заговорил он. — Но никогда еще она не пропадала так долго, тем более что у нее были назначены деловые встречи с постоянными клиентами. Значит, с ней что-то случилось.

—Но как же вы нашли меня? — поинтересовался я. В ответ он рассказал мне о письме, найденном в офисе Чарлин, том самом письме, которое я послал ей несколько месяцев назад, сообщая о своих странствиях и находках в Перу. В письме, пояснил Симс, имелась приписка, где были указаны мой адрес и телефон.

— Я обзвонил всех, кто, насколько мне известно, так или иначе был связан с ней, — добавил он. — И как оказалось, никто ничего не знал. Судя по письму, вы близкий друг Чарлин. Надеюсь, вам что-нибудь известно о ней?

— К сожалению, нет, — отозвался я. — Я не говорил с ней уже больше четырех месяцев.Едва произнеся эти слова, я сам не мог поверить, что это было так давно. Вскоре после получения моего письма Чарлин позвонила мне и оставила на автоответчике длинное сообщение. Дрожавшим от волнения голосом она говорила о пророчествах, удивляясь, как быстро распространяются вести о них. Я вспомнил, что прослушал ее сообщение несколько раз, но не перезвонил ей сразу же, сказав себе, что сделаю это чуть позже, может быть, завтра или послезавтра, когда буду готов к серьезному разговору. Я понимал, что беседа с ней неизбежно вынудит меня отвечать и разъяснять некоторые детали Манускрипта, и сказал себе, что мне нужно время, чтобы все хорошенько обдумать и переварить. На самом деле проблема заключалась в том, что мне все еще не удавалось в полной мере постичь Пророчество. Конечно, я не утерял способности пополнять свою внутреннюю духовную энергию. Мне доставляло большое облегчение сознавать, что с Марджори все покончено и я могу проводить свободное время в одиночестве и покое. Мое интуитивное восприятие мыслей и снов, а также сияния окружающей меня обстановки было ярким как никогда. А вот со случайно-неслучайными совпадениями дело обстояло значительно хуже...

Я буквально переполнялся энергией, например, что касается основных вопросов в жизни, и обычно отчетливо ощущал, как мне надлежит поступить или куда направиться, как ответить на тот или иной вопрос, однако, хотя я действовал вроде бы правильно, слишком уж

часто не происходило ничего важного. Я не обнаруживал никакого послания, никаких совпадений.

Особенно заметно это было тогда, когда, для того чтобы восстановить контакты с человеком, с которым я уже отчасти был знаком, например, со старым приятелем или сотрудником, с кем мне часто приходилось общаться, требовалась интуиция. Иногда мне удавалось найти с ним новые общие интересы и точки соприкосновения, но столь же часто, несмотря на все мои усилия, направленные на передачу своей энергии собеседнику, моя инициатива либо встречала полное неприятие, либо, что еще хуже, вызывала раздражение, выходившее из-под контроля, и в конце концов угасала, разразившись взрывом неожиданно резких отрицательных эмоций.

Такие неудачи не обескуражили меня, однако я понял, что, когда речь идет о том, чтобы жить, следуя пророчествам, мне чего-то не хватает. Там, в Перу, я жил, следуя потоку событий и часто действуя спонтанно, руководствуясь своего рода верой, порожденной отчаянием. Возвратившись домой и оказавшись в привычной обстановке, нередко в окружении безнадежных скептиков, я, видимо, утратил страстную надежду и твердую веру в то, что мои предчувствия способны принести реальные плоды. Видимо, какая-то жизненно важная часть Знания стерлась из моей памяти... а может быть, я еще не открыл ее для себя.

— Просто ума не приложу, как мне поступить дальше, — настаивал сотрудник Чарлин. — У нее есть сестра, насколько я помню, где-то в Нью-Йорке. Вы, случайно, не знаете, как мне найти ее, а? Быть может, вы знаете кого-то, кто поможет мне отыскать ее?

— К сожалению, нет, — отозвался я. — Ничем не могу помочь. В сущности, мы с Чарлин только начали восстанавливать старые приятельские отношения. Поэтому я не помню ее родственников и не знаю даже, с кем она дружит теперь.

— Что ж, я, пожалуй, заявлю в полицию, раз ничего лучшего не приходит в голову.

Не думаю, что это будет разумным шагом. Нет ли каких-либо других ниточек?

Только нечто вроде схемы, скорее всего набросок карты какого-то места. Точнее трудно сказать.

Чуть позже Бимс прислал мне по факсу копию клочка бумаги, найденного в офисе Чаплин, в том числе и грубую карту, состоявшую из пересекающихся линий с целой уймой загадочных пометок на полях. Сидя в своем кабинете и сравнивая эту карту с номерами дорог, указанными в “Атласе Юга”, я пришел к выводу, что на ней, видимо, показано вполне конкретное место. В этот миг в моем сознании возник образ Чарлин, тот самый образ, который являлся мне в Перу, когда мы говорили о существовании Десятого пророчества. Быть может, ее исчезновение каким-то образом связано с Манускриптом?

Свежий ветерок коснулся моего лица, и я опять взглянул вниз. Слева, далеко у западной оконечности долины, я заметил множество крыш каких-то домов. По всей вероятности, это должен быть городок, указанный Чарлин на карте. Спрятав карту в нагрудный карман, я поспешил возвратиться на дорогу и уселся за руль своего “патфиндера”.

Городок оказался небольшим; население его составляло около двух тысяч, как гласила надпись на щите рядом с первым и единственным светофором. Большинство деловых зданий высилось на центральной улице, протянувшейся вдоль берега реки. Щурясь от бьющего прямо в глаза света, я заметил небольшой мотель неподалеку от въезда в Национальный лесной парк и решил припарковать машину прямо напротив соседнего ресторанчика и пивной. В ресторан как раз входили несколько посетителей, в том числе высокий черноволосый мужчина со смуглым лицом, державший в руках большой сверток. Он быстро обернулся, и наши взгляды на мгновение встретились.

Выйдя из машины и заперев дверь, я интуитивно решил вначале заглянуть в ресторанчик, а не в мотель. Зайдя, я заметил, что его столики почти пусты. В ресторане было всего несколько завсегдатаев, сидевших у стойки, да те посетители, что вошли несколькими минутами раньше меня. Большинство из них проявили полнейшее равнодушие к моему появлению, однако, продолжая осматривать зал, я вновь встретился глазами с тем же самым

высоким мужчиной, которого видел при входе. Он приветливо улыбнулся, не отводя глаз, а затем направился к заднему выходу.

Я последовал за ним и тоже вышел на улицу. Он стоял в двадцати футах от меня, наклонившись над своим свертком. На незнакомце были джинсы, куртка “вестерн” и здоровенные башмаки; на вид ему было лет пятьдесят. За его спиной длинные лучи заходящего солнца пробивались сквозь высокую траву и огромные деревья, а в каких-нибудь пятидесяти футах текла река, начинавшая свой долгий путь по долине.

Незнакомец приветливо мне улыбнулся.

— Еще один паломник, не так ли? — поинтересовался он.

— Я разыскиваю подругу, — отозвался я. — И у меня возникло ощущение, что вы можете мне помочь в этом.

Он кивнул, внимательно оглядев меня с головы до ног. Затем, подойдя поближе, он представился и заметил, что его имя — Дэвид Одинокий Орел, пояснив (словно это было нечто такое, что мне было необходимо знать), что он прямой потомок американских индейцев, аборигенов, издревле живших в этой долине. Я, в свою очередь, заметил на его лице узкий шрам, шедший от края его левой брови до самого подбородка, минуя глаз.

— Хотите кофе? — предложил он. — Там, в ресторанчике у Перриера, готовят хорошо, а вот кофе у них паршивый. — С этим словами он кивнул в сторону берега реки, где в тени трех громадных тополей стояла какая-то палатка. Рядом проходили десятки людей; некоторые из них шагали по тропинке, которая, миновав мост через реку, вела в Национальный лесной парк. Опасаться как будто было нечего.

— Да, пожалуй, — отозвался я. — Это было бы не плохо.

Подойдя к своему жилищу, Дэвид зажег огонь на небольшой газовой плитке, налил в кофейник воды и поставил его на конфорку.

— А как имя вашей подруги? — наконец поинтересовался он.

— Чарлин Биллингс.

Он немного помолчал, и наши глаза вновь встретились. Перед моим мысленным взором возник совершенно ясный образ: это был Дэвид, но вид у него был совсем иной. Он был гораздо моложе, на нем была одежда из оленьих шкур, он сидел, повернувшись лицом к огромному костру. На лице его выделялись пятна боевой раскраски. Вокруг него толпились какие-то люди, по большей части индейцы, среди которых выделялись двое белых: женщина и мужчина громадного роста. Все жарко спорили о чем-то. Одни из присутствующих требовали начать войну, другие выступали за перемирие. И тогда Дэвид прервал их споры, высмеяв тех, кто хотел мира. Разве можно быть такими доверчивыми после стольких случаев коварного обмана, заявил он.

Белая женщина, казалось, поняла его, но умоляла выслушать ее. Войны можно избежать, уверяла она, а долина будет надежно защищена, если воспользоваться духовной медициной. Но он решительно отверг ее доводы, а затем, выбранив присутствующих, вскочил на коня и ускакал. Большинство последовали за ним...

— Ваше чутье не обмануло вас, — проговорил Дэвид, возвращая меня к действительности. Он расстелил перед нами скатерть и предложил мне садиться. — Да, я кое-что знаю о ней. — Он многозначительно взглянул на меня.

— Мне это очень важно, — отозвался я. — О Чарлин давно ничего не слышно, и я просто хотел узнать, все ли в порядке с ней. Выходит, нам надо переговорить.

— О Десятом пророчестве, не так ли? — улыбнувшись, спросил он.

— Откуда вы знаете?

— Да так, догадался. Большинство из тех, кто приезжает в долину, появляются в этих краях не ради того, чтобы полюбоваться красотами национального парка. Они собираются здесь, чтобы поговорить о пророчествах. По их мнению, здесь можно лучше усвоить Десятое. А некоторые уверяют даже, что уже познали его.

Он отвернулся и бросил в кипящую воду пакетик с кофе. В его интонации было нечто такое, что заставило меня подумать, не испытывает ли он меня, пытаясь выведать, действительно ли я тот, за кого себя выдаю.

— Так где же Чарлин? — нетерпеливо спросил я. В ответ Дэвид указал пальцем на восток:

— В лесу. Правда, я ни разу не встречал вашу подругу, однако слышал, что как-то поздним вечером она заглядывала в ресторанчик; с тех пор я видел ее несколько раз. Несколько дней назад я опять видел ее; она куда-то брела по долине в полном одиночестве, и, судя по тому, как она была одета, я решил, что она куда-то собралась.

Я посмотрел в указанную сторону. С этой точки долина казалось поистине необъятной, уходящей в бескрайнюю даль.

— И как по-вашему, куда она могла направиться?— спросил я.

— Возможно, в каньон Сипси. Это то самое место, где находится один из *выходов.*

— Выходов? Каких еще выходов? Дэвид загадочно улыбнулся в ответ.

— Так и есть. Выходов в иное измерение.

Я мгновенно обернулся к нему, вспомнив случай на Селестинских развалинах.

— И кому же известно об этом?

— Очень немногим. А большинству остается довольствоваться слухами, полузнаниями да догадками. Сам же Манускрипт не видела ни одна живая душа. Большинство из тех, кто приезжает сюда в поисках разгадки Десятого пророчества, ощущают, что появились здесь по воле синхронистичности, и неосознанно стремятся жить согласно девяти пророчествам, хотя они нередко сетуют, что совпадения, приведшие их сюда, внезапно прекратились. — Он слегка откашлялся. — Но так уж получилось, тут уж ничего не поделаешь, верно? Десятое пророчество посвящено усвоению этого нового сознания — восприятию таинственных совпадений, развитию духовного сознания на Земле, исчезновению Девятого пророчества — с точки зрения перспектив другого измерения, чтобы мы смогли осознать, почему это преображение происходит, и принять в нем более полное участие.

— Откуда вы это знаете? — изумленно спросил я. Он сверкнул на меня глазами и сердито буркнул:

— Знаю, и все!

Несколько мгновений его лицо сохраняло суровое выражение, но затем на нем вновь появилась теплая улыбка. Нагнувшись, он налил кофе в две чашки и одну из них протянул мне.

— Мои предки жили в этой долине на протяжении многих тысячелетий, — продолжал он. — Они верили, что лес — это особое, священное место на Земле между верхним и нижним мирами. Мой народ, движимый видением, первым поселился в долине, обретя здесь свои особые дары и познания в медицине, а также познав путь, которым ему надлежало идти по жизни.

Мой дед рассказывал мне об одном шамане, явившемся к нам из какого-то далекого племени и научившем наш народ стремиться к тому, что он называл очищением. Шаман повелел им покинуть родные места и, захватив с собой только ножи, странствовать до тех пор, пока животные не подадут им некий знак. После этого они должны будут следовать за ними до тех пор, пока не достигнут места, которое именуется священным выходом в верхний мир. Если они окажутся достойными, если очистятся от низменных чувств и страстей, убеждал он их, им будет дозволено войти в этот выход и встретиться со своими предками, оказавшись там, где они смогут вспомнить не только свое собственное видение, но Видение мира в целом.

Разумеется, когда пришли белые люди, всему этому настал конец. Мой дед уже не мог вспомнить, как достичь этого, я тем более. Мы, как и все прочие, должны заново учиться этому.

— Так вы тоже ищете Десятое пророчество, не так ли? — удивился я.

— Да, конечно... конечно! Но пока единственное, чего мне удалось достичь, — это кара, именуемая прощением. — Тут голос его вновь стал более высоким, и мне внезапно

показалось, что он разговаривает скорее с самим собой, нежели со мной. — Всякий раз, когда я пытаюсь двигаться вперед по пути совершенства, некая часть моей души не может избавиться от возмущения и гнева по поводу всего того, что случилось с моим народом. И возмущение это не проходит. Как могло случиться, что наша земля была у нас украдена, а наши вековые устои — разрушены и попраны? Почему это было допущено?

— Я очень хотел бы, чтобы этого не случилось, — вздохнул я.

Дэвид опустил глаза в землю и опять кашлянул.

— Верю. И все же, стоит мне только подумать о том, что творилось в этой долине с нашим народом, меня переполняет гнев.

Видите этот шрам, — продолжал он, указывая на свое лицо. — Я вполне мог уклониться от драки, в которой получил его. Техасские ковбои в тот вечер выпили лишнего... Мне пришлось убраться, но с тех пор гнев буквально испепеляет мне душу.

— Но разве большая часть долины не взята под охрану в составе национального парка? — заметил я.

— О, всего лишь около половины, к северу от реки, однако политики то и дело грозятся распродать ее или разрешить освоение.

— А как насчет второй половины? Кому принадлежит она?

— Долгое время владельцами участков земли в здешних местах были фермеры, но теперь эти земли пытается скупить какая-то иностранная компания. Мы не знаем, кто стоит за ней, но некоторым владельцам земель предлагались за них огромные суммы. — Он отвел глаза, отвернулся, а затем проговорил: — Вся беда моя в том, что мне более всего хотелось бы изменить случившееся за последние три века. Я не могу смириться с тем фактом, что европейцы начали селиться на нашем континенте, не обращая ни малейшего внимания на тех, кто уже жил на этих землях. Это же настоящее преступление. О, как бы я хотел, чтобы все сложилось иначе, словно в моей власти каким-то образом изменить прошлое! Наш извечный уклад имел огромную важность. Мы знали цену памяти и умели хранить *воспоминания.* Это была поистине великая весть, которую европейцы могли бы узнать от моего народа, если бы они только захотели нас выслушать.

Пока он говорил, мои мысли унесли меня в другую грезу... Два человека — мужчина-индеец и все та же белая женщина — разговаривали о чем-то на берегу небольшого ручья... Позади них виднелся густой лес... Через некоторое время к ним присоединились другие индейцы.

— Мы сможем излечить это! — настаивала белая женщина.

— Боюсь, что нет. Для этого мы слишком мало знаем, — возразил молодой индеец, лицо которого выражало величайшее уважение к женщине. — Большинство других вождей уже покинули этот мир.

— Почему же нет? Вспомни наш недавний разговор. Ты же сам говорил, что если бы люди имели веру, мы смогли бы излечивать и не такие вещи.

— Да, правда, — отвечал он. — Но вера — это убежденность, проистекающая из осознания должного порядка вещей. Наши предки обладали этим знанием, но сегодня оно для нас явно недостаточно, чтобы исцелять других.

— А может быть, нам тоже теперь удастся достичь этого знания? — умоляющим тоном заговорила женщина. — Мы должны попытаться!..

Тут мои грезы прервались при виде группы молодых служащих лесной инспекции, приближавшихся на мосту к какому-то старику. Седая шевелюра старика была аккуратно подстрижена; он был в старомодных брюках и накрахмаленной рубашке. Он шел медленно, слегка пошатываясь.

— Видите этого старика и служащих? — обратился ко мне Дэвид.

— Еще бы, — отозвался я. — А что такое?

— Дело в том, что я видел его здесь две недели назад. Помнится, его зовут Фейман. А вот фамилии его я не знаю. — Дэвид слегка наклонился ко мне, впервые показав этим, что он мне полностью доверяет. — Слушайте, здесь творится что-то странное. На протяжении

нескольких последних недель лесная инспекция, видимо, ведет учет бродяг, приезжающих в лес. Ничего подобного здесь прежде не было, и вот вчера кто-то сказал мне, что они, то бишь охранники, полностью перекрыли дальнюю восточную окраину леса. А там есть места, лежащие на расстоянии добрых десяти миль от ближайшего шоссе. Вы ведь знаете, как мало найдется охотников забираться в такую глушь? Некоторые из нас уже слышали странный шум, доносящийся оттуда.

— И что же это за шум?

— Нечто вроде диссонанса. Правда, большинство людей не способны слышать его.

Внезапно Дэвид вскочил на ноги и принялся собирать свою палатку.

— Что вы делаете? — изумленно воскликнул я.

— Я больше не могу здесь оставаться, — буркнул он. — Мне пора туда, в долину.

Спустя несколько минут он остановился и проговорил, обращаясь ко мне:

— Слушайте, есть нечто такое, о чем вы просто должны знать. Я имею в виду этого самого Феймана. Так вот, я несколько раз видел рядом с ним вашу подругу.

— И что же они делали?

— Да просто о чем-то разговаривали, но, уверяю вас, здесь творится что-то неладное. — С этими словами он продолжил свои сборы.

Я молча наблюдал за ним. Пауза явно затягивалась. У меня не было ни малейшего представления о том, как быть дальше, но я чувствовал, что Дэвид совершенно прав, полагая, что Чарлин находится где-то там, в долине.

— Подождите минутку, — проговорил я наконец. — Я мигом соберу свои вещи и тоже пойду вместе с вами.

—Нет, — быстро и решительно возразил он. — Каждый должен сам, в одиночестве знакомиться с долиной. Сейчас я ничем не могу помочь вам. Дело в том, что я должен обрести свое собственное Видение. — При этих словах на его лице появилась гримаса боли.

—Ну тогда не могли бы вы поточнее сказать мне, где находится этот каньон?

— Да очень просто. Пройдите по течению реки около двух миль. Там вам встретится небольшой приток, впадающий в реку с севера. Пройдите вдоль притока еще примерно милю, и он выведет вас прямиком к устью каньона Сипси.

Я кивнул и собрался было уйти, но Дэвид удержал меня за руку.

—Видите ли, — проговорил он, — вы сможете найти свою подругу лишь в том случае, если сумеете подняться на иной уровень энергетики. В долине существуют особые места, способные помочь вам.

—Выходы в иное измерение? — поинтересовался я.

—Именно. Там вы сможете открыть для себя понимание Десятого пророчества, но для того чтобы отыскать эти места, вы должны постичь истинную природу своих интуиций, а также научиться *управлять* мысленными образами. Понаблюдайте за животными, и вы начнете понимать, ради чего вы пришли сюда, в эту долину... и почему мы все оказались здесь. Но будьте очень осторожны. Постарайтесь, чтобы они не заметили, как вы войдете в лес. — Он немного задумался. — Там есть еще один человек, мой приятель; его зовут Кэртис Уэббер. Если вы повстречаете Кэртиса, передайте ему, что вы знакомы со мной и что я хотел бы повидать его. — Сказав это, он добродушно улыбнулся и продолжил укладывать свою палатку.

Я хотел было спросить, что он имел в виду под интуицией и наблюдением за животными, но он упорно не желал встретиться со мной глазами, сосредоточившись на своем деле.

— Спасибо, — проговорил я.

В ответ он не оборачиваясь помахал мне на прощание рукой.

Тихо прикрыв за собой дверь мотеля, я вышел прямо в лунный свет. Свежий ветерок и сырость легким ознобом пробежали по моему телу. “И зачем только, — подумал я, — я занимаюсь всем этим? В конце концов, нет никаких гарантий, что Чарлин все еще находится здесь, в долине, и что подозрения Дэвида обоснованы”. Несколько часов я висел на телефоне,

пытаясь дозвониться местному шерифу. Но что он, в сущности, мог сказать мне? Что моя подруга куда-то исчезла, что ее видели входящей в лес, что она ушла туда сама, по доброй воле, а затем с ней, видимо, что-то случилось... И все эти предположения основывались на клочке бумаги, найденном за сотни миль отсюда? Здесь, в этой глуши, собрались многие сотни незнакомых друг с другом людей, и я прекрасно понимал, что они никогда не сделали бы этого, не будь у них веских оснований.

Остановившись, я залюбовался почти полной луной, восходившей прямо над огромными деревьями. Мой план заключался в том, чтобы перебраться на другой берег реки к востоку от сторожки смотрителей парка, а затем по главной дороге направиться прямиком в долину. Я надеялся, что луна будет освещать мой путь, но она светила недостаточно ярко. Видимость была не более ста ярдов.

Пройдя мимо ресторанчика, я направился к месту, где еще вчера стояла палатка Дэвида. Теперь ее не было и в помине. Дэвид даже расправил примятые ветки и крошечные сосенки, чтобы не оставить после себя никаких следов. Чтобы переправиться на другой берег в намеченном еще с вечера месте, я должен был крадучись пройти по открытому пространству, хорошо просматривавшемуся из сторожки смотрителей, которую я тоже хорошо видел. В одном из боковых окон сторожки я заметил двух смотрителей, занятых разговором. Вот один из них поднялся со стула и снял телефонную трубку.

Пригнувшись, я взвалил на плечи свой тяжелый рюкзак и поспешно зашагал по песчаной косе, тянувшейся вдоль реки, и наконец вошел в воду, скользя по гладким камешкам на дне и осторожно перешагивая через гнилые бревна. В уши мне хлынули звуки ночной симфонии древесных лягушек и кузнечиков. Обернувшись, я еще раз взглянул на сторожей: они по-прежнему разговаривали, проявляя ко мне полнейшее равнодушие. В самом глубоком месте вода — течение, кстати, оказалось довольно медленным — доходила мне до пояса, но я в считанные секунды перебрался через речку шириной примерно тридцать футов и поспешил в заросли сосняка на том берегу.

Осторожно продвигаясь вперед, я вскоре наткнулся на тропинку, которая вела прямо в долину. Тропинка эта, убегавшая на восток, таяла во мраке, и пока я смотрел в ту сторону, в моем мозгу зашевелились сомнения. Что это был за таинственный шум, встревоживший Дэвида? И что может ждать меня там, в этой непроглядной тьме?

При этой мысли я вздрогнул от страха. Да, я понимал, что должен идти дальше, но пока что, в качестве компромисса углубившись на добрых полмили в лес, я сошел с тропы и направился в заросли, где поставил палатку и провел остаток ночи, радуясь возможности снять наконец башмаки, полные воды, и хоть немного просушить их. Двигаться дальше, подумал я, будет разумнее при свете дня.

Наутро я проснулся на рассвете с мыслью о загадочной фразе Дэвида об умении *управлять* интуицией и, потягиваясь в спальном мешке, задумался о своем собственном понимании Седьмого пророчества, в частности осознании того, что опыт синхронистичности следует определенной схеме. Согласно этому Пророчеству, каждый из нас, анализируя некие конфликтные сценарии из собственного прошлого, может сформулировать несколько вопросов, определяющих конкретные жизненные ситуации, вопросов, касающихся нашей карьеры, взаимоотношений с окружающими, а также места, где мы живем, и тропы, по которой идем. И тогда, если мы сумеем осознать все это, позитивные предчувствия, догадки и интуиция создадут в нашем сознании зримые образы того, куда мы должны направиться и чем заняться, с кем нам следует общаться, чтобы получить ответ на все эти вопросы.

После этого, разумеется, можно ожидать появления в нашей жизни неких совпадений, проясняющих причины, по которым мы должны следовать именно этим путем, получая новую информацию, имеющую отношение к нашим вопросам и ведущую нас далее по жизненному пути. Но чем же может помочь умение управлять интуицией?

Выбравшись из спального мешка, я откинул дверцу палатки и осторожно огляделся. Не заметив ничего необычного и подозрительного, я полной грудью вдохнул свежий утренний воздух и направился к речке. Подойдя к самой кромке воды, я нагнулся и умылся обжигающе

холодной влагой. Затем я собрал мешок и палатку и, взвалив на плечи рюкзак, зашагал на восток, откусывая на ходу от плитки гранолы (гранола — подслащенная густая овсянка с добавлением орехов и изюма) и стараясь избегать открытых пространств, прячась в тени старых раскидистых деревьев, росших вдоль берега речки. Примерно через три мили меня охватила волна страха и нервозного возбуждения, и я сразу же ощутил внезапно навалившуюся усталость. Мне пришлось сесть прямо на землю и прислониться спиной к дереву, пытаясь сосредоточиться на красоте окружающего мира и прибегнуть к помощи внутреннего источника энергии. Небо было безоблачным, и утреннее солнце пробивалось сквозь кроны деревьев. Неподалеку, футах в десяти от себя, я заметил небольшое сочно-зеленое растение с желтыми цветами и решил сосредоточиться на любовании его красотой. Растение, и без того залитое лучами солнца, внезапно стало еще более ярким, а его зелень — почти сияющей. И тут в пряном запахе опавших листьев и чернозема я различил тонкий аромат цветка.

В тот же миг я услышал крик стаи ворон, доносившийся из крон деревьев к северу от меня. Необычность этих звуков поразила меня, но, к своему удивлению, я никак не мог обнаружить, где именно сидели вороны. Весь погрузившись в слух, я понемногу начал различать в этом утреннем хоре многие дюжины отдельных голосов: и голоса певчих птиц, щебетавших в кронах над моей головой, и жужжание шмелей над дикими маргаритками у самой кромки воды, и журчание струй по камням и стволам упавших деревьев... а затем нечто еще, едва уловимое, низкий басовой диссонанс, гул... Что бы это могло быть?

Подхватив рюкзак, я зашагал на восток. Опавшие листья печально шуршали у меня под ногами, и мне приходилось время от времени останавливаться, чтобы прислушаться: слышен ли по-прежнему странный гул? Да, он звучал не умолкая. Наконец заросли деревьев кончились, и передо мной раскинулся широкий луг, поросший всевозможными цветами и высоким, не меньше двух футов, шалфеем. Луг этот тянулся на добрых полмили, и налетавший ветерок покачивал верхушки шалфея. Дойдя почти до края луга, я заметил кустики ежевики, росшие возле какого-то поваленного дерева. Ежевичник привлек мое внимание какой-то особой, изысканной прелестью, и, подойдя поближе, чтобы полюбоваться им, я заметил, что на нем полно спелых ягод.

При виде их у меня возникло острое ощущение дежавю. Все окружающее вдруг показалось мне хорошо знакомым, словно я прежде уже бывал здесь, в долине, и даже лакомился этой ежевикой. Но разве такое могло быть? В недоумении я присел на ствол поваленного дерева. В тот же миг, где-то на краю моего сознания, возник образ кристально-прозрачного озера и водопада на заднем плане, уступами спускающегося к самой воде. Странным образом и это место мне тоже показалось знакомым. Меня вновь охватило волнение.

Внезапно из зарослей ежевики с шумом выскочил некий зверек и, увидев меня, опрометью бросился прочь и, отбежав футов на двадцать, вдруг остановился. Зверька этого закрывали от меня высокие стебли шалфея, и я понятия не имел, кто же это мог быть. Единственное, что мне оставалось, — пойти за ним по его следам. Через пару минут он отскочил на полдюжины футов к югу, оставаясь неподвижным в течение нескольких секунд, а затем опять бросился на север, пробежав футов десять — двадцать, и вновь замер на месте. Я догадался, что это был кролик, хотя повадки его показались мне довольно странными.

Постояв минут пять, я внимательно осмотрел место, куда в последний раз отскочил кролик, и двинулся в ту сторону. Не успел я пройти и пяти футов, как зверек опять прыгнул на север. Прежде чем он успел скрыться из виду, в просвете между стеблями шалфея я заметил белый хвост и длинные задние лапы крупного кролика.

Улыбнувшись, я направился на восток по примятой траве и наконец выбрался на окраину луга, где перед моими глазами выросли густые заросли подлеска. Здесь я заметил небольшой ручеек, фута в четыре шириной, впадавший в речку с левой стороны. Я сразу же вспомнил, что это и есть тот самый ориентир, о котором говорил Дэвид, и повернул на север. К сожалению, вдоль ручья не было никаких следов тропки, и, что еще хуже, кусты, росшие по

его берегам, представляли собой переплетение молодых сосенок и колючего, непроходимого шиповника. Двигаться вперед было невозможно; мне пришлось вернуться на луг и попытаться найти обходную дорогу.

Я брел в высокой траве вдоль опушки леса, пытаясь найти хоть какой-нибудь просвет в густых зарослях подлеска. К величайшему моему удивлению, я наткнулся на след, проложенный кроликом. Двинувшись по нему, спустя некоторое время я вновь заметил маленький ручей. Заросли на его берегах были далеко не столь густыми, что позволило мне, пробираясь вдоль него, дойти до леса высоких старых деревьев, откуда я без помех смог двинуться на север, следуя за течением ручья.

Пройдя какое-то расстояние, которое, как мне показалось, примерно равнялось миле, я увидел гряду предгорий, возвышавшихся вдалеке по обеим сторонам ручья. Приближаясь к ним, я сообразил, что предгорья эти образуют почти отвесные стены каньона, в который вел один-единственный вход, лежавший прямо передо мной.

Добравшись наконец до входа в каньон, я сел отдохнуть под высоким гикори и с любопытством посмотрел вокруг. В сотне ярдов от меня, по обеим сторонам каньона, предгорья переходили в известняковые скалы высотой не меньше пятидесяти футов, а затем уходили назад и вверх, образуя громадный, похожий на чашу каньон, раскинувшийся на добрых две мили в ширину и более четырех — в длину. Дно каньона на протяжении полумили было покрыто редким кустарником и зарослями шалфея. Вспомнив о гуле, я прислушался и старался не шевелиться минут пять — десять, но затем забыл и думать об этом.

Наконец я развязал рюкзак и достал небольшую походную газовую плитку и зажег огонь, а затем, налив в кастрюльку воды из фляжки, высыпал в воду содержимое пакетика смеси сушено-мороженых овощей и поставил кастрюльку на огонь. Несколько мгновений спустя я уже любовался струйками пара над водой, переплетавшимися друг с другом, растворяясь в прохладном воздухе. Перед моим мысленным взором вновь возникли озеро и водопад, но на этот раз я увидел себя рядом с ними, словно мне предстояла встреча с кем-то. Я мотнул головой, и видение исчезло. Что же со мной происходит? Эти странные видения становятся все более и более яркими. Сначала я видел Дэвида в молодые годы, теперь этот водопад...

Тем временем мое внимание привлек какой-то шорох, донесшийся из каньона. Взглянув на ручей, я заметил в двухстах футах от себя высокое одинокое дерево, почти сбросившее листву. Теперь его ветви были усеяны какими-то птицами, которых я принял за ворон; некоторые из них сидели прямо на земле. Мне почему-то подумалось, что это те же самые вороны, крики которых я слышал несколько часов назад. Затем они все разом поднялись в воздух и неистово закружились над деревом. В тот же миг я опять услышал их карканье, причем голоса их, как и прежде, звучали очень громко, несмотря на большое расстояние. Казалось, вороны каркали совсем рядом.

Но тут бульканье кипящей воды и шипение пара напомнили мне о плитке. Пока я следил за воронами, кипяток пролился прямо на огонь, и я едва успел одной рукой подхватить кастрюльку, а другой выключить газ. Когда вода немного успокоилась, я вновь поставил кастрюлю на плитку и взглянул на дерево, усеянное воронами. Оказалось, птицы бесследно исчезли.

Наспех проглотив свое душистое варево и ополоснув кастрюльку, я собрал рюкзак и направился в каньон. Проходя мимо утесов, я удивленно заметил, что цвета вокруг стали ярче. Так, шалфей стал ослепительно золотистым, и я впервые обратил внимание, что дно каньона усеяно сотнями диких цветов: белых, желтых, оранжевых. Ветерок, донесшийся с вершины скал на востоке, принес тонкий запах кедра и сосен.

Продолжая идти по дну каньона следом за ручьем бежавшим на север, я опять взглянул на то самое дерево, оставшееся слева от меня, на котором недавно сидели вороны. Когда оно оказалось прямо на западе от меня, я заметил, что ручей вдруг стал гораздо шире. Пробравшись под кронами раскидистых ив и ветел, я понял, что ручей привел меня к небольшому озерку, из которого вытекал не только тот ручей, что вывел меня сюда, но и еще

один ручеек, уносивший свои струи на юго-восток. Вначале мне подумалось, что это и есть то самое озеро из моих грез, но затем я заметил, что водопада поблизости не было.

Слева от меня, футах этак в пятидесяти, был виден пологий склон, на котором росли три сикоморы толщиной не меньше двух футов, — место просто идеальное, чтобы посидеть и подумать. Поднявшись на него, я решил немного отдохнуть и сел, привалившись к стволу одной из сикомор. Два других дерева находились футах в шести-семи от меня, и я мог, бросив взгляд влево, наблюдать за тем самым "вороньим" деревом, а посмотрев направо, следить за ручьем. Итак, мне предстояло решить главный вопрос: куда двигаться дальше? В самом деле, я могу проплутать много дней, не найдя никаких следов Чарлин. И к тому же как быть с этими навязчивыми видениями?

Закрыв глаза, я попытался было воскресить в памяти прежние образы озера и водопада, но, как ни старался, никак не мог вспомнить точные детали. Наконец я бросил это занятие и перевел взгляд на траву и цветы, а затем — на две сикоморы справа от меня. Их ветки представляли собой причудливый коллаж из темно-серых и белых участков коры, тут и там покрытых светло-коричневыми пятнами и янтарными тенями. И когда мне удалось сконцентрировать внимание на удивительной красоте этой сцены, краски вокруг стали более яркими, почти светящимися. Я несколько раз глубоко вздохнул и опять бросил взгляд на луг и цветы. Оказалось, что и "воронье" дерево начало светиться.

Взвалив рюкзак на плечо, я направился к дереву. В памяти вновь всплыли образы озера и водопада. На этот раз я попытался вспомнить всю картину в целом. Озерко, представшее мне в видении, было большим, площадью не меньше акра, а вода поступала в него, стекая по каскаду крутых уступов-террас. Два верхних уступа имели в высоту около пятнадцати футов, зато последний, низвергавший воду в озерко, был никак не меньше тридцати футов. И когда это видение опять всплыло в моем воображении, я вновь увидел себя бредущим по берегу в ожидании кого-то.

Звук мотора, раздавшийся справа от меня, заставил меня тотчас прибавить шагу. Я присел на корточки, спрятавшись за невысокими кустами. Слева от меня из леса показался серый джип, быстро понесшийся прямо по лугу, держа курс на юго-восток. Я знал, что полиция лесного парка строго запретила автомобилистам-любителям забираться так далеко в эти девственные места, и, естественно, ожидал увидеть на дверях джипа знаки и надписи, удостоверяющие его принадлежность к полиции. К величайшему моему изумлению, ничего подобного на бортах джипа не было. Поравнявшись со мной, джип остановился футах в пятидесяти от меня. Сквозь листву я увидел одинокую фигуру водителя за рулем: он осматривал окрестности в сильный бинокль, так что я на всякий случай лег на землю, чтобы остаться незамеченным. Кто бы это мог быть?

Водитель включил газ, джип рванул с места и вскоре исчез из виду за деревьями. Я вновь опустился на землю и принялся прислушиваться, пытаясь расслышать гул. Ни звука. Я уже подумывал было вернуться в городок и попытаться продолжить поиски Чарлин каким-нибудь иным путем. Однако в глубине души я сознавал, что другого пути просто нет. Я закрыл глаза, вспомнив совет Дэвида об умении *управлять* интуицией, и мне наконец удалось восстановить перед своим мысленным взором образ озера и водопада. Затем я поднялся на ноги и направился к "вороньему" дереву, а мысли мои были заняты восстановлением мелких подробностей этой сцены.

Внезапно я услышал пронзительный крик какой-то другой птицы, на этот раз ястреба. Слева от себя, далеко позади того самого дерева, я едва-едва угадал контуры ястреба; тот летел на север. Я прибавил шагу, стараясь как можно дольше не упускать птицу из виду.

Появление ястреба заметно прибавило мне сил, и даже когда он скрылся за горизонтом, я продолжал быстро шагать в том же направлении, преодолев не менее полутора миль вдоль подножия утесов. Поднявшись на третий холм, я вновь похолодел, услышав вдали какой-то гул, очень похожий на звук текущей воды. Впрочем, нет, это был звук падающей воды — водопада!

Я поспешно спустился по склону и оказался в глубокой котловине, вновь вызвавшей приступ ложной памяти. Поднявшись на следующий холм, я увидел с него и водопад, и озеро — совсем такие, какие являлись мне в видении, разве что в действительности они оказались и больше, и куда прекраснее, чем в грезах. Площадь озерка была не меньше двух акров, а само оно лежало в своего рода колыбели, образованной огромными валунами и разломами скал; его кристально чистая вода сверкала ослепительной голубизной, отражая предвечернее небо. Слева и справа от озера росло несколько огромных старых дубов, со всех сторон обступали их клены, камедные деревья и ивы, кроны которых живописно контрастировали друг с другом.

На дальнем берегу озера клубился белый туман и клокотала пена, поднятая падением двух меньших водопадов. Я сразу же обратил внимание, что никаких речек и ручьев из озера не вытекало. Вода из него уходила куда-то под землю и несла свои струи в тишине, чтобы вернуться на поверхность большим ручьем у “вороньего” дерева.

Я залюбовался красотой этого дивного места, и меня с новой силой охватило ощущение дежавю. Звуки, краски, вид с холма — все, буквально все казалось мне до боли знакомым. Я, несомненно, уже бывал здесь, на этом самом месте. Но когда?

Подойдя к озеру, я решил обойти его кругом и побрел у самой кромки воды, ощущая на губах вкус водяных брызг от водопадов и взбираясь на огромные валуны, стоя на которых я мог дотянуться рукой до верхушек деревьев. Мне хотелось всецело погрузиться в атмосферу этого дивного места. Наконец я улегся на одной из плоских плит, лежавших на высоте двадцати футов над озером, и, закрыв глаза, подставил лицо лучам заходящего солнца, ощущая, как их тепло скользит по нему. В тот же миг во мне вновь ожило знакомое чувство... тепло и покой, которых я не испытывал уже много месяцев. В сущности, вплоть до этой минуты я не вполне понимал всей важности и вот теперь, едва испытав, сразу же узнал. Затем я открыл глаза и быстро обернулся, вероятно, навстречу тому, с кем мне предстояло увидеться.

ОБЗОР ПУТИ

На скале, вздымавшейся над моей головой, наполовину скрытый нависающим уступом, стоял Уил, уперев руки в бока и широко улыбаясь. Его фигура была какой-то странно нечеткой, но когда я прищурился и сосредоточил внимание, я смог разглядеть его лицо более ясно.

— Я знал, что ты обязательно придешь, — проговорил он, осторожно спустившись с уступа и спрыгнув на валун рядом со мной. — Я ждал тебя. — Не могу поверить, что это ты, — отозвался я. — Что с тобой случилось, когда ты исчез там, в Перу? Где ты был все это время?

Вместо ответа он жестом предложил мне сесть и сам уселся на камень рядом со мной.

—Я тебе все объясню, — заметил он, — но сначала я хотел бы узнать, что было с тобой. Что привело тебя сюда, в эту долину?

Я подробно и не торопясь рассказал ему об исчезновении Чарлин, о странной карте долины и о своей встрече с Дэвидом. Уил захотел узнать поподробнее, что именно поведал Дэвид, и я как можно точнее пересказал ему наш разговор с ним.

Затем Уил наклонился ко мне:

—Наверное, он говорил тебе, что Десятое пророчество посвящено постижению духовного возрождения на Земле в свете иных измерений?

— Да, верно, — согласился я. — И что же, это правда? Уил на минуту-другую задумался, а затем спросил:

—А что с тобой было после того, как ты оказался здесь, в долине?

—Мне сразу же начали являться всевозможные образы, — отвечал я. — Некоторые из них относились к прошлым историческим эпохам, но здесь, у озера, видения вернулись ко мне с новой силой. Я вновь ясно увидел и скалы, и водопад, и даже то, что меня здесь кто-то ждет, хотя тогда я еще и не подозревал, что это будешь ты.

—А какова была твоя собственная роль в этой сцене?

—Да ничего особенного. Я просто шел куда-то и созерцал.

—Значит, это была картина твоего *будущего.* Я покосился на него:

—Не думаю... сомневаюсь.

— Первая часть Десятого пророчества, как уже сказал тебе Дэвид, посвящена более полному постижению интуиции. В первых восьми человек воспринимает интуицию как нечто мимолетное, как оклик “внутреннего голоса”. Но по мере того как мы ближе знакомимся с этим явлением, нам удается яснее представить себе природу подсказок интуиции... Вспомни, что произошло тогда в Перу. Разве не интуиция открыла тебе картины того, что должно было произойти, видимые образы тебя самого и других в неком конкретном месте, образы людей, занятых разными делами? Разве не она привела тебя туда? Разве не благодаря ей ты узнал, когда именно тебе надо отправиться к Селестинским развалинам?

Здесь, в долине, все время происходит то же самое. Ты воспринял мысленный образ потенциального события — твоего прихода к этим водопадам и встречи с кем-то — и сумел воплотить совпадение в жизнь: ты нашел это место и встретил меня. Если бы ты просто проигнорировал этот образ или потерял веру в то, что тебе удастся отыскать водопады, ты упустил бы синхронистичность, и твоя жизнь так и осталась бы не слишком-то интересной. Но ты принял образ всерьез; ты *удержал* его в сознании.

— Помнится, Дэвид упоминал о том, что надо уметь управлять интуицией, — проговорил я.

Уил кивнул.

— А как же насчет других видений, — опять спросил я, — о сценах из прошлого? И как же быть с животными и птицами? Не говорится ли о них в Десятом пророчестве? Кстати, а ты сам видел Манускрипт?

Сделав резкий жест рукой, словно желая отмахнуться от моего вопроса, Уил отвечал:

— Во-первых, позволь мне рассказать о моем собственном опыте пребывания в ином измерении, которое я назвал бы *Посмертием.* Когда мне еще там, в Перу, удалось повысить свой уровень энергетики, в то время как вы все пережили страх и утратили свои вибрации, я оказался в мире невероятной красоты и четкости зримых образов. В сущности, я остался на том же месте, где и был, но все вокруг меня преобразилось до неузнаваемости. Мир стал сияющим и светящимся, таким, что я не в силах описать это. Долгое время я бродил в этом фантастическом мире, достигнув еще более высокого уровня вибраций, а затем обнаружил нечто еще более поразительное. Оказалось, что я могу по собственной воле перенестись в любую точку на нашей планете, стоит только мне мысленно представить ее. И я отправился в странствия в дальние края, о которых только мог вспомнить, пытаясь найти вас с Джулией и всех остальных, но мне нигде не удавалось отыскать вас.

Наконец я обнаружил в себе еще одну удивительную способность. Мысленно представив себе пустоту, я мог, покинув нашу Землю, перенестись в сферу чистых идей. Там я мог творить все, что пожелаю, стоило мне только представить это. Я создавал океаны и горы, живописные панорамы и долины, образы людей, наделенных всеми теми качествами, о которых я мечтал, всевозможные предметы... И любое из моих созданий представлялось столь же реальным, как и прочие явления на Земле.

В конце концов я понял, что такой искусственно сотворенный мир абсолютно нереален. Безграничное творчество не принесло мне внутреннего удовлетворения. И тогда я вернулся домой, на нашу планету, и задумался о том, что бы я хотел исполнить на ней. В тот момент я уже вновь обрел достаточную материальную плотность, чтобы беседовать с людьми, достигшими высокого уровня сознания. Я опять мог есть и спать, хотя не испытывал в этом никакой потребности. Наконец я понял, что забыл и утратил волнующее ощущение причастности к совпадениям. Став летучим, словно ветер, я посчитал было, что сохраняю внутреннюю причастность ко всему происходящему, но на самом деле, став слишком управляемым, я утратил чувство пути. На таком уровне вибраций очень легко сбиться с пути, ибо слишком велик соблазн взять и сотворить все по собственному усмотрению.

— И что же было дальше? — с нетерпением спросил я.

— Я постарался сосредоточиться, стремясь восстановить связь с Божественной энергией, подобно тому как мы, люди, обычно это делаем. И это и впрямь подействовало: уровень моих вибраций повысился еще больше, и я начал вновь улавливать голос интуиции. И тогда перед мои мысленным взором предстал ты.

— И чем же я был занят?

— Даже не помню, видение было слишком смутным. Но как только я вспомнил об интуиции и мысленно обратился к ней, я сразу же перенесся в некую новую сферу Посмертия, где мог видеть другие души и даже целые группы душ, и хотя я пока что не мог разговаривать с ними, я тем не менее почувствовал, что могу воспринимать их мысли и знания.

— А они, случайно, не открыли тебе Десятое пророчество? — спросил я.

Он тяжело вздохнул и посмотрел на меня так, словно вдруг услышал гром с ясного неба.

— Нет. Десятое пророчество никогда не было записано...

— Что-о? А разве оно не было составной частью Манускрипта?

— Нет.

— А оно вообще существует?

Еще бы; разумеется, существует. Правда, пока что за пределами земного измерения. Это Пророчество еще не явлено в материальном плане. Знание о нем существует только в Посмертии. И лишь тогда, когда на Земле появится достаточно тех, кто способен воспринять его откровение на интуитивном уровне, оно получит конкретную определенность в сознании людей, и кто-нибудь сумеет записать его. То же самое было и с первыми девятью пророчествами. В сущности, это удел всех духовных текстов, в том числе и самых знаменитых священных книг. Пророчество всегда поначалу возникает в Посмертии и лишь впоследствии обретает достаточную определенность в материальном измерении, что позволяет некоторым избранникам воспринять его и записать в виде некоего текста. Вот почему такие писания именуются боговдохновенными.

— Значит, именно поэтому до сих пор никому не удается воспринять Десятое пророчество?

Уил немного смутился.

—Даже не знаю. Той группе душ, с которой я общался там, оно, вероятно, уже известно, но я пока что не знаю этого наверняка. Мой уровень энергетики еще недостаточно высок для этого. Видимо, все дело в том страхе, который возникает в культуре, переходящей от плоского материального бытия к преображенной, духовной картине мира.

—Что же, по-твоему, Десятое пророчество уже готово открыться людям? — спросил я.

—Да, именно. Некоторые группы душ уже видят его приближение, и наш мир шаг за шагом познает его, приобщаясь к более высокому видению, исходящему от Посмертия. Однако таких душ должно быть гораздо больше, чтобы они смогли преодолеть страх и воспринять это пророчество, подобно первым девяти.

—А тебе известно, чему посвящена вторая часть Десятого?

—Да, особенно если вспомнить, что знание первых девяти явно недостаточно. Мы должны понять, как лучше воплощать это предназначение. Это понимание является результатом осознания особых связей, существующих между материальным измерением и Посмертием. Нам предстоит осознать процесс рождения и понять, откуда мы приходим в мир; это великая задача, которую человечество пытается решить на протяжении всей своей истории.

Тут меня внезапно осенила неожиданная мысль.

— Подожди минутку. Быть может, тебе удалось увидеть экземпляр Девятого пророчества? Что сказано в нем о Десятом?

Уил опять наклонился ко мне.

— Там сказано, что первые девять пророчеств описывают принцип духовной эволюции как на личном, так и на коллективном уровне, но реальное использование этих пророчеств,

умение жить в соответствии с ними и исполнение своего предназначения требуют более полного осознания этого процесса, то есть знания Десятого пророчества. Именно это пророчество покажет вам реальность духовного преображения Земли не только с точки зрения земного измерения, но и с точки зрения Посмертия. Далее. Там сказано, что мы должны более ясно сознавать, почему эти измерения составляют единое целое и почему люди должны выполнить свою историческую задачу, и такое осознание, усвоенное культурой, со временем принесет желанные плоды. Упоминается там и о страхе; там говорится, что в то самое время, когда новое духовное пробуждение получит широкое распространение, в качестве реакции на него произойдет поляризация взглядов, которая найдет выход в оппозиции страха, стремящейся взять будущее под свой контроль с помощью новейших достижений науки и техники — достижений еще более опасных, чем ядерное оружие, — превосходящих все прежние открытия. Десятое пророчество и посвящено решению проблемы такой поляризации. — Он внезапно умолк и кивнул на восток: — Слышишь?

Я прислушался, но не смог расслышать ничего, кроме грохота водопада.

—Что именно? — переспросил я.

—Этот гул.

—Я уже слышал его. И что же это такое?

—Не могу точно сказать. Однако такой же гул слышен и там, в других измерениях. Души, которые я встречал там, весьма обеспокоены им.

Пока Уил говорил это, перед моим мысленным взором возникло лицо Чарлин.

— И что же, ты считаешь, что он как-то связан с этими новейшими технологиями? — обескуражено спросил я.

Уил ничего не ответил. Я заметил, что на лице его появилось странное, отсутствующее выражение.

—У подруги, которую ты ищешь, — неожиданно спросил он, — светлые волосы? И большие глаза... и открытый, пытливый взгляд, не так ли?

—Да, так и есть, — отозвался я.

—Я только что видел ее лицо.

Я с удивлением произнес:

—Я тоже.

—Что же нам делать? — встревожено спросил я. Уил придвинулся вплотную ко мне и опять коснулся ладонью моей поясницы.

—Мы должны участвовать в сотворении образов, посылаемых нам твоей подругой.

—А может, управлять ими?

—Да, именно, — согласился Уил. — Как я уже сказал, на более высоком уровне мы учимся распознавать интуицию и доверять ей. Нам всем хотелось бы, чтобы совпадения повторялись как можно чаще, но для большинства из нас осознание этого является полной неожиданностью, ибо нас окружают реалии культуры, по-прежнему оперирующей устарелым скептицизмом. В итоге мы утрачиваем и надежду, и веру. Однако главное, что нам все же удается понять, заключается в том, что когда наше внимание сосредоточено на изучении деталей возможного будущего, открывшегося нам, мы намеренно удерживаем этот образ где-то на грани нашего сознания, и, поскольку мы верим в него, все, что мы мысленно представляем себе, имеет больше шансов воплотиться в реальность.

—Значит, мы должны желать, чтобы это случилось, не так ли?

—Не совсем. Вспомни мой рассказ о посмертном измерении. Там каждый может свободно творить все, что ни пожелает, стоит лишь захотеть этого, но такое творение не в силах воплотиться в реальность. То же самое относится и к нашему земному измерению, только здесь все происходит гораздо медленнее. На Земле мы можем желать и творить все, что хотим, но полное воплощение этого в жизнь происходит лишь тогда, когда нам удается добиться того, чтобы наше внутреннее расположение совпадало с Божественным водительством. Лишь в этом случае мы можем воспользоваться собственной волей, чтобы приблизить потенциальное будущее. В этом смысле мы становимся сотворцами и

соучастниками творящего Божественного промысла. Знаешь ли ты, каким образом осознание этого служит отправной точкой для Десятого пророчества? Мы учимся пользоваться видениями точно так же, как пользуются ими души, пребывающие в Посмертии, и когда мы действуем таким образом, мы вступаем в своего рода резонанс с тем измерением, объединяя таким образом Небо и Землю.

Я кивнул, полностью соглашаясь с ним. Сделав несколько глубоких вздохов, Уил сильнее надавил мне на поясницу и велел настроиться на восстановлении черт лица Чарлин. Несколько мгновений я не чувствовал ровным счетом ничего, но затем внезапно ощутил прилив энергии, буквально швырнувшей меня вперед и понесшей с невероятным ускорением.

Я летел с фантастической скоростью по какому-то туннелю, переливавшемуся всеми цветами радуги. Пребывая в полном сознании, я удивился, что совершенно не испытываю страха; вместо него во мне возникло чувство узнавания, радости и покоя, словно я уже бывал здесь прежде. Когда же мой полет наконец закончился, я обнаружил, что пребываю в потоке теплого, сияющего света. Взглянув на Уила, я заметил, что он стоит слева и чуть позади от меня.

— Ну вот мы и прибыли, — с улыбкой произнес он. Странно: его губы оставались неподвижными, но я совершенно ясно слышал его голос. Затем я обратил внимание на очертания его тела. Вид у него был почти такой же, как и прежде, разве что теперь он буквально излучал сияние, исходившее изнутри.

Протянув руку и попытавшись было дотронуться до него, я заметил, что и мое тело стало точно таким же. Прикоснувшись к его руке, я почувствовал, что ее окружает некое поле толщиной в несколько дюймов — странное поле, заметное даже на глаз. Нажав посильнее, я, как ни странно, не смог проникнуть сквозь этот энергетический кокон; все, чего я добился, — это оттолкнул его тело немного назад.

Уил так и покатился со смеху. Он излучал такое доброе веселье, что я тоже не смог удержаться от смеха.

—Забавно, не правда ли? — полюбопытствовал он.

—Да это куда более высокий уровень вибраций, чем там, на Селестинских развалинах, — оправдываясь, буркнул я. — А тебе известно, где мы находимся?

Уил промолчал, оглядываясь по сторонам. Мы очутились в некоем пространственном измерении, у которого должны были быть и верх, и низ, но мы повисли в нем абсолютно неподвижно. Ни горизонта, ни каких-либо ориентиров не было и в помине. Свет бесконечным потоком разливался во все стороны.

Наконец Уил проговорил:

—Это наблюдательный пункт; я уже бывал здесь, когда впервые увидел твое лицо. Кроме меня, здесь были и другие души.

—И чем же они были заняты? — спросил я.

—Созерцанием душ, оказавшихся здесь после своей смерти.

—Что-о? Ты что же, хочешь сказать, что сюда люди попадают после смерти?

—Именно.

—Тогда почему же мы сюда попали? Выходит, с Чарлин что-то случилось?

Уил повернулся ко мне лицом:

— Нет; думаю, что нет. Вспомни, что случилось со мной, когда я впервые увидел твое лицо. Я побывал во многих местах, пока наконец мы не встретились у этого водопада. Видимо, нам предстоит увидеть здесь нечто важное, прежде чем мы сможем отыскать Чарлин. Давай-ка подождем и посмотрим, как будут вести себя эти души. — Он кивнул налево, где в этот момент прямо перед нами, на расстоянии каких-нибудь тридцати футов, материализовались несколько существ, очень похожих на людей.

Первой моей реакцией на их появление было настороженное выжидание.

— Послушай, Уил, а откуда мы знаем, что они настроены дружелюбно? А что, если они попытаются захватить нас, ну, или что-то в этом роде?

В ответ Уил смерил меня строгим взглядом:

—А как ты узнаешь, когда кто-нибудь на Земле пытается подчинить тебя своей воле?

—Я сразу же замечу это. Я могу заявить, что данный человек стремится манипулировать мной.

—Так. А что еще?

—Я замечаю, что он забирает у меня энергию. Ну, словом, чувствую спад, слабость, теряю контроль над собой.

—Верно. Те, кто поступает так, не следуют пророчествам. Видишь ли, эти принципы являются обоюдосторонними.

Когда эти существа полностью материализовались, я был начеку. Однако очень скоро я ощутил волну энергии любви и участия, исходившую от их тел, которые излучали светло-янтарное сияние, вибрируя и покачиваясь перед нами. Лица их явно имели человеческие черты, но мне никак не удавалось вглядеться в них. Я даже не мог разобрать, сколько именно душ материализовалось перед нами. На какой-то миг мне показалось, что их три или четыре, затем я подумал, что их шесть, потом — три; они постоянно ускользали от пристального взгляда. Короче, они выглядели этаким одушевленным облачком светлого янтаря на фоне ослепительно белого сияния.

Через несколько минут рядом с ними начало материализовываться какое-то другое существо, очертания которого были более ясными и четкими, являя собой светящееся тело, почти такое же, как у нас с Уилом. Вскоре мы заметили, что это был мужчина средних лет; вид у него был явно растерянный, но затем, заметив группу душ по соседству, он успокоился и расслабился.

К своему удивлению, я обнаружил, что могу воспринимать его мысли и чувства, стоит мне только сосредоточиться на нем. Уил сказал, что тоже ощущает ответную реакцию пришельца.

Вновь сосредоточившись на нем, я заметил, что, несмотря на чувство любви и участия, буквально разлитое вокруг, он пребывает в состоянии шока, будучи потрясен осознанием своей внезапной смерти. Ведь всего несколько минут назад он бежал трусцой и, пытаясь взбежать по склону пологого холма, перенес обширный инфаркт. Боль продолжалась всего несколько секунд, и вот теперь, покинув свое тело, он висел в пространстве, наблюдая со стороны за близкими, бросившимися ему на помощь. Вскоре прибыла бригада медиков, и они упорно пытались привести его в чувство.

Сидя возле своего тела в амбулатории, он с ужасом услышал грозную весть: главный врач объявил его умершим. Бедняга попытался было заговорить, но его никто не слышал. Врач сообщил своим коллегам, что сердце покойного буквально разорвалось и что спасти его было просто невозможно...

Одна часть души смирилась с непоправимым, другая решительно противилась этому. Разве могло такое случиться, что он умер?! Он взывал о помощи, но через миг очутился в том же самом туннеле, переливающемся всеми цветами, который и привел его сюда. Насколько мы могли заметить, он постепенно начал замечать вокруг себя другие души и направился к ним, отдаляясь от нас и все больше становясь похожим на них.

Но затем он внезапно остановился и двинулся обратно, к нам. Перед нами возникло видение какого-то офиса с графиками на стенах и множеством компьютеров, за которыми работали какие-то люди... Все выглядело вполне реальным, разве что стены были полупрозрачными, так что мы могли видеть все происходящее внутри, да еще небо над офисом было не голубым, а какого-то странного оливкового цвета.

— Он предается самообману, — проговорил Уил. — Мысленно воссоздает офис, в котором еще недавно работал там, на Земле, пытаясь уверить себя, будто он не умер. Между тем души приблизились; среди них постоянно появлялись все новые и новые, так что их набралось несколько дюжин. Они, сияя янтарным светом, неизменно ускользали от взгляда. Они явно посылали этому человеку импульсы любви и какую-то информацию, которую мне почему-то не удавалось понять. Постепенно этот виртуальный офис начал бледнеть и вскоре совсем исчез.

Наконец незнакомец смирился, и на лице его появилось выражение покорности; он вновь направился к душам.

— Давай пойдем за ним, — услышал я слова Уила. В тот же миг я вновь почувствовал, что к моей пояснице прикоснулась его рука, или, лучше сказать, энергия его руки.

Как только я внутренне согласился на его предложение, мы приблизились к душам, ставшим теперь куда более различимыми. Лица у них были сияющими, как у нас с Уилом, но руки и ноги, не имевшие ясных очертаний, представляли собой сплошные лучи света. Теперь я мог смотреть на эти существа четыре-пять секунд, прежде чем они ускользали, и мне приходилось искать их вновь.

Я знал, что группа душ, а также только что умерший мужчина напряженно вглядывались в ослепительно яркую световую точку, приближавшуюся к нам. Точка внезапно раскрылась, превратившись в мощный луч сияния, заполнившего все и вся. Не в силах смотреть на него прямо, я отвернулся, следя за силуэтом мужчины: он наблюдал за сияющим лучом спокойно, без всяких помех.

Мне вновь удалось уловить его мысли и чувства. Свет заполнил его поистине непередаваемым ощущением любви и умиротворения. По мере того как это ощущение овладевало им, его Видение и способность восприятия мира расширялись все более и более, до тех пор, когда он смог взглянуть на свою только что окончившуюся жизнь с более широкой и детальной точки зрения.

Прежде всего ему предстали образы и обстоятельства, связанные с его рождением и детством, проведенным в семейном кругу. Итак, он, Джон Дональд Уильямс, родился в обычной семье. Его отец не отличался особым интеллектом, а мать постоянно находилась в отъезде, будучи занята всевозможными общественными делами. Джон рос, предоставленный самому себе; он был заносчив и дерзок, горя желанием доказать миру, что он блестящий ум, способный сказать новое слово в науке, особенно в математике. В двадцать три года он уже получил степень доктора физико-математических наук и преподавал в четырех престижных университетах, прежде чем поступить на службу в министерство обороны, а затем — в одну частную корпорацию, занимавшуюся энергетикой.

Видимо, совершенно не заботясь о собственном здоровье, он сам довел себя до трагического финала. Долгие годы питаясь на скорую руку и не зная физических нагрузок, он заработал грозный диагноз: хроническая сердечная недостаточность. Он бросился наверстывать упущенное, но чрезмерно насыщенные занятия оказались для него фатальными. Он умер от инфаркта в возрасте сорока восьми лет.

В этот момент мысли Уильямса перенеслись на другое, и его начали обуревать горькие эмоциональные мучения и сожаления о прежней жизни. Он понял, что уже в детские годы его семье пришлось испытать на себе врожденную склонность его души к заносчивости и высокомерию, придававшими ему чувство уверенности в себе. Главным его оружием были насмешка, желание унизить других, издевки над их способностями, личные колкости. И вот теперь он сознавал, что рядом с ним находились наставники, способные помочь ему преодолеть это чувство неуверенности. Все они в нужную минуту всегда появлялись рядом с ним, указывая ему другой путь, но он упорно игнорировал их.

Вместо этого он упрямо продолжал следовать своим узким путем. Между тем ему встречались знаки, указывавшие, что пора начать относиться к своей работе более основательно, без спешки. В его исследованиях по разработке новых технологий ему то и дело встречались трудности и препятствия, на которые он попросту не обращал внимания. Он позволял своим коллегам “подпитывать” его всевозможными новыми теориями и некими неведомыми физическими принципами, не поинтересовавшись даже, откуда они заимствованы. Правда, все они работали вполне успешно, и это единственное, о чем он заботился, поскольку такие новшества неизменно вели к успеху, признанию, славе. Он опять поддался прежнему искушению — *жажде признания...* “Боже мой, — подумал он теперь, — я опять пал точно так же, как и прежде...”

Тут его мысли перенеслись к новому видению, на этот раз из более далекого прошлого. Он очутился в девятнадцатом веке в предгорьях южных Аппалачей, в военном лагере... В большой палатке над военной картой склонились несколько человек. На стенах палатки, мигая, горели масляные лампы. Полевые командиры собрались на военный совет: надежд на мирный исход не осталось. Война была неизбежной, и строгие законы военного искусства требовали начать наступление, и немедленно.

Уильямсу, бывшему тогда одним из двух адъютантов командующего, пришлось противостоять всем остальным членам совета. Он сразу понял, что выбора у него нет, а неподчинение сразу же положило бы конец его военной карьере. К тому же, подумал он, ему не удалось бы переубедить остальных, даже если бы он того хотел. Наступление было неизбежным, как и последнее решающее сражение с индейцами в ходе восточной кампании.

Совет прервал дежурный, явившийся к генералу. Кто-то из местных хотел немедленно сообщить важную весть командующему. Заглянув через откинутую дверь палатки, Уильямс увидел испуганную белую женщину лет этак тридцати. В глазах ее стояли слезы отчаяния. Впоследствии он узнал, что это была дочь миссионера; она явилась в качестве парламентера от туземных индейцев, предлагавших белым мир. Ради того чтобы передать это предложение, она поспешила сюда, рискуя жизнью.

Увы, генерал отказался принять ее и так и не вышел из палатки, несмотря на все ее мольбы, и наконец приказал выпроводить ее из лагеря под конвоем, не зная и не желая знать о том, с чем же, собственно, она пришла сюда. Уильямс промолчал и на этот раз. Он отлично знал, что командующий подвергался сильному нажиму со стороны правительства и дал обещание очистить этот регион для хозяйственного освоения белыми. Война была неизбежной, поскольку верх взяли сторонники силового решения и их политические союзники. Им казалось, что недостаточно позволить поселенцам и туземным индейцам совместными усилиями создавать новую, пограничную, культуру. Нет, по их мнению, необходимо любой ценой создать новое будущее в интересах тех, кто способен установить стабильный мир и порядок. Они считали, что предоставить малому народу самому участвовать в решении своей судьбы опасно и совершенно недопустимо.

Уильямс понимал, что война на истребление была заветной мечтой железнодорожных и угольных магнатов, а также недавно возникших нефтяных компаний, стремившихся во что бы то ни стало обеспечить себе спокойное будущее. И единственное, что ему оставалось, — это держать язык за зубами и не мешать сильным мира сего. Так он и поступал, хотя внутренне противился этому, — в отличие от второго адъютанта генерала. Он сразу же вспомнил, что среди его коллег в палатке находился невысокий, слегка прихрамывавший офицер. Никто не знал, почему он вдруг стал прихрамывать. С ногой его все было в порядке. Он был ужасным подхалимом. Он знал о существовании тайных картелей, всегда восхищался ими и страшно хотел вступить в их ряды. Однако этим дело не ограничилось.

Этот человек, как и генерал и прочие сторонники войны, боялся туземных индейцев и хотел изгнать их с родных мест не только потому, что индейцы препятствовали активному экономическому освоению этих территорий, грозившему их землям опустошением и разорением. Эти люди опасались индейцев еще и потому, что те обладали некими пугающими и в то же время глубинными знаниями, известными лишь немногим старейшинам, знаниями, которые сквозили во всех аспектах их культуры, призывая агрессоров измениться и вспомнить другое Видение будущего.

Уильямс выяснил, что дочь миссионера устроила даже встречу великих колдунов-целителей в качестве последней попытки достичь согласия и найти слова для того, чтобы сформулировать исконные ценности и выразить свое Видение мира, так быстро и жестоко оборачивающегося против них. В глубине души Уильямс сознавал, что женщину просто необходимо было выслушать, но так и не проронил ни слова и не вмешался, когда генерал одним кивком головы отверг всякую возможность прийти к согласию и отдал приказ начинать сражение... Затем мы увидели, что поток воспоминаний увлек Уильямса в дебри густых лесов, на место битвы. Передовой отряд кавалерии внезапно перешел в атаку. Индейцы держали

оборону, атакуя кавалеристов-поселенцев с флангов. Недалеко от поля битвы, в скалах, прятались высокий мужчина и хрупкая женщина. Мужчина был молодым ученым, конгрессменом, оказавшимся здесь в качестве наблюдателя, весьма обеспокоенного опасным соседством с полем боя. Все шло совсем не так, как он ожидал. Его интересы были чисто экономическими, и он понятия не имел о таких жестокостях. Он приехал сюда, движимый убеждением, что белым и индейцам вовсе не обязательно воевать, что экономический подъем в регионе будет способствовать активному сближению и даже интеграции обеих культур.

Рядом с ним к камням припала молодая женщина, которую мы только что видели возле палатки командующего. Тогда она была вне себя от отчаяния. Она прекрасно сознавала, что ее усилия оказались бы вовсе не тщетными, если бы сильные мира сего послушали ее и сделали все возможное для предотвращения этой бойни. “Но я не оставлю борьбы до тех пор, — говорила она себе, — пока это насилие не прекратится”. Она то и дело повторяла:

— Этому можно помочь! Этому можно помочь!

Неожиданно прямо напротив них на склоне появились два всадника, преследовавших индейца. Сосредоточившись, я попытался разглядеть, кто это мог быть, и узнал в индейце сердитого вождя, явившегося мне в видении, когда я беседовал с Дэвидом в его палатке, — того самого вождя, который резко выступил против мирных предложений женщины. Вскоре я увидел, как вождь, быстро обернувшись, поднял лук и послал стрелу прямо в грудь одного из преследователей. Другой всадник, соскочив с коня, бросился на индейца. Завязалась жестокая битва, и в конце концов длинный нож солдата вонзился прямо в горло краснокожего. Из рваной раны рекой хлынула кровь.

Наблюдая за этой бойней, перепуганный экономист упрашивал женщину бежать вместе с ним, но она жестом велела ему замолчать и взять себя в руки. Тогда Уильямс впервые увидел за деревом старого индейца-целителя, черты которого упорно ускользали от его взора. А через минуту на склоне появился целый отряд кавалерии; солдаты вели беспорядочную пальбу. Их пули сразили и мужчину, и женщину. Та же участь постигла и старого индейца, с улыбкой взиравшего на происходящее вокруг.

Затем мысли Уильямса перенеслись на холм, возвышавшийся над полем битвы. На его вершине стоял незнакомец, наблюдавший за сражением. Он был одет в одеяние из оленьих шкур и вел под уздцы вьючного мула; по-видимому, это был горец. Отвернувшись, он начал спускаться с холма по противоположному склону, направляясь в сторону озерка и водопадов, и вскоре исчез из виду. Я был поражен этим зрелищем: жестокое сражение происходило здесь же, в священной долине, чуть южнее водопада.

Когда я опять взглянул на Уильямса, он был в ужасе от зрелища ужасного кровопролития. Теперь он понимал, что его бездействие во время войны с индейцами во многом обусловило обстоятельства и надежды его последующей жизни, но, как и прежде, не испытал духовного пробуждения. Теперь он вновь встретился с тем самым конгрессменом, погибшим в битве вместе с несчастной, женщиной, и вновь не смог вспомнить свою миссию. Уильямс намеревался встретиться с тем молодым ученым на вершине холма, под сенью старых раскидистых вязов; он надеялся, что там его друг достигнет пробуждения и отправится в долину на поиски шести близких душ, чтобы составить группу из семи посвященных. Собравшись вместе, эта группа должна была преодолеть страх.

При этой мысли он погрузился в воспоминания. Страх всегда был величайшим врагом человечества на всем протяжении его долгой и мучительной истории; казалось, он понимал, что современная культура человечества раздираема противоречиями, что дает ретроградам в нашу историческую эпоху последний шанс захватить власть и воспользоваться новейшими техническими достижениями в своих собственных целях.

Затем его стал обуревать ужас предсмертной агонии. Он понимал, что для группы из семи участников очень важно собраться вместе. Именно на таких группах и держится история человечества, и только когда их возникнет достаточно много и если они сумеют *осознать* причины страха, противоречия, разделяющие людей, исчезнут, а опыты в долине наконец прекратятся.

*** * ***

Постепенно приходя в себя, я заметил, что вновь очутился на прежнем месте, в потоке мягкого сияющего света. Видения, обуревавшие Уильямса, окончились, и вскоре он исчез вместе с остальными душами. Неожиданно я почувствовал, что некая сила отбросила меня назад и повергла в замешательство.

Справа от себя я заметил Уила.

—Что случилось? — растерянно спросил я. — Куда это он исчез, а?

—Пока что не знаю, — отозвался Уил.

—А что это творилось с ним?

—Ему был показан *Обзор Жизни.*

Я молча кивнул.

—Ты представляешь, что это такое? — спросил Уил.

—Пожалуй, да, — отозвался я. — Мне известно, что люди, пережившие опыт предсмертных состояний, часто рассказывают о том, что перед ними за какой-то миг промелькнула вся их прежняя жизнь. Ты это имел в виду?

Уил задумался.

—Да, но дело в том, что более глубокое осознание этого процесса обзора имеет огромное значение для всей человеческой культуры. Это составная часть более высокого уровня Видения, которую человеку дают знания, обретаемые в Посмертии. Опыт предсмертных состояний пережили многие тысячи людей, и благодаря их рассказам о своих ощущениях и переживаниях представление об обзоре жизни становится неотъемлемой частью наших расхожих воззрений. Да, мы знаем, что после смерти нам будет показана вся наша прежняя жизнь и мы будем горько скорбеть об упущенных возможностях и случаях, когда проявили постыдное бездействие. Осознание этого должно повлиять на нашу решимость следовать голосу интуиции и образам, возникающим в нашем сознании, и постоянно держать их в памяти. Сегодня мы живем более свободно. Поэтому мы не должны оставлять без внимания ни один сколько-нибудь важный эпизод. Мы не хотим, чтобы впоследствии нам пришлось вспоминать о нем и сожалеть, что не воспользовались им и не смогли найти верное решение.

Внезапно Уил сделал паузу и покачал головой, словно услышал что-то странное. В тот же миг я испытал странное ощущение в солнечном сплетении и услышал вдалеке тот же необъяснимый гул. А еще миг спустя странные звуки прекратились.

Уил огляделся. В ослепительно белом светящемся пространстве вокруг нас тут и там появились непонятные темно-серые полосы.

— Все, что происходит там, внизу, влияет и на это измерение! — проговорил он. — Не знаю даже, сможем ли мы вернуться к своему уровню вибраций.

Мы немного подождали; темные полосы почти исчезли, и вновь появился сплошной сияющий фон.

— Вспомни о предостережении относительно новых технологий, содержащемся в Девятом пророчестве, — добавил Уил, — и замечания Уильямса о том, что люди, одержимые страхом, пытаются взять эти достижения под свой контроль.

— А как же насчет *группы из семи душ,* вернувшейся обратно? — недоумевающе спросил я. — Как быть с теми видениями, которые явились Уильямсу в этой долине еще в девятнадцатом веке? Послушай, Уил, я ведь тоже их видел. Как по-твоему, что означают все эти видения?

Лицо Уила вновь стало более серьезным.

— Думаю, что нам всем предстоит увидеть нечто вроде этого. А еще мне кажется, что *ты* — один из этих семи.

В этот миг вновь послышался загадочный гул.

— Уильямс сказал, что мы прежде должны осознать причину своего страха, — продолжал Уил, — чтобы преодолеть его. Именно это и будет нашей следующей задачей; мы должны найти способ понять этот страх.

Не успел Уил закончить эту мысль, как все мое существо пронзил душераздирающий звук, отбросивший меня назад. Уил потянулся ко мне; лицо его странно исказилось и стало расплывчато-неясным. Я попытался было схватить его за руку, но он внезапно исчез, а я полетел куда-то вниз, в бездну, переливавшуюся всеми цветами радуги...

ПРЕОДОЛЕНИЕ СТРАХА

Стряхнув с себя странное оцепенение, я увидел, что по-прежнему сижу на берегу водопада. Мой рюкзак по-прежнему лежал внизу, под уступом скалы, на том самом месте, где я его оставил. Я хотел найти Уила, но его нигде не было. Что же с ним могло случиться? Куда он подевался?

Судя по моим часам, прошло меньше часа с тех пор, как мы с Уилом перенеслись в иное измерение. Стоило мне только подумать об этом, как меня вновь охватило чувство всепоглощающей любви, умиротворения и — покоя, не оставляющее меня до сих пор... И вот теперь все вокруг казалось мне мрачным и унылым.

Я устало поднялся и взвалил на плечи рюкзак. В душе у меня вновь зашевелился страх. Опасаясь, что слишком долго просидел на открытом месте, на скалах, я решил вернуться к холмам, лежавшим к югу от водопада, и хорошенько обдумать, что мне делать дальше. Миновав вершину первого холма и начав было спускаться по склону, я заметил невысокого мужчину лет пятидесяти, идущего слева от меня. У него были рыжие волосы и реденькая козлиная бородка; одет он был по-походному. Не успел я спрятаться, как он заметил меня и преградил мне путь.

Подойдя поближе, он осторожно улыбнулся и произнес:

— Прошу прощения. Боюсь, я немного заблудился. Не могли бы вы указать мне дорогу в город?

Я посоветовал ему отправиться на юг, к ручью, а затем держаться вдоль речки, которая и выведет его на запад, прямо к сторожке смотрителей.

Он облегченно вздохнул.

— Совсем недавно к востоку отсюда я встретил незнакомца, точнее сказать, незнакомку, которая рассказала мне, как выбраться на дорогу, но я, как видно, повернул не в ту сторону. А вы, случайно, идете не в город?

Пристально посмотрев на него, я, как мне показалось, сразу заметил в его душе сильную досаду и раздражение.

—Пожалуй, что нет, — отвечал я. — Я ищу подругу, которая должна находиться где-то в этих местах. А как выглядела незнакомка, которую вы встретили?

—Это была блондинка, глаза у нее так и сверкали, — отвечал он. — Она говорила очень быстро, так что имя ее я не запомнил. А как зовут ту, кого вы ищете?

—Чарлин Биллингс. Не припомните ли еще каких-либо примет незнакомки, которую вы видели?

—Вряд ли. Она что-то говорила о Национальном лес ном парке, и это навело меня на мысль, что она одна из тех исследователей, которые вечно суют свой нос куда не надо. Впрочем, не уверен. Она посоветовала мне поскорее выбраться из долины. А еще она сказала, что ей надо закончить здесь одно дело и тогда она тоже унесет ноги отсюда. Вероятно, она считала, что здесь творится что-то неладное, и поэтому всем якобы угрожает опасность. Впрочем, она держала себя очень скрытно. Знаете, я почти ничего не понял из того, о чем она говорила. — Тон его голоса ясно показывал, что он привык выражаться прямо, без обиняков.

Стараясь держаться как можно более любезно, я сказал:

— Очень похоже, что незнакомка, которую вы видели, — это и есть моя подруга. Кстати, а где именно вы ее встретили?

Он указал рукой на юг и добавил, что наткнулся на нее примерно в полумиле отсюда. Она была одна и направлялась на юго-восток.

— Пожалуй, я провожу вас до ручья, — проговорил я. Перекинув через плечо рюкзак, я зашагал рядом с незнакомцем вниз по склону холма, и пока мы спускались, он спросил:

—Если это и впрямь ваша подруга, как по-вашему, куда она могла пойти?

—Понятия не имею.

—Наверное, в какое-нибудь мистическое местечко, а? В поисках некой утопии, не так ли?

Я понял, что он провоцирует меня.

—Вполне возможно, — проговорил я. — А вы, как видно, не верите в реальность такой утопии?

—Разумеется, нет. Это же взгляды на уровне каменного века. Наивное убожество.

Я покосился на него; усталость с новой силой навалилась на меня, вынуждая закончить этот разговор.

— Думаю, что на сей счет возможно и другое мнение. Он только рассмеялся в ответ:

—Да нет, вряд ли. Никакая утопия в этом мире в принципе невозможна. Все, буквально все день ото дня идет все хуже и хуже. Экономика давно вышла из-под контроля, и рано или поздно это закончится крахом.

—Почему вы так считаете?

—Все дело в демографии. Почти на всем протяжении двадцатого века в странах Запада существовал очень широкий средний класс, тот самый класс, который служил гарантом стабильности и порядка и свято верил в то, что существующая экономическая система способна работать везде и всюду.

Однако сегодня эта вера начинает рушиться. Следы этого можно заметить повсюду. В наши дни в эффективность такой системы верят очень немногие; еще меньше людей готовы играть по ее правилам. Дело в том, что средний класс резко сокращается. Технический прогресс привел к обесценению ручного труда и разделил человеческую цивилизацию на две неравные группы: имущих и неимущих, то есть тех, кто обладает капиталом и собственностью в сфере экономики, и тех, кто выполняет роль служащих, наемных работников. А если вспомнить о крахе системы образования, серьезность этой проблемы станет совершенно очевидной.

—Звучит достаточно цинично, — заметил я.

—Зато реалистично. Это же чистая правда. Для большинства людей все более и более сложной становится сама проблема выживания. Вам знакомы результаты изучения стрессов? Напряжение достигло пика. Никто не может чувствовать себя уверенно, но самое худшее еще впереди. Население планеты быстро увеличивается, и по мере развития новейших технологий пропасть, отделяющая образованных от необразованных, все более увеличивается; имущие все больше и больше берут под свой контроль глобальную экономику, а среди неимущих все большее распространение получают наркомания и преступность.

—А как по-вашему, — продолжал он, — что творится в развивающихся странах? Большая часть государств Среднего Востока и Африки уже находится в руках религиозных фундаменталистов, целью которых является разрушение организованной цивилизации, представляющей собой, по их мнению, империю сатаны. Они стремятся заменить ее некой искаженной теократией, религиозные лидеры которой обладают неограниченной властью; они имеют право приговаривать к смерти всех, кого они сочтут еретиками, и это относится к любой точке мира.

Трудно представить, что за люди способны смириться с этим мракобесием под личиной духовности? Однако число их возрастает с каждым днем. Так, например, в Китае до сего дня сохраняется практика умерщвления новорожденных девочек. В это трудно поверить, не правда ли?

Уверяю вас: закон, порядок и уважение к человеческой жизни пребывают в полнейшем пренебрежении. Мир быстро скатывается к примитивным нравам, определяемым завистью и

местью, во главе народов оказываются фанатики и шарлатаны, и остановить этот процесс уже, видимо, слишком поздно. Но знаете что? Самое поразительное, что это никого не волнует. Никого! Политики упорно не желают действовать. Они заботятся только о своем личном авторитете и положении и о том, как сохранить их. Мир меняется слишком быстро. За этими переменами просто невозможно поспеть, и единственное, что можно сделать, — хвататься за первую попавшуюся задачу и решать ее, пока еще не поздно. Такие настроения охватили всю нашу цивилизацию в целом и каждый его класс в частности... — При этих словах он перевел дух и посмотрел на меня.

Я остановился на вершине одного из холмов, чтобы полюбоваться закатом, и наши глаза встретились. Казалось, он понял, что его тирада несколько утомила меня, и в ту же минуту он показался мне странно знакомым. Я представился; в ответ он тоже назвал свое имя. Его звали Джоэл Лакомб. Мы обменялись долгими взглядами, но я не заметил в его поведении ничего, что говорило бы о том, что он тоже узнал меня. Но почему мы встретились с ним именно здесь, в долине?

Как только в моем сознании возник этот вопрос, во мне сразу же созрел ответ на него. Он — воплощенное Видение страха, о котором упоминал Уильямс. Я ощутил нервный озноб. Выходит, это должно было случиться.

Я смерил его серьезным, сосредоточенным взглядом:

— И что же, вы полагаете, что все действительно обстоит так скверно?

— Да, разумеется, — отозвался он. — Я — журналист, и в нашей профессии это чувствуется особенно остро. Раньше мы хотя бы старались придерживаться неких норм, условностей, если угодно. Сегодня этого нет и в помине. Всюду царят нажива и погоня за сенсациями. Никто не заботится о выяснении истинных причин событий, об объективном их изложении. Журналистов интересуют только дрязги, самые невероятные слухи и грязь; чем больше, тем лучше.

Даже если какое-нибудь конкретное обвинение имеет вполне логическое объяснение, они растрезвонят о нем всюду; они ведь пользуются поистине громадным влиянием. В мире, где буквально все разочарованы и обезумели, непродажность кажется чем-то совершенно невероятным. Очень жаль, что журналистика такого рода процветала и будет процветать. При виде всех этих мерзостей молодой журналист поневоле думает, что для того чтобы выжить в таких условиях, он тоже должен принимать правила игры. Если же он не сделает этого, кажется ему, его отшвырнут прочь и растопчут. Именно поэтому все так называемые журналистские расследования являются заведомо лживыми. И так происходит постоянно...

Мы двинулись на юг и начали спускаться по каменистому склону.

— Другие профессии находятся в таком же положении, — продолжал Джоэл. — Возможно, а что творится в среде присяжных поверенных и адвокатов? Быть может, прежде и вправду существовали времена, когда быть юристом значило немало, когда все участники процесса пользовались всеобщим уважением за свою справедливость и честность. Прежде, но не теперь. Вспомните хотя бы на шумевшие показательные суды, транслировавшиеся по телевидению. Адвокаты намеренно делают все, что в их силах, чтобы сбить суд с толку, пытаясь заставить судей поверить в самые нелепые и вздорные версии, которые невозможно доказать — версии заведомо ложные, и присяжные отлично понимают это! — чтобы выгородить своих подзащитных. А другие юристы отзываются об этом так, словно такие действия допустимы и даже вполне законны, а потому совершенно оправданы при нашем законодательстве, увы, столь далеком от совершенства.

По нашим законам, давать правдивые показания — долг каждого. Точно так же и адвокаты призваны поступать по справедливости и чести, а не пытаться искажать истину и обманывать суд ради того, чтобы любой ценой спасти своих клиентов от наказания. Благодаря телевидению мы по крайней мере смогли воочию наблюдать эту порочную практику и то, что она собой представляет. А представляет она банальное стремление части адвокатов выиграть процесс и поднять свою репутацию, чтобы брать с клиентов более высокие гонорары.

Причиной тому — их убежденность, что никого это все не волнует и никакого наказания не последует. И во всем остальном творится то же самое.

Мы всегда срезаем углы, стремясь сразу же получить максимальную прибыль, вместо того чтобы планировать доходы в длительной перспективе, потому что в глубине души осознанно или бессознательно не верим, что наш бизнес будет успешным хоть сколько-нибудь длительное время. Мы продолжаем действовать так, несмотря на то, что тем самым подрываем доверие к себе со стороны партнеров, заботясь лишь о собственных интересах за счет других.

Очень скоро все те хрупкие принципы и условности, на которых держится наша цивилизация, окончательно рухнут. Подумайте только, что нас ждет, когда уровень безработицы в крупнейших городах поднимется выше критической черты. Преступность уже сегодня практически вышла из-под контроля. Полицейские не желают рисковать собственной жизнью ради людей, которым нет дела ни до чего. С какой стати они должны дважды в неделю вертеться как на сковородке перед какими-то там юристами, которых вовсе не волнует выяснение истины, или, что еще хуже, корчиться от ран и проливать собственную кровь в какой-нибудь темной аллее, когда никому до этого нет никакого дела? Куда лучше избрать другой путь и отслужить свои двадцать лет, ни во что не вмешиваясь и не чураясь иной раз и взяток. И так везде и во всем. Что же может положить этому конец?..

Он немного помолчал, а я на ходу мельком взглянул на него.

— Видимо, вы полагаете, что для изменения картины в целом необходимо некое духовное возрождение? — наконец спросил он.

—Да, хотелось бы надеяться.

Перешагнув через поваленное дерево, Джоэл подошел вплотную ко мне.

— Послушайте, — продолжал он, — некогда я тоже отдал дань всем этим духовным исканиям, идеям о миссии и предопределении и даже пророчествам. Мне удалось подметить в своей жизни весьма любопытные совпадения. Но затем я решил, что все это чушь и бред. Человеческое воображение способно представить себе все, что угодно; мы поступаем так, даже не замечая этого. Стоит только вспомнить об этом, как все эти разговоры о духовности кажутся пустой риторикой.

Я задумался, пытаясь найти убедительное возражение, но затем передумал. Интуиция подсказала мне, что прежде я должен выслушать его.

— Мм-да, — отозвался я. — Я тоже слышал нечто подобное.

— Взять хотя бы разговоры об этой долине, которые мне доводилось слышать, — продолжал Джоэл. — Боже мой, сколько я наслушался всякой чепухи. А ведь в этой долине растут точно такие же деревья и кусты, как и в тысячах подобных ей долин. — Он остановился и положил ладонь на ствол дерева, мимо которого мы проходили. — Вы думаете, этот национальный парк уцелеет, не так ли? Забудьте о нем. При тех темпах, с которыми человечество загрязняет океаны и перенасыщает древние экосистемы всевозможными рукотворными канцерогенными веществами, бездумно расходуя бумагу и прочие продукты переработки дерева, эта долина, как и вся наша планета, очень скоро превратится в громадную мусорную свалку. По сути, о деревьях никто не заботится. Как по-вашему, неужели правительство откажется от прокладки дорог в этих местах за счет налогоплательщиков и продажи древесины по ценам ниже рыночных? Или решит обменять эти прекрасные земли на какие-нибудь заброшенные пустыри только для того, чтобы порадовать строителей?

Вы, вероятно, думаете, что здесь, в этой долине, происходит нечто таинственное, мистическое. Почему бы и нет? Наверное, все охотно согласились бы, чтобы в мире присутствовало что-то загадочное, особенно если вспомнить, что уровень жизни постоянно снижается. Но ведь на самом деле в жизни нет никакой эзотерики. Мы те же животные, то есть существа достаточно смелые и несчастные, чтобы понимать, что и живем, и умираем без всякой видимой цели. Конечно, мы можем утверждать, будто она нам известна, можем желать все, что угодно, но главный факт нашего бытия остается фактом: эта цель нам неведома. Я взглянул на него:

— Значит, вы не верите в духовное начало бытия? В ответ он только засмеялся.

— Если Бог действительно существует, то он самое жестокое чудовище из всех Своих тварей. Невозможно допустить, чтобы в нашей жизни проявлялась некая духовная реальность! Разве такое возможно? Вы только взгляните на этот мир. Каким чудовищем должен быть Бог, сотворивший столь мрачное место, где дети в мучениях умирают от страшных землетрясений, бессмысленных преступлений и *голода,* в то время как рестораны ежедневно выбрасывают на свалку тонны первоклассных продуктов?!

— Хотя, — в раздумье продолжал Джоэл, — наверное, все идет так, как задумано. Видимо, это тоже входит в планы Творца. Быть может, ученые, предрекающие наступление *последних времен,* правы. Они уверены, что жизнь и история — это всего лишь испытание веры, цель которого — выяснить, кто достоин спасения и жизни вечной, а кто — нет; что все происходящее суть некий Божественный план уничтожения цивилизации ради того, чтобы отделить верных от грешников. — При этих словах он попытался было улыбнуться, но улыбка лишь скользнула по его лицу, и он вновь погрузился в мрачные мысли.

Наконец он прибавил шагу, чтобы поспевать за мной. Мы вновь оказались на просторном лугу, и я даже заметил “воронье дерево”, высившееся примерно в четверти мили от нас.

—А вам известно, что эти провозвестники последних времен действительно верят, что именно так все и происходит? — спросил Джоэл. — Несколько лет назад я специально изучал этот вопрос; и выводы оказались просто поразительными.

—В самом деле? — откликнулся я, кивком предлагая ему продолжать.

— Знаете, они изучают всевозможные пророчества, разбросанные по страницам Библии, и особенно в знаменитом Апокалипсисе, Откровении Иоанна Богослова. Так вот, они убеждены, что мы живем в *последние времена,* в эпоху исполнения всех древних пророчеств. Особенно рьяно они утверждают вот что: история человечества уже достигла грани, когда вот-вот совершится Второе пришествие Христа и царствие небесное будет явлено на Земле. Но прежде чем все это свершится, человечество должно пройти через кровавые войны, опустошительные природные катастрофы и прочие апокалиптические события, предсказанные в Священном Писании. Эти люди знают все пророчества наизусть и пристально следят за всем происходящим в нашем мире, ожидая исполнения очередного пророчества.

—И что же теперь на повестке дня? — с волнением спросил я.

—Заключение мира на Ближнем Востоке, что должно позволить воздвигнуть храм Яхве в Иерусалиме. Вскоре после этого, согласно их убеждению, начнется массовое восхождение истинно верных на небеса, и все праведники, кем бы они ни были, будут взяты с лица Земли и вознесутся живыми на небо.

Я остановился от неожиданности и покосился на него.

—Значит, они верят, что эти праведники вдруг начнут исчезать?

—Да, конечно, ведь так сказано в Библии. После этого начнутся страшные бедствия, которые продлятся семь лет, в течение которых на тех, кто еще останется на Земле, обрушатся все силы ада. Несчастья будут поистине неописуемыми: невиданные землетрясения окончательно уничтожат экономику, уровень океана резко поднимется, и воды затопят многие и многие города, а разбой и грабежи покончат со всем остальным. И тогда, вероятнее всего в Европе, появится некий политик, который предложит план выправления этого катастрофического положения — разумеется, в том случае, если ему будет предоставлена абсолютная верховная власть. Одним из рычагов этой власти станет централизованная электронная система управления экономикой, которая будет координировать деловую активность практически во всех регионах мира. Но для того чтобы включиться в эту систему и воспользоваться всеми ее преимуществами, каждый человек должен будет выразить лояльность ее главе и позволить вживить себе в руку микрочип, через посредство которого и будет осуществляться контроль за всеми сделками.

Этот новоявленный Антихрист прежде всего защитит Израиль и укрепит мирный договор, а вскоре после этого развяжет мировую войну, в которую окажутся втянутыми страны исламского мира, Россия и даже Китай. Согласно пророчеству, как только Израиль

окажется на грани гибели, явятся ангелы Божьи и одержат решающую победу, после чего на Земле будет установлена некая духовная утопия, которая продлится тысячу лет. — Джоэл кашлянул и выразительно посмотрел на меня. — Зайдите в какой-нибудь магазин духовной литературы и взгляните на его полки: там полным-полно толкований и объяснений к этим пророчествам, и число таких толкований постоянно растет...

— Вы что же, считаете, что эти ученые-апокалиптики правы? — удивленно спросил я.

Он отрицательно покачал головой:

— Не думаю. Единственное пророчество, неизменно сбывающееся в этом мире, — сетования на скупость и испорченность человека. Разумеется, какой-нибудь диктатор вполне может прийти к власти, но причиной этого будет разве что его умение воспользоваться хаосом, и не более того.

—И вы думаете, что такое действительно может случиться?

—Кто знает... Но я хотел бы сказать вот что. Если распад среднего класса будет продолжаться и дальше, бедные станут еще беднее, а мегаполисы, вбирающие в себя все новые и новые пригороды, захлестнет невиданная волна преступности, и в довершение всех этих бедствий произойдет, ну, скажем, серия грандиозных природных катастроф, после чего мировая экономика окончательно рухнет, на улицы выплеснутся банды голодных мародеров, которые примутся грабить массы, сея ужас и панику. И если перед лицом всех этих кошмаров появится человек, предлагающий путь к спасению и выправлению ситуации за счет ограничения некоторых гражданских свобод, я не сомневаюсь, что большинство из нас согласятся с ним.

Мы остановились и выпили немного воды из моей дорожной фляжки. До “вороньего” дерева оставалось каких-нибудь пятьдесят ярдов.

В этот момент я вздрогнул: где-то вдалеке опять послышался едва различимый диссонанс, гул.

Джоэл, прищурившись, произнес:

— Вы что-нибудь слышите? Обернувшись к нему, я отвечал:

—Да, какой-то странный гул непонятного происхождения. Думаю, здесь, в долине, проводятся какие-нибудь эксперименты...

—Что это за эксперименты? Кто их проводит? И почему я ничего не слышу?

Я начал было объяснять ему, что это может быть, но тут нас прервал другой странный звук. Мы вздрогнули и прислушались.

— Должно быть, автомобиль, — проговорил я.

На западе показались два серых джипа, направлявшихся прямо к нам. Мы бросились к зарослям высокой эрики (эрика — разновидность вереска) и едва успели укрыться за ними, как джипы пронеслись в какой-нибудь сотне ярдов от нас, держа курс на юго-восток по той же самой дороге, по которой недавно промчался тот первый джип.

—Мне это не нравится, — проговорил Джоэл. — Кто же это мог быть?

—Да, они явно не лесная инспекция и не из тех служб, которые можно было бы ожидать встретить в этих местах. Думаю, это люди, имеющие какое-то отношение к экспериментам.

Вид у него был испуганный.

—Если хотите, — отозвался я, — можете вернуться отсюда в город. Ступайте вдоль окраины луга строго на юго-запад. Там примерно через три четверти мили вы увидите ручей, который и выведет вас на запад, прямо к городу. Я думаю, вы вполне успеете вернуться туда до сумерек.

—А вы не пойдете? — осведомился Джоэл.

—Пойду, но не сейчас. Мой путь лежит прямо на юг, к ручью, где я надеюсь встретить подругу.

Джоэл в раздумье потер лоб.

—Видно, эти ребята не хотят, чтобы об их экспериментах узнала лесная инспекция.

—Думаю, да.

—А как по-вашему, что это может быть, а? Наверное, что-нибудь грандиозное, верно?

Я ничего не ответил; по спине у меня забегали мурашки..

Джоэл тем временем опять прислушался, а затем, прибавив шагу, побрел в сторону города. Оглянувшись на ходу, он покачал головой.

Я наблюдал за ним до тех пор, пока он не пересек луг и не скрылся из виду на противоположной его стороне. Затем я поспешно двинулся на юг с мыслью о Чарлин. Интересно, чем она сейчас занята? Куда направляется? Я не мог найти ответа на эти вопросы.

Прибавив шагу, я за каких-нибудь полчаса добрался до ручья. Солнце уже опустилось за непроглядную полосу облаков на западной окраине горизонта, и первые сумерки окрасили лесные дали в таинственно-серые тона. Я был весь в грязи, страшно устал, отлично сознавая, что долгий разговор с Джоэлом и появление этих злосчастных джипов весьма негативно повлияли на меня. Быть может, у меня есть все основания сообщить о них в полицию; быть может, поступив так, я окажу Чарлин наиболее действенную помощь... Эти и другие подобные мысли мелькали у меня в голове, и при всех вариантах мне следовало возвратиться в город.

Поскольку лес по обоим берегам ручья был довольно редким, я решил переправиться через ручей вброд и углубиться в густые заросли на том берегу, хотя и знал, что эти земли — частное владение.

Предаваясь раздумьям, я внезапно остановился, услышав рокот мотора еще одного джипа, а затем припустился бегом. Футах в пятидесяти от меня как из-под земли появились огромные валуны и камни высотой добрых двадцать футов. Быстро вскарабкавшись по ним, я поднялся на самый верх и прибавил шагу, а затем взобрался на груду камней, собравшись перебраться по ним на другую сторону. Но как только я поставил ногу на самый верхний камень, громадный валун неожиданно подался вперед, нога моя скользнула по нему, и вся груда камней пришла в движение. Падая, я ударился бедром и очутился в небольшом овражке, а весь камнепад рухнул на то самое место, где только что стоял я. Некоторые из валунов, диаметром два или три фута, покатились прямо на меня, грозя неминуемо раздавить мне грудь. Я едва успел перевернуться на левый бок и убрать руки. Увы, я прекрасно понимал, что самому мне отсюда не выбраться...

Затем краешком глаза я заметил расплывчатый белый силуэт, двигавшийся прямо передо мной. В тот же миг я странным образом осознал, что огромные каменные валуны мне не опасны. Зажмурившись, я услышал, как они грохочут слева и справа от меня. Осторожно приоткрыв глаза, я закашлялся от пыли, отряхивая с лица грязь и осколки камней. Валуны лежали совсем близко от меня. Как могло случиться, что они миновали меня? И что это за белый силуэт явился мне?

Внимательно оглядевшись, я обратил внимание, что за одним из валунов кто-то движется. Маленький детеныш рыси кубарем подкатился ко мне и с любопытством заглянул мне в глаза. Я знал, что он вполне мог броситься наутек, однако он отчего-то медлил, разглядывая меня.

Наконец шум мотора приближающейся машины спугнул рысь, и, она метнулась в сторону леса. Мигом вскочив на ноги, я кинулся было к валуну, спеша укрыться за ним. Острая боль в ступне пронзила всю мою левую ногу, и, со стоном упав на бок, я преодолел последнюю пару ярдов ползком. Спрятавшись за огромным раскидистым дубом, я видел, как еще один автомобиль, мчавшийся вдоль ручья, сбавил скорость на несколько минут, а затем опять прибавил газу, держа курс на юго-восток..

Сердце так и запрыгало у меня в груди. Сев, я снял ботинок, чтобы осмотреть лодыжку. Увы, она уже начала припухать. “Отчего бы это?” — подумал я. Приподнявшись немного, чтобы вытянуть ногу, я заметил футах в тридцати от себя какую-то странную женщину, не сводящую с меня глаз. Я похолодел: она направилась прямо ко мне.

— С вами все в порядке? — спросила она; голос ее звучал мягко и в то же время настороженно.

Это была высокая темнокожая женщина лет сорока; на ней были свободное платье и теннисные кроссовки. Пряди ее темных волос были собраны в “конский хвост” и кокетливо покачивались на висках. В руке она держала небольшую походную сумку.

—Я присела отдохнуть поблизости и видела, как вы упали с камней, — проговорила она. — Я — врач. Вы позволите мне осмотреть ногу?

—С большой охотой, — пробормотал я, не в силах поверить в столь невероятное совпадение.

Опустившись на колени передо мной, она осторожно потрогала мою ногу, а затем бросила взгляд на валуны и овраг.

— Вы пришли сюда один?

Я вкратце, не вдаваясь в прочие подробности, рассказал ей, что ищу Чарлин. Она ответила, что не встречала ее. Разговорившись, она представилась, сказав, что ее зовут Майя Пондер, и я почувствовал, что она говорит искренне и заслуживает доверия. Тогда я тоже назвал ей свое имя и рассказал, кто я и откуда.

Когда я умолк, она отозвалась:

— А я из Эшвилла, хотя здесь, в нескольких милях отсюда, у меня есть свой медицинский центр, который я возглавляю вместе со своим партнером. Нам принадлежат также сорок акров земли в долине; это участок, граничащий с Национальным лесным парком. — Она указала рукой на окрестные земли. — А другие сорок акров наших земель находятся на границе южной окраины долины.

Развязав рюкзак, я достал из него свою походную фляжку.

—Не хотите ли глоток воды? — предложил я.

— О нет, благодарю, у меня тоже есть, — отозвалась Майя Пондер.

Взяв сумку, она достала из нее фляжку и отвернула крышечку. Но вместо того чтобы отпить из нее, она смочила водой чистый платок и перевязала мне ногу, так что я даже поморщился от боли.

В конце концов Майя произнесла:

— Да, у вас явно растяжение связок на лодыжке.

— Это серьезно? — встревоженно спросил я. Она помедлила.

— А как вы себя чувствуете? — Даже не знаю. Позвольте, я попробую встать и сделать шаг.

Я попытался было подняться, но Майя удержала меня.

—Подождите минутку, — произнесла она. — Прежде чем попытаться встать на ногу, проанализируйте свое самочувствие. Как по-вашему, насколько серьезна ваша травма?

—Что вы хотите этим сказать?

— Я имею в виду, что продолжительность излечения очень часто зависит от того, что об этом думаете вы, то есть пострадавший, а не я, врач.

Я внимательно оглядел злополучную лодыжку.

— Мне кажется, дело обстоит неважно. Если так оно и есть, мне придется вернуться в город, хотя я пока не представляю, как мне добраться туда.

— И что дальше?

— Еще не знаю, — отвечал я. — Если смогу идти, то отправлюсь дальше на поиски Чарлин.

—А вы не думали, почему с вами это случилось?

—Нет еще. А какое это имеет значение?

—Дело в том, что ваше собственное осознание того, почему вас постигла та или иная неприятность или болезнь, очень часто оказывает заметное влияние на исцеление.

Я пристально посмотрел на нее, прекрасно сознавая всю сложность ситуации. С одной стороны, я понимал, что сейчас не самое подходящее время для такого разговора. Видимо, я проявил излишнюю самонадеянность. Хотя гул прекратился, у меня были все основания полагать, что таинственный эксперимент по-прежнему продолжается. Все это выглядело

весьма опасным, и к тому же уже стало почти совсем темно... а Чарлин, вполне возможно, угрожает неведомая грозная опасность.

Кроме того, я испытывал странное чувство вины перед Майей. Я не мог понять, чем оно было вызвано. В растерянности я попытался подавить излишние эмоции.

— Вы говорите, что вы врач. И по какой же специальности? — наконец проговорил я, отпив глоток-другой воды.

В ответ она улыбнулась, и я впервые заметил, что энергетика явно поднялась. Видимо, Майя решила, что я заслуживаю доверия.

— Если позволите, я расскажу, какой именно медицинской практикой я занимаюсь, — начала она. — Медицина в наши дни меняется, и меняется очень быстро. Мы более не рассматриваем тело человека как некую машину, отдельные детали которой со временем приходят в негодность и их необходимо ремонтировать или заменять. Мы начинаем понимать, что телесное здоровье в решающей степени определяется процессом мышления — нашими взглядами на жизнь и особенно на самих себя, реализуемыми на сознательном и на бессознательном уровне.

Все это радикальный сдвиг. Согласно старым взглядам, врач был и знатоком, и целителем, а пациент — пассивным объектом лечения, которому оставалось лишь надеяться, что доктор знает ответ на любые вопросы. Однако теперь мы выяснили, что внутренний настрой пациента имеет поистине решающее значение. Ключевым фактором здесь являются страх и стресс, а также то, как нам удается преодолеть их. Иногда страх бывает осознанным, но очень часто мы полностью подавляем его, загоняя в подсознание.

Этот ведь так лихо, так здорово: отрицать ту или иную проблему, перешагнуть через нее, бравируя своим геройством. Если мы выберем этот путь, страх будет продолжать пожирать нас на бессознательном уровне. Для сохранения телесного здоровья очень важен выбор позитивного настроя, но дело в том, что мы должны сделать этот выбор абсолютно сознательно, руководствуясь любовью, а не бравадой. Лишь тогда наш настрой окажется наиболее действенным. Я просто убеждена, что наши невысказанные страхи создают своего рода преграды, если угодно — пробки для потока энергии, а именно эти преграды и вызывают всевозможные проблемы. Страхи особенно сильно мучают нас до тех пор, пока мы не уясним себе их существо. Последний этап на этом пути — проблемы со здоровьем. В идеале эти “пробки” надо устранить как можно раньше, пока болезнь еще не успела развиться.

—Так вы считаете, что можно предотвратить или излечить любую болезнь?

—Да, я убеждена, что продолжительность жизни и в будущем может быть разной: это, видимо, зависит от воли Творца, но мы вовсе не обязаны болеть и становиться жертвами всевозможных несчастных случаев.

—Выходит, вы полагаете, что это относится и к случаю со мной, и ко всем вообще болезням, верно?

Майя улыбнулась:

— Да, в значительной степени. Я смутился:

—Видите ли, мне кажется, что сейчас не самое под ходящее время для такой беседы. Меня очень беспокоит судьба моей подруги. Я просто обязан что-то предпринять!

—Понимаю, но чутье подсказывает мне, что эта беседа будет недолгой. Если вы уйдете, оставив мои слова без внимания, вы можете упустить внутренний смысл того, что представляется явно неслучайным совпадением. — Она взглянула на меня, пытаясь понять, догадался ли я, что она намекает на Манускрипт.

—Так вам тоже известно о пророчествах? — удивленно спросил я.

Она кивнула.

—Тогда скажите, что я, по-вашему, сделал не так?

—Ладно. Методика, с успехом применяемая мной, заключается в следующем: прежде всего давайте попытаемся вспомнить, какого рода мысли занимали вас перед этим злосчастным эпизодом, в вашем случае — растяжением. О чем именно вы думали? Какого рода страхи обуревали вас?

На мгновение я задумался, а затем проговорил:

—Я испытывал сильное беспокойство. Ситуация, сложившаяся здесь, в долине, оказалась куда более мрачной, чем я ожидал. Я не чувствовал в себе сил справиться с ней. С другой стороны, я отлично сознавал, что Чарлин может нуждаться в моей помощи. Я пребывал в растерянности и не знал, как мне быть дальше.

—И не нашли ничего лучше, как получить растяжение связок?

Я обернулся к ней.

—Уж не хотите ли вы сказать, что я, не в силах принять решение, стал этаким дезертиром, покалечившим себя? Не кажется ли вам, что вы слишком упрощаете?

—По-вашему — вполне возможно, а по-моему — нет. К тому же самое важное — не тратить время на объяснения и оправдания. Пойдем дальше. Попытайтесь вспомнить как можно подробнее о том, следствием чего могла стать ваша травма. Проверьте себя.

— И как это должно выглядеть?

— Вам надо расслабиться, успокоится и получить необходимую информацию.

— На уровне интуиции?

— И на уровне интуиции, и в молитвенном обращении. Главное — чувствовать сам процесс.

Я вновь внутренне воспротивился этому, сомневаясь, смогу ли я расслабиться и очистить сознание. Наконец я все же закрыл глаза, и на миг поток мыслей как бы прервался, но затем на меня нахлынули воспоминания об Уиле и всех событиях прошедшего дня. Постаравшись избавиться от них, я опять очистил сознание... Вскоре я увидел себя со стороны: мне — десять лет, и я пытаюсь уклониться от участия в футбольном матче, прекрасно понимая, что могу получить травму. “Верно, так оно и было!” — подумал я. Я умел ловко уклоняться от столкновений, чтобы не получить травму. И как только я забыл об этом! При этой мысли я сразу же вспомнил, что впоследствии у меня часто случались растяжения связок на лодыжке, происходившие в самых неожиданных ситуациях. Не успел я осмыслить это воспоминание, как в моем мозгу всплыла другая туманная картина: я увидел, как дерзко и самоуверенно вхожу в какую-то темную комнату, но тут внезапно раздается скрип двери, и я в ужасе бросаюсь прочь.

Открыв глаза, я пристально посмотрел на Майю.

— Наверное, со мной что-то случилось.

Затем я поделился с ней своими детскими воспоминаниями, но второе из этих видений показалось мне не заслуживающим внимания, и я не упомянул о нем.

Помолчав немного, Майя спросила:

—Ну, что вы об этом думаете?

—Даже не знаю; на мой взгляд, растяжение — это чистая случайность. Трудно представить, чтобы этот злосчастный случай явился следствием попытки уклониться от опасной ситуации. К тому же я много раз оказывался в куда более трудных ситуациях, а никакого растяжения связок не получал. И почему только это случилось?

Моя собеседница задумалась.

— Кто знает... Быть может, именно теперь пришло время проанализировать свои привычки. Несчастные случаи, болезни, исцеления — все эти явления носят куда более таинственный характер, чем это обычно принято полагать. Я убеждена, что мы обладаем некой пока что неведомой способностью влиять на все, что должно произойти с нами в будущем, в том числе и на собственное здоровье, хотя опять-таки все зависит от индивидуальности, личных качеств пациента.

Видите ли, я не случайно не стала высказывать свое мнение о том, насколько серьезна полученная вами травма. Мы, медики, отлично знаем, что следует быть очень осторожными с диагнозами и выводами. На протяжении многих лет публика привыкла относиться к врачам с особым почтением, и если уж доктор что-то сказал, пациенты склонны принимать его замечания слишком близко к сердцу, как непреложную истину. Сельские врачи прекрасно понимали это еще несколько веков зад и очень часто использовали этот принцип, неизменно

рисуя как можно более оптимистичную картину в самых тяжелых ситуациях. Если врач заявлял, что больной пойдет на поправку, пациенты очень часто, проникнувшись верой в исцеление, действительно выздоравливали вопреки всему. Однако в последние годы возобладали псевдоэтические соображения, запрещающие обманывать пациентов, и общество столкнулось с тем, что больного стали знакомить с холодной научной оценкой его состояния.

К сожалению, когда это было разрешено, некоторые пациенты, услышав, что болезнь их неизлечима, падали мертвыми прямо у нас на глазах. Теперь мы понимаем, что следует быть очень осторожными с такими оценками, ибо они не учитывают огромную роль нашей воли и самовнушения. Мы стремимся направить эту могучую силу в позитивное русло. Наш организм способен поистине творить чудеса, буквально возрождаясь заново. Органы и члены, считавшиеся прежде некими застывшими “деталями механизма”, на самом деле представляют собой энергетические системы, способные постоянно меняться. Кстати, вы не читали о результатах новейших исследований действия молитв? Тот факт, что эффективность этого способа духовного созерцания получила научное подтверждение, полностью опровергает устаревшие материальные принципы лечения. Нам предстоит разработать некие новые основы медицины. — Она сделала паузу, опять смочив водой платок, которым была перевязана моя лодыжка, а затем продолжала: — Я убеждена, что первым шагом в этом направлении должно стать осознание страха, этого неизбежного спутника любой медицинской проблемы. Это высвободит громадную энергию организма и откроет путь к осознанному исцелению. Следующий этап — умение максимально концентрировать энергию и направлять ее на так называемую пробку.

Я хотел было спросить, как можно научиться всему этому, но она жестом остановила меня.

— Пойдем дальше. Постарайтесь максимально повысить свою энергетику.

Решив послушаться ее, я настроился на созерцание красоты, разлитой вокруг, сосредоточившись на духовной связи с ней и ощущая, как во мне пробуждается возвышающее душу чувство любви ко всему сущему. Постепенно цвета вокруг стали все более и более яркими, и все в моем сознании обрело некий новый смысл. Я заметил, что и у моей собеседницы тоже явно повысилась энергетика.

Ощутив, что мой уровень вибраций достиг едва ли не максимума, я посмотрел на Майю. Она только улыбнулась в ответ.

— Ну вот, а теперь давайте сконцентрируем энергию на пробке.

— А как это делается? — полюбопытствовал я.

— Вы испытываете боль. Она нужна затем, чтобы вы могли сосредоточиться на ней.

— Как это? Может быть, вы знаете, как поскорее от нее избавиться?

— К сожалению, все так думают, но на самом деле боль — это своего рода сигнал.

—Сигнал?

—Да, именно, — отвечала она, осторожно надавливая на разные точки на моей ноге. — Ну, что вы чувствуете теперь?

— Тупую пульсирующую боль. В общем, вполне терпимо.

Майя сняла с ноги повязку.

—А теперь сосредоточьтесь на этой боли и попытайтесь ощутить ее как можно полнее. Определите, откуда именно она исходит.

— Да я и так знаю. У меня болит лодыжка.

— Да, разумеется, но лодыжка достаточно большая. Откуда именно она исходит?

Я сосредоточился на чувстве боли. Да, Майя оказалась права: я явно преувеличивал, говоря, что болит вся лодыжка. Стоило мне вытянуть ногу и поднять ступню мыском вверх, я убедился, что очаг боли находится в верхней левой части связок, на глубине около дюйма.

— Ну вот, — проговорил я, — я нашел это место.

— Отлично. А теперь сосредоточьте на нем все свое внимание. Пусть все ваше существо сконцентрируется на нем.

В последующие несколько минут я не проронил ни слова. Все мое внимание было полностью сосредоточено именно на этой точке злополучной связки. Я обратил внимание, что все прочие нюансы — дыхание, положение рук, капельки пота, выступившие на шее, — сразу же отодвинулись куда-то на второй план.

—Ощутите боль как можно полнее, — повторила моя собеседница.

—Ладно, — отозвался я. — Уже готово.

—И что происходит с вашей болью? — поинтересовалась она.

—Я по-прежнему ее чувствую, но она явно изменилась. С ней что-то происходит. Она становится все теплее и теплее, делается не столь острой, напоминая покалывание. — Не успел я договорить это, как боль вспыхнула с новой силой. — Что случилось? — встревожено спросил я.

—Я думаю, что боль выполняет и какую-то другую функцию, помимо того, чтобы просто сигнализировать, что с нами творится что-то неладное. Возможно, она указывает на точку, где сосредоточена эта аномалия, с тем чтобы мы могли воспринимать ее как маяк и направить на больное место все свое внимание и энергию. Можно считать установленным, что боль просто не может находиться в той же точке, на которой сосредоточено наше внимание. Разумеется, если боль настолько сильна, что не позволяет нам сконцентрироваться на ней, мы вправе воспользоваться обезболивающими средствами, чтобы смягчить ее, но я убеждена, что куда лучше потерпеть боль и прибегнуть к эффекту маяка. Она сделала небольшую паузу.

— И что же дальше?

— Дальше, — отозвалась она, — необходимо научиться на сознательном уровне направлять энергию Божественного источника точно в ту точку, на которую указывает боль, с тем чтобы любовь смогла преображать живые клетки, возвращая их к оптимальному функциональному состоянию.

Я внимательно слушал.

— Пойдем дальше, — продолжала она. — Давайте попробуем еще раз восстановить контакт. Я буду вашим провожатым.

Собравшись, я кивнул, когда был готов.

— А теперь ощутите боль во всем своем существе, — начала она, — и мысленно представьте, что энергия любви проникает в самое средоточие боли, в каждый пораженный ею атом, повышая уровень ваших вибраций. Видите, как частицы, совершив квантовый скачок, достигают поля чистой энергии, которое и являет собой их оптимальное состояние. Ощутите легкое покалывание в этой точке, когда уровень вибрации заметно повысится. — Помолчав минуту-другую, она продолжала: — А теперь, продолжая концентрировать внимание на болевой точке, постарайтесь ощутить собственную энергию, то есть покалывание. Вот оно распространяется в ногах... поднимается к бедрам... перетекает в полость желудка и грудную клетку... и, наконец, достигает шеи и головы. Ощутите, как это покалывание охватывает все ваше тело, достигшее более высокого уровня вибрации. Мысленно представьте себе каждый орган, функционирующий на максимуме своих возможностей.

Достав и включив карманный фонарик, Майя натянула мою палатку между двумя старыми соснами. Взглянув на меня, она спросила:

— Ну как, вам лучше? Я молча кивнул.

—Вам понятен принцип этого процесса? — опять спросила она.

—Думаю, да. Я направляю энергию в болевую точку.

—Правильно, но то, чем мы занимались прежде, не менее важно. Вспомните: вы начали с того, что попытались понять смысл травмы или болезни, возникновение которых указывает на то, что в вашей жизни присутствует некий страх, удерживающий вас и коренящийся в вашем теле. Это и помогло снять барьеры страха, чтобы открыть доступ видению.

После того как эти преграды сняты, вы можете использовать боль в качестве сигнального маяка, повышающего уровни ваших вибраций сначала болевой точки, а затем и всего тела. Определение источника страха имеет жизненно важное значение. Когда причины

болезни или несчастного случая коренятся слишком глубоко, нередко требуется прибегнуть к помощи гипноза и собрать консилиум...

Тогда я рассказал ей о том мрачном эпизоде из своего видения, когда мне показалось, что дверь в темной комнате внезапно открылась и я бросился прочь.

Майя задумалась.

— Иногда корни возникшей преграды кроются очень глубоко. Но если вы не остановитесь на полпути и начнете работать над своим страхом, не позволяющим вам двигаться вперед, вам, как правило, удастся прийти к пониманию того, кто вы и какова главная цель вашей нынешней жизни на Земле. Это создает основу для последнего — и, я твердо убеждена в этом, самого главного — этапа в процессе исцеления. Самое важное здесь — постараться заглянуть в себя как можно глубже, чтобы *вспомнить,* чего вы, собственно, хотите достичь в этой жизни. Истинное исцеление происходит тогда, когда мы зримо представляем себе новое будущее, вдохновляющее нас. *Вдохновение* — вот то, что спасает и исцеляет нас. Люди созданы не ради того, чтобы торчать у телевизора...

Я мельком взглянул на нее, а затем проговорил:

— Вы упомянули о том, как работает молитва. Как же научиться молиться человеку, попавшему в беду?

— Попробую вам объяснить. Это имеет самое прямое отношение к описанному в Восьмом пророчестве процессу направления энергии и любви, протекающих через нас из Божественного источника на того или иного человека. При этом мы должны зримо представлять себе, что человек обязательно вспомнит все то, чего он хотел бы достичь в этой жизни. Разумеется, иногда человек вспоминает об этом только тогда, когда приходит время совершить переход в иное измерение. И если дело обстоит именно так, нам остается смириться с этим... — Майя наконец закончила возиться с палаткой и добавила: — Не забывайте, что процедуры, которые я рекомендовала, должны осуществляться в сочетании с последними достижениями традиционной медицины. Если бы моя клиника была поблизости, я бы провела обстоятельное обследование вашего организма. Но в данной ситуации мне остается лишь настоятельно посоветовать вам заночевать здесь. Так будет лучше, вы ведь практически не можете двигаться.

Я молча кивнул, а Майя тем временем достала мою газовую плитку, зажгла ее и поставила на огонь кастрюльку с готовым супом из морожено-сушеных овощей.

— А мне пора возвращаться в город. Я должна принести лубок и шины, чтобы зафиксировать вам лодыжку, и еще кое-какие медикаменты. Я возьму все это и утром вернусь. Кстати, я захвачу и радиотелефон — на случай если нам потребуется помощь.

Я опять кивнул.

Майя перелила оставшуюся воду из своей фляжки в мою и сочувственно посмотрела на меня. За ее спиной, далеко на западе, погасла последняя полоска заката.

—Кажется, вы говорили, что клиника находится неподалеку? — спросил я.

—Да, точнее сказать — милях в четырех отсюда, — отозвалась Майя, — за грядой гор, но добраться туда невозможно. Единственный путь — это дорога, идущая к югу от городка.

—И как вас угораздило забраться в эту глухомань? Она слегка смутилась и с улыбкой ответила:

— Это забавная история. Прошлой ночью мне приснилось, что я брожу по долине, и утром я решила помочь этому сну сбыться. У меня очень напряженная работа, и я внезапно поняла, что мне необходимо хорошенько задуматься над тем, чем я занимаюсь в клинике. У нас с партнером — богатый опыт использования альтернативных практик, китайской медицины, лекарственных растений, и в то же время мы не чураемся самых совершенных средств традиционной медицины. Они всегда под рукой — стоит лишь включить компьютер. Я много лет мечтала о такой клинике... — Она немного помолчала, а затем сказала: — Перед тем как увидеть вас, я сидела вон там, на склоне, и энергетика моя быстро повышалась. Мне показалось, что перед моим мысленным взором вот-вот предстанет вся история моей жизни и всего, что со мной случилось, начиная с раннего детства и кончая сегодняшним днем. О, это

был самый яркий опыт переживания Шестого пророчества, какой мне только довелось испытать!

Все эти события были своего рода подготовкой, — продолжала она. — Я выросла в семье, где моя мать всю жизнь боролась с тяжелым хроническим недугом, но не делала практически ничего, чтобы вылечиться. В те времена врачи мало чем могли ей помочь, и ее упорный отказ разобраться в причинах своих собственных страхов ужасно огорчал меня в детстве. Я стала собирать всевозможные сведения о новых диетах, витаминах и их роли в укреплении организма, пытаясь убедить маму позаботиться о своем здоровье. В молодости я буквально разрывалась между тягой к церкви и стремлением стать врачом. Я продвигалась на ощупь; казалось, мной двигало желание понять, как именно мы используем Пророчества и веру для того, чтобы изменить собственное будущее и достичь исцеления.

А теперь несколько слов об отце, — вновь продолжила свои воспоминания Майя. — Он был совсем другим человеком. Занимался какими-то биологическими опытами, но никогда не рассказывал о результатах своих исследований, за исключением разве что статей, появлявшихся на страницах научных изданий. Он называл это чистой наукой. Его коллеги буквально боготворили его. Я была подростком, когда он внезапно умер от рака, так что я даже не успела по-настоящему вникнуть в суть его интересов, главным из которых была иммунная система и в особенности то, как те или иные волнения и стрессы, с которыми мы сталкиваемся в жизни, влияют на наш иммунитет.

Он одним из первых заметил эту зависимость, существование которой доказали новейшие исследования и разработки. Увы, мне так и не удалось поговорить с ним об этом. Поначалу я удивлялась, почему появилась на свет от отца, который держится столь замкнуто. Наконец я осознала, что мои родители воплощали собой оптимальное сочетание достоинств и интересов, способное вдохновить меня на самостоятельное развитие. Вот почему в ранней юности мне так хотелось быть поближе к ним. Наблюдая за матерью, я поняла, что каждый обязан сам позаботиться о собственном исцелении. Стремление к исцелению по сути своей способно разрушить страхи, порождаемые жизнью, — те самые страхи, коих мы упорно избегаем, и принести нам особое вдохновение, Видение будущего, в создании которого нам предстоит участвовать.

Благодаря отцу я сумела понять, что медицина должна быть делом более ответственным, должна непременно учитывать интуиции и представления людей, с которыми мы общаемся. Мы, врачи, должны наконец спуститься со своей башни из слоновой кости. Сочетание этих двух факторов и побудило меня начать поиски новой парадигмы в медицине — парадигмы, основанной на способности пациента постоянно следить за собственным здоровьем и желании вернуться на единственно правильный путь. Видимо, в этом и заключается моя весть, идея о том, что мы обладаем внутренним знанием о том, как достичь исцеления и в физическом, и в эмоциональном плане. Обретя вдохновение, мы сможем создать более возвышенное, в чем-то даже идеальное будущее, и когда мы поступаем соответствующим образом, *происходят настоящие чудеса.*

Подойдя ко мне, Майя взглянула на мою злосчастную лодыжку, а затем на меня.

— Я должна уйти, — проговорила она. — Постарайтесь не переносить тяжесть тела на больную ногу. Главное, что вам необходимо, — это полный покой. А утром я вернусь.

Я думаю, у меня был весьма испуганный вид, когда Майя опустилась на колени и двумя руками взялась за мою ногу.

— Не беспокойтесь, — произнесла она. — Не обладая достаточной энергией, невозможно исцелить ни человека... ни ненависть... ни войну. Это зависит от способности обрести правильное Видение... — С этими словами она осторожно погладила мою ногу. — Мы сможем излечить это! Мы поставим вас на ноги!

Улыбнувшись на прощание, она повернулась и ушла. Мне внезапно захотелось окликнуть ее и рассказать обо всем, что я пережил и испытал в другом измерении, все, что мне известно о страхе и о группах душ, возвращающихся обратно, но вместо этого я промолчал, ибо, пока я наблюдал за тем, как Майя скрылась за деревьями, на меня навалилась страшная

усталость. Завтра наступит уже совсем скоро, подумалось мне... я ведь отлично знаю, кто она такая...

ВОСПОМИНАНИЕ

На следующее утро, едва проснувшись, я услышал, как где-то высоко над моей головой раздался пронзительный крик ястреба. Несколько мгновений я напряженно прислушивался, сразу узнав этот крик. Ястреб между тем прокричал еще раз и умолк. Я быстро сел и выглянул через приоткрытую дверцу палатки... День обещал быть облачным, но теплым; по вершинам деревьев скользили косые лучи солнца.

Достав из походной аптечки бинт, я туго перевязал травмированные связки. Я действовал осторожно, почти не испытывая боли, а затем ползком выбрался из палатки и с трудом поднялся на ноги. Спустя несколько минут я перенес вес тела на больную ногу и осторожно сделал шаг, затем другой. Лодыжка побаливала и не совсем слушалась меня, но тем не менее вполне выдерживала тяжесть моего тела. Я удивился: неужто методика Майи подействовала? Или травма оказалась не слишком серьезной? Я не находил ответа на эти вопросы.

Порывшись в рюкзаке, я достал чистую смену белья, а затем собрал грязную посуду, оставшуюся от ужина. Осторожно, стараясь не шуметь и не делать лишних движений, я направился к ручью. Выбрав укромное местечко, где меня было нелегко заметить, я снял одежду и вошел в воду, которая подбодрила меня своей обжигающей свежестью. Я плавал, ни о чем не думая, пытаясь поскорее забыть волнение, теснившееся в моей груди, и любуясь сочными красками листвы в кронах высоко над моей головой.

Внезапно мне вспомнился сон, приснившийся мне прошлой ночью. Я сидел на камне... вокруг что-то происходило... появился Уил... затем кто-то еще... Я смутно вспомнил голубое и янтарное сияние. Напрягая память, я попытался было вспомнить хоть что-нибудь еще, но мне ничего не приходило на ум.

Открывая пузырек с жидким мылом, я заметил, что деревья и кусты вокруг стали какими-то необычно яркими. Видимо, воспоминания ощутимо повысили мою энергетику. Сразу почувствовав облегчение, я искупался, помыл тарелки, с удивлением заметив, что огромный валун справа от меня выглядел очень похожим на камень, на котором я сидел во сне. Остановившись, я осмотрел валун более тщательно. Он был плоским и имел в диаметре около десяти футов, а его очертания и даже цвета весьма напоминали камень из моего странного сна.

В считанные минуты сняв и сложив палатку, я убрал ее в рюкзак и спрятал его под упавшими каменными глыбами. Затем, вернувшись к валуну, я уселся на него и попытался вспомнить голубое пространство и то место, которое занимал в моем сне Уил. Помнится, он находился слева и чуть позади меня. Стоило мне только подумать об этом, как перед моим мысленным взором возникло ясное видение: это было его лицо. Я видел его четко, словно на фото. Пытаясь воскресить в памяти мелкие детали, я мысленно воссоздал образ и окружил его голубым сиянием.

Спустя несколько секунд я испытал странное ощущение в области солнечного сплетения, после чего некая сила вновь понесла меня сквозь туннель, переливавшийся всеми цветами радуги. Когда я наконец остановился, пространство вокруг было палево-голубым и сияющим. Рядом со мной возник Уил.

—Слава Богу, что ты вернулся! — воскликнул он, подходя вплотную ко мне. — Ты вдруг стал настолько плотным, что я не смог больше видеть тебя.

—Послушай, а что случилось перед этим? — удивленно спросил я. — Почему гул вдруг стал таким громким, а?

— Сам не знаю.

— Ну а где мы теперь находимся? — озираясь, поинтересовался я.

— Это совершенно особый уровень, где обычно протекают наши сны.

Я оглядел голубое пространство. Нигде ни малейших следов движения.

—И что же, ты уже бывал здесь?

—Да, я попал сюда еще до того, как повстречал тебя там, внизу, у водопада, хотя тогда я еще не понимал, с чем это связано.

Несколько мгновений мы молча вглядывались в окружающее пространство. Затем Уил спросил:

— А что с тобой случилось? Почему ты вдруг вернулся сюда?

С волнением и дрожью в голосе я принялся описывать все, что случилось со мной с тех пор, в первую очередь познакомив Уила с мрачными прогнозами Джоэла относительно экологической и социальной катастрофы. Уил внимательно слушал и, казалось, запоминал каждую деталь высказываний Джоэла.

—Он являл собой олицетворение страха, — наконец заметил Уил.

Я кивнул, соглашаясь с ним:

—Я тоже так думаю. А как ты считаешь, могут ли сбыться его предсказания, а?

— Мне кажется, главная опасность здесь заключается в том, что все больше людей начинают верить в их реальность. Вспомни, что говорит нам Девятое пророчество: когда духовное возрождение получит широкое развитие, человечеству придется столкнуться с проблемой преодоления страха.

Я посмотрел Уилу прямо в глаза.

— Знаешь, я встретил там кое-кого, точнее говоря — женщину.

Уил внимательно выслушал мой рассказ о встрече с Майей; особенно его заинтересовали полученная мной травма и методы лечения, которыми пользовалась Майя.

Когда я наконец умолк, он задумчиво смотрел вдаль, по-видимому, о чем-то размышляя.

—На мой взгляд, Майя — это женщина из видения Уильямса, — добавил я. — Та самая женщина, которая пыталась предотвратить войну с индейцами в девятнадцатом веке.

—Что ж, вполне возможно, что идея исцеления таит в себе ключ к проблеме преодоления страха, — согласился Уил.

В ответ я кивнул, предлагая ему продолжить свою мысль.

— Все в мире имеет свой смысл, — проговорил он. — Посмотри на то, что уже произошло. Ты явился сюда в поисках Чарлин — и встретил Дэвида, который и сказал тебе, что Десятое пророчество — это более глубокое понимание духовного возрождения, переживаемого нашей планетой, причем понимание это приходит, когда осознаешь связь с посмертным измерением. Он сказал, что это пророчество как-то связано с уяснением природы интуитивных проявлений, с удержанием их, с поиском тропы.

Потом ты, научившись пользоваться интуицией и внутренним голосом, нашел меня у водопадов, и я подтвердил, что умение удерживать мысленные образы и следовать голосу интуиции очень важно в посмертном измерении и что между людьми и этим измерением существует тесная связь. Вскоре после этого нам довелось наблюдать, как Уильямс заново переживал события своей жизни и как сокрушался, что помнит, что он хотел сделать. А хотел он присоединиться к некой группе людей, с тем чтобы содействовать решению проблемы страха, угрожающего нашему духовному пробуждению.

Он сказал, что для осознания страха мы должны понять его, чтобы попытаться бороться с ним; после того как мы с тобой расстались, ты встретил журналиста, того самого Джоэла, который долго распространялся, и о чем же? О страшном Видении будущего. А по сути — о страхе перед полным уничтожением нашей цивилизации.

Затем следующим человеком, которого ты встретил, была женщина, вся жизнь которой посвящена исцелению, и она делает это, помогая людям пробивать стену страха, будя их память, помогая им понять, зачем они живут на нашей планете. Память, *воспоминание* — это и есть ключ к решению проблемы.

Неожиданно наше внимание привлекло какое-то странное движение. Примерно в ста футах от нас начала собираться другая группа душ.

— Надо думать, они появились здесь для того, чтобы посредством сна помочь кому-то там, на Земле, — заметил Уил.

—Что же, получается, что они помогают нам спать? — с недоумением спросил я.

—Да, в известной мере. Прошлой ночью, когда ты видел вещий сон, здесь тоже собирались какие-то души.

—А откуда тебе известно о моем сне? — удивился я.

—Когда тебя опять понесло в материальный мир, я попытался было найти тебя, но не смог. Затем, ожидая твоего возвращения, я внезапно увидел перед собой твое лицо. Когда я в последний раз оказался здесь, я еще не вполне понимал суть происходящего, но теперь, как мне кажется, я четко представляю себе, что происходит с нами, когда мы спим.

Я задумчиво покачал головой.

Уил жестом указал на собравшиеся души.

— По-видимому, все происходит по закону синхронистичности. Эти существа, которых ты видишь, очутились здесь, вероятно, по той же причине, что и я, то есть в силу совпадения, и теперь они, надо думать, поджидают того, кому предстоит перенестись сюда в своем собственном сне.

Тем временем отдаленный гул стал еще громче, и я опять не смог справиться с собой. Я смутился и вздрогнул от растерянности. Уил подошел вплотную ко мне и провел рукой по моей спине.

— Стой и ничего не бойся! — проговорил он. — Видимо, все это не случайно, и мы должны увидеть и это. Я тряхнул головой, пытаясь прийти в себя, а затем заметил еще один образ, возникший в пространстве где-то позади этой группы душ. На первый взгляд мне показалось, что это приближается еще одна группа душ, но затем я понял, что образ этот гораздо больше и обширнее всего того, что я видел здесь до сих пор. Прямо перед нами возникла некая панорама, похожая на голограмму. Она была заполнена множеством персонажей, предметов и т.п. В центре панорамы появился какой-то человек, мужчина, показавшийся мне странно знакомым. Сосредоточившись на миг-другой, я узнал, что этим мужчиной был не кто иной, как Джоэл.

Пока мы с любопытством наблюдали за этой сценой, она начала разворачиваться вглубь, словно панорама в кино. Я попытался было приглядеться, но голова у меня была как в тумане; я не вполне понимал происходящее. Тем временем действие развивалось по намеченному сценарию; диалог стал более напряженным, и души и журналист заметно сблизились. А еще спустя несколько минут драма подошла к концу, и видение мгновенно исчезло.

—И что же это было? — удивленно спросил я.

—Человек в центре сцены спал и видел сон, — отвечал Уил.

—Да это же был Джоэл, ну, тот самый журналист, о котором я тебе рассказывал, — заметил я.

Уил обернулся, он явно был изумлен:

—В самом деле? Ты уверен?

—Еще бы.

—А ты понимаешь смысл сна, который только что видел? — опять спросил Уил.

—Признаться, не совсем. И что же там происходило?

—Это был сон о какой-то войне. Человек бежал по городу, на который сыпались бомбы; вокруг него гремели взрывы, и он думал лишь о том, как уцелеть, как спасти свою жизнь. Когда же он благополучно выбрался из всего этого кошмара и вскарабкался на гору, чтобы взглянуть с ее вершины на город, он внезапно вспомнил, что ему было приказано встретить отряд солдат и передать им главную деталь некой секретной орудийной системы, благодаря которой можно заблокировать любое оружие противника. К величайшему своему

ужасу, он понял, что именно потому, что забыл выполнить свою миссию, его родной город и солдаты гибнут у него на глазах.

—Бред, да и только, — заметил я.

—Да, но и он имеет свое значение. Начиная видеть сон, мы бессознательно переходим на этот уровень, и другие души приходят и помогают нам. Не забывай, какую функцию выполняют сны: они подсказывают, как справиться с той или иной ситуацией в повседневной жизни. Седьмое пророчество учит истолковывать сны, сопоставляя происходящее в них с реальной ситуацией, с которой мы сталкиваемся в жизни.

Я повернулся к Уилу и удивленно спросил:

— Но какую же роль играют во всем этом те души? Как только я задал этот вопрос, нас с Уилом вновь понесло куда-то. Уил поспешно приложил ладонь к моей спине. Когда мы наконец остановились, свет вокруг нас стал ослепительно зеленым, но я тем не менее не мог не залюбоваться удивительной красоты волнами янтарного сияния, изливавшимися вокруг нас. Сконцентрировав внимание на них, я понял, что сияние это было образовано аурами отдельных душ.

Я посмотрел на Уила; тот широко улыбался. Видимо, здесь всегда царила приподнятая атмосфера праздника. Пока я наблюдал за душами, некоторые материализовались прямо перед нами, собравшись в некую группу. Лица у вновь прибывших так и сияли радостью, хотя сосредоточиться на них мне по-прежнему было трудно.

— Да они просто переполнены любовью, — заметил я.

— Попробуй собраться и прочитать их мысли, — посоветовал Уил.

Сосредоточившись на этом, я вскоре осознал, что все эти души так или иначе связаны с Майей. Оказалось, они просто в восторге от ее откровений; особенно их поразило, как она сумела понять, что жизнь ее матери и отца была подготовкой к ее собственной жизни. Вероятно, они, эти души, сознавали, что Майя в полном объеме восприняла Шестое пророчество и находилась на грани того, чтобы вспомнить, во имя чего она пришла в мир.

Я обернулся к Уилу, который подтвердил, что тоже видит такие же образы.

В тот же миг я вновь услышал гул; у меня тотчас заныло в груди. Уил крепко обнял меня за плечи. Когда странный звук исчез, уровень моей вибрации резко повысился, и я обратил внимание на души, находившиеся поблизости, пытаясь установить контакт с их энергией, чтобы тем самым повысить свою собственную. К моему изумлению, души внезапно перестали быть четко различимыми и заметно отдалились от меня.

—Что случилось? — встревоженно спросил я.

—Ты попытался установить с ними контакт, чтобы повысить уровень собственной энергетики, — отвечал Уил, — вместо того чтобы войти в их число и подпитаться напрямую от энергии Божества. Видно, они поняли, что такие действия не принесут тебе пользы.

Я вновь сосредоточился, и моя энергетика восстановилась.

— Как же нам теперь вернуть их обратно? — обраился я к Уилу.

Не успел я договорить это, как души мгновенно возвратились на прежнее место.

Мы с Уилом удивленно переглянулись, а затем он сосредоточился на душах этой группы, и на его лице появилась улыбка.

— Что ты видишь? — поинтересовался я.

В ответ он только кивком указал на души, не отрывая взгляда от них; я тоже сосредоточился на группе, пытаясь войти в контакт с ними и прочесть их мысли. Спустя несколько мгновений я заметил и саму Майю. Она была окружена зеленоватым сиянием. Ее черты несколько отличались от внешности прочих душ, излучая яркое сияние, но я не сомневался, что это была именно она. Как только я сосредоточился на ее лице, прямо перед нами с Уилом возник некий голографический образ: это была она, Майя, во времена войны с индейцами в девятнадцатом веке. Она находилась в маленьком бревенчатом доме вместе с какими-то людьми, горячо убеждая их прекратить военные действия.

Казалось, она понимала, что для столь важного дела необходимо научиться управлять энергетикой. Достичь этого можно было лишь в том случае, если собрать вместе как можно

больше здравомыслящих людей, думала она. Среди собравшихся всеобщее внимание привлекал некий богато одетый молодой человек. Приглядевшись, я узнал в нем того самого высокого мужчину, что впоследствии был убит солдатами вместе с ней. Затем видение перенесло нас дальше, к тому моменту, когда Майя попыталась было убедить генерала остановить бойню, после чего мы увидели глухие места, где и погибли молодой человек и сама Майя.

Я увидел, что после своей гибели она оказалась в Посмертии и, созерцая картины своей земной жизни, посетовала, какими беспомощными и наивными были ее попытки остановить войну. Теперь она понимала, что скептики были правы: время для таких усилий явно неподходящее. Увы, чтобы достичь столь высокой цели, мы еще не в силах вспомнить знания, открывающиеся нам в Посмертии. Пока что не в силах.

После этого обзора жизни ее душа, насколько мы заметили, вновь перенеслась в поле зеленого сияния, будучи окружена группой тех же душ, что буквально только что возникли перед нами. Нас очень удивило, что на лицах всех душ этой группы присутствовало, в сущности, одно и то же выражение. В некие моменты все они, независимо от своих индивидуальных особенностей, весьма напоминали Майю.

Я вопросительно посмотрел на Уила.

—Это группа душ, к которой принадлежит Майя, — спокойно отвечал он.

—Что ты имеешь в виду? — поинтересовался я.

—Ну, группа душ, вибрации которых резонируют с ее собственными, — взволнованно отвечал он. — Это имеет огромное значение. В одном из прежних появлений здесь, еще до встречи с тобой, я видел другую группу, души которой очень походили на *тебя.* Я думаю, это была *твоя* группа.

Не успел я ответить ему, как в группе душ, находившейся поблизости от нас, возникло некое движение. Перед нами вновь появился образ Майи. Оставаясь среди душ, находившихся в поле зеленого свечения, неподвижная, она, казалось, была обращена навстречу мощному белому сиянию, такому же, какое мы недавно видели во время обзора жизни, показанного Уильямсу. Она явно понимала, что с ней что-то происходит. Способность Майи перемещаться в разных планах Посмертия сошла на нет, и все ее внимание было вновь обращено на Землю. Она увидела свою будущую мать, только что вышедшую замуж. Та сидела на крыльце, размышляя о том, хватит ли ей сил, чтобы родить здорового ребенка.

Затем Майя начала понимать, какое важное значение может иметь для матери ее появление на свет. Дело в том, что та испытывала большие опасения за собственное здоровье, и эта исключительная забота о здоровье не могла не укорениться в сознании ребенка. Таким образом, это была поистине идеальная ситуация для развития у Майи интереса к медицине и целительству; притом это не было неким абстрактным знанием, выраженным посредством умозрительных терминов, когда тот или иной ученый выдвигает некую любопытную теорию, даже не пытаясь соотнести ее с потребностями реальной жизни, ни тем более знанием, обусловленным душевно-психологическим складом этой конкретной женщины. Майя сознавала, что она склонна к фантазиям и капризам и что она уже очень дорого поплатилась за такую наивность. Чтобы такая ситуация не повторилась вновь, подсознательная память о трагических событиях, имевших место в девятнадцатом веке, советовала ей быть очень осторожной. Нет, теперь она не будет спешить, будет держаться более отстраненно, и среда, формируемая ею, окажется более оптимальной.

Уил произнес:

— Мы только что видели, что произошло, когда она начала задумываться о своей нынешней жизни.

Теперь Майе было показано, как могут развиваться ее отношения с матерью. Она выросла в атмосфере постоянных страхов, мучивших ее мать, склонную постоянно винить во всем врачей, что не могло не навести Майю на мысль о связи телесного здоровья с сознанием и ответственным отношением больного к собственному здоровью, и она должна была попытаться донести эту идею до сознания матери, которой надлежало более активно

участвовать в собственном исцелении. Итак, первым пациентом Майи станет ее собственная мать; ей же суждено стать ее главным сторонником, живым примером действенности новых принципов лечения.

Затем внимание Майи переключилось на отца; он сидел рядом с женщиной на качелях. Время от времени женщина его о чем-то спрашивала и тотчас получала ответ. Однако ему хотелось просто сидеть и предаваться созерцанию, а не разговаривать. Мозг его был занят анализом результатов различных исследований и экзотическими биологическими проблемами, которые, насколько ему было известно, ранее не рассматривались, в частности проблемой соотношения между вдохновением и иммунной системой. Майя ясно понимала преимущество такого подхода. Благодаря отцу ей удалось преодолеть свою собственную склонность к самообману; она была вынуждена пересмотреть свои собственные взгляды и с самого начала действовать трезво и взвешенно. Со временем они с отцом могли бы общаться на основе общих научных интересов, он мог бы открыть перед ней новые возможности и поделиться своим богатым опытом, который и лежал в основе ее собственных новых методик...

Она ясно поняла, что появление ее на свет именно от этих родителей было столь же важно и для них самих. В то время как ее родители активно поощряли ранний интерес девочки к целительству, она помогала им осознать свое предназначение: мать должна была осознать свою личную роль в процессе излечения, а отец — преодолеть собственную склонность к скрытности и холодной рассудочности.

Затем ей (мы с Уилом тоже видели это) предстали видения, показывающие события ее жизни после появления на свет и всевозможные эпизоды, которые могли случиться с ней в детстве. Она увидела множество самых разных людей, появлявшихся в самые нужные моменты, чтобы стимулировать ее интерес к занятиям. В медицинской школе на ее пути встречались именно те врачи и пациенты, которые были способны поддержать в ней интерес к альтернативным практикам лечения.

Затем в фокусе ее внимания оказался ее партнер по клинике, а также выработка новой модели лечения. Далее видение показало ей нечто иное: она оказалась вовлеченной в некое всеобщее глобальное пробуждение. Прямо у нас на глазах она открыла для себя пророчества и связь со своей собственной группой — одной из

многих независимых групп, которые уже начали появляться по всему миру. Эти группы должны вспомнить, кем они были на более высоких уровнях бытия, и принять активное участие в преодолении поляризации страха.

Майя внезапно увидела себя разговаривающей о чем-то весьма важном с неким человеком. Это был высокий мужчина атлетического телосложения, одетый в военную форму. К величайшему своему удивлению, я узнал в нем того самого человека, который был убит вместе с Майей в девятнадцатом веке, во время войны с индейцами. Мы пристально посмотрели друг на друга. Да, это был тот самый мужчина, которого мы видели в видении Уильямса: это был его коллега, которому он не сумел помочь достичь пробуждения.

Одновременно с этим видение Майи внезапно перешло на более высокий, недоступный для моего восприятия уровень, а тело ее слилось с мощным потоком света, разлитым у нее за спиной. Единственное, что я смог заметить, — это то, что ее личное осознание своей миссии в этом рождении являло собой составную часть более широкого Видения, охватывавшего историю в целом и будущее рода человеческого. Казалось, Майя воспринимала свою жизнь во всеобщей перспективе, ясно сознавая, во что превратилось сегодня человечество и какая судьба его ждет. Я тоже чувствовал это, но конкретные образы будущего оставались для меня недоступными.

Наконец видение Майи закончилось, и мы вновь увидели ее в том же поле зеленого сияния, в окружении душ ее группы. На этот раз они наблюдали за какой-то сценой, происходившей внизу, на Земле. Ее родители, видимо, решили зачать ребенка и слились друг с другом в акте любви, предшествующем такому зачатию.

Энергетика группы душ, в которую входила и Майя, резко повысилась, и вся группа превратилась в сплошной вращающийся вихрь янтарного свечения, черпающий свою силу из

струй мощного сияния, бившего откуда-то из глубины. Странно, но я тоже ощутил эту энергию на неком более высоком уровне почти физиологической любви и вибрации. Там, внизу, влюбленные слились в едином порыве, и в момент оргазма из света, окружавшего их, возник зеленовато-белесый луч энергии, пронизывавшей и Майю, и другие души ее группы. Луч этот проник в будущих родителей, и. энергия в порыве оргазма пронизала их переплетающиеся тела, побуждая сперму и яйцеклетку слиться воедино, как предначертано судьбой.

Мы не отрываясь следили за этим моментом зачатия и таинственным слиянием двух клеток в одно целое. Вскоре поначалу медленно, а затем все быстрее и быстрее клетки начали делиться и дробиться, и в результате возник образ нового человека. Взглянув на Майю, я заметил, что с каждым новым делением клеток ее очертания становились все более расплывчатыми и трудноуловимыми. Наконец, когда плод окончательно сформировался, она совсем исчезла из виду. Между тем другие души ее группы остались на прежнем месте.

Одновременно с этим нам были открыты и другие знания, касающиеся только что виденного, но мое внимание стало рассеянным, и я пропустил их мимо ушей. Тогда все остальные души внезапно исчезли, и мы с Уилом изумленно переглянулись. Вид у него был взволнованный и озабоченный.

—Что это мы видели только что, а? — поинтересовался я.

—О, перед нами предстал процесс рождения Майи, ее инкарнации в нынешнюю земную жизнь, — отозвался Уил, — процесс, сохраненный в памяти душ из ее группы. Нам было показано все: и ее сознательный выбор будущих родителей, которые были людьми неслучайными, и конкретный акт ее вхождения в материальное измерение бытия в момент зачатия.

Я понимающе кивнул, предлагая Уилу продолжать.

— Акт любовного слияния как бы открывает врата для перехода из посмертного измерения в земной план. Души своей группы в это время пребывают в состоянии особенно пылкой любви, которая достигает своего максимума в момент оргазма. Кульминация сексуальной энергии создает как бы выход в посмертное измерение, и то, что мы обычно называем оргазмом, на самом деле представляет собой вспышку невероятно высокого уровня любви и вибраций, имеющих место в Посмертии, вспышку, открывающую некие врата, через которые изливается энергия, дарящая жизнь новому существу. Соитие, половой акт — это поистине сакральный момент, во время которого Небо нисходит на Землю.

В ответ я кивнул, размышляя над сокровенным смыслом только что увиденного, а затем проговорил:

— По всей видимости, Майя прекрасно сознавала, как сложится ее жизнь, если она появится на свет от этих конкретных родителей.

— Да, очевидно, каждому из нас перед появлением на свет предстает видение, показывающее, как может сложиться наша жизнь, а также знакомящее с нашими будущими родителями, указывая, каковы наши шансы оказаться втянутыми в тот или иной конфликтный сценарий, и даже как именно мы сможем участвовать в этих сценариях вместе с нашими родителями, и насколько окажемся подготовленными к предстоящей нам задаче.

— Я видел большую часть из того, о чем ты говоришь, — отвечал я, — но все это показалось мне весьма странным. Судя по тому, что Майя сама рассказала мне о своей реальной жизни, ее предынкарнационное видение было скорее идеальной моделью, нежели пророчеством о реальных событиях — например, ее отношениях с близкими. Все сложилось далеко не так, как ей того хотелось бы. Ее мать так никогда и не сумела понять Майю или хотя бы осознать свою собственную болезнь, а отец держался настолько отстраненно, что девочка до самой его смерти так ничего и не узнала о том, чем же он занимался.

— Однако все это было не случайно, — заметил Уил. — Видение, по всей видимости, — это идеальное руководство во всех ситуациях, которые, по мнению нашего высшего Я, должны возникнуть в нашей жизни, в ее, если можно так выразиться, оптимальном сценарии. А то, что реально происходит с нами, — это всего лишь адаптация такого сценария, лучшее,

что мы можем сделать в конкретных обстоятельствах. Все это тоже составная часть Десятого пророчества, посвященная посмертному измерению, которая помогает нам уяснить опыт нашего бытия на Земле и, в частности, восприятия совпадений и того, как реально работают явления синхронистичности.

Когда интуиция или сон направляют нашу жизнь в некое конкретное русло и мы следуем этому водительству, происходят некие события, которые мы воспринимаем как магические совпадения. Мы ощущаем прилив жизненных сил и энергии. Нам кажется, что эти события были *предопределены* судьбой, что они просто не могли не случиться.

Видение, которое мы только что наблюдали, показывает нам происходящее в более широкой перспективе. Воспринимая голос интуиции, мысленный образ возможного будущего, мы на самом деле имеем дело со вспышками памяти о нашем Врожденном видении, подсказывающем, что нам следует исполнить в своей жизни именно в этот конкретный момент нашего пути. Конечно, все может сложиться и не так, ибо люди обладают свободой воли, но когда происходит нечто близкое к нашему Врожденному видению, мы ощущаем прилив вдохновения, ибо сознаем, что движемся по предначертанному нам пути к своей главной цели.

—Но как же души нашей группы общаются с нами? — спросил я.

—Дело в том, что мы тесно связаны с ними. Они знают нас. Они делятся с нами Врожденным видением, сопровождают нас на жизненном пути и находятся рядом, когда мы пытаемся проанализировать происходящее. Они служат как бы резервуаром нашей памяти, храня все знания, накопленные нами с момента начала развития. — При этих словах Уил сделал короткую паузу и посмотрел мне в глаза. — И наоборот, когда мы находимся в Посмертии и одна из этих душ инкарнирует в материальном измерении на Земле, мы действуем по отношению к ней точно так же. Мы сами становимся частью группы, поддерживающей ее.

—Выходит, что, когда мы находимся на Земле, — задумчиво проговорил я, — души нашей группы посылают нам интуиции и указывают верный путь?

—Нет, не совсем. Судя по тому, что я мог заметить у групп душ, которые мне довелось повидать, интуиции и сны являются нашими собственными; они порождены контактом с Божественным началом на более высоком уровне. Группы душ попросту посылают нам дополнительную энергию, поднимая нашу энергетику на более высокий уровень, причем происходит это не совсем понятным мне образом. Поднимая нас таким образом, они помогают нам воскресить в памяти все то, что нам уже известно.

Я был поражен.

—Это же объясняет все то, что происходило в моем сне и в снах Джоэла!

—Да, именно. Когда мы видим сон, мы вновь соединяемся с душами нашей группы, и это воскрешает в нас память о том, что мы хотим исполнить в нашей теперешней жизненной ситуации. В памяти быстро мелькают наши прежние стремления. И затем, возвращаясь в физическое тело, мы сохраняем память об этом, хотя она порой выражена в архетипических символах. Что же касается твоего сна, то, будучи более открытым для восприятия духовного значения, ты смог вспомнить информацию, заключенную в сне, в буквальном виде. Ты вспомнил, что, пытаясь мысленно воскресить в памяти мое лицо, ты увидел, что мы с тобой пытаемся найти друг друга, и поэтому твой сон оказался почти таким же.

Джоэл, напротив, был не столь открытым; его сон заполняли менее конкретные, символические образы. Его память была менее предметной, и поэтому его сознание воспринимало вести в символах войны, так что он был убежден, что, согласно своему Врожденному видению, должен остаться здесь, в долине, чтобы помочь решению текущих задач; для него было совершенно ясно, что если он покинет эти места, он тем самым отвергнет и видение.

—Значит, души нашей группы посылают нам энергию, — проговорил я, — в надежде, что мы сумеем вспомнить Врожденное видение?

—Так и есть, — согласился Уил.

—И значит, именно поэтому так радовались души из группы Майи?

Уил изменился в лице и заметно посерьезнел.

—Они радовались отчасти и потому, что ей удалось вспомнить, зачем она появилась на свет от этих конкретных родителей и как именно ее жизненный опыт готовил ее к карьере врача. Но... видишь ли, это лишь первая часть Врожденного видения. Остальное ей еще только предстоит вспомнить.

—Я видел, как она в этой же жизни вновь встретилась с тем же высоким мужчиной, с которым они вместе погибли еще в девятнадцатом веке, во время битвы с индейцами. Видимо, есть и другие части этого видения, которые я пока что не могу понять. Кстати, а ты сам знаешь их все?

— Нет, пока что не все. Далее говорится о нарастании страха. Это свидетельствует о том, что Майя входит в число тех семи душ, которые, как видел Уильямс, возвратились в Посмертие. А она, в свою очередь, видела, что группа способна вспомнить некое более широкое видение, выходящее за рамки наших возможностей, то есть обрести воспоминание, необходимое нам, если мы хотим преодолеть страх.

Мы с Уилом обменялись долгими пристальными взглядами, а затем я ощутил в своем теле очередную вибрацию, вызванную таинственным экспериментом. В тот же миг в моем сознании возник образ того высокого мужчины, которого я уже видел рядом с Майей. Кто же это мог быть?

Я собрался было рассказать об этом видении Уилу, но дыхание замерло в моей груди, а острая боль внезапно пронзила мне желудок. Одновременно с этим некий странный скрип и скрежет отбросили меня назад. Обернувшись, я хотел было опять взглянуть на Уила, но лицо его вновь стало расплывчатым и начало ускользать от меня. Я сделал еще одну попытку вглядеться в него, но окончательно потерял равновесие и, поскользнувшись, полетел в неведомую бездну.

ОТКРЫТОСТЬ ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ ЗНАНИЙ

“Черт побери, — подумал я, лежа на валуне, обколотая кромка которого упиралась мне в спину, — опять я очутился у реки”. Поморщившись, я долго смотрел на хмурое серое небо, грозившее с минуты на минуту брызнуть дождем, прислушиваясь к грохоту воды за моей спиной. Затем, приподнявшись на локте, я огляделся вокруг, сразу же почувствовав, каким тяжелым и усталым стало мое тело с тех пор, как я покинул иное измерение.

Осторожно поднявшись на ноги, я двинулся обратно в лес, ощущая покалывающую боль в лодыжке. Подойдя к палатке, я развязал рюкзак и достал оттуда еду; движения мои были вялыми и замедленными; я старался ни о чем не думать. И даже когда я принялся завтракать, мое сознание оставалось на удивление чистым, словно после медитации. Но затем моя энергетика медленно начала повышаться; я сделал несколько глубоких вдохов, всякий раз задерживая дыхание. Внезапно до моего слуха опять донесся странный гул. Едва я прислушался, как перед моим мысленным взором возник другой образ. Я двинулся на восток, откуда доносился гул, пытаясь выяснить его источник.

Тут у меня мелькнула тревожная мысль, и мне захотелось скрыться, спрятаться где-нибудь. Неожиданно гул умолк, и я услышал за своей спиной шорох листьев. Обернувшись, я увидел Майю.

—Вы что же, всегда появляетесь в самый решающий момент? — удивленно спросил я.

—Вот те на! Вы что, спятили? Да я же давно ищу вас повсюду! Кстати, откуда вы взялись?

—Я ходил умыться к реке.

—Неправда, у реки вас не было; я буквально только что вернулась оттуда. — С этим словами она пристально посмотрела мне в глаза, а затем перевела взгляд на мою ногу. — Ну, как ваши связки?

Я попытался было улыбнуться.

—Все нормально. Послушайте, я хотел бы переговорить с вами кое о чем.

—Мне тоже надо с вами побеседовать. Знаете, здесь происходит нечто странное. Вчера вечером, возвращаясь в город, я встретила одного из сотрудников службы охраны леса и рассказала ему о неприятности, случившейся с вами. Мне показалось, что он не хотел, чтобы этот эпизод получил широкую огласку, и настаивал, что за вами необходимо прислать машину. Я указала ему место, где вас можно найти, и он пообещал мне непременно съездить за вами утром. От дельные его реплики в разговоре со мной насторожили меня, и я решила опередить его, поэтому и вернулась так рано. Боюсь, что он будет здесь с минуты на минуту.

—Тогда нам надо уносить ноги, и побыстрее, — встревоженно отвечал я, бросившись к рюкзаку.

—Подождите минутку! Скажите, что же здесь наконец происходит? — с тревогой спросила Майя.

—Понимаете, кто-то — я и сам пока что не знаю, кто именно, — проводит здесь, в долине, какие-то непонятные эксперименты, ну, или что-то в этом роде. Думаю, что и моя подруга Чарлин каким-то образом причастна к этому; возможно, ей угрожает какая-нибудь опасность. Возможно, кое-кто из службы лесной охраны тоже тайно участвует в этой акции.

Майя изумленно уставилась на меня, пытаясь осознать услышанное. Я взвалил на плечи рюкзак и взял ее за руку:

- Пойдемте со мной. Пожалуйста, прошу вас. Я должен вам многое рассказать.

Майя кивнула и тоже взяла свою сумку... Мы двинулись на восток, вдоль берега ручья, и по пути я рассказал ей обо всем случившемся со мной: о том, как я встретил Дэвида и Уила, как видел Обзор Жизни, показанный в Посмертии Уильямсу, и, наконец, об услышанном от Джоэла. Дойдя до рассказа о ее собственном Врожденном видении, я подошел к каменным глыбам и уселся немного отдохнуть. Майя прислонилась к стволу дерева справа от меня.

—Знаете, вы тоже участвовали во всем этом, — проговорил я. — Вы, по всей видимости, уже знаете, что главная задача вашей жизни — создание альтернативных медицинских практик, но этим ваша миссия на Земле не ограничивается. Вы, судя по всему, одна из душ группы, которую Уильямс видел там, в Посмертии.

—Интересно, а откуда вы это знаете? — вспыхнула Майя.

—Мы с Уилом тоже наблюдали ваше Врожденное видение...

Вместо ответа она покачала головой и закрыла глаза.

—Видите ли, Майя, мы все приходим в этот мир, имея определенное представление о том, какой должна стать наша жизнь и чего мы хотели бы в ней достичь. Интуиции, сны и совпадения, посылаемые нам, возникают исключительно ради того, чтобы вести нас единственно верным путем, чтобы помочь нам вспомнить, чего именно мы хотим в этой жизни.

—И что же еще я должна совершить, а? — поинтересовалась Майя.

—Точно сказать не могу: я и сам не все понял. Насколько мне помнится, вы должны попытаться преодолеть коллективный страх, нарастающий в сознании человечества. Видимо, этот странный эксперимент и является следствием такого страха... Наверное, Майя, вам предстоит воспользоваться своими познаниями в области физической медицины, чтобы выяснить, что именно творится в этой долине. Вы должны вспомнить!

Майя помолчала, а затем отвернулась.

— О нет, только не это! Не смейте взваливать на меня бремя такой ответственности! Я ничего не помню, ничего. Я действую так, как и положено всякому нормальному врачу. Ненавижу всякие там интриги! Вы меня поняли? Ненавижу! В конце концов, у меня есть клиника, о которой я давно мечтала. Лучше и не пытайтесь втянуть меня в такие дела! Не на такую напали!

Я взглянул на нее, пытаясь найти убедительные возражения. В наступившей тишине вновь послышался отдаленный гул.

— Майя! Слышите этот непонятный звук, далекий диссонанс, похожий на гул? Это и есть тот самый эксперимент. Он совершается прямо сейчас. Прислушайтесь. Ну как, слышите?

Она прислушалась на минуту-другую, а затем ответила:

—Увы, решительно ничего не слышу. Я взял ее за руку.

—Попытайтесь повысить свою энергетику! Майя попятилась.

—Не слышу я никакого гула!

Мне ничего не оставалось, как грустно вздохнуть:

— Ну хорошо, извините. Я не хотел вас обидеть; видимо, я ошибся. Возможно, это должно происходить как-нибудь иначе.

Она не сводила с меня глаз.

—Признаться, я знаю кое-кого из людей шерифа. Попробую связать его с вами. Это все, что я могу сделать.

—Не знаю даже, даст ли это что-нибудь, — проговорил я. — Вероятно, слышать этот гул дано не всем, вот и все.

—А хотите, я сама позвоню ему? — предложила она.

—Да, конечно. Попросите только его провести не зависимое расследование. Сомневаюсь, что людям из службы лесной охраны можно доверять... — С этими словами я вновь взвалил рюкзак на плечи.

—Надеюсь, вы меня поняли, — продолжала Майя. — Я просто не могу участвовать в подобных делах. К тому же у меня предчувствие, что скоро случится нечто ужасное…

—Ну, это связано с тем, что вам уже пришлось испытать в этой долине страшную беду. Было это давно, в девятнадцатом веке. Надеюсь, хотя бы это вы помните?

Она опять закрыла глаза, не желая меня слушать.

В тот же миг перед моим мысленным взором возникло видение... Это был я; на мне красовалась индейская одежда из оленьих шкур, и я торопился наверх по склону, таща за собой вьючную лошадь... Да это же то самое видение, которое я уже видел прежде! Мужчина на вершине холма — это я сам. Видение между тем продолжалось, и я, взобравшись на вершину холма, поспешно оглянулся. Отсюда мне были хорошо видны и водопад, и тесное ущелье на другой стороне. Там стояли Майя, индеец и молодой наблюдатель из конгресса. Как и в прошлом видении, началась ожесточенная битва. Меня охватила тревога, и, ведя лошадь в поводу, я поспешил прочь от поля боя, не в силах помочь им избежать роковой развязки...

Я тряхнул головой; видение кончилось.

— Не беспокойтесь, — отвечал я, уступая. — Я прекрасно понимаю ваши чувства.

Майя подошла поближе.

—Здесь, в сумке, вода и кое-какая еда. Все это вам. Как вы намерены поступить дальше?

—Я думаю двинуться отсюда прямиком на восток... В конце концов, мне известно, что Чарлин направилась именно туда.

Майя опять оглядела мою ногу.

— А вы уверены, что лодыжка вас не подведет? — участливо спросила она.

Сделав несколько шагов навстречу ей, я отвечал:

— Простите, я ведь еще даже не поблагодарил вас за все, что вы для меня сделали... С лодыжкой вроде бы все в порядке, разве что слегка побаливает. Признаться, и не представлял, насколько серьезной может оказаться эта травма.

— Ну, такие вещи вообще невозможно предвидеть, — сказала она.

Я кивнул и зашагал к востоку, несколько раз обернувшись, чтобы еще раз взглянуть на Майю. Поначалу вид у нее был виновато-смущенный, но затем на ее лице появилось выражение, свидетельствующее о том, что она немного успокоилась.

*** * ***

Я направился несколько к югу от того места, откуда доносился гул. Ручей оставался слева от меня, и я время от времени делал привал, чтобы дать ноге отдохнуть. Около полудня гул смолк, и я уселся позавтракать и хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию. Моя злополучная лодыжка опять слегка припухла, и прежде чем продолжить путь, мне пришлось

отдохнуть часа полтора, если не больше. Поднявшись, я зашагал дальше. Не успел я пройти и мили, как на меня внезапно навалилась тяжелая усталость, и я был вынужден опять присесть отдохнуть. Ближе к вечеру я начал присматривать место для ночевки.

Теперь я пробирался через густой лес, заросли которого буйно зеленели по берегам ручья, но затем чаща неожиданно расступилась, и передо мной открылась гряда невысоких холмов и предгорий, поросших старым лесом. Деревьям в этих местах было добрых три, а то и все четыре века. Сквозь просвет между кронами я заметил большую гряду, тянувшуюся к юго-востоку, на расстоянии примерно мили отсюда.

У вершины первого же холма я заметил небольшой поросший пригорок, показавшийся мне идеальным местом для ночлега. Подойдя поближе, я заметил, что за деревьями кто-то движется. На всякий случай укрывшись за валуном, я осторожно выглянул и посмотрел по сторонам. Что это могло быть? Олень? А может, человек? Выждав несколько минут, я осторожно побрел дальше, взяв курс на север. Подойдя поближе, ярдах в ста от облюбованного мной пригорка я заметил высокого мужчину, тоже, по всей видимости, собиравшегося устроить здесь привал. Пригнувшись и двигаясь с удивительной ловкостью, он быстро поставил небольшую палатку и замаскировал ее наспех срезанными ветками. На какой-то миг мне показалось, что это Дэвид, но затем я понял, что незнакомец двигается совсем иначе, и к тому же для Дэвида он слишком высок ростом. А вскоре я потерял его из виду.

Подождав несколько минут, я решил было направиться к северу и обойти пригорок стороной, чтобы остаться незамеченным. Не прошло и пяти минут с тех пор, как я двинулся в путь, как дорогу мне преградил некий незнакомец.

— Кто вы такой? — поинтересовался он.

Я представился и решил, что называется, раскрыть карты:

—Я ищу свою подругу.

—Знаете, места здесь довольно опасные, — отозвался он. — Я посоветовал бы вам вернуться. К тому же эти земли — частное владение.

— А как же вы сами здесь оказались? — возразил я. Он промолчал, словно не слышал.

Тогда я вдруг вспомнил, что говорил мне Дэвид.

— А вы, случайно, не Кэртис Уэббер, а?

Он смерил меня долгим пристальным взглядом, а затем неожиданно улыбнулся:

—Выходит, вы тоже знакомы с Дэвидом по прозвищу Одинокий Орел?

—Мне только раз довелось переговорить с ним, но он успел сообщить мне, что вы должны находиться где-то в этих местах. А еще он сказал, что тоже собирается в долину и непременно отыщет вас.

Кэртис кивнул в ответ, а затем посмотрел в сторону палатки.

— Уже темнеет, нам неплохо бы где-нибудь укрыться. Пойдемте-ка к моей палатке. Там вы сможете переночевать.

Я побрел за ним по склону, стараясь держаться в густой тени деревьев. Пока я ставил палатку, Кэртис зажег огонь на своей походной плитке и открыл банку тунца. Я принялся уплетать бутерброды, которые принесла мне Майя.

— Вы, кажется, упоминали о том, что кого-то ищете в здешних краях? — заметил Кэртис. — И кого же именно?

Я вкратце рассказал ему об исчезновении Чарлин и о том, что Дэвид как-то раз встретил ее в долине. Ему показалось, что она направлялась в ту же сторону, куда теперь иду я. Я не стал описывать ему все, что случилось с нами в другом измерении, упомянув только, что не раз слышал какой-то непонятный гул и видел машины, пронесшиеся на большой скорости.

—Гул этот, — отвечал Кэртис, — издает мощный энергогенератор; кто-то проводит здесь загадочные, странные эксперименты. Это я могу сказать твердо. Но я понятия не имею, осуществляются ли эти эксперименты каким-нибудь секретным государственным агентством или некой частной фирмой. Насколько я понимаю, большинство служащих лесной охраны и

не подозревают о том, что здесь творится; что же касается администрации, то тут я судить не берусь.

—А вы не пробовали обратиться к журналистам, — поинтересовался я, — ну, или к местным властям?

—Пока что нет. Дело в том, что этот гул слышат далеко не все, и это создает определенные проблемы. — Он кивнул в сторону долины. — Если бы я только знал, где они находятся, эти экспериментаторы! Считая частные владения и Национальный лесной парк, здесь, пожалуй, наберется несколько сот тысяч акров земли. Боюсь, что эти люди успеют провести свои опыты и убраться подальше отсюда, прежде чем кто-нибудь обратит внимание на происходящее. Разумеется, если дело не обернется какой-нибудь трагедией.

—Что вы имеете в виду? — встревоженно спросил я.

—Они могут полностью уничтожить все живое в этих местах, превратить их в мрачную аномальную зону, этакий новый Бермудский треугольник, где законы физики нарушаются самым невероятным образом. — При этих словах Кэртис в упор посмотрел на меня. — Они могут устроить здесь самые непредсказуемые вещи. Большинство людей и понятия не имеют, насколько сложное явление — эти пресловутые магнитные поля. Так, в одной из новейших теорий, описывающих такие поля, высказывается предположение, что магнитное излучение распространяется по восьми измерениям, нарушая привычные математические законы. Такой генератор способен разрушить все эти измерения. Он может провоцировать мощные землетрясения или даже полный хаос и гибель всего живого на обширных территориях.

— А откуда вам это известно? — удивленно спросил я. Кэртис странно переменился в лице.

— Видите ли, дело в том, что в восьмидесятые годы тоже участвовал в разработке этих систем. Я тогда работал в одной мультинациональной компании, называвшейся, как я думал, “Делтек”, хотя впоследствии, уже уволившись из нее, я выяснил, что это название фиктивное, Вам доводилось когда-нибудь слышать о человеке по имени Никола Тесла? Так вот, мы опирались на многие из его теорий, связав некоторые из его открытий с другими темами, над которыми тогда активно работала компания. Самое забавное, что открытый нами принцип включает в себя несколько весьма и весьма непохожих составных, но в принципе он действует следующим образом. Представьте себе, что электромагнитное поле Земли является гигантским аккумулятором, способным давать целые реки электрической энергии, если только вы сумеете направить их в нужное русло. Для этого необходимо сочетание комнатной температуры, полупроводникового генератора и особо сложного электронного ингибитора обратной связи, способного на основе строго математических расчетов усиливать некоторые резонансные частоты на выходе. Затем нужно выбрать определенную последовательность таких частот, усилить их для генерирования выходного импульса, осуществить точную настройку диапазона — и готово. В ваших руках окажется неисчерпаемый океан энергии, которую вы можете получать прямо из космоса. Для первичного импульса вам понадобится немного энергии, возможно, нечто вроде фотоэлемента или батарейки, но затем система начнет работать по принципу вечного двигателя. Установка величиной с насос сможет питать энергией несколько домов или даже небольшую фабрику.

Однако при этом возникают две главные проблемы. Во-первых, точная настройка этих мини-генераторов — дело невероятно сложное. Мы заложили программу настройки в самые мощные из существующих компьютеров, но даже они не сумели справиться с поставленной задачей. Во-вторых, мы обнаружили, что когда мы пытаемся повысить суммарную выходную мощность этого относительно малогабаритного прибора, увеличивая вытеснение массы, пространство вокруг генератора становится в высшей степени нестабильным и начинает испытывать искажения. Тогда мы еще не знали об этом, но когда наткнулись на энергию, поступающую из другого измерения, начали происходить странные вещи. Взять хотя бы то, что наш генератор... бесследно исчез, совсем как в знаменитом Филадельфийском эксперименте.

— Так вы, выходит, всерьез полагаете, что тогда, в 1943 году, огромный корабль действительно исчез и вновь появился в другом месте, не так ли?

—Разумеется, все именно так и было! Знаете, существует много самых невероятных секретных технологий, от которых просто дух захватывает. Что касается нас, то хозяевам удалось закрыть наш отдел менее чем через месяц и уволить нас поодиночке, не нарушая при этом секретности, поскольку каждая группа работала над совершенно изолированным и узкоспециальным звеном проекта. Признаться, это не очень удивило меня. Я просто-напросто пришел к выводу, что препятствия, по всей видимости, слишком велики и непреодолимы, и счел, что исследования зашли в тупик. Правда, впоследствии я узнал, что некоторым из моих сотрудников удалось устроиться в другую компанию... — Кэртис задумался, немного помолчал, а затем продолжил: — Я понимал, что должен тоже найти себе дело. Сейчас я консультант, работаю с различными мелкими технологическими фирмами, даю советы, помогающие повысить эффективность их исследований, использования ресурсов и утилизации отходов, ну и всякое такое в том же роде. И чем больше я занимаюсь этими вопросами, тем больше убеждаюсь, что пророчества оказывают самое позитивное влияние на экономику. Общая направленность деятельности человека постоянно меняется. Однако, по моим прикидкам, нам еще очень долго придется иметь дело с традиционными источниками энергии... Я ничего не слышал об экспериментах по энергетике с тех самых пор, как перебрался в эти края. Можете себе представить, какое потрясение я испытал, отправившись на прогулку в долину и услышав знакомый звук, характерный гул генератора, который слышал каждый день на протяжении многих лет, когда мы работали над этим проектом.

Видимо, кто-то сумел продолжить наши исследования, и, судя по басовому гулу, им удалось продвинуться в этом направлении гораздо дальше, чем нам. Признаться, я попытался обратиться в управление по охране окружающей среды или один из комитетов конгресса, а также связаться с несколькими специалистами, которые могли бы подтвердить характер и источник этого гула, но узнал, что один из них умер около десяти лет назад, а другой, мой лучший друг в годы работы в той проклятой компании, скончался буквально только что. Он умер не далее как вчера от сердечного приступа. — Последние слова Кэртис произнес с дрожью в голосе.

Затем его лицо исказила гримаса внезапного гнева.

— Все это полнейшее безумие и лишено всякого смысла! Если бы они действительно интересовались вопросами наладки, то не понятно, почему бы не использовать нашу технологию на установках малой мощности. В сущности, это идеальный вариант ее применения. А то, чем они занимаются теперь, — это чистейшее безумие. Право, я достаточно разбираюсь в таких вещах, чтобы сознавать всю серьезность угрозы. Уверяю вас, они способны запросто уничтожить эту долину, а то и похуже. Если им вздумается сосредоточить пучок энергии на каналах, соединяющих различные измерения, кто знает, что может тогда случиться... — При этих словах он неожиданно умолк. — Вы понимаете, о чем я говорю? Вы что-нибудь слышали о пророчествах?

Я немного помолчал, а затем проговорил: — Знаете что, Кэртис, я просто обязан рассказать вам о странных вещах, которые случились со мной здесь, в долине. Они вполне могут показаться вам невероятными.

В ответ он кивнул, предлагая мне продолжать, и терпеливо выслушал мой обстоятельный рассказ о встрече с Уилом и путешествии на разные уровни иного измерения. Дойдя до Обзора Жизни, я спросил:

— А как звали вашего недавно скончавшегося друга? Случайно, не Уильямс?

— Да, так и есть. Доктор Уильямс. Но откуда вам это известно?

— Я видел, как он после смерти перенесся туда же, в другое измерение. Мы с другом наблюдали за ним, когда ему был показан Обзор Жизни.

Кэртис был потрясен услышанным.

—Признаться, мне трудно в это поверить. Я знаком с пророчествами, по крайней мере на интеллектуальном уровне, и допускаю возможность существования иных измерений, но,

как ученый, не могу не заметить, что Девятое пророчество весьма трудно воспринимать буквально. Ведь в нем говорится о возможности общения с усопшими после их смерти... Вы говорите, что доктор Уильямс жив в том смысле, что его личность не распалась?

—Да, жив и даже вспоминает вас.

Он внимательно посмотрел на меня, а я тем временем продолжал свой рассказ о том, что, по мнению Уильямса, и Кэртис, и все мы должны участвовать в усилиях по преодолению страха... и добиться прекращения опасных экспериментов.

—Я не совсем понял, — отвечал Кэртис. — Что именно он имел в виду, говоря о нарастании страха?

—Честно говоря, мне это тоже не совсем ясно. Видимо, настало время что-то делать с изрядным процентом населения, упорно отказывающегося верить в то, что новое духовное пробуждение — реальность и свершившийся факт. А они по наивности полагают, что человеческая цивилизация движется к гибели и распаду. Это вызывает активную поляризацию мнений и взглядов. Думаю, вы тоже сможете вспомнить примеры такого рода.

Он побледнел.

—Ну, насчет поляризации я не в курсе, зато я твердо знаю, что должен во что бы то ни стало остановить этот проклятый эксперимент. — Лицо его так и пылало гневом, и он счел за благо отвернуться.

—Видимо, Уильямс знал, как именно можно остановить этот процесс, — заметил я.

—И что же, мы теперь так ничего об этом и не узнаем? — взволнованно спросил Кэртис.

При этих словах в моей памяти возникло видение... Кэртис и Уильяме разговаривали о чем-то на поросшей травой вершине холма; вокруг них высились огромные вековые деревья...

Кэртис собрал ужин; вид у него был подавленный, и мы поужинали, не обменявшись ни словом. Покончив с едой, я растянулся под небольшим гикори и задумчиво взглянул, на холм и травянистый пригорок, возвышавшийся неподалеку от нас. Пять-шесть громадных дубов, раскинувших свои ветви на нем, образовывали почти идеальный полукруг.

— А почему вы не расположились там, на самом холме, а? — обратился я к Кэртису, указав рукой на пригорок..

— Сам не знаю, — отозвался он. — Я думал обосноваться там, но затем счел, что место больно заметное, да и энергетика там слишком мощная. Оно, кажется, называется Коддерс-Нолл. Не хотите ли прогуляться туда?

Я кивнул и устало поднялся на ноги. На лес опускались длинные тени сумерек. С пафосом рассуждая о красоте окрестных деревьев и кустарников, Кэртис шагал впереди меня, поднимаясь вверх по склону. В сумеречном полумраке видимость с вершины холма в северном и южном направлениях составляла не более четверти мили. С восточной окраины горизонта из-за деревьев медленно выплывала полная луна.

— Давайте-ка лучше сядем, — посоветовал Кэртис. — Нам вовсе ни к чему, если нас заметят.

Долгое время мы сидели на траве в полном молчании, любуясь панорамой окрестностей и испытывая прилив энергии. Затем Кэртис достал из дорожной сумки карманный фонарик и положил его рядом с собой. А я был буквально заворожен щедростью красок опавшей листвы.

Наконец Кэртис обернулся ко мне и спросил:

— Чувствуете этот запах? Мне кажется, это дым.

Я испуганно посмотрел на лес, опасаясь, что это мог быть лесной пожар. В поведении Кэртиса, в его манере держаться внезапно произошла некая неуловимая перемена, вызывающая чувство досады и ностальгии.

—Какой именно дым вы имеете в виду?

—Дым от сигар.

Сумерки все больше сгущались, и я заметил, что мой спутник молча улыбается чему-то, вспомнив о чем-то приятном. Затем я тоже неожиданно ощутил запах дыма.

— Что это? Откуда? — изумленно спросил я, озираясь по сторонам.

Кэртис поймал мой взгляд.

— Знаете, доктор Уильямс курил сигары, издававшие точно такой же запах... Нет, я просто не могу поверить, что его больше нет!

Пока мы разговаривали, запах исчез, и я и думать забыл о нем, залюбовавшись зарослями шалфея и огромными дубами, вздымавшими свои кроны в небо

поблизости от нас. В тот же миг я осознал, что это было то самое место, где Уильямс — все в том же видении — сидел рядом с Кэртисом... Выходит, они впрямь уже встречались здесь!

Спустя несколько секунд я заметил в тени за деревьями силуэт какой-то женщины.

— Поглядите-ка вон туда. Вы там что-нибудь видите? — полушепотом обратился я к Кэртису, указывая рукой в ее сторону.

Не успел я договорить, как силуэт тотчас исчез. Кэртис, прищурившись, пригляделся.

— А что там должно быть? Признаться, я ничего не вижу.

Я не отвечал. По-видимому, на интуитивном уровне я начал воспринимать некие знания, подобно тому как получал их от групп душ в Посмертии, разве что связь между нами была более отдаленной и неустойчивой. Я улавливал кое-какие отголоски сведений об эксперименте с энергетикой, подтверждавшие самые худшие опасения Кэртиса; те, кто проводил эти эксперименты, действительно пытались сконцентрировать пучок энергии на пространственных вихрях.

— Кажется, вспомнил, — неожиданно заметил Кэртис. — Одно из устройств, над созданием которого долгие годы работал доктор Уильямс, представляло собой тарелкообразную проекционную систему с очень далекой фокальной точкой. Боюсь, что эти парни пытаются направить эту фокальную точку на один из выходов в иное измерение. Но откуда же они могли узнать, где именно находятся эти выходы?

В моем сознании тотчас возник ответ на этот вопрос. Кто-то из душ, обладающих более высоким уровнем сознания, показывал им выходы до тех пор, пока они не обратили внимание на пространственные искажения, регистрируемые на мониторе дистанционно фокального компьютера. Признаться, я и сам не понял, что все это означает...

— Это может означать только одно, — решительно заявил Кэртис. — Им удалось найти человека, который способен указать им такие выходы, человека, улавливающего зоны с особо высокой энергетикой. После этого они могли нанести все такие точки на карту и сфокусироваться на них, сканируя их фокальным лучом. По всей видимости, эти люди и сами не понимают, что творят. — Он раздосадованно покачал головой. — Эти люди — настоящие негодяи. В этом нет никакого сомнения. Но как же им удалось добиться этого?

Словно бы в ответ на этот риторический вопрос в моем сознании вновь возникли образы, правда, слишком неясные, чтобы воспринять их в полной мере, но позволяющие понять, что причина у случившегося все же была. Но сначала нам необходимо осознать страх и постараться преодолеть его.

Я покосился на Кэртиса. Тот, по-видимому, погрузился в глубокое раздумье.

Наконец он посмотрел на меня и проговорил:

—Хотел бы я знать, почему этот страх возник именно теперь, а?

—В переходную эпоху культуры, — начал я, — прежние воззрения и взгляды начинают разрушаться и приобщаться к новым традициям, вызывая тревогу и беспокойство. В то самое время, когда одни переживают пробуждение и восстанавливают внутреннюю связь с источником любви, активно способствующим их развитию, другие чувствуют, что все вокруг них меняется слишком быстро и что мы сбились с пути. Они испытывают постоянный страх и становятся агрессивными, пытаясь повысить собственную энергетику. Такая поляризация страха может оказаться очень опасной, ибо люди, которых мучает страх, способны на самые крайние меры...

Не успел я договорить это, как неожиданно понял, что развиваю те же самые мысли, которые слышал некогда из уст Уила и Уильямса. Более того, у меня появилось чувство, что это — нечто такое, что я давно знал, но до этой минуты не мог осознать в полной мере.

— Мне это знакомо, — решительно отозвался Кэртис. — Так вот почему эти люди горят желанием превратить эту цветущую долину в пустыню. Они уверили себя, что в будущем цивилизация обречена на гибель, и не могут чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока не возьмут ситуацию в мире под контроль. Знаете, мне ужасно не хочется, чтобы это случилось. Пускай уж лучше все они взлетят вверх тормашками. Я строго посмотрел на него:

—Что вы имеете в виду?

—Да так. Я ведь когда-то был специалистом по уничтожению. Я знаю, как это делается.

Наверное, на моем лице появилось выражение тревоги, и Кэртис поспешил успокоить меня:

— Да не беспокойтесь. Я сумею найти способ устроить это так, что это никому не причинит вреда. Мне не хотелось бы, чтобы это осталось на моей совести.

В этот момент волна чувств захлестнула меня.

— Любое проявление жестокости, — воскликнул я, — еще более ухудшает ситуацию! Разве вы этого не знаете?

— Но разве существует какой-нибудь другой путь? Краешком глаза я вновь заметил странный силуэт; спустя миг он исчез.

— Даже не знаю, — отозвался я. — Но если мы боремся с ними, проявляя страх и ненависть, они видят в нас только врагов. А это делает их еще более упорными. Они начинают опасаться нас. Наверное, группе, о которой упоминал Уильямс, предстоит совершить что-то еще. Мы должны полностью вспомнить свое Врожденное видение... тогда мы сможем вспомнить нечто большее, а именно *Видение мира.*

Этот термин показался мне знакомым, но я никак не мог вспомнить, где и когда мне доводилось о нем слышать.

—Видение мира... — протянул Кэртис, погрузившись в глубокое раздумье. — Помнится, об этом упоминал Дэвид Одинокий Орел.

—Да, верно, — отозвался я. — Так оно и было.

—И как по-вашему, что же представляет собой это Видение? — спросил Кэртис.

Я собрался было честно признаться, что еще не знаю этого, но тут в голове у меня мелькнула мысль.

— Это — осознание, нет — память о том, что именно мы должны выполнить. Мы должны вспомнить то, что выходит за рамки наших врожденных установок, затрагивая более широкие представления о цели человечества и о том, как мы можем ее достичь. Несомненно, память об этом приносит прилив энергии, который способен покончить со страхом, положить конец этому эксперименту.

—Не представляю, как достичь этого, — отозвался Кэртис.

—Видение, память помогают повысить уровень энергетики тех, кто охвачен страхом, — заговорил я, ощущая прилив сил. — Они должны пробудиться, избавиться от предубеждений. Они должны перестать, прекратить свой эксперимент...

Несколько мгновений мы помолчали, а затем Кэртис обратился ко мне:

— Возможно, так оно и есть, но как же мы можем повысить свою энергетику?

На этот раз память не пожелала помочь мне.

—Хотел бы я знать, в какой мере они подготовились к этим проклятым экспериментам, — добавил он.

—А отчего возникает этот гул? — в свою очередь, спросил я.

—Гул — это диссонанс, являющийся следствием перебоев в связи между генераторами малой мощности. Он означает, что эти парни упорно пытаются настроить свою систему. Чем более неприятен и дисгармоничен этот гул, тем дальше они от своей цели. — Кэртис опять ненадолго задумался. — Я просто поражаюсь, на каких вихрях энергии они стремятся сфокусировать свои генераторы..

— Представляю себе, — отсутствующим тоном заметил Кэртис, — что может произойти с человеком, который, случайно оказавшись поблизости от фокальной точки, вдруг услышит этот гул и ощутит лавину электроэнергии, разлитой в воздухе.

Мы обменялись выразительными взглядами, и в звенящей тишине я услышал слабый звук, напоминающий чьи-то вибрации.

— Вы слышали, а? — встревоженно спросил Кэртис.

Посмотрев на него, я почувствовал, как у меня дыбом поднялись волосы на руках.

— Что бы это могло быть?

Кэртис перевел взгляд на свои руки, а затем в ужасе обернулся ко мне.

— Нам надо поскорее убираться отсюда! — воскликнул он, хватая фонарик и вскочив на ноги. Он почти силой потащил меня вниз по склону.

Внезапно этот душераздирающий звук, который мы слышали тогда вместе с Уилом, возник вновь и превратился в ударную волну, тотчас сбившую с ног и меня, и Кэртиса. В тот же самый миг земля под нами резко сотряслась, и футах в двадцати от нас образовалась широкая трещина, из которой взрывная волна взметнула в воздух целые тучи пыли и мелких камней.

В довершение всего прямо за нашей спиной один из могучих дубов, не выдержав столь сильного землетрясения, вздрогнул, наклонился и с оглушительным грохотом рухнул на землю. Спустя несколько секунд еще одна, на этот раз более крупная, трещина прорезала почву справа от нас, и земля у нас под ногами заколебалась. Кэртис, не в силах удержаться на ногах, начал сползать в сторону все более и более расширяющейся бездны. Ухватившись одной рукой за какой-то куст, я протянул другую Кэртису. На какой-то миг он уцепился за мою руку, но затем наши пальцы ослабли, его рука выскользнула, и я, не в силах помочь ему, наблюдал за тем, как он обреченно заскользил к краю пропасти. Трещина тем временем все более расширялась, из нее взметнулся огромный столб пыли и камней, и все смолкло. Послышался громкий треск упавшего дерева, и ночь погрузилась во тьму и тишину.

Когда пыль немного рассеялась, я выпустил из рук ветки кустарника и осторожно пополз к краю пропасти. Вскоре я заметил, что Кэртис каким-то чудом держится на самом ее краю, хотя был уверен, что бездна давно поглотила его. Увидев меня, он перевернулся на другой бок и бросился ко мне.

— Пошли скорее! — прошипел он. — Я не хочу, чтобы это повторилось опять!

Не говоря ни слова, мы опрометью бросились вниз по склону холма, спеша в наш лагерь. Кэртис бежал впереди, таща меня за собой. Добравшись до лагеря, он поспешно снял обе палатки, сложил их и наспех запихнул в рюкзаки. Я побрел за ним, и мы направились к юго-востоку. Вскоре нам попались заросли густого кустарника. Не успели мы пройти и полмили, как усталость и боль в лодыжке заставили меня остановиться. Кэртис внимательно оглядел место.

— Что же, возможно, здесь нам ничто не будет угрожать, — проговорил он, — но давайте на всякий случай заберемся поглубже в заросли.

Я последовал за ним, а он тем временем углубился футов на пятьдесят в непроходимую чащобу.

— Ну вот, здесь мы в безопасности, — удовлетворенно пояснил он. — Давайте ставить палатки.

В считанные минуты натянув свои видавшие виды палатки, мы прикрыли их ветками и, с трудом переводя дух, переглянулись, усевшись бок о бок на откидном клапане, служившем дверью палатки Кэртиса.

— Как по-вашему, что произошло? — с нетерпением спросил я.

Кэртис ничего не ответил: он с сосредоточенным выражением лица рылся в своем рюкзаке, пытаясь достать фляжку с водой.

—Они заняты именно тем, чем мы и предполагали, — наконец проговорил он. — Эти парни пытаются сфокусировать свой генератор на какой-то очень отдаленной точке. — При

этих словах он отпил большой глоток из фляжки. — Видимо, они вздумали уничтожить эту долину; их пора остановить, пока не поздно.

—А как же насчет дыма, который мы оба почувствовали? — озабоченно спросил я.

— Просто не знаю что и подумать, — проговорил Кэртис. — Возникает ощущение, будто доктор Уильямс где-то здесь, рядом. Иногда я почти слышу его знакомые интонации, тембр его голоса, вспоминаю, что он сказал бы в той или иной ситуации.

Я взглянул Кэртису в глаза:

—Мне кажется, это действительно был *он.* Кэртис чуть не выронил фляжку, передавая ее мне.

—Разве такое возможно? — растерянно спросил он.

— Сам не знаю, — проговорил я. — Однако мне кажется, что он появился здесь, чтобы передать некую весть, адресованную *вам.* Когда мы с другом видели его там, ну, в посмертном измерении, он горько сожалел, что не сумел достичь пробуждения, не смог вспомнить, во имя чего он появился на свет. Он был убежден, что вы одна из душ той самой группы, о которой он упоминал. Кстати, а не можете ли вы вспомнить что-нибудь в этой связи? Мне кажется, он хотел напомнить вам, что насилие не остановит этих людей. Мы должны попытаться найти другой подход, опираясь на Видение, о котором говорил вам Дэвид.

Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом:

— Не знаю. Во всяком случае, не уверен. Я не смог сосредоточиться на этом и покатился в пропасть. Падая в нее, я испытал чувство невероятного покоя и умиротворения и опустился на самое дно мягко, словно на пуховый матрац. Единственное, что я мог разглядеть, — белое сияние, окружавшее меня. В следующую минуту я с удивлением обнаружил, что опять лежу на краю расселины и ко мне приближаетесь вы. Как вы полагаете, доктор Уильямс способен на подобные вещи, а?

— Не думаю, — отозвался я. — Видите ли, вчера я пережил почти такой же эпизод. Меня едва не раздавило грудой камней, и в критический момент я заметил такую же белую фигуру. Да, здесь явно что-то происходит.

Кэртис сказал еще несколько слов, на которые я не обратил внимания. Меня ужасно клонило в сон.

— Что ж, пора по палаткам, — пробурчал Кэртис.

Когда наутро я выбрался из палатки, Кэртис уже давно был на ногах. Утро выдалось ясное, но белая пелена тумана, стелившаяся по земле, окутывала основания деревьев. Неожиданно я заметил, что Кэртис, что называется, вне себя.

—Никак не могу перестать думать о том, что они там творят, — раздраженно проговорил он. — А они и не собираются прекращать свою чертовщину. — Он перевел дух. — Теперь они пытаются выяснить, какую пакость им удалось устроить на холме. Переналадка генератора займет какое-то время, но это будет не слишком долго, и они попытаются начать все сначала. Знаете, я могу остановить их, но для этого нам надо выяснить, где они находятся.

—Послушайте, Кэртис, гнев способен только испортить все дело. Вам не удалось осознать, какую именно весть принес вам доктор Уильямс? Мы должны непременно понять, как надо пользоваться Видением...

—Нет и еще раз нет! — в порыве раздражения воскликнул он. — Я уже пытался, но напрасно!

Я удивленно взглянул на него:

—Пытались? И когда же это? Раздражение на его лице сменилось смущением.

—Не знаю, не помню.

— Ну ладно, ладно, — отозвался я. — А мне кажется, я его понял.

Кэртис отчаянно замахал на меня руками:

— Не могу и не хочу слышать этот гул! Он сводит меня с ума. Все происходящее — это моя вина. Ведь если бы я не занимался разработкой этой системы, они не смогли бы устроить здесь ничего подобного. Значит, я сам должен исправить случившееся. — Он встревоженно огляделся по сторонам и принялся укладывать рюкзак.

Я немного помедлил, а затем тоже снял свою палатку, стараясь собраться с мыслями. Через несколько минут я проговорил:

— Знаете, я недавно уже обращался за помощью. Майя, женщина, встреченная мной в этом же лесу, уверяла меня, что обратится к шерифу с просьбой провести специальное расследование. Обещайте, что дадите мне хоть немного времени на размышление.

Кэртис, стоя на коленях, завязывал свой огромный рюкзак.

— Не могу вам этого обещать. Я должен действовать по ситуации, когда и как сочту нужным.

— А у вас в рюкзаке, случайно, не взрывчатка? — поинтересовался я.

Он подошел ко мне вплотную.

—Я уже говорил вам, что не намерен причинить никому вреда.

—Мне необходимо немного времени, — повторил я. — Если мне удастся вновь увидеться с Уилом, я просто уверен, что смогу разобраться с этим Видением и воспользоваться им. . .

— Ладно, так и быть, — неохотно согласился он. — Действуйте, а я пока что повременю. Но как только они возобновят свои дикие эксперименты, я буду считать, что время бездействия кончилось, и попытаюсь что-нибудь предпринять.

Не успел он договорить, как перед моим мысленным взором возникло лицо Уила, окруженное густым изумрудным сиянием.

— Здесь есть поблизости какая-нибудь зона высокой энергетики? — поспешно спросил я.

Кэртис указал рукой на юг:

—Где-то там, на большой гряде, есть, как я слышал, нависающая скала. Но находится она на землях частного владения, недавно проданных. Так что я просто не знаю, кто владеет ею теперь.

—Я схожу туда и посмотрю. Если мне удастся найти это место, может быть, я смогу разыскать Уила.

Кэртис, покончив со своим рюкзаком, помог мне потуже завязать мой, а затем расправил примятые ветки кустов на том месте, где только что стояли наши палатки. Но в этот миг далеко на северо-западе мы услышали слабый рокот моторов.

— Ну, я пошел на восток, — проговорил Кэртис.

Я кивнул, проводив его взглядом, а затем взвалил рюкзак на плечи и начал подниматься по пологому склону, держа курс на юг. Миновав несколько пологих холмов, я преодолел довольно крутой склон главной гряды. Пробираясь сквозь густые лесные заросли, я примерно с полпути начал оглядываться по сторонам, высматривая нависающую скалу, но кроны сомкнулись сплошной стеной, закрывая обзор.

Поднявшись по склону еще на несколько сот ярдов, я опять сделал привал. Скалы по-прежнему не было видно, и склон гряды над моей головой не имел никаких уступов. Не имея ни малейшего представления о том, куда же направиться дальше, я решил присесть и попытаться повысить свою энергетику. Через несколько минут я почувствовал себя гораздо лучше и стал прислушиваться к щебету птиц и кваканью древесных лягушек в кронах над моей головой. В этот миг большой золотистый орел взлетел со своего гнезда и, раскинув крылья, полетел на восток вдоль гребня главной гряды...

Я помнил, что появление этой птицы всегда предвещает какую-то новость, и решил последовать за орлом, подобно тому, как несколько дней назад пошел за ястребом. Постепенно на склоне стало встречаться все больше и больше каменных глыб. Мне попался небольшой ручей, вытекавший из расселины скал. Я набрал полную фляжку свежей воды и, наклонившись, умылся. Пройдя еще примерно полмили, я очутился в рощице невысоких елей и увидел прямо перед собой величественный уступ. Добрых полакра склона были заняты обширными террасами из мощного известняка, а на самом дальнем краю возвышался нависающий выступ шириной двадцать и длиной не менее сорока футов от края утеса, с

которого открывался удивительный вид на долину, лежавшую внизу. В тот же миг я заметил густо изумрудный ореол, окружавший нижнюю кромку.

Сняв с плеча рюкзак, я на всякий случай спрятал его под грудой камней, а затем отошел подальше и присел на одну из глыб. Стоило мне немного сосредоточиться, как перед моим мысленным взором появился образ Уила. Сделав глубокий вздох, я почувствовал, что тело мое пришло в движение...

ИСТОРИЯ ПРОБУЖДЕНИЯ

Открыв глаза, я обнаружил, что оказался в поле густо-голубого сияния, испытывая уже знакомое чувство покоя и умиротворенности. Слева от себя я вновь заметил Уила.

Как и в прошлый раз, увидев, что я вернулся, он невероятно обрадовался и был вне себя от восторга. Придвинувшись вплотную ко мне, он шепнул:

— Ты очутился здесь во имя того, чтобы испытать любовь.

—А где мы находимся?

—Приглядись повнимательнее, — отозвался он.

Я отрицательно покачал головой:

—Для начала мне надо переговорить с тобой. Понимаешь, для нас очень важно найти место, где проводится этот чертов эксперимент, и остановить его. Они ведь уже разрушили вершину холма. Бог знает, что взбредет им в голову в следующий раз.

—И что нам делать, если мы и впрямь отыщем их? — осведомился Уил.

—Сам не знаю.

—Вот и я тоже ума не приложу. Расскажи, что там произошло.

Я закрыл глаза и постарался сосредоточиться, а затем описал свою новую встречу с Майей и особенно ту бурную реакцию, которую вызвало у нее мое утверждение о том, что она одна из душ той же группы.

Уил в ответ молча кивнул.

Затем я рассказал о том, как повстречал Кэртиса, ощутил присутствие Уильямса и сумел избежать гибели во время эксперимента.

—А Уильямс говорил с тобой? — поинтересовался Уил.

—В сущности, нет. Общение протекало не на ментальном уровне, как наше с тобой. Он, казалось, каким-то образом влиял на мысли и образы, возникавшие в нашем сознании. Это выглядело как обращение к информации, с которой я уже познакомился прежде на более высоком уровне; однако мы с Кэртисом готовы были поклясться, что он пытается общаться с нами. Это выглядит странным, но я чувствовал, что он где-то рядом.

—И что же он вам поведал?

—Он подтвердил, что мы с тобой действительно видели Майю; сказал, что мы можем вспомнить происходившее за рамками наших индивидуальных врожденных установок и перейти к более широкому пониманию цели, стоящей перед человечеством, и того, как мы можем способствовать достижению этой цели. Очевидно, способность вспомнить это знание принесет нам прилив энергии, которая положит конец и обуревающему нас страху... и этому эксперименту. Он назвал это Видением мира.

Уил ничего не ответил.

—Ну, что ты об этом думаешь? — нетерпеливо спросил я.

—Мне кажется, это — нечто большее, чем уровень знаний Десятого пророчества. Постарайся понять меня: я тоже разделяю твою озабоченность. Но единственное, что мы можем сделать сейчас, — это продолжать познавать посмертное измерение до тех пор, пока мы не обретем это более высокое Видение, к которому обращался Уильямс. По-видимому, должен существовать некий процесс, позволяющий вспомнить все.

В этот момент я заметил невдалеке некое странное движение. Футах в пятидесяти от нас появились восемь или десять существ, на которых мне почти не удавалось сосредоточиться. За ними возникли еще несколько дюжин таких же существ, окутанных

ореолом характерного янтарного сияния. Все они буквально излучали чувство сострадания и ностальгии, уже знакомое нам.

— Как по-твоему, кто эти души? — обратился ко мне Уил, широко улыбаясь.

Я взглянул на эту группу со странным родственным ощущением, интуитивно чувствуя, но пока что не узнавая. Приглядевшись к ним повнимательнее, я ощутил, что эмоциональная связь с ними во мне заметно окрепла; до сих пор я не испытывал ничего подобного. Однако меня не покидало чувство близости к ним; я сознавал, что уже бывал здесь прежде.

Группа между тем переместилась поближе, оказавшись футах в двадцати от меня, что еще более усилило чувство радости и эйфории. Я с готовностью отдался ему, и оно захлестнуло все мое существо; мне впервые в жизни хотелось только одного: слиться с ним. Волна упоения и восторга переполнила мой рассудок.

—Ну как, узнал? — спросил Уил. Обернувшись, я радостно взглянул на него:

—Это души моей группы, верно?

В тот же миг на меня буквально нахлынула лавина воспоминаний... Тринадцатый век, Франция, монастырь в глухой сельской местности... Меня окружают монахи; слышатся голоса, смех; затем я вижу себя одиноко бредущим по дороге... Двое незнакомцев в лохмотьях — по-видимому, аскеты-отшельники — обращаются ко мне с какой-то просьбой... говорят о сохранении неких тайных знаний...

Стряхнув это странное видение, я взглянул на Уила, не в силах избавиться от чувства необъяснимого страха. Какую весть заключало в себе это видение? Я попытался было сосредоточиться, и души моей группы приблизились еще фута на четыре.

— Что происходит? — недоумевающе спросил Уил. — Я не вполне понимаю.

Я подробно описал ему свое видение.

— Попытайся еще раз, — посоветовал Уил.

Едва сосредоточившись, я вновь увидел аскетов и непонятным образом узнал, что они члены тайного ордена францисканцев-спиритуалов (

Спиритуалы (от лат. spiritual — духовный) — аскеты-подвижники, придававшие главное значение духовной стороне монашеской жизни. Это течение в католичестве возникло под влиянием знакомства с подвижниками восточной, т.е. православной, церкви и, в частности, практикой и взглядами монахов, живших на Святой горе Афон.), который совсем недавно был отлучен он церкви после низложения папы римского Селестина V.

Папа Селестин? Я недоумевающе посмотрел на Уила:

—Ты что-нибудь понимаешь? Я никогда не слышал о папе с таким именем...

—Селестин V жил в конце тринадцатого века, — заявил Уил. — Развалины в Перу, где и было найдено Девятое пророчество, принадлежат монастырю, названному в честь него в семнадцатом веке.

—А кто были эти спиритуалы?

— Видишь ли, это группа монахов особо строгой жизни, полагавших, что подлинно высокой духовности можно достичь, отрекшись от общепринятой человеческой (мирской) культуры и вернувшись к созерцательной жизни на лоне природы. Папа Селестин активно поддерживал эту идею и, более того, сам жил в пещере вместе с ними. Разумеется, в конце концов он был смещен, и после этого большинство сект, относившихся к спиритуалам, было предано анафеме* как гностики** и отлучены от церкви.

—Да нет, ты очутился там просто потому, что повторил ту же ошибку, которую совершал и прежде: ты не просто открылся навстречу этим душам, чтобы лучше понять их; ты выразил готовность покориться им, словно они автоматически могли дать ответ на все твои вопросы, не удосужившись проверить, действительно ли их действия связует и направляет любовь. И они в отличие от душ, движимых Божественным началом, не помогли тебе. Они лишь увлекли тебя в свой мир, подобно тому как поступает группа или секта полубезумных фанатиков в материальном мире, если нам удается распознать их намерения... — Уил сделал

небольшую паузу, задумавшись о чем-то, а затем продолжал: — Все это скорее уже прерогатива Десятого пророчества; вот по чему мы так упорно стремимся отыскать его. Когда связь между двумя измерениями становится более интенсивной, мы вступаем в более тесный контакт с душами, пребывающими в Посмертии. Одна из составляющих пророчества утверждает, что мы должны уметь отличать души, достигшие пробуждения и обретшие связь с духом Божественной любви, от душ, одержимых страхом и погруженных в мнимый транс. Однако, проводя такое различие, мы не вправе презирать или отвергать тех, кто оказался во власти коллизий, порожденных страхом, объявляя их демонами или дьяволами. Это незрелые души в процессе роста, такие же как и мы сами. На самом деле, в пределах земного измерения люди, вовлеченные в конфликтные сценарии, от которых им никак не удается избавиться, — это очень часто души, обладающие наиболее оптимистическим осознанием своего Врожденного видения.

Я покачал головой, не совсем понимая его.

— Именно поэтому, — продолжал Уил, — они и предпочли избрать трудные и мучительные ситуации, обусловившие столь неординарные, почти безумные обстоятельства жизни.

—Ты имеешь ввиду Появление на свет в трудных и конфликтных семьях и прочие ситуации подобного рода?

—Да, именно. Самые разные конфликтные сценарии, будь то проявления жестокости, извращений или странных пристрастий всякого рода, чаще всего порожденные тяжелыми, ненормальными или стесненными обстоятельствами жизни. Уровень страха при этом бывает настолько высок, что души втянутые в них, вновь и вновь, из поколения в поколение воспроизводят те же проявления гнева, ненависти или извращений. И души, появившиеся на светв в таких семьях, сознательно выбирают этот непростой путь.

Эта идея показалась мне нелепой,

—А с какой стати кому-то может вздуматься появиться на свет в таких невыносимых условиях?

—Дело в том, что такие души чувствуют в себе достаточно сил, чтобы выдержать все это, завершить цикл до конца и принести исцеление семье, в которой они предпочли родиться. Они уверены, что сумеют достичь пробуждения и преодолеть отчаяние и подавленность, порожденные столь трудными обстоятельствами, воспринимая их как своего рода подготовку к своей главной миссии, заключающейся в том, чтобы помочь другим, оказавшимся в такой же ситуации. И даже если такие люди одержимы злобой, мы должны уметь видеть в них потенциал для преодоления конфликтного сценария.

— Это явно льет воду на мельницу сторонников либеральных взглядов на преступность и насилие, утверждающих, что любой человек способен измениться и заслуживает прощения. Получается, что консерваторы абсолютно не правы?

Уил улыбнулся:

— Не совсем так. Либералы правы, утверждая, что люди, выросшие в атмосфере страха и насилия, являются порождением такой среды, а консерваторы оказываются вне конкуренции, когда заявляют, что пресечение преступности и прочих общественных зол — это вопрос твердой воли и решимости.

И все же взгляды либералов явно предпочтительнее, по крайней мере когда они утверждают, что люди способны измениться к лучшему, оказавшись в более благоприятных условиях, имея достаточно средств или получив хорошее образование. Как правило, всевозможные программы помощи сфокусированы лишь на том, как помочь людям принять правильное решение и сделать оптимальный выбор в экономических вопросах. Что касается особо жестоких преступлений, то вопрос о реабилитации таких преступников в лучшем случае сводится к назначению им влиятельных адвокатов, а в худшем — к призывам проявить гуманность и снисходительность, то есть именно к тому, чего делать никак не следует. Всякий раз, когда человеку, вовлеченному в ложный конфликтный сценарий, или, проще сказать, сбившемуся с пути, безнаказанно сходит с рук очередной проступок или преступление, это

позволяет ему действовать по-прежнему, укрепляя в нем мысль о том, что его проступки не слишком серьезны, а это само по себе способствует повторению их в будущем.

— И что же можно с этим поделать? — спросил я. Уил был явно взволнован:

— Мы можем научиться воздействовать на них духовным путем! Это означает помочь им вывести весь процесс в план сознания, как, собственно, и поступают здесь души, помогающие тем, кто еще находится в плену иллюзий и призраков...

Уил посмотрел в сторону душ, образующих кольцо, а затем взглянул на меня и покачал головой.

— Видишь ли, я могу получать от этих душ информацию, которую только что изложил тебе, но пока что не обладаю ясным пониманием Видения мира. Мы не располагаем для этого достаточной энергетикой.

Я тоже сосредоточил внимание на душах, составлявших кольцо, но не смог узнать от них ничего, помимо того, что мне уже поведал Уил. Было совершенно ясно, что эти души обладали более высоким знанием и проецировали его на видения, порожденные страхом, но, как и Уил, я не мог более ничего понять.

— Теперь мы имеем дело с другим фрагментом Детого пророчества, — проговорил Уил. — Нам известно, что каким бы отталкивающим ни выглядело поведение других, мы должны понимать, что и они тоже души, пытающиеся, как и мы, достичь пробуждения...

Внезапно до моего слуха донесся резкий диссонирующий шум или гул, а в голове закружились яркие, многоцветные образы. Уил быстро наклонился и успел поймать меня в самый последний момент, поделившись со мной энергией, прижав руку к моей спине. На миг меня пронизала сильная дрожь, а затем странное явление прошло.

— Они вновь возобновили свои эксперименты, — вздохнул Уил.

Я немного пришел в себя после головокружения и взглянул на него.

— Это означает, что Кэртис попытается силой заставить этих парней прекратить их чертовы опыты. Он убежден, что это единственный путь.

Не успел я договорить, как перед моим мысленным взором возник ясный образ Феймана, человека, способного, как считал Дэвид Одинокий Орел, повлиять на эксперимент... Фейман что-то искал в долине... Взглянув на Уила, я понял, что и перед ним тоже предстало это видение. Он кивнул, и в тот же миг мы понеслись куда-то в неизвестность...

Остановившись наконец, мы с Уилом переглянулись. Вокруг нас расстилалась мрачная серая пустота. Затем в тишине раздался громкий скрежещущий звук, и лицо Уила вдруг стало расплывчатым. Однако он по-прежнему держался за меня, и через несколько мгновений звуки исчезли.

— Надо же, эти всплески стали заметно чаще, — проговорил Уил. — Значит, у нас совсем мало времени.

Я кивнул, отчаянно борясь с головокружением.

— Погляди-ка вот туда, — произнес Уил. Приглядевшись к окружавшей нас пустоте, мы заметили, что примерно в нескольких сотнях ярдов от нас появился некий странный сгусток энергии. А вскоре он приблизился к нам на расстояние сорока или пятидесяти футов.

— Будь осторожен! — предостерег меня Уил. — Не старайся полностью открыться им. Лучше выслушай их и узнай, кто они такие.

Я осторожно сосредоточился на них и тотчас увидел души, охваченные бурным движением, и призрак того самого города, откуда недавно едва спасся.

Я вздрогнул от страха, и видение мгновенно приблизилось к нам.

— Попытайся сосредоточиться на чувстве любви, — посоветовал Уил. — Они не смогут никуда увлечь нас, если мы сами не захотим, чтобы они спасли нас. Постарайся посылать им любовь и энергию. Это или поможет им, или они исчезнут.

Осознав, что представшие нам души охвачены страхом куда больше, чем я, я сконцентрировался и направил им пучок энергии любви. В тот же миг они отпрянули назад, на то место, где впервые появились.

—Но почему они не могут воспринять любовь и достичь пробуждения? — недоумевающе спросил я.

—Дело в том, что когда они ощущают прилив энергии и сознание их выходит на более высокий уровень, в них нарастает беспокойство, и они не могут преодолеть тревогу, вызванную чувством одиночества и беззащитности. Высвобождение сознания и преодоление конфликтных сценариев всегда поначалу вызывают чувство тревоги, ибо прежде чем душа сможет найти внутреннее решение проблемы беззащитности, в ней всегда нарастает ощущение подавленности. Вот почему пробуждению сознания и достижению духовной эйфории иногда предшествует “темная ночь души”.

В этот момент мое внимание привлекло некое движение, возникшее справа от меня. Сосредоточившись, я заметил, что там появились души другой группы; одни из них приближались, другие, напротив, исчезали. Я попытался понять, чем занята эта группа.

— Как ты думаешь, почему они появились здесь, а? — обратился я к Уилу.

Он пожал плечами:

— Видимо, они имеют какое-то отношение к этому Фейману.

Затем я заметил, что вокруг этой группы возникло некое движущееся видение, своего рода панорама. Приглядевшись повнимательнее, я понял, что это призрак некоего промышленного комплекса: там высились огромные металлические корпуса и ряды странных объектов, напоминающих трансформаторные станции, а также трубопроводы и густая сеть линий электропередачи. В центре этого комплекса, на крыше одного из самых высоких зданий, находился цельностеклянный пульт управления. Внутри его я заметил ряды компьютеров и всевозможных приборов. Я с недоумением обернулся к Уилу.

— Да, я все вижу, — отозвался он.

Мы продолжали разглядывать комплекс; панорама перед нами раздвинулась настолько, что мы смогли взглянуть на него как бы сверху. Бесчисленные линии электропередачи, протянулись на многие мили от комплекса. Провода эти вели к огромным башням, где располагались лазерные генераторы, направлявшие пучки энергии на другие местные подстанции.

— Ты понял, что это за комплекс, а? — опять спросил я Уила.

Он кивнул:

—Это централизованная энергогенераторная станция. Затем наше внимание привлекло какое-то движение в дальнем конце комплекса. К одному из самых больших зданий начали спешно прибывать аварийные бригады и пожарные машины. Из окон четвертого этажа показалось зловещее зарево. Затем сияние стало ослепительно ярким, и земля под фундаментом здания, казалось, дала громадную трещину. Взметнулись Целые тучи пыли и мелких обломков, здание вздрогнуло и начало медленно оседать. А в здании справа от него тоже возник пожар...

Видение перенесло нас на пульт управления, где озабоченно сновали техники и инженеры. Дверь справа резко распахнулась, и на пороге показался человек с грудой документов и распечаток. Вывалив их на стол, он с озабоченным видом принялся разбирать документы. Затем, слегка прихрамывая, он направился в угол комнаты и начал сосредоточенно настраивать переключатели и диоды. Постепенно сотрясения почвы прекратились, и пожарным удалось справиться с пламенем... А мужчина по-прежнему продолжал напряженно работать, отдавая распоряжения техникам.

Повнимательнее приглядевшись к человеку, распоявшемуся на пульте, я удивленно обернулся к Уилу:

— Да это же Фейман!

Не успел Уил ответить мне, как видение начало прокручиваться словно в ускоренном темпе. У нас на глазах комплекс удалось спасти, а затем рабочие принялись спешно демонтировать его, разбирая одно здание за другим. Одновременно с этим поблизости от него началось строительство нового, куда более скромного по размерам, комплекса, производившего более компактные генераторы. Наконец на месте большей части территории

прежнего комплекса появились лесонасаждения, а новая станция превратилась в небольшой хозблок, который сегодня можно встретить практически возле каждого дома или офиса в сельской местности.

Затем панорама резко изменилась, и мы, приглядевшись, заметили в глубине какого-то человека, как и мы, наблюдавшего за происходящим. Взглянув на него еще раз, я понял, что это Фейман: он еще до нынешнего своего рождения просматривал будущее, размышляя, чего он сможет достичь в жизни.

Мы с Уилом обменялись выразительными взглядами.

— Это составная часть его Врожденного видения, не так ли? — спросил я.

В ответ Уил кивнул.

— По всей видимости, это его группа душ. Давай попытаемся узнать о нем как можно больше.

Мы сосредоточились на группе, и прямо перед нами возник другой образ... Мы увидели военный лагерь девятнадцатого века, а затем — палатку командующего. Потом показался и сам Фейман: он стоял рядом с генералом, тем самым, которого я видел там, в городе-призраке. Фейман был тем самым вторым адъютантом; он слегка прихрамывал.

Наблюдая за их беседой, мы начали понимать, что связывало этих столь непохожих людей. Блестящий тактик, Фейман отвечал за разработку стратегии и использование новых видов оружия. В предвидении наступления командующий приказал тайно распродать по дешевке коренным жителям Америки одеяла, зараженные оспой, — тактический ход, которому Фейман решительно воспротивился не столько потому, что понимал, какой вред это может нанести индейцам, сколько потому, что считал такие действия политически нецелесообразными. Однако он был вынужден подчиниться приказу.

Через некоторое время, несмотря на восторженные отклики в Вашингтоне на эту победу, пресса, узнав о коварном использовании оспы, подняла шум, и в конгрессе было начато расследование. Командующий и его покровители в Вашингтоне возложили всю тяжесть ответственности за это злодеяние на Феймана, сделав из него этакого козла отпущения, и его карьера бесславно закончилась. Зато его недавний командир сделал блестящую политическую карьеру, превратившись в национального героя, прежде чем пасть от руки тех же самых двуличных вашингтонских правителей.

Фейману, в свою очередь, так и не удалось восстановить прежнее положение; его политические амбиции были полностью подавлены. С годами он становился все более раздражительным и мстительным, тщетно пытаясь привлечь внимание публики и потребовать от своего бывшего командира предоставить отчет о том злополучном сражении. Несколько журналистов взялись было за расследование дела, но очень скоро интерес общественности к этой истории окончательно угас, и Феймана ожидало очередное разочарование. Впоследствии, уже на склоне жизни, он наконец понял, что его политические проекты так никогда и не будут воплощены в жизнь, и тогда, обвиняя старого командира во всех своих бедах, он попытался было на одном из званых приемов совершить покушение на отставного политика, но был застрелен охранником.

Поскольку Фейман сам закрыл для себя путь к внутреннему чувству защищенности и любви, он и после смерти не смог достичь пробуждения. На протяжении многих лет ему казалось, что он спасся после неудачной попытки прикончить своего старого командира, и он жил в мире ментальных иллюзий, преисполненный ненависти и всецело поглощенный замыслом нового покушения, и все ради того, чтобы быть вновь застреленным, и так — без конца...

Наблюдая за видением, я понял, что Фейман мог бы пребывать в плену иллюзий гораздо дольше, если бы не решительные усилия другого человека, которого он встретил в том же военном лагере. Приглядевшись, я смог различить черты его лица и узнал его.

— Да это же Джоэл, журналист, которого я недавно видел, — проговорил я, обращаясь к Уилу и не спуская глаз с видения.

Уил кивнул, соглашаясь.

После смерти Джоэл стал одной из душ внешнего кольца и сосредоточил все свои усилия на том, чтобы помочь Фейману достичь пробуждения. Еще при жизни, общаясь с Фейманом, он потратил немало сил на разоблачение жестокости и коварства, проявлявшихся военными в отношении индейцев, но, несмотря на то что он тоже знал о пресловутых одеялах, зараженных оспой, его противникам с помощью посулов и угроз удалось заставить его держать язык за зубами. После смерти он был буквально обескуражен Обзором своей Жизни, но сохранил память о прошлом, и ему было поручено опекать Феймана, который находился на грани гибели из-за невозможности вмешаться в происходящее.

Прошло много времени, прежде чем Фейман наконец пришел в себя и ему был показан долгий и мучительный Обзор Жизни. Оказалось, что в своей инкарнации в девятнадцатом веке он собирался стать мирным инженером, участвующим в разработке новой техники. Однако затем его соблазнили перспективы стать знаменитым героем войны, таким как его командир, и разрабатывать новые виды оружия и методы ведения военных действий.

В промежутке между двумя последними жизнями он активно участвовал в помощи тем, кто находится на Земле, помогая им овладевать новой техникой. В это время перед ним начало возникать видение другой, предстоящей ему, жизни. Поначалу медленно, а затем все более и более уверенно он пришел к убеждению, что скоро будут созданы генераторы энергии, обладающие громадным потенциалом освобождения человечества от тяжкого труда, но такие генераторы будут чрезвычайно опасными.

Увидев себя уже родившимся в материальном мире, он понял, что его миссия заключается в разработке таких систем, прекрасно сознавая, что на пути к успеху им во многом движет страстное стремление к славе и всеобщему признанию. Однако он вскоре осознал, что у него будут и помощники: рядом с ним работали еще шесть человек... Он мысленно представил себе долину; они работали где-то там, за водопадами, используя процесс обретения Видения мира...

Когда видение начало быстро меркнуть, я попытался запомнить хотя бы некоторые аспекты этого процесса. Прежде всего группа из семи душ должна попытаться воскресить в памяти свой прежний опыт и начать преодолевать остатки недавних переживаний. Тогда группа, опираясь на практику Восьмого пророчества, сможет осознанно повысить свою энергетику, и каждый из ее членов получит возможность выразить свое индивидуальное Врожденное Видение. Это повлечет за собой повышение уровней вибраций и окончательно объединит семь душ в сплоченную группу. Благодаря обретенным знаниям должно прийти полное воспоминание о едином для всех будущем, то есть Видение мира, понимание того, куда мы идем и что нам необходимо для воплощения своего предназначения в этом мире.

Глаза Уила заметно оживились.

—Да ты понимаешь, что происходит? — взволнованно спросил он. — Это же означает, что первоначальное намерение Феймана заключалось в совершенствовании и децентрализации технического проекта, над которым он работал. И как только он осознает это, он немедленно прекратит эксперименты.

—Мы должны во что бы то ни стало найти его, — отозвался я.

—Нет, не стоит, — возразил Уил. — Это ничего не даст, по крайней мере пока. Мы должны найти остальных членов этой группы; совместная энергия группы должна быть направлена на воскрешение в памяти Видения мира. Видишь ли, группа должна пройти через стадию воспоминания и повышения собственной энергетики.

— Я что-то не вполне понимаю, при чем здесь преодоление остатков переживаний, — вставил я.

Уил придвинулся вплотную ко мне.

—А ты помнишь другие ментальные образы, возникавшие перед твоим мысленным взором? Ну, воспоминания о других краях, иных эпохах?

—Да, разумеется.

—Видишь ли, группа, собравшаяся для проведения этих проклятых экспериментов, сложилась задолго до этого. У ее членов существуют остаточные переживаиия, которые

необходимо преодолеть! Этим должен заняться каждый. — Уил отвернулся и немного помолчал, а затем добавил: — Но это уже сфера Десятого пророчества. В этом процессе участвует не одна эта группа, есть другие. Поэтому мы все должны научиться избавляться от гнева и раздражения.

Пока он говорил это, мне вспомнились многие ситуации в группах, свидетелем которых мне довелось быть. Одни их члены сразу же проникались симпатией друг к другу, другие, напротив, без всякой видимой причины начинали испытывать взаимную неприязнь. Я задумался: а готова ли человеческая цивилизация к восприятию этого отдаленного источника бессознательных реакций?

Но тут все мое существо внезапно пронзил резкий скрежещущий звук. Уил схватил меня за руку и потянул к себе, так что мы почти коснулись друг друга лбами.

— Если ты опять рухнешь вниз, я даже не знаю, сможешь ли ты вернуться обратно, пока эксперименты продолжаются на таком уровне, — прокричал он. — Ты должен отыскать остальных!

Второй, более сильный, толчок разъединил нас, и я опять погрузился в уже знакомый вихрь красок, сознавая, что возвращаюсь вниз, в земное измерение. Но на этот раз, вместо того чтобы быстро попасть в материальный план, я странным образом замешкался; некая сила, толкнув меня в область солнечного сплетения, повлекла меня куда-то вбок, в сторону. Я попытался сосредоточиться; пространство вокруг заметно успокоилось, и я начал ощущать присутствие какого-то другого существа, человека, еще не различая его индивидуальный облик. Кто же это мог так повлиять на меня?

Наконец в тридцати или сорока футах от себя я начал различать очертания фигуры, которая постепенно приближалась, пока я не узнал ее. Да, это была Чарлин! Когда она оказалась в каких-нибудь десяти футах от меня, я испытал странное ощущение, словно мое тело неожиданно расслабилось. Одновременно я заметил розовато-красное поле энергии, окружавшее Чарлин. А через несколько секунд, к величайшему своему изумлению, я увидел, что такое же поле светится и вокруг меня. Когда между нами оставалось каких-нибудь пять футов, ощущение расслабленности перешло в быстро нараставшее сексуальное возбуждение, завершившееся волной оргазма, заполнившей все мое существо. Внезапно я утратил способность мыслить. Что же со мной происходило?

Но в тот самый момент, когда наши сияющие поля уже были готовы соприкоснуться, послышался новый всплеск скрежещущего диссонанса. Я отпрянул, и меня закружил и понес вихрь энергии...

ПРОЩЕНИЕ

Придя в себя, я почувствовал на своей правой щеке прикосновение чего-то холодного и мокрого. Медленно приоткрыв глаза, я похолодел от ужаса... Молодой волк посмотрел на меня, принюхался, помахивая хвостом, а затем, когда я приподнялся и сел, трусцой направился в лес. С трудом соображая от усталости, я машинально поднял рюкзак и в надвигающихся сумерках побрел к зарослям. Там я натянул палатку и почти рухнул в спальный мешок. Но заснуть мне никак не удавалось: я был весьма заинтригован странной встречей с Чарлин. Каким образом она оказалась в ином измерении? Какая сила свела нас там?

На следующее утро я проснулся довольно рано, наспех позавтракал овсянкой, с жадностью проглотив ее, а затем осторожно, стараясь не шуметь, направился к небольшому ручью, встретившемуся мне по пути сюда, чтобы умыться и набрать воды в походную фляжку. Я чувствовал усталость, но мне не терпелось отыскать Кэртиса.

Внезапно я замер на месте: где-то далеко на востоке послышался грохот мощного взрыва. Это, наверное, Кэртис взялся за дело, подумал я и бросился обратно к палатке. Волна страха пронизала все мое тело; я быстро упаковал рюкзак и направился в ту сторону, где прозвучал взрыв. Примерно через полмили лес неожиданно кончился, и я увидел просторный

пустырь, похожий на заброшенное пастбище. Прямо передо мной между деревьями виднелось несколько рядов ржавой колючей проволоки. Я окинул взглядом открытое пространство, тянувшееся до высоких деревьев и сплошной стены кустарников, высившейся примерно в сотне ярдов от меня. Неожиданно кустарники раздвинулись, и показался Кэртис: он опрометью бросился прямо ко мне. Я помахал ему рукой, и он, тотчас узнав меня, сбавил темп и перешел с бега на быстрый шаг. Подойдя, он осторожно перебрался через колючую проволоку и привалился к дереву, с трудом переводя дух.

— Что случилось? — встревоженно спросил я. — Вы там что-нибудь взорвали, а?

Он отрицательно покачал головой:

— Да нет, мне почти ничего не удалось сделать. Они проводят эти эксперименты под землей. У меня не было при себе взрывчатки, и к тому же... ну, словом, я боялся задеть людей, находящихся внутри. Единственное, что я смог сделать, — это взорвать наружную антенну-тарелку; надеюсь, это хоть немного помешает им.

—Но как же вам удалось подобраться к ним так близко?

—Я заложил взрывчатку вчера вечером, когда совсем стемнело. Наверное, они не ожидали, что кто-нибудь вздумает проникнуть туда, и почти не выставили охраны.

Кэртис замолчал; вдали послышался рокот моторов тяжелых грузовиков.

—Нам надо уносить ноги из этой долины, — продолжал он, — и позвать кого-нибудь на подмогу. Сами мы ничего не сможем поделать с ними. Они приближаются!

—Подождите минутку, — проговорил я. — Я думаю, у нас есть шанс остановить их, но прежде мы должны найти Майю и Чарлин.

Его глаза так и засверкали.

— Вы имеете в виду Чарлин Биллингс?

—Ее самую.

—Видите ли, я с ней знаком. Она не так давно проводила какие-то исследования для этой чертовой корпорации. Правда, я не видел ее вот уже несколько лет и вдруг вчера вечером заметил, что она направляется в подземный бункер. Вместе с ней шли какие-то люди, вооруженные, что называется, до зубов.

—И что же, они вели ее туда силой? — удивленно спросил я.

—Даже не знаю, — рассеянно отозвался Кэртис: он напряженно прислушивался к рокоту грузовиков. — Пора убираться отсюда. Я знаю тут поблизости одно местечко, где мы можем укрыться до темноты, но нам надо спешить. — Он посмотрел на восток. — Я попытался запутать следы, но боюсь, они скоро разберутся и найдут нас.

—Я должен сообщить вам что-то важное, — заговорил я. — Я опять встретил Уила.

—Хорошо-хорошо, вы расскажете мне все по пути, — отозвался он, прибавляя шагу. — Нам надо уносить ноги. Я внимательно оглядел глубокую лощину на противоположной стороне холма, пытаясь найти пещеру. Все было спокойно. Я прислушался, но не услышал ни единого подозрительного звука. Мы прошли не меньше мили на северо-восток, и я как можно более кратко рассказал Кэртису обо всем, что мне довелось увидеть и испытать в другом измерении. Я особо подчеркивал, что Уильямс был прав: мы можем остановить эти эксперименты, если нам удастся найти остальные души нашей группы и вспомнить более широкое Видение.

Мне показалось, что Кэртис внутренне противится моим словам. Он некоторое время слушал меня, а затем

начал бессвязно вспоминать подробности своей последней встречи с Чарлин. Я был очень разочарован: он, оказывается, понятия не имел о том, какое отношение она могла иметь к этому проклятому эксперименту. Затем Кэртис рассказал мне, как он познакомился с Дэвидом. Он пояснил, что они даже подружились после того, как оказалось, что у них немало общего, поскольку и тот и другой неплохо разбирались в военном деле. Я отвечал, что это очень важно, что мы с ним оба знакомы и с Дэвидом, и с Чарлин.

— Понятия не имею, что это может означать, — задумчиво проговорил он, и я не стал больше касаться этой темы, хотя знал наверняка, что мы собрались здесь, в этой долине, отнюдь не случайно.

Мы долго шли молча; Кэртис пытался отыскать вход в пещеру. Когда же он наконец отыскал его, он срезал несколько сухих сосновых веток и тщательно замел ими наши следы. Мы забрались в пещеру, и Кэртис осторожно выглянул, чтобы убедиться, не заметил ли нас кто-нибудь.

— Ну, вот суп и готов, — проговорил у меня за спиной Кэртис.

Пока он заметал следы, я зажег походную плитку и поставил на огонь кастрюльку с водой, опустив в нее свой последний суп из сушено-мороженых овощей. Вскоре я налил нам по тарелке горячего варева, и мы уселись у входа в пещеру, озираясь по сторонам.

—Как по-вашему, эта группа сможет развить достаточно энергии, чтобы повлиять на этих людей? — обратился он ко мне.

—Думаю, да, но не уверен, — отозвался я. — Во всяком случае, будем надеяться.

Он с сомнением покачал головой:

—Не думаю, что такое возможно. Надо полагать, все, чего я добился своим взрывом, — это только раздразнил их и заставил выставить более солидную охрану. Они просто привезут сюда побольше народу, вот и все, а эксперименты, надо думать, не прекратят. Вполне возможно, у них есть и запасная антенна. Может быть, мне надо было действовать более решительно... Видит Бог, это было в моих силах. Но я просто не мог заставить себя пойти на это. Ведь там, внизу, была Чарлин и еще невесть сколько народу. Наверное, мне надо было перевести таймер на меньшее время, но тогда бы они схватили меня... впрочем, возможно, игра стоила свеч.

— Нет, я так не думаю, — возразил я. — Мы должны попытаться действовать иначе.

— Как же именно?

— Скоро узнаем.

Тут мы услышали слабый шум грузовика, и в тот же миг я заметил внизу, на склоне, какое-то движение.

— Там кто-то есть, — прошептал я. Пригнувшись, мы заметили какую-то фигуру, наполовину закрытую от нас кустами.

— Да это же Майя, — протянул я, отказываясь верить собственным глазам.

Мы с Кэртисом обменялись изумленными взглядами, а затем я быстро поднялся.

— Пойду встречу ее, — проговорил я. Кэртис удержал меня за руку.

— Пригнитесь пониже, и если поблизости окажутся машины, бросьте ее и скорее возвращайтесь сюда. Не рискуйте понапрасну. Если вас заметят — беда.

Кивнув в ответ, я принялся осторожно спускаться по склону. Подойдя поближе, я замер, напряженно прислушиваясь. Грузовики явно приближались. Я негромко окликнул Майю. Она вздрогнула от неожиданности, а затем, узнав меня, быстро поднялась по склону к тому месту, где стоял я.

— Не могу поверить! Наконец-то я вас нашла! — воскликнула она, обнимая меня.

Поддерживая ее, я поспешил обратно к пещере, помогая Майе перебраться через огромный валун. Она выглядела страшно уставшей; руки ее были сплошь покрыты ссадинами, причем некоторые из них даже кровоточили.

—Что случилось? — спросила она. — Я услышала этот взрыв, затем показались грузовики... они были всюду.

—Когда вы шли сюда, вас кто-нибудь, случайно, не видел? — с волнением спросил Кэртис. Он опять поднялся и осторожно выглянул из пещеры.

—Да нет, не думаю, — отозвалась Майя. — Прятаться я умею.

Развязав рюкзак, я поспешно достал из него походную аптечку.

—Ну как, вам удалось найти своего друга в офисе шерифа? — поинтересовался я.

—Увы, нет. Мне не удалось даже вернуться в город. Там на всех дорогах дежурят агенты службы охраны леса. Я заметила одну знакомую женщину и передала ей записку с просьбой отыскать его. Вот все, что мне удалось делать...

Я смазал антисептической мазью длинную ссадину на колене Майи.

— Но почему же вы не ушли вместе с вашей знакомой? Почему вы передумали и вернулись обратно?

Она взяла у меня из рук тюбик с мазью и молча принялась смазывать рану сама. Наконец она со вздохом проговорила:

— Зачем я вернулась? Сама не знаю. Может быть, дело в том, что мне не давали покоя видения и смутные воспоминания... — Майя пристально посмотрела на меня. — Я хотела знать, что же здесь творится...

Я уселся рядом с ней и кратко рассказал обо всем, что случилось со мной с тех пор, как мы расстались, и, в частности, поведал ей о поразительной информации, полученной нами с Уилом, той самой, что касалась происходящего на уровне группы процесса преодоления раздражения ради обретения Видения мира.

Она была потрясена услышанным, но сумела взять себя в руки.

— Насколько я могла заметить, лодыжка вас, кажется, больше не беспокоит.

— Да, верно; я обратил внимание, что она полностью перестала болеть после того, как я вспомнил причину этой травмы.

Майя проговорила:

— Нас здесь только трое. Вы, кажется, говорили, что в видениях Уильямса и Феймана было семь душ, не так ли?

— Не помню, — отозвался я. — Я ужасно рад вас видеть. Ведь только вы знаете, как быть с верой и медитацией. .

На ее лице мелькнуло выражение испуга.

Через несколько минут в проеме пещеры показался Кэртис; он сообщил, что не заметил ничего необычного, а затем уселся в некотором отдалении от нас и принялся доедать свой суп. Я поспешно поднялся, налил еще тарелку и протянул ее Майе.

Кэртис тоже встал и подал Майе фляжку с водой.

— Знаете, — заметил он, — вы чертовски рисковали, разгуливая по открытой местности. Вы же могли привести их прямо к нам.

Майя опять взглянула на меня и решительно возразила:

—Я пыталась бежать оттуда, вот и все! Мне и в голову не могло прийти, что вы здесь. Я бы вообще не пошла в эту сторону, если бы птицы не...

—Ну ладно. Но неужто вы не понимаете, какая опасность угрожает всем нам?! — прервал ее Кэртис. — Нам ведь никак не удается остановить эти проклятые эксперименты!.. — С этими словами он выбежал из пещеры и уселся на огромном валуне у входа в нее.

—С чего это он так накинулся на меня? — удивленно спросила Майя.

—Вы говорили, что вам не давали покоя воспоминания. Какие же, если не секрет?

Даже не знаю... слабая память о какой-то другой эпохе, когда я пыталась остановить насилие. Все это кажется мне таким ужасным...

—А Кэртиса вы не узнаете? — спросил я. Она ненадолго задумалась.

—Возможно. Впрочем, не уверена. А что такое?

— Если помните, я рассказывал вам о видении, когда я видел всех нас в далеком прошлом, в эпоху войн с индейцами... Так вот, вы были убиты, а рядом с вами

был еще какой-то мужчина; он тоже погиб. Мне кажется, это и был Кэртис.

—И он винит в этом меня? О Боже! Теперь понятно, почему он набросился на меня как сумасшедший!

—Майя, а не можете ли вы вспомнить еще что-нибудь о вас двоих? — проговорил я.

Она закрыла глаза и попыталась собраться с мыслями. Затем она быстро взглянула на меня:

—А там был какой-нибудь индеец? Ну, шаман, на пример?

—Да, конечно, — отвечал я. — Он тоже был убит.

—Мы о чем-то размышляли... — Она пристально посмотрела мне в глаза. — Нет, мы медитировали. Мы думали, что сможем найти способ остановить войну... Вот все, что я могу вспомнить.

—Тогда вы должны поговорить с Кэртисом и помочь ему преодолеть гнев. Это составная часть процесса воспоминания.

—Вы что, издеваетесь? Говорить с ним, когда он весь кипит от гнева?

—Для начала я сам переговорю с ним, — сказал я, поднимаясь на ноги.

Она едва заметно кивнула и отвернулась. Я подошел к Кэртису и уселся рядом с ним на камне.

— О чем вы думаете? — поинтересовался я. Он с легкой досадой произнес:

— Мне кажется, в самом присутствии вашей подруги есть нечто, что выводит меня из себя.

— И что же конкретно вы чувствуете?

— Сам не пойму. Стоит мне увидеть ее, как меня переполняет волна гнева. У меня возникает чувство, что она может втянуть нас в какую-нибудь беду; мы можем попасть в плен...

—Или даже погибнуть?

—Да, именно, даже погибнуть! — воскликнул он неожиданно громко, так что мы оба вздрогнули. Он вздохнул и нахмурился.

—А помните то видение из эпохи войны с индейцами в девятнадцатом веке, то самое, о котором я вам рассказывал?

—Очень смутно, — буркнул Кэртис.

—Так вот. Тогда я не сказал вам, что рядом с Майей видел вас. Знайте, Кэртис, что вы с ней погибли от рук солдат федеральных войск.

Вместо ответа он поднял голову и задумчиво посмотрел на свод пещеры.

— И вы думаете, что я сержусь на нее именно из-за этого?

Я улыбнулся.

Неожиданно раздался отдаленный диссонанс, и мы оба услышали гул.

— Проклятие, — пробурчал Кэртис. — Они опять взялись за свое.

Я взял его за руку:

— Кэртис, мы должны вспомнить, что именно вы с Майей пытались сделать, почему это вам не удалось и что вы собирались исполнить на этот раз...

Он с сомнением покачал головой:

—Не знаю, стоит ли принимать все это всерьез; не знаю даже, с чего начать.

—Мне кажется, если вы просто поговорите с ней, у вас что-нибудь получится.

Кэртис покосился на меня.

— Ну что, попытаетесь?

Наконец он кивнул, и мы вернулись в пещеру. Майя смущенно улыбнулась.

—Прошу прощения за несдержанность, — проговорил Кэртис. — Мне кажется, всему виной некий давний эпизод из прошлого; из-за него я почти теряю рассудок.

—Забудьте об этом, — отвечала Майя. — Мне хотелось бы, чтобы вы вспомнили, что именно мы тогда пытались сделать.

Кэртис строго, в упор посмотрел на нее.

—Кажется, вспомнил. Вы как будто занимались целительством, ну, или что-то в этом роде. — При этих словах он покосился на меня. — Вы ведь, кажется, рассказывали мне об этом?

—Что-то не помню, — отозвался я. — Но это правда.

—В самом деле, я — врач, — отвечала Майя. — В своей практике я использую позитивные образы и веру.

—Веру? Вы хотите сказать, что смотрите на своих пациентов с точки зрения религии, не так ли?

—Да, но только в самом широком смысле этого слова. Говоря о вере, я имею в виду силу энергии, исходящую от надежды, что живет в душе человека. Я работаю в клинике, где мы пытаемся рассматривать веру как реальный ментальный процесс, своего рода способ создания будущего.

—И как давно вы занимаетесь такого рода практикой? — спросил Кэртис.

—Видите ли, вся моя жизнь была подготовкой к этому целительству. — И она принялась пересказывать Кэртису ту же самую историю, которую я уже слышал от нее прежде, в том числе и о том, что ее мать всю жизнь боялась заболеть раком. И пока Майя рассказывала о разных эпизодах своей жизни, мы с Кэртисом наперебой задавали ей вопросы. Слушая, мы посылали ей энергию, и усталость, омрачавшая ее лицо, понемногу начала рассеиваться; глаза ее засверкали, и вся она как-то приободрилась.

—Вы что же, думаете, что опасения и постоянный страх перед будущим, обуревавшие вашу мать, отразились на ее здоровье? — спросил Кэртис.

—Да, так и есть. Оказывается, люди в своей жизни сталкиваются с двумя типами событий; одни из них обусловлены верой, а другие порождены страхом. Мы воспринимаем их на бессознательном уровне. А между тем я, как врач, убеждена, что мы сможем добиться многого, если переведем этот процесс в план сознания.

Кэртис кивнул, соглашаясь.

— Но как же это сделать?

Майя не отвечала. Она поднялась на ноги и словно оцепенела; на лице ее появилось выражение ужаса.

—Что случилось? — встревоженно спросил я.

—Я только что... мне... словом, я вдруг увидела, что произошло с нами тогда, во время войны.

—И что же? — с нетерпением спросил Кэртис.

—Я вспомнила! Мы были в глухих лесах. Я ясно видела все: и солдат, и клубы порохового дыма... — взволнованно произнесла она.

Кэртис погрузился в глубокое раздумье, очевидно, напряженно пытаясь вспомнить.

— Да, я тоже там был, — буркнул он. — Но зачем я там оказался? — Он подозрительно покосился на

Майю: — Это вы привели меня в самое пекло! Я ничего не подозревал; я ведь был всего лишь наблюдателем от конгресса. Вы уверяли меня, что мы сможем остановить это побоище!

Майя отвернулась, пытаясь что-то понять.

— Видите ли, я надеялась, что мы сможем... Ведь возможность была, была... Подождите минутку: мы ведь не одни. — Она повернулась в мою сторону, и на ее лице мелькнуло раздражение. — Да, и вы тоже были там, но почему-то прогнали нас. Зачем вы бросили нас на произвол судьбы?

Неожиданная реплика Майи вновь воскресила во мне воспоминание, о котором я уже рассказывал им обоим, описывая и всех прочих, находившихся рядом с нами... Это были старейшины племен, я, Чарлин... Я вспомнил, что один из старейшин возвысил голос, поддерживая усилия Майи; однако он полагал, что теперь для этого неподходящее время. Дело в том, что племена еще не обрели необходимого Видения. Затем я поведал им, что другой вождь с гневом обрушился на бесчинства, творимые бледнолицыми солдатами.

— Я не мог более оставаться там, — продолжал я, описывая фрагмент воспоминаний об общении с братьями-францисканцами. — Я не мог подавить в себе желание спастись бегством. Мне пришлось спасать свою жизнь. Прошу прощения. — Майя, казалось, потеряла нить моего рассказа; я мягко взял ее за руку и проговорил: — Старейшины понимали, что ваше предложение пока еще не сработает; вот и Чарлин тоже подтверждает, что мы пока что не вспомнили мудрость своих предков.

—Тогда почему же один из вождей все-таки остался с нами? — спросила Майя.

—Да потому, что он не хотел, чтобы вы с Кэртисом погибли, а он остался в живых.

—Да я вовсе не хотел умирать! — воскликнул Кэртис, взглянув на Майю. — Вы ввели меня в заблуждение.

— В таком случае простите меня, — отозвалась Майя. — Я никак не могу вспомнить, в чем состояла моя ошибка.

— А я прекрасно это помню, — проговорил Кэртис. — Вы полагали, что сумеете остановить войну потому только, что вам очень *хотелось* этого.

Она пристально посмотрела на него, а затем перевела взгляд на меня.

— Да, он прав. Мы представили себе, что солдаты- федералы должны прекратить эту бойню, а вот ясной картины того, как именно это должно произойти, у нас не было. А не было ее у нас потому, что мы еще не располагали полной информацией. Наша медитация была основана на страхе, а не на вере. А медитация работает точно так же, как и процесс физического исцеления. Если нам удастся вспомнить, каково наше истинное предназначение в жизни, мы сможем поправить здоровье. А если мы сумеем вспомнить, в чем состоит главное предназначение человечества, прямо сейчас, с этой минуты, мы сможем исцелить мир.

— Очевидно, — вмешался я, — наше Врожденное видение содержит в себе не только то, что нам предстоит воплотить в жизнь в физическом измерении на индивидуальном уровне, но и более широкое Видение всего того, чего пыталось и пытается достичь человечество на всем протяжении своей истории, понимание всех деталей прошлого и дальнейшего пути. Нам необходимо лишь повысить собственную энергетику и обменяться информацией о наших врожденных намерениях, и тогда мы сможем все вспомнить.

Не успел я договорить, как Кэртис вскочил на ноги и бросился к входу в пещеру.

— Я слышал какой-то странный шорох, — прошептал он на ходу. — Там кто-то есть.

Мы с Майей крадучись последовали за ним, напряженно вглядываясь в даль, но так ничего и не увидели. Но затем я услышал хруст веток: сюда явно кто-то направлялся.

— Пойду погляжу, кто это может быть, — бросил Кэртис, выходя из пещеры.

Я искоса взглянул на Майю.

—Пожалуй, я тоже пойду с ним, — проговорил я.

—Ну, тогда и я пойду с вами, — отозвалась она.

Мы поспешили за Кэртисом, осторожно спускаясь по склону, до той площадки, откуда было хорошо видно ущелье между двумя соседними холмами. Там мы заметили две фигуры — мужчину и женщину. Они, будучи полускрыты от нас кустарниками, пробирались по каменистой тропе внизу под нами, направляясь на запад.

— Женщине грозит опасность! — прошептала Майя.

— С чего вы взяли? — отозвался я.

— Знаю, точнее — чувствую. — Мне кажется, я ее уже видела. В этот момент женщина обернулась было, но мужчина грубо толкнул ее вперед; в правой руке он держал пистолет.

Майя, наклонившись, помолчала, а затем взглянула на нас с Кэртисом.

— Ну, видите? Мы должны ей помочь, и поскорее.

Я пригляделся повнимательнее. Женщина была светловолосой; на ней были свитер и зеленые, военного покроя, брюки с большими карманами. Она, видимо, почувствовав мой взгляд, опять обернулась и что-то сказала своему конвоиру, а затем взглянула в нашу сторону, так что я смог увидеть ее лицо.

—Да это же Чарлин, — проговорил я. — Как вы думаете, куда это он ведет ее?

—Кто знает? — отозвался Кэртис. — Погодите-ка. Мне кажется, я сумею помочь ей, но только вы не должны вмешиваться. Вам следует оставаться здесь.

Я попытался было протестовать, но Кэртис уверил, что другого пути нет. Мы с Майей проводили его взглядом, пока он спускался по склону, направляясь в сторону леса. Затем он почти бесшумно перебрался на другой край распадка, нависавший над дном ущелья на высоте примерно десяти футов.

— Они будут проходить справа от Кэртиса, — шепнул я Майе.

Мы с тревогой следили за тем, как Чарлин со своим провожатым приближались к распадку. Когда они поравнялись с валуном, на котором затаился Кэртис, тот неожиданно спрыгнул вниз и, бросившись на мужчину, сбил его с ног, а затем мертвой хваткой вцепился ему в горло до тех пор, пока тот не перестал шевелиться. Чарлин в испуге отскочила назад и побежала.

— Чарлин, подождите! — крикнул Кэртис. Та остановилась и осторожно сделала несколько шагов ему навстречу. — Не бойтесь. Я — Кэртис Уэббер. Мы с вами работали вместе в корпорации “Делтек”, помните? Я ваш друг и хочу помочь вам.

Чарлин явно узнала его и подошла поближе. Мы с Майей осторожно спустились по склону холма. Увидев меня, Чарлин вздрогнула от неожиданности, а затем бросилась мне на шею. Кэртис тотчас метнулся к нам и едва не повалил на землю.

— Пригнитесь пониже, — прошипел он. — Нас здесь могут увидеть.

Затем мы с Кэртисом связали конвоира Чарлин, стянув ему руки веревкой, оказавшейся у него в кармане, и погнали по тропинке в лес.

— Что вы с ним сделали? — спросила Кэртиса Чарлин. Тот искал что-то в своем кармане.

— Да просто врезал хорошенько, и все. Не беспокойтесь, с ним все в порядке.

Майя, нагнувшись, на всякий случай пощупала его пульс.

Чарлин тем временем обернулась ко мне и взяла меня за руку.

— Кстати, а как ты здесь оказался? — удивленно

спросила она.

Набрав в грудь побольше воздуха, я рассказал ей о

звонке из ее офиса, о том, как мне сообщили о ее исчезновении, как мы нашли оставленную ею карту и отправились в долину на поиски.

Чарлин улыбнулась:

—Я наспех набросала карту, собираясь позвонить тебе, но мне пришлось покинуть дом так неожиданно, что я просто не успела... — Голос ее задрожал. — Мне кажется, вчера я видела тебя там, в другом измерении... Вместо ответа я отвел ее в сторону, подальше от остальных.

— Да, я тоже тебя видел, но не смог заговорить с тобой.

Как только наши взгляды встретились, я почувствовал, что тело мое становится все легче и легче, и все мое существо захлестнула волна пылкой любви. В тот же миг мне показалось, что я падаю прямо в широко открытые глаза Чарлин... Она мягко улыбнулась, и я понял, что она, видимо, испытывает то же самое чувство, что и я...

Тут к нам подошел Кэртис, и дивное состояние исчезло. Я почувствовал, что они с Майей в упор смотрят на нас.

Я обернулся к Чарлин.

— Я должен объяснить тебе, что здесь происходит, — проговорил я, а затем принялся рассказывать о том, как опять виделся с Уилом, как узнал от него о поляризации страха, о том, как собирается группа душ, ну и о Видении мира. — Чарлин, а как ты очутилась в посмертном измерении?

Она нахмурилась:

— Я сама во всем виновата. Признаться, я не сознавала опасности вплоть до вчерашнего дня. Я была одной из тех, кто рассказал Фейману о существовании пророчеств. Вскоре после того как от тебя пришло письмо, я узнала, что есть некая группа, которой уже знакомы девять пророчеств, и начала активно заниматься с ними. Со мной стало происходить многое из того, о чем ты мне рассказывал. Через некоторое время я решила отправиться вместе с другом сюда, в эту долину, поскольку мы слышали, что священные места индейцев, находящиеся здесь, имеют отношение к Десятому пророчеству. Мой друг не заметил ничего необычного, а я — сколько угодно; вот почему я решила остаться и продолжить исследования. Именно тогда мне встретился Фейман; он попросил поделиться с ним всем, что мне было известно. С той минуты он не отпускал меня ни на шаг. Это он настоял, чтобы я не звонила в

офис; он якобы руководствовался соображениями безопасности. Тогда я написала несколько писем, сообщая о ситуации, в которой оказалась, но вскоре узнала, что он перехватил все мои письма. Вот почему все сочли, что я бесследно исчезла.

Вместе с Фейманом я занималась изучением многих

вихрей, особенно тех, что находились у Коддерс-Нолл и у водопада. Видишь ли, сам Фейман не мог ощущать энергию, но, как я узнала впоследствии, следил за нами с помощью электронных приборов и даже, когда мы отправились сюда, сумел незаметно поместить на мне своего рода энергетический контур. После этого он мог следить за всеми моими передвижениями и с помощью электроники пеленговать точное местоположение любого энергетического вихря.

Я посмотрел на Кэртиса; тот понимающе кивнул.

Внезапно в глазах Чарлин блеснули слезы.

— Он бессовестно морочил мне голову. Говорил, будто работает над созданием очень дешевого источника энергии, который позволит действительно освободить человечество. Во время своих экспериментов посылал меня в самую глухомань. И только позже, после того как я отказалась подчиниться ему, он был вынужден признать, что его работы очень опасны.

Кэртис в упор взглянул на Чарлин:

—Фейман Картер — это же ведущий инженер корпорации “Делтек”, не так ли? Помните?

—Увы, нет, — отозвалась она. — Но он действительно возглавляет все работы по этому проекту. Там сейчас действует другая корпорация; у них полно вооруженной охраны. Фейман называет их оперативниками. Однажды я заявила ему, что ухожу от них, и тогда он приказал взять меня под стражу. А когда я крикнула, что это ему даром не пройдет, он только рассмеялся мне в лицо. Дело в том, что у него есть свои люди и в службе охраны леса.

—И куда же он послал вас? — встревоженно спросил Кэртис.

Чарлин только покачала головой:

—Понятия не имею.

—Сомневаюсь, что он собирался отпустить вас живой, — продолжал Кэртис. — Тем более после того, как раскрыл вам все карты:

Воцарилось тревожное молчание.

— Я никак не могу понять одного, — заговорила Чарлин после долгой паузы, — с какой стати он выбрал именно эти леса? Как именно он собирается воспользоваться этими энергетическими зонами?

Мы с Кэртисом переглянулись, и он отвечал:

— Видите ли, он экспериментирует, пытаясь выявить способы концентрации энергии путем фокусировки выходов в иное измерение, которые действительно находятся здесь, в этой долине. Вот почему его работы представляют огромную опасность.

Я заметил, что Чарлин смотрит на Майю и как-то странно улыбается. Майя, в свою очередь, отвечала ей теплой улыбкой.

— Оказавшись у водопадов, — продолжала Чарлин, — я внезапно перенеслась в иное измерение, где на меня нахлынули воспоминания. — Она покосилась на меня. — С тех пор мне удавалось перенестись туда несколько раз, даже уже после того, как меня вчера взяли под стражу. — Она опять посмотрела на меня. — Именно там я и видела тебя... — Чарлин опять сделала паузу и окинула взором присутствующих. — Я уверена, что мы все очутились здесь ради того, чтобы прекратить эти эксперименты. Конечно, если нам удастся вспомнить все.

— Вы понимали, чего мы добивались тогда, во время битвы с солдатами-федералами, и поддерживали нас, не так ли? — проговорила Майя. — Поддерживали, хотя понимали, что это бесполезно.

По улыбке Чарлин я понял, что она все вспомнила.

— Мы восстановили большую часть происшедшего, — сказал я. — Но мы никак не можем понять, как нам это удалось. Может быть, ты помнишь?

Чарлин покачала головой:

— Нет, только отдельные обрывки. Я помню, что прежде чем двигаться дальше, мы должны были осмыслить свои бессознательные ощущения друг о друге. — Она посмотрела мне в глаза и сделала паузу. — Все это часть Десятого пророчества... но только она нигде не записана. Она постигается на интуитивном уровне.

Я кивнул:

— Да, мы это знаем.

Часть Десятого пророчества — развитие Восьмого. Достичь этого высшего очищения способна лишь группа, действующая в русле Восьмого пророчества.

—Я вас не вполне понимаю, — вмешался Кэртис.

—Видите ли, Восьмое пророчество посвящено способности помогать другим повысить свою энергетику, — продолжала она, — умению направлять другим энергию, сфокусировавшись на их красоте и высшей мудрости. Этот процесс способен значительно повысить уровень энергетики и творческой активности всей группы. К сожалению, многие группы испытывают серьезные трудности, стремясь повысить энергетику, даже если всем их участникам по отдельности и удается достичь этого. Это в особенности относится к группам сотрудников, занятых общим делом, или к людям, собравшимся ради создания некоего уникального проекта, поскольку часто бывает так, что стоит только таким людям собраться вместе, как на передний план выходят давние эмоции из посмертного измерения, мешающие продуктивно трудиться.

Нам приходится иметь дело с самыми разными людьми, и мы машинально питаем неприязнь к ним, сами не сознавая почему. Бывает, возникает и другая ситуация: мы вызываем раздражение у коллеги, и причины этого опять-таки неясны. Эмоции, возникающие при этом, могут быть самыми разными: это и гнев, и обида, и зависть, и злоба, и досада, и упреки — короче, все, что угодно. На интуитивном уровне я совершенно ясно сознаю, что ни одна из групп не сможет полностью раскрыть свой потенциал до тех пор, пока ее члены не осознают причины таких эмоций и не преодолеют их. Майя подалась вперед:

—Да это же именно то, чем мы занимаемся: работаем над преодолением эмоций и раздражения, возникающего, когда люди собираются вместе.

—А тебе было показано твое собственное Врожденное видение? — поинтересовался я.

—Да, конечно, — отозвалась Чарлин. — Но далее проникнуть я не смогла. Дело в том, что моя энергетика оказалась слишком низкой. Единственное, что я видела, — это формирующиеся группы, да еще то, что мне предстояло прибыть сюда, в эту долину, в числе группы из семи душ.

Неожиданно наше внимание привлек рокот мотора еще одной машины, донесшийся с севера.

— Нам нельзя здесь оставаться, — поспешно бросил Кэртис. — Нас могут заметить. Надо возвращаться в пещеру, да поскорее.

Чарлин покончила с остатками ужина и возвратила мне пустую тарелку. Поскольку воды у нас почти не было, я убрал ее в рюкзак немытой и уселся неподалеку от входа. Кэртис тоже вошел в пещеру и опустился на землю напротив меня, рядом с Майей, которая приветливо улыбнулась ему. Чарлин села слева от меня. Оперативник остался снаружи; он по-прежнему был связан.

— Как там? Все в порядке? — спросила Чарлин.

Кэртис заметно нервничал.

— Думаю, да, но к северу от нас я слышал какие-то странные звуки. Мне кажется, нам лучше оставаться здесь до темноты.

Мы все переглянулись, пытаясь сконцентрироваться и повысить свою энергетику.

Затем я опять посмотрел на спутников и начал излагать им процесс обретения Мирового Видения, очевидцем которого я был вместе с Фейманом и душами его группы. Закончив свой рассказ, я взглянул на Чарлин и спросил:

—А тебе не известно чего-либо еще относительно процесса очищения?

—Мне известно лишь то, — отозвалась Чарлин, — что процесс не сможет начаться до тех пор, пока мы всецело не обратимся к любви.

—Сказать-то легко, — вздохнул Кэртис. — Все дело в том, как достичь этого.

Мы опять обменялись взглядами, а затем ощутили, что вся наша энергия была сконцентрирована на Майе.

—Ключевой аспект при этом — понимание эмоции, — заговорила она, — полное осознание ощущений и честный их анализ независимо от того, какими бы неуклюжими ни казались наши попытки. Это выводит эмоции на осознанный уровень и позволяет соотнести их с прошлым, к которому они восходят. Вот почему прохождение через долгий процесс проговаривания, обсуждения и разбора приносит очищение, позволяя вновь вернуться к состоянию любви, то есть наивысшей из эмоций.

—Подождите минутку, — вмешался я. — А как же насчет Чарлин? Ведь вполне могут существовать остаточные эмоции, связанные с ней... — Я обратился к Майе: — Я вижу, вы что-то знаете об этом, не так ли?

— Да, верно, — отозвалась Майя. — Но все это только позитивные ощущения, чувство благодарности. Она ведь хотела и пыталась помочь... — Майя немного помедлила и произнесла, глядя на Чарлин: — Вы пытались поведать нам нечто, кажется, что-то такое о предках. Но мы, увы, не стали вас слушать.

Я обернулся к Чарлин:

— Выходит, ты тоже была убита? За нее ответила Майя:

—Да нет, она не погибла. Она просто ушла, чтобы еще раз попытаться обратиться к солдатам с призывом о мире.

—Да, верно, — согласилась Чарлин. — Но они бросили меня.

—Не питает ли еще кто-то из присутствующих каких-либо смутных чувств к Чарлин? — спросила Майя.

—Я ничего не чувствую, — отозвался Кэртис.

— А ты сама, Чарлин? — обратился я к ней. — Ты сама ничего не испытываешь к нам всем, а?

В ответ та обвела взором всех присутствующих.

— Мне кажется, в отношении Кэртиса никаких остаточных чувств у меня нет, — проговорила она. — И в отношении Майи у меня только позитивные эмоции. — Тут ее взгляд остановился на мне. — А вот что касается тебя, то я испытываю обиду...

— На что? — удивленно спросил я.

— На то, что ты всегда ужасно деловит и держишься отстраненно. Ты — тот самый независимый человек, который никогда не вмешивается ни во что, если считает, что еще не пришло время.

— Чарлин, что ты говоришь? — укоризненно пробормотал я. — Я ведь и так пожертвовал собой ради этих пророчеств и жил как монах. Но затем я почувствовал, что все это лишено всякого смысла.

Мой ответ, видимо, задел ее за живое, и она отвернулась.

Майя, подойдя ко мне, взяла меня за руку:

— Ваш ответ — типичная оборонительная стойка. Если вы будете реагировать таким образом, у собеседника возникнет чувство, что его не слышат. Чувство, возникшее в ней, крепко укоренилось в ее душе, поскольку она продолжает обдумывать, как донести его до вашего сознания, как убедить вас. Или это чувство, напротив, протекает на бессознательном уровне, вызывая ощущение взаимной неприязни и препятствуя энергообмену между вами. В обоих случаях это чувство создает серьезную проблему, препятствуя развитию ваших отношений. Ручаюсь, что вы догадываетесь, какого рода чувство она питает к вам...

Я посмотрел на Чарлин.

— Да-да, вы правы. Мне очень хотелось бы помочь. Быть может, я смогу что-нибудь сделать, если у меня только хватит мужества.

Чарлин кивнула и улыбнулась.

—А вы сами? — обратилась ко мне Майя, испытующе взглянув мне в лицо. — Какие чувства вы испытываете к Чарлин?

—Пожалуй, чувство вины, — признался я. — Источник этой вины — не давняя война, а наши дни, наша теперешняя ситуация. Я несколько месяцев находился в отъезде. Мне казалось, если бы я поговорил с тобой сразу по возвращении из Перу, нам, возможно, удалось бы остановить эти эксперименты гораздо раньше и ничего серьезного просто не случилось бы. Никто не проронил ни слова.

— Ну хорошо, а какие-нибудь другие чувства, помимо этих? — спросила Майя.

Вместо ответа мы просто обменялись взглядами.

Затем, повернувшись к Майе, мы внутренне сфокусировались на ней, стараясь как можно больше повысить свою энергетику. И едва я сосредоточился на ощущении красоты, разлитой вокруг меня, волна любви захлестнула все мое существо. Мрачные своды и стены пещеры и даже земля у нас под ногами вдруг засветились и начали переливаться всеми цветами радуги. Лица моих спутников так и излучали энергию. По моей спине пробежала легкая дрожь.

— Ну вот, — заговорила Майя, — теперь мы готовы осознанию того, что нам предстоит сделать на этот раз. — Она опять погрузилась в глубокое раздумье. — Я... я так и знала, что это должно произойти, — наконец проговорила она. — Это составная часть моего Врожденного видения... Я должна руководить процессом усиления энергии. Тогда, в прошлом веке, пытаясь остановить войну с индейцами, мы еще не знали об этом.

И тут я заметил позади нее, на стене пещеры, какое-то странное движение. Поначалу я подумал было, что это игра света, но затем увидел густо-зеленое свечение — точно такое же, какое мне уже доводилось видеть в другом измерении, при появлении душ из группы Майи. Когда наконец удалось приглядеться к пучку зеленого света площадью примерно в один квадратный фут, он неожиданно развернулся передо мной, словно объемная голограмма, и перед моим взором предстала некая панорама, заполненная движущимися тенями, напоминающими людей... Я огляделся: оказалось, что никто, кроме меня, не замечает это видение.

Я сразу понял, что эти тени — души из группы Майи, и как только я осознал это, в мое сознание хлынула лавина интуитивной информации. Мне было вновь показано ее Врожденное видение, высшая цель ее рождения и выбор именно этих родителей и семьи, болезнь ее матери, вызванный этим ранний интерес к медицине, в частности к проблеме связи между телом и сознанием, и, наконец, наша сегодняшняя встреча. Я ясно услышал голос: “Ни одна группа не сможет полностью развить свой творческий потенциал до тех пор, пока сознательно не очистит и не повысит свою энергетику”.

— Только освободившись от эмоций, — продолжала Майя, — группа может свободно преодолеть остатки прежних конфликтных сценариев и обрести высший творческий потенциал. Но это необходимо сделать сознательно, уловив в лице каждого из нас черты нашего высшего Я.

Кэртис выглядел растерянным; ему явно требовались объяснения.

— Как гласит Восьмое пророчество, — продолжала Майя, — если мы пристально вглядимся в лицо человека, то сможем, образно говоря, пробиться сквозь любые фасады и защитные маски, которые скрывают суть, увидеть наиболее характерное выражение, проявление *истинного Я* человека. Как правило, большинство людей и понятия не имеют, на чем следует сосредоточиться, разговаривая с человеком. Быть может, на глазах? Но на обоих сразу сосредоточиться очень трудно. Значит, на одном? Но тогда на каком именно? Или, быть может, существует некая черта, например, нос или рот, наиболее полно передающая суть человека?

На самом же деле мы должны сосредоточиться на всем лице в целом, а оно своей уникальностью игры света и тени, неповторимым сочетанием разнообразных черт во многом напоминает... чернильную кляксу. Однако в рамках этого случайного сочетания черт можно заметить неповторимо индивидуальное выражение, свет души. Когда мы сосредоточимся на

любви, энергия любви направится на этот аспект высшего Я человека, и тот обычно поменяется у нас на глазах, ибо при этом происходит раскрытие его потенциальных возможностей.

Все великие учителя всегда посылали такую энергию своим ученикам. Именно поэтому такие учителя и считались великими. Но этот эффект особенно сильно выражен в группах, работающих с каждым членом, ибо, поскольку каждый из участников посылает другим свою энергию, все члены группы достигают более высокого уровня мудрости, уровень энергетики на котором гораздо выше, и эта мощная энергия возвращается обратно ко всем и каждому, создавая эффект усиления...

Я наблюдал за Майей, пытаясь заметить на ее лице проявление высшего Я. Она уже не казалась усталой или действующей только из чувства долга. Напротив, в чертах ее лица явно сквозили одухотворенность и гениальность, которых я прежде не замечал. Я заметил, что все тоже внимательно смотрят на Майю. Переведя взгляд на нее, я с удивлением обнаружил, что ее окружает тот же ярко-зеленый ореол, который я видел у душ ее группы... Она не только воспринимала их знания; она даже двигалась в некой гармонии с ними.

Окончив свой рассказ, Майя умолкла и глубоко вздохнула. Я тотчас ощутил отток энергии от нее.

— Я всегда знал, что группы способны достичь более высокого функционального уровня, — заметил Кэртис, — особенно при совместной работе. Но до сих пор мне не доводилось видеть этого... Я догадываюсь, что пришел в это измерение ради того, чтобы участвовать в преображенном бизнесе и изменить наш взгляд на роль творческого начала в бизнесе, с тем чтобы мы могли более правильно использовать новые источники энергии и применять на практике положения Восьмого пророчества. — Он сделал паузу, обдумывая что-то, а затем продолжал: — Я хочу сказать, что на бизнесмена часто навешивают ярлык этакого жадного деревенщины, неразумного и неуправляемого. Да, я признаю, что в прошлом так оно и было. Однако теперь я вижу, что духовное обновление затрагивает и бизнес и нам необходима некая новая этика в бизнесе...

В этот момент я заметил другой пучок света, возникший за спиной Кэртиса. Понаблюдав на ним несколько мгновений, я понял, что мне было показано формирование его, Кэртиса, группы душ. Как и в случае с душами из группы Майи, стоило мне только сконцентрироваться на этом видении, как я тотчас получил доступ к их коллективному знанию. Кэртис появился на свет на волне подъема индустриальной революции, происходившей после Второй мировой войны. Энергия атома явилась финальным триумфом и источником постоянного ужаса для материалистической картины мира, и Кэртис пришел в земное измерение, понимая, что технический прогресс может и должен протекать на осознанном уровне, двигаясь к предначертанной цели.

— Только теперь, — продолжал Кэртис, — мы приблизились к пониманию того, как управлять бизнесом и новейшими технологиями на осознанном уровне; для этого у нас есть все необходимые средства. Отнюдь не случайно, что одной из наиболее важных статистических категорий в экономике является производительность труда: показатель того, сколько товаров и услуг производит каждый член нашего общества. Так вот, производительность постоянно повышалась благодаря всевозможным технико-технологическим открытиям и более активному использованию природных ресурсов и энергии. В будущем человек получит еще больше возможностей для раскрытия своего творческого потенциала.

Пока он говорил, мне в голову пришла одна мысль. Сначала я решил оставить ее про себя, но в тот же миг все обернулись в мою сторону.

— Разве тот огромный ущерб, который причиняет окружающей среде бурное развитие экономики, не является естественным ограничительным фактором в бизнесе? Мы больше уже не можем действовать так, как прежде, ибо в противном случае окружающая среда в буквальном смысле слова исчезнет. Многие виды морских рыб уже заражены настолько, что мы более не можем употреблять их в пищу. Уровень заболеваемости раком угрожающе растет.

А ассоциация врачей заявляет даже, что детям и беременным женщинам не следует есть овощи, выращиваемые промышленным путем, поскольку в них содержится слишком много пестицидов. Учитывая все это, страшно подумать, какой мир мы оставим своим детям!

Произнеся эту тираду, я вдруг вспомнил, что нечто подобное говорил Джоэл, предупреждая о гибели окружающей среды. Осознав это, я почувствовал, что моя энергетика резко понизилась, ибо я вновь ощутил страх.

Неожиданно на меня хлынул прилив энергии; как оказалось, окружающие в этот момент сфокусировались на моей подлинной сущности. И я быстро восстановил утраченную было связь со своим внутренним Я.

— Да, вы правы, — проговорил Кэртис, — однако мы уже предпринимаем попытки решить эту проблему. Прежде мы использовали передовые технологии, обладая бессознательным “туннельным” Видением, забывая, что живем на живой планете, полной органической жизни и энергии. Но одна из самых перспективных сфер в бизнесе с точки зрения творческого подхода — это контроль за загрязнением среды.

Мы пытались справиться с этой проблемой, думая, что ее решение зависит от администрации, обязанной карать нарушителей. Загрязнение окружающей среды уже давно преследуется по закону, но никакие правительственные меры и запреты не способны предотвратить незаконный сброс ядовитых химических отходов или стравливание по ночам отработанных газов. Загрязнение биосферы не удастся полностью остановить до тех пор, пока встревоженные граждане не оторвутся от своих видео и не возьмут в свои руки поимку нарушителей. В известном смысле бизнесмены-работодатели и работники должны прибегнуть к самоограничениям.

При этих словах Майя подалась вперед.

— А я хочу сказать о другой проблеме, связанной с развитием экономики. А что будет со всеми уволенными сотрудниками, которые неизбежно потеряют работу в результате автоматизации? Как они смогут жить дальше? Мы ведь привыкли, что у нас огромный средний класс; и вот теперь он быстро сокращается.

Кэртис улыбнулся, и глаза его так и засверкали. За его спиной возникло видение: это были души его группы.

— Эти уволенные люди сумеют выжить, научившись жить по законам интуиции и синхронистичности, — оговорил он. — Мы все должны понять: обратного пути нет. Мы живем в век информации. Каждый сможет получить необходимое образование и стать специалистом, заняв свою собственную нишу. Таким образом, смогут сделаться консультантами или найдут какую-нибудь иную работу. Чем более высоким становится технический уровень автоматики и чем быстрее меняется наш мир, тем больше информации может принести нам человек, появляющийся в нашей жизни в нужную минуту. Для этого не требуется никакого формального образования: достаточно той уникальной ниши, которую вы сами создадите себе собственными усилиями.

Однако для того чтобы все здесь пошло гладко, сформулированные таким образом цели бизнеса должны от экономики обратиться к более высокому уровню сознания. Интуиции, направляющие наши действия, становятся наиболее ясными именно тогда, когда мы смотрим на бизнес с точки зрения эволюции. Это меняет все наши установки. Вместо того чтобы задаваться вопросом, а какой товар или услуги я могу производить или предоставлять, чтобы получить как можно больше денег, мы начинаем спрашивать себя: “Что могу я создать такого, что способно принести миру большую свободу и информированность, сделать его лучше и в то же время сохранить хрупкий баланс экосферы?”

В уравнение свободного предпринимательства все активнее вводится кодекс новой этики. Мы должны осознать, в какую эпоху мы живем, и спросить себя: “Что именно мы производим и отвечает ли это в полной мере тому предназначению, ради которого в мире возникла техника: сделать окружающую жизнь лучше, чтобы основные приоритеты в ней вместо прежних достатка и комфорта были перенесены на взаимообмен чисто духовной информацией?” Каждый из нас должен осознать, что мы являемся составным звеном

эволюционного процесса, ведущего к снижению расходов на поддержание жизни до такого уровня, когда они станут фактически бесплатными.

Мы можем создать систему подлинно просвещенного капитализма, если вместо постоянного следования за колебаниями рынка будем придерживаться новой этики в бизнесе, основанной на постоянном снижении цен на определенный процент в качестве сознательной меры, способствующей направлению экономики в нужное русло. Это будет бизнес, сравнимый с действенностью десятины, о которой говорится в Десятом пророчестве.

Чарлин повернулась к нему; лицо ее так и сияло.

— Я поняла, что вы хотите сказать. Вы имеете в виду, что если все бизнесмены снизят свои цены на десять процентов, то и стоимость жизни, включая затраты на сырье, энергию и рабочую силу, тоже заметно снизится.

—Да, верно, хотя некоторые цены могут на какое-то время подняться, если учесть истинную стоимость огромных затрат сырья и прочие негативные факторы. Однако в целом цены должны систематически снижаться.

—Но разве этот процесс уже не происходит время от времени, — спросил я, — в результате действия рыночных механизмов?

—Да, конечно, — отвечал Кэртис, — но его можно ускорить, если мы будем проводить его целенаправленно, хотя, как говорится в Девятом пророчестве, этот процесс пойдет еще быстрее в результате открытия очень дешевых источников энергии. Кажется, Фейман уже добился этого. Однако энергия должна передаваться наиболее дешевым способом, лишь тогда ее позитивный эффект проявится наиболее полно.

Говоря, он испытывал заметный духовный подъем. Обернувшись, он посмотрел мне в глаза.

—Это та самая экономическая идея, ради которой я пришел в мир, — проговорил он. — Никогда еще я не осознавал это с такой ясностью. Вот почему я хотел обрести именно такой жизненный опыт, который и получил; мне было необходимо подготовиться к возвещению этой вести.

—Неужели вы действительно думаете, что найдется достаточно людей, готовых снизить цены ради того, что бы изменить ситуацию? — спросила Майя. — Особенно если это серьезно ударит по их карману? Мне кажется, это — дело отдаленного будущего человечества.

Кэртис ничего не ответил — он ожидал от меня ответа. Я помолчал несколько мгновений, чувствуя прилив энергии.

— Кэртис прав, — наконец проговорил я. — Мы должны проводить этот принцип везде и всюду, даже если в первое время это повлечет за собой снижение прибылей. Но все это не имеет никакого значения до тех пор, пока мы не поймем смысл Девятого и Десятого пророчеств. Если признать, что жизнь не более чем вопрос выживания в бессмысленном и враждебном мире, тогда имеет смысл сосредоточить все свои усилия на обеспечении максимально комфортных условий жизни для себя и своих детей в будущем. Но если взглянуть на жизнь в духе первых девяти пророчеств, воспринимая ее как духовную эволюцию, связанную с целым рядом обязанностей духовного порядка, то наше восприятие мира совершенно изменится.

А раз мы начинаем понимать Десятое пророчество и видеть процесс рождения с точки зрения перспектив Посмертия, мы осознаем, что все мы находимся здесь ради того, чтобы привести земное измерение в гармонию с небесными сферами. Кроме того, возможности и успехи на этом пути — явления весьма таинственного процесса, и если мы реализуем экономическую жизнь в русле общего замысла, мы тем самым вступаем в синхронистический контакт с другими людьми, занятыми тем же делом, а это открывает перед нами невиданные перспективы процветания.

Мы должны добиться этого, — продолжал я, — поскольку на индивидуальном уровне нам будут посланы интуиции и совпадения. Мы должны вспомнить как можно больше

элементов нашего Врожденного видения, и тогда станет ясно, что все мы призваны внести некий вклад в развитие человечества. И, что еще более важно, мы должны осознать, что если не будем следовать интуиции, то иссякнут не только удивительные совпадения и чувство вдохновения и одушевления; нам придется заново взглянуть на свои поступки при Обзоре Жизни там, в Посмертии. А это будет означать полный крах…

Я резко умолк, заметив, что Чарлин и Майя, широко открыв глаза, не отрываясь смотрят куда-то мимо меня, в пространство за моей спиной. Я невольно обернулся: передо мной возникли неясные очертания душ моей собственной группы — несколько дюжин неясных силуэтов, исчезающих где-то вдали, словно вокруг нас не было каменных стен пещеры.

— На что это вы все уставились, а? — удивленно спросил Кэртис.

— Да это же души его группы, — отвечала Чарлин. — Я уже видела их там, возле водопада.

— А я только что видел такую же группу рядом с Майей и Кэртисом, — вставил я.

Майя тотчас обернулась и взглянула в пустоту за своей спиной. Души отпрянули было далеко назад, но затем стали более четкими.

— Ничего не вижу, — пробурчал Кэртис, — Да где же они все?

Майя по-прежнему смотрела в пустоту; вероятно, она тоже видела все эти группы.

— Они помогают нам, не так ли? — Они способны послать нам то самое видение, которое мы ищем.

Не успела она сделать это замечание, как все души в едином порыве мгновенно отдалились от нас и стали едва различимыми.

— Что случилось? В чем дело? — спросила Майя.

—Виной всему ваш настрой, — отвечал я. — Если вы пытаетесь черпать у них энергию, вместо того чтобы восстановить собственную внутреннюю связь с Божественным источником энергии, они исчезают. Они избегают любой привязанности. Со мной такое уже случалось...

Чарлин кивнула, соглашаясь:

—И со мной тоже. Они очень похожи на семью. Мы мысленно обращаемся к ним, но при этом прежде надо установить связь с Божественным источником; лишь тогда мы сможем войти в контакт с ними и приобщиться к их знанию, которое представляет собой нашу высшую память.

—Получается, что они хранят для нас память? — спросила Майя.

—Да, верно, — отвечала Чарлин, пристально глядя на меня. Она хотела было сказать еще что-то, но вдруг умолкла, собираясь с мыслями. Затем она проговорила: — Кажется, я начинаю понимать виденное мной в другом измерении. Дело в том, что в Посмертии каждый из нас входит в какую-либо группу, и эти группы обладают особым ракурсом зрения или истиной, которую они должны возвестить всему человечеству. — Она опять взглянула на меня. — Так, например, ты — из группы помощников. Ты знал об этом? Такие души помогают обрести философское понимание смысла и назначения жизни. Все, кто принадлежит к этой группе душ, всегда стремятся найти наиболее полный и точный способ описания духовной реальности. Ты пытаешься осмыслить огромную и сложную информацию, и поскольку ты человек недалекий, ты будешь продолжать свои усилия до тех пор, пока не найдешь для нее наиболее адекватного выражения.

Я недоумевающе взглянул на нее, что вызвало у нее взрыв хохота.

— Таков уж твой дар, — успокаивающим тоном проговорила она. Затем, обернувшись к Майе, она продолжала: — Теперь о вас, Майя. Души вашей группы посвятили себя делу исцеления и здоровья. Они считают себя этаким связующим началом в физическом измерении; они следят за тем, чтобы наши клетки работали наиболее оптимально и были полны энергии, отслеживая и удаляя эмоциональные преграды, пока те не успели перерасти в серьезные недуги.

Души группы Кэртиса избрали стремление к позитивным преобразованиям в области техники, а также выработке нового взгляда на бизнес и коммерцию. Эта группа на всем протяжении человеческой истории работала над тем, чтобы придать духовное измерение таким понятиям, как деньги и капитализм, обрести идеальную модель концептуализации.

Она сделала паузу, и я заметил за ее спиной мерцающее световое пятно.

— А как насчет тебя, Чарлин? — спросил я. — Чему посвятили себя души твоей группы?

— Мы, журналисты, вечные исследователи, — отвела она, — мы помогаем людям уважать и учиться друг у друга. Главная задача журналистики — глубокое проникновение в жизнь и нравы людей и организаций, с которыми нам приходится иметь дело, осмысление их

истинной сущности и подлинного назначения, то есть примерно то же самое, чем мы занимаемся сейчас.

Мне опять вспомнился недавний разговор с Джоэлом и особенно его ядовитый цинизм.

—Право, сейчас очень трудно встретить журналиста, поступающего так.

—Сейчас — да, — отвечала она. — Пока что. Но я говорю об идеале, во имя которого и существует наша профессия. В этом наше истинное предназначение, ибо мы должны обрести уверенность и порвать с устаревшими представлениями о жизни, согласно которым нужно во что бы то ни стало “одержать победу”, овладеть энергией и занять высокое положение.

То, что я появилась на свет именно в этой семье, имеет важное значение. Все мои близкие были людьми пытливыми и любознательными. Я чувствовала их любопытство, потребность в знаниях. Вот почему я так долго проработала репортером, а затем поступила в одну исследовательскую фирму. Мне хотелось заняться проблемами журналистской этики, а затем перейти ко всему остальному... — Она отвела взгляд, уставившись на пол пещеры; затем ее глаза расширились и засверкали, и она сказала: — Я знаю, что мы все собрались здесь ради того, чтобы принести Видение мира. Когда мы вспоминаем наши Врожденные видения и объединяем их на уровне группы, мы тем самым *сливаемся* с силой родственных душ своей группы, пребывающих в другом измерении, что помогает нам вспомнить еще и еще больше, пока мы наконец не обретем полного Видения мира.

Мы озадаченно уставились на нее.

— Давайте рассмотрим этот вопрос в целом, — пояснила Чарлин. — Каждый человек на Земле принадлежит к какой-либо группе душ, а те, в свою очередь, соответствуют разным профессиям и занятиям жителей Земли: это, например, медики, юристы, компьютерщики, фермеры — одним словом, весь спектр человеческой деятельности. Если люди находят свое дело, приносящее им подлинное удовлетворение, они тотчас вступают в контакт с другими душами своей группы.

Когда мы пробуждаемся и начинаем вспоминать свое Врожденное видение — то есть, другими словами, нашу миссию на Земле, — профессиональные группы, к которым мы относимся, вступают в контакт с душами нашей группы, находящимися в другом измерении. Когда это происходит, каждая из профессиональных групп на Земле приближается к своему истинному предназначению, исполнению своей роли в деле служения всему человеческому обществу. Мы слушали как завороженные.

— То же самое относится и к нам, журналистам, — продолжала Чарлин. — На всем протяжении истории мы были людьми, проявляющими особый интерес к процессам, происходящим в нашей цивилизации. Несколько веков назад наше самосознание возвысилось настолько, что возникла особая профессия — журналист. С тех пор мы научились использовать самые разные средства массовой информации, знакомя с последними новостями все более и более широкий круг людей. Но как и все и всегда, мы страдали от незащищенности. Мы интуитивно чувствовали, что, для того чтобы привлечь к себе внимание и энергию всего человечества, мы должны находить или сочинять больше и больше сенсаций и скандальных историй, полагая, будто неизменным спросом пользуется лишь негативная информация: сообщения о трагедиях, насилии и прочем.

Но наша главная цель заключалась не в этом. Наша духовная роль состоит в том, чтобы углубить наше восприятие окружающего, придать ему духовное измерение. Мы наблюдали жизнь и рассказывали о том, чем заняты отдельные личности и группы душ, какие ценности они отстаивают. Тем самым мы помогали людям узнать правду друг о друге.

То же самое можно сказать и о любой другой профессиональной группе; мы все достигли пробуждения и осознали свою миссию и весть. И когда этот процесс затронет всю нашу планету, мы сможем двигаться дальше. Мы получим возможность устанавливать тесные духовные связи с душами из других групп, подобно тому как мы поступаем здесь. Мы обмениваемся своими Врожденными видениями и повышаем уровень наших вибраций, а это преображает не только человеческое общество, но и культуру в Посмертии.

Во-первых, каждая из групп душ приближает уровень своих вибраций к нам, остающимся на Земле, а мы, в свою очередь, движемся навстречу им. Благодаря этому сближению мы можем попытаться установить прямую связь между измерениями. Мы можем созерцать души, пребывающие в Посмертии, и более полно воспринимать их знания и память. Именно это все чаще происходит на Земле.

Пока Чарлин говорила, я заметил, что группы душ, находящиеся позади нас, начали разрастаться, пока не слились друг с другом, образовав вокруг нас полный круг. Когда они слились воедино, я ощутил, что мое сознание перешло на более высокий уровень.

Чарлин, видимо, испытывала то же самое. Она глубоко вздохнула, а затем, возвысив голос, продолжала:

— Другое дело — Посмертие, когда группы душ сближаются и вступают в резонанс друг с другом. Вот почему в фокусе внимания пребывающих на небесах всегда находится Земля. Дело в том, что они, эти группы, не способны самостоятельно слиться друг с другом. Дело в том, что многие из таких групп еще далеко не полны и не находят резонанса друг с другом, потому что живут в воображаемом мире идей и иллюзий, который мгновенно возникает и столь же мгновенно исчезает, тогда как реальность остается неизменной. Этот мир далек от естественного; в нем нет атомарных структур, которые, как мы знаем, являются в нашем измерении стабильной основой всего сущего, в том числе и нас самих. Мы способны влиять на все происходящее в этом измерении, но идеи проявляются гораздо более медленно, и поэтому нам приходится искать определенного согласия относительно того, каким мы хотели бы видеть будущее. Именно это согласие, консенсус, единство взглядов на развитие Земли и лежит в основе сближения групп душ в посмертном измерении. Вот почему земное измерение столь важно для них. Материальный план — это то самое место, где достигается подлинное единение душ!

Именно это единение и стоит за долгим и трудным историческим путем, который прошло человечество. Группы душ, пребывающие в Посмертии, обладают Видением мира, то есть пониманием того, как можно достичь преображения материального мира и сближения измерений, но это способны осуществить только личности, рождающиеся в материальном измерении во имя того, чтобы добиться на Земле всеобщего единения и перенести его в иное измерение. Таким образом, материальное измерение — это своего рода театр, на котором разыгрывается эволюция в обоих измерениях, и теперь мы переживаем кульминационный момент этого процесса, ибо можем осознанно вспомнить и понять суть происходящего... — Она подняла палец, стремясь подчеркнуть важность своих слов. — Это — осознание того, что мы вспоминаем все вместе, уже сейчас, осознание, что другие группы во всех концах нашей планеты уже обретают такие же воспоминания. Мы все обладаем неким фрагментом общего Видения, и, делясь своим знанием и способствуя объединению групп, мы обретаем возможность перевести в план сознания всю картину в целом...

Эту тираду Чарлин прервало легкое сотрясение почвы прямо под нашей пещерой. С потолка посыпались целые тучи пыли. В тот же миг вновь послышался зловещий гул, но на этот раз никаких диссонансов в нем не было; напротив, он звучал почти мелодично.

—О Боже! — проговорил Кэртис. — Кажется, им удалось наладить систему. Нам придется возвращаться в бункер. — Он жестом пригласил следовать за ним; уровень нашей энергетики сразу же упал.

—Подождите, — отвечал я. — А что нам там делать? Мы ведь договорились переждать здесь до темноты, а на улице пока что светло. Я предлагаю оставаться здесь. Мы достигли высокого уровня энергетики, но пока что не преодолели остальную часть процесса. По-видимому, нам удалось очистить остаточные эмоции, повысить энергетику и даже поделиться своими Врожденными видениями, однако мы пока что не достигли Видения мира. Мне кажется, будет куда лучше, если мы останемся здесь и попытаемся продвинуться дальше в том же направлении. — Не успел я договорить, как перед моим мысленным взором возникло видение: мы в полной тьме возвращались обратно в долину.

— Кажется, уже поздно, — отозвался Кэртис. — Эти парни готовы довести свой проклятый эксперимент до конца. И если мы хотим помешать этому, нам надо спешить туда и действовать!

Я в упор посмотрел на него:

— Вы говорили, что они, видимо, хотели убить Чарлин. Но ведь если они нас поймают, эта участь ожидает всех нас.

Майя схватилась руками за голову; Кэртис отвернулся, пытаясь преодолеть приступ панического страха.

—Что ж, я пойду один, — наконец проговорил он. Чарлин подалась вперед:

—Мне кажется, нам лучше держаться вместе...

В тот же миг я увидел ее в наряде индианки, в глуши девственных лесов, в том же девятнадцатом веке... Но видение мелькнуло и тотчас погасло.

Майя поднялась на ноги.

— Чарлин права, — заметила она. — Мы должны держаться вместе и попытаться вмешаться, если нам будет показано, чем они там занимаются.

Я выглянул наружу сквозь узкий проем пещеры, и во мне, где-то в глубине души, поднялось смутное чувство досады..

—А как нам быть с этим... как его?.. ну, оперативником?

—Придется втащить его в пещеру и оставить, — проговорил Кэртис. — А утром, если получится, мы пришлем кого-нибудь за ним.

Я посмотрел Чарлин прямо в глаза, и та, соглашаясь, кивнула в ответ.

ВСПОМИНАЯ БУДУЩЕЕ

Поднявшись на вершину холма, мы осторожно оглядели подножие громадной горной гряды. В надвигающихся сумерках я не заметил ничего настораживающего: ни машин, ни охраны. Гул, не дававший нам покоя на протяжении всех сорока минут пути, совершенно умолк.

—Вы уверены, что мы не сбились с дороги? — озабоченно обратился я к Кэртису.

—Уверен, — отвечал он. — Видите вон те четыре больших валуна футах в пятидесяти вверх по склону? Так вот, вход в бункер находится прямо под ними, в зарослях кустарника. А справа от него — верхушка проекционной антенны, видите? Кажется, она опять заработала.

—Вижу-вижу, — проговорила Майя.

—Но где же охрана? — удивленно спросил я Кэртиса. — Может, они все покинули это место, а?

Мы следили за входом как минимум час, выжидая, не появится ли кто-нибудь, и не решаясь ни двигаться дальше, ни обмениваться лишними репликами вплоть до того момента, когда на долину опустится темнота. Неожиданно мы услышали за спиной какой-то шорох. Вспыхнули фонарики, лучи света ударили прямо в глаза, и четверо вооруженных охранников бросились к нам, приказав поднять руки. Провозившись с нами минут десять и обыскав каждого из нас с ног до головы, они погнали нас вниз по склону, к входу в бункер.

Дверь бункера тяжело распахнулась, и на пороге показался Фейман; вид у него был сердитый и раздраженный.

— Это и есть те самые ищейки, которых мы искали? — заорал он, — Где же вы нашли их?

Один из охранников коротко рассказал ему обо всем; Фейман слушал, качая головой и уставившись на нас. Мы зажмурились от яркого света. Затем Фейман подошел поближе и резко бросил:

—Что вы здесь делаете?

—Мы хотели заставить вас прекратить эти эксперименты! — отвечал Кэртис.

Фейман уставился на него, пытаясь вспомнить.

— Кто вы?

Охранники направили лучи своих фонариков прямо в лицо Кэртису.

— Кэртис Уэббер... черт меня побери, — протянул Фейман. — Ведь это вы повредили нашу антенну, не так ли?

— Послушайте, — заговорил Кэртис, — вы ведь прекрасно понимаете, что этот генератор слишком опасен, особенно когда работает на таком уровне. Вы же можете уничтожить всю долину!

— Бросьте! Вы всегда были паникером, Уэббер. Вот почему мы тогда и отпустили вас из “Делтека”. Знайте, я занимаюсь этим проектом слишком давно, чтобы остановить работы в шаге от конца. Все идет *именно так,* как я запланировал.

— Но зачем же испытывать судьбу? Сфокусировались бы лучше на небольших объектах, величиной с дом. Зачем вы пытаетесь так резко повысить мощность?

— Это не ваше дело. Лучше помалкивайте. Кэртис двинулся к нему.

— Вы хотите взять под контроль сам процесс генерирования энергии! Так же нельзя!

Фейман улыбнулся:

—Новая система подачи энергии должна вводиться постепенно. Вы считаете, что можно взять и за одну ночь сделать бесплатной энергетику, составляющую важную часть экономики и бизнеса? Резкий скачок прибылей во всем мире вызовет гиперинфляцию, а затем обвальную реакцию, которая ввергнет мир в глубокую депрессию.

—Вы же отлично знаете, что это неправда, — возразил Кэртис. — Наоборот, снижение цен на энергию резко повысит эффективность производства, позволит производить больше товаров по более дешевым ценам. Никакой инфляции не будет. Просто вы жаждете сами нажиться на этом. Пренебрегая грозной опасностью, вы хотите взять под свой контроль производство, чтобы регулировать и выпуск продукции, и уровень цен.

Фейман злобно посмотрел на Кэртиса:

— Вы слишком наивны. Неужели вы думаете, что люди, заинтересованные в регулировании цен на энергию, допустят всеобщий переход к дешевым источникам энергии? Разумеется, нет! Все это необходимо держать под строгим контролем. И я хочу прославиться именно тем, что смогу осуществить эту задачу! Ради этого я и пришел в мир!

— Нет, неправда! — воскликнул я. — Вы пришли в мир вовсе не для этого; ваша задача — помогать нам!

Фейман резко обернулся ко мне:

— Замолчи! Слышишь?! И вы все там! — Он заметил Чарлин. — А что случилось с человеком, которого я послал вместе с вами?

Чарлин отвернулась, ничего не ответив.

— Некогда мне возиться с ними! — заорал Фейман. — Советую вам подумать о себе, пока еще не поздно. — Он сделал паузу и вновь окинул нас взглядом, а затем покачал головой и направился к одному из вооруженных охранников. — Сторожите их всех вместе, пока все не кончится. На это уйдет не больше часа. А если попытаются бежать — пристрелите на месте.

Оперативник отдал краткие приказания остальным, и они вчетвером взяли нас под конвой, держась на расстоянии примерно тридцати футов.

— Сядьте, — приказал один из них.

Мы сели на землю в полной темноте, повернувшись лицом друг к другу. Энергетика наша упала почти до нуля. С тех пор как мы покинули пещеру, группы душ более не появлялись.

—Как по-вашему, что нам делать? — обратился я к Чарлин.

—Действовать как ни в чем не бывало, — прошептала в ответ она. — Мы должны восстановить свою энергетику.

Вокруг была полная темнота, прорезаемая лучами фонариков охраны, скользившими по нашим лицам. Я едва мог разобрать черты лиц своих коллег, хотя мы сидели тесным кружком, футах в восьми друг от друга.

— Надо попытаться бежать, — шепнул Кэртис.— Я думаю, они все равно нас прикончат.

В эту минуту мне вспомнился образ из Врожденного видения Феймана. Ему было показано, что он находится вместе с нами в лесу в полной темноте. Я смутно сознавал, что в видении присутствовало еще что-то, но никак не мог вспомнить — что именно.

— Незачем, — отозвался я. — Мне кажется, нам лучше попытаться вспомнить.

В тот же миг послышался странный высокий звук, отдаленно похожий на гул, но более мелодичный, почти приятный для слуха. Земля у нас под ногами опять вздрогнула и заколебалась.

—Мы должны *немедленно* повысить энергетику! — прошептала Майя.

—Даже не знаю, удастся ли мне это, — возразил Кэртис.

—Вы просто обязаны! — шепнул я.

—Давайте сосредоточимся друг на друге, точно так же как мы делали это прежде, — добавила Майя.

Я попытался забыть о кошмарной ситуации, в которую мы попали, и вернулся к внутреннему состоянию любви. Не обращая внимания на тени и резкие лучи света, я сфокусировал внимание на красоте моих спутников. Пытаясь воскресить в памяти высшее Я каждого из них, я увидел, что вокруг заметно посветлело. Вскоре я начал различать черты их лиц совершенно ясно, словно смотрел на них через объектив прибора ночного видения.

—И что же мы должны увидеть? — почти в отчаянии спросил Кэртис.

—Нам надо вернуться к своему Врожденному видению, — тихо отвечала Майя. — Вспомнить, зачем мы оказались здесь.

Внезапно тональность звука изменилась; он вновь стал диссонирующим, скрежещущим.

Мы придвинулись поближе друг к другу, и перед нашим мысленным взором возник образ сражения... Мы понимали, что наши усилия в конце концов одержат верх над силами тьмы и разрушительный эксперимент будет остановлен. Я мельком увидел даже Феймана, пытающегося спастись бегством: его приборы были объяты пламенем, а подручные в страхе разбежались.

Мое видение прервал очередной всплеск гула; увы, эксперимент продолжался. Футах в пятидесяти от нас огромная сосна переломилась пополам и с грохотом ухнула на землю. Справа, между нами и охранником, с шипением разверзлась земля, и появилась трещина шириной не меньше пяти футов, из которой взметнулось облако пыли. Охранник в ужасе отпрянул назад, и луч его фонарика беспорядочно заметался во тьме.

— У них ничего не получается! — воскликнула Майя.

Слева от нас с оглушительным шумом рухнуло еще одно дерево, а земля взметнулась на четыре-пять футов, повалив нас навзничь.

Майя, перепугавшись насмерть, вскочила.

— Пора уносить ноги отсюда! — крикнула она и бросилась в темноту, к северу от нас.

Охранник, сбитый с ног колебанием земли, приподнялся на колени, навел на смутный силуэт Майи луч фонарика и поднял автомат.

— Нет! Подождите! — воскликнул я.

Обернувшись на бегу, Майя заметила другого охранника, прицелившегося в нее и готового выстрелить. Все происходило как при замедленной съемке, и когда автомат выстрелил, я заметил, что лицо ее выражало полное спокойствие и готовность умереть. Но когда пули были уже готовы поразить ее, прямо перед ней возник пучок лучей ослепительно белого света, и пули не причинили ей никакого вреда. Майя на миг остановилась, а затем исчезла во тьме.

В тот же миг, воспользовавшись замешательством, Чарлин, сидевшая справа от меня, бросилась на северо-восток, в густое облако пыли. Все произошло так быстро, что охранники даже не заметили этого.

Я тоже собрался было бежать, но охранник, тот самый, что стрелял в Майю, навел автомат на меня. Кэртис рывком метнулся ко мне и, схватив меня за ноги, прижал к земле.

Прямо за нашей спиной открылась дверь бункера, и Фейман, выскочив наружу, ринулся к антенне и принялся что-то настраивать на пульте. Постепенно гул начал стихать, а сотрясения почвы стали едва уловимыми.

— Ради всего святого! — умоляюще обратился к нему Кэртис. — Прекратите это!

Фейман повернулся к нему; лицо его было покрыто пылью.

— Ничего страшного. Мы все поправим, — с дьявольским спокойствием проговорил он.

Охранники тоже вскочили; они принялись отряхиваться, а затем направились к нам. Фейман заметил, что Майя и Чарлин исчезли, но не успел он раскрыть рот, как раздался душераздирающий грохот. Земля у нас под ногами взметнулась на несколько футов, и мы опять повалились наземь. Треск сучьев очередного падающего дерева заставил охранников поспешить к бункеру.

—Пора! — проговорил Кэртис. — Бежим! Я похолодел. Он подергал меня за ногу.

—Пора убираться! — шепнул он мне на ухо.

Наконец мои ноги ожили, и мы бросились на северо-восток, в ту же сторону, что и Майя.

Мы ощутили под ногами еще несколько сильных толчков, а затем колебания почвы и гул прекратились. Пробираясь во тьме сквозь чащу леса, мы преодолели несколько миль. Единственным источником света нам служило сияние луны, пробивавшееся кое-где сквозь кроны. Наконец мы остановились в роще невысоких сосен.

—Как по-вашему, они будут нас преследовать? — спросил я Кэртиса.

—Вне всякого сомнения, — отвечал тот. — Они просто не могут позволить нам вернуться в город живыми. Боюсь, что их люди поджидают нас где-нибудь в засаде.

Пока он говорил, перед моим мысленным взором предстало видение: это был водопад. Он ничуть не пострадал и был все таким же. Я понял, что это и есть та самая деталь из видения Феймана, которую я пытался помнить.

— Мы должны держать курс на северо-запад, к водопаду, — проговорил я.

Кэртис кивком указал на север, и мы, стараясь двигаться как можно тише, направились в ту сторону, перебравшись через ручей и осторожно приближаясь к каньону. Время от времени Кэртис останавливался и заметал наши следы. Присев, чтобы немного передохнуть, мы услышали на юго-востоке низкий рокот моторов каких-то машин.

Пройдя еще милю-полторы, мы заметили вдали отвесные стены каньона, залитые слабым лунным светом. Когда же мы добрались до устья каньона, Кэртис обогнал меня и направился к ручью. Внезапно он в испуге отпрянул назад: возле дерева слева от нас мелькнула какая-то тень... Человек, которому она принадлежала, громко кричал и звал на помощь: он едва держался на самом краю крутого берега, цепляясь за камни.

— Майя! — крикнул я, узнав, кто это был.

Кэртис остановился и бросился вперед, подхватив ее под руки в тот самый момент, когда земля и камни начали сползать в воду.

Выбравшись, Майя крепко обняла его, а затем подошла ко мне.

— Сама не знаю, почему я бросилась наутек. Просто мной овладела паника. Единственное, что пришло мне в голову, — поспешить к водопаду, о котором вы упоминали. Мне оставалось только молиться, чтобы хоть кому-нибудь из вас удалось спастись. — Прислонившись к толстому дереву, она глубоко вздохнула, а затем спросила: — Кстати, а что случилось, когда охранник открыл стрельбу? Каким чудом пули миновали меня? Знаете, я заметила странное пятно света.

Мы с Кэртисом переглянулись.

—Понятия не имею, — отозвался я.

—Это странным образом успокоило меня, — продолжала Майя, — Я никогда еще не испытывала ничего подобного.

Мы смотрели друг на друга, не проронив ни слова. Затем в звенящей тишине я услышал звук шагов. К нам кто-то приближался...

— Подождите минутку, — проговорил я. — Там кто-то есть.

Мы пригнулись к земле и замерли в напряженном ожидании. Прошло минут десять. Наконец из-за деревьев, высившихся прямо перед нами, показалась Чарлин. Она в изнеможении опустилась на колени.

—Слава Богу, я нашла вас, — прошептала она. — Как же вам удалось спастись?

—Мы сумели бежать, когда рухнуло еще одно дерево, — отозвался я.

Чарлин посмотрела мне прямо в глаза:

—Я так и думала, что ты направишься прямиком к водопаду, и побрела в ту же сторону, хотя понятия не имела, как мне найти водопад в полной темноте.

Майя позвала нас, и мы двинулись к просвету, туда, где из устья каньона вытекает ручей. Здесь было совсем светло; лунное сияние буквально заливало траву у нас под ногами и скалы по обеим сторонам каньона.

—Быть может, это дает нам еще один шанс, — задумчиво проговорила Майя, жестом приглашая нас садиться в кружок.

—И что же мы будет делать теперь? — с сомнением спросил Кэртис. — Нам нельзя долго оставаться здесь. Они могут найти нас.

Я взглянул на Майю, считая, что нам лучше всего отправиться к водопаду. Но у нее был настолько воодушевленный вид, что вместо этого я решил спросить:

—Как вы думаете, в чем заключалась наша ошибка?

—Сама не знаю. Может быть, нас было слишком мало. Вы ведь говорили, что нас должно собраться семеро. А может, мы слишком поддались страху.

Чарлин подошла к нам:

— Мне кажется, мы должны вспомнить тот уровень энергетики, на который мы вышли там, в пещере. Мы должны вступить в контакт друг с другом на этом уровне.

Прошло несколько томительных минут: мы пытались восстановить внутренние связи. Затем Майя проговорила:

— Мы должны посылать друг другу энергию, сосредоточиться на высшем Я.

Сделав несколько глубоких вдохов, я взглянул на лица своих спутников. Они казались мне все более и более прекрасными и светящимися, и вскоре я начал различать их неповторимо индивидуальную суть. Травы и растения вокруг нас тоже вдруг стали необычайно красочными, словно яркость лунного света неожиданно удвоилась. Знакомая волна любви и блаженной эйфории пробежала по всему моему телу, и вскоре я заметил души своей группы, возникшие передо мной.

Едва увидев их, я почувствовал, что границы моего сознания внезапно расширились. Оглянувшись, я понял, что остальным предстало точно такое же видение; однако эти группы душ еще не слились воедино.

Майя поймала мой взгляд. Она посмотрела мне в глаза, находясь уже в состоянии полной открытости, и я, любуясь ею, казалось, мог наблюдать ее Врожденное видение, бросавшее слабый отсвет на ее лицо. Она уже сознавала, кто она, и сияние, окружавшее ее,

явно выделяло ее. Итак, ее миссия на Земле была совершенно ясна, и прежняя жизнь прекрасно подготовила Майю к ее исполнению.

— Ощутите, как атомы в ваших телах как бы вибрируют с более высокой частотой, — проговорила она.

На лице Чарлин появилось выражение ясности и открытости. Она стала одной из тех, кто воспринимает и распространяет жизненно важные истины, выражаемые каждым человеком или группой душ.

—Вы понимаете, что происходит? — спросила Чарлин. — Мы видим друг друга такими, каковы мы на самом деле, на уровне нашего высшего Я, без всяких эмоциональных проекций наших прежних страхов.

—Понимаю, — отозвался Кэртис; лицо его так и сияло необычайной ясностью.

Наступила пауза, продолжавшаяся несколько томительных минут. Закрыв глаза, я ощутил заметный прилив энергии.

—Видите! — вдруг воскликнула Чарлин, указывая на группы душ, витавшие вокруг нас.

Эти группы начали постепенно сливаться одна с другой, совсем так же как там, в пещере. Я взглянул на Чарлин, а затем на Кэртиса и Майю. На их просветлевших лицах я заметил выражение, говорившее, что они еще полнее осознали свою роль в качестве участников долгого процесса развития человеческой цивилизации.

— Вот оно! — воскликнул я. — Мы вышли на следующий уровень, мы достигли более полного понимания человеческой истории.

Перед нами, словно гигантская голограмма, возникла панорама истории человечества, простирающаяся от самых истоков до отдаленного будущего. Попытавшись сосредоточиться на этом видении, я осознал, что оно очень похоже на то самое видение, которое я уже видел прежде вместе с остальными душами своей группы, за исключением разве того, что на этот раз развитие истории начиналось гораздо раньше, с момента зарождения Вселенной...

Мы видели, как произошел взрыв первичной материи и как под воздействием сил гравитации возникли звезды. Звезды эти рождались и умирали, образуя бесчисленное множество элементов, из которых со временем сформировалась наша Земля. Элементы эти, в свою очередь, под влиянием всевозможных земных факторов начали складываться во все более и более сложные соединения, пока наконец не возникла органическая жизнь — та самая жизнь, которая стала быстро развиваться, образуя все новые и новые формы, созданные словно по единому замыслу. Многоклеточные простейшие явились предками рыб, из рыб возникли земноводные, земноводные дали жизнь пресмыкающимся и птицам, и, наконец, появились млекопитающие.

Продолжая наблюдать, я увидел, как перед нами раскрылась панорама Посмертия, и понял, что некий аспект всех душ, пребывающих там — то есть части всего человечества, — жил и существовал всегда, на всем протяжении долгого и медленного процесса эволюции. Мы, будучи рыбами, тоже плавали в морях, земноводными ползали на брюхе по земле, а став пресмыкающимися, птицами и млекопитающими, боролись за выживание на каждом этапе своего развития, пока не приняли человеческий облик. И все это было не случайно.

Мы осознали, что на протяжении бесчисленных поколений, сменявших друг друга, как волны морские, мы вновь и вновь рождались в материальном измерении, и сколько бы это ни продолжалось, мы всегда стремились и будем стремиться к пробуждению, единению и развитию и в конце концов установим на Земле ту же духовную культуру, которая существует в Посмертии. Разумеется, путь этот труден и даже опасен. Интуитивно предчувствуя пробуждение, мы испытали страх одиночества и покинутости. Но благодаря ему мы уже не смогли вернуться к спячке; нам пришлось бороться со страхом, полагаясь на смутное предчувствие, что мы не одиноки, что мы существа духовного порядка и что наше бытие имеет некую духовную цель.

Затем, движимые развитием эволюции, мы стали объединяться в более многочисленные и сложные социальные структуры, которые формировались из разных

профессиональных групп, что помогало их членам избежать борьбы друг с другом и со временем обратиться к подлинно демократическому процессу, благодаря которому стали возможны обмен и синтез идей во имя высшей правды. Постепенно, по мере того как мы переходили от познания Божественного начала в виде богов природных стихий к представлению о Боге-Отце, пребывающем вне нас, и, наконец, к осознанию бытия Святого Духа в нас самих, чувство защищенности переместилось из внешнего мира во внутренний.

Были сложены и записаны священные тексты, проникнутые интуитивным символическим выражением нашей связи и будущего единения с Богом. Провидцы Востока и Запада свидетельствовали, что Святой Дух всегда пребывает в нас, всегда рядом, ожидая лишь той минуты, когда мы обратимся к нему, откроемся и очистим все те преграды, которые препятствуют полному общению с Ним...

Затем мы увидели, что наше стремление к единению и обмену идеями расширялось все более и более, пока мы не ощутили в себе глубокую бытийную связь с другими людьми, живущими рядом с нами в той же точке мира, и человечество стало формировать все новые и новые политические объединения — национальные государства, каждое из которых обладало своей собственной уникальной системой ценностей. Вскоре началось бурное развитие торговли и коммерции. Возникла научная картина мира, и открытия, последовавшие за этим, ознаменовали собой начало эпохи расцвета экономики и великого секулярного прорыва, именуемого промышленной революцией.

После того как возникла и сложилась сеть экономических связей, охватывающих весь земной шар, мы начали все чаще достигать пробуждения и вспоминать свою истинную духовную природу. В человеческое сознание постепенно начали проникать пророчества, и мы перешли к созданию экономики, учитывающей экологию Земли, и наконец отказались от поляризации, обусловленной страхом, обратившись к формированию на нашей планете новой духовной картины мира...

В этот миг я мельком взглянул на своих спутников. Их лица яснее всяких слов сказали мне, что они разделяют такой взгляд на историю Земли. Благодаря этому краткому видению мы наблюдали этапы развития человеческого сознания с момента его зарождения вплоть до нынешнего дня.

Внезапно голограмма сфокусировалась на деталях такой поляризации. Все люди на Земле занимают одну из двух конфликтующих позиций: одни — сторонники пока что смутной, но обретающей все большую ясность картины преображения, а другие — ее оппоненты, интуитивно опасающиеся, что многие важнейшие ценности, содержащиеся в старой картине мира, могут быть утрачены навсегда.

Мы видели, что в посмертном измерении существует понимание того, что этот конфликт является нашим серьезнейшим вызовом процессу одухотворения материального плана, в частности, если поляризация получит широкое распространение. В данном случае обе стороны окажутся втянутыми в иррациональный процесс проецирования зла друг на друга или, хуже того, могут принять буквальные истолкования пророчеств о последних временах, смирившись с мыслью, что будущее якобы не зависит от их усилий, и, таким образом, откажутся от всяких действий.

Чтобы обрести Видение мира и решить проблему поляризации, мы должны понять, что Посмертие стремится помочь нам осознать более глубокий смысл этих пророчеств. Как и прочие места Священного Писания, видения, содержащиеся в книге пророка Даниила* и в Апокалипсисе**, представляли собой Божественные интуиции, посланные из Посмертия в материальный план, и потому должны пониматься как знания, облеченные в символическую форму, характерную для сознания тайновидца и во многом напоминающую сон. Мы должны сосредоточить внимание на их символическом значении. Пророчества эти повествуют о картинах конца человеческой истории на Земле, но понимание “конца” *верующими* весьма отлично от его осмысления людьми неверующими.

* Книга Даниила — книга одного из четырех (наряду с Иезекиилем, Исайей и Иеремией) “больших” пророков, входящая в корпус Ветхого Завета. В ней описано несколько таинственных пророческих видений, не поддающихся рациональной интерпретации.

** Апокалипсис (от греч. апокалипсис — откровение) — Откровение Иоанна Богослова (60-е гг. I в.), последняя книга Библии, замыкающая собой свод канонических книг христианской Библии. В Апокалипсисе в форме мистических откровений описаны картины грядущего конца человеческой истории, явленные апостолу и евангелисту Иоанну, любимому ученику Господа Иисуса Христа. Сложность и неоднозначность этих видений породила массу толкований к ним в христианской традиции. В силу особой трудности для понимания Апокалипсис — единственная книга Библии, фрагменты (паримии) из которой никогда не читаются за православным богослужением.

Как мы видели, люди, относящиеся ко второй группе, тоже познают конец человеческой истории, который начнется с великих катастроф и природных катаклизмов, что повлечет за собой крах мировой экономики. Затем, в кульминационный момент всеобщего страха и хаоса, появится некий сильный лидер, Антихрист, который предложит человечеству восстановить порядок, но лишь в том случае, если все люди добровольно отрекутся от всех свобод и примут на свое тело* пресловутую “печать зверя”, чтобы тем самым включиться в автоматизированную систему тотального контроля за экономикой. Вскоре этот лидер провозгласит себя богом и обрушит репрессии на любую страну, которая воспротивится его власти. Прежде всего он начнет войну с исламским миром, затем обратит оружие против иудеев и христиан, так что в конце концов весь мир превратится в арену яростного Армагеддона**.

---

* Точнее — на чело и правую руку, как сказано в Апокалипсисе.

** Армагеддон (евр. Ар-Мегидцо — вершина Мегидцо) — упоминаемая в Ветхом Завете местность и город в Палестине, у подножия горы Кармил, арена жестокой битвы, место гибели пророка Иосии (Четвертая книга Царств, 23:29). В переносном смысле, особенно в христианской традиции, решающая битва сил света и тьмы в конце времен.

Что касается верующих, то им пророчества Священного Писания предлагают куда более утешительное описание конца истории. Верующие, оставшиеся верными в духе и истине, обретут новые, духовные, тела и будут перенесены в иное измерение, так называемый Новый*** Иерусалим, но в конце времен смогут возвратиться в материальный мир. В решающий момент последней битвы Бог положит конец кровопролитию, восстановит мир на Земле и установит тысячелетнее царство, где не будет ни болезней, ни смерти, где преобразится буквально все, даже животные, ибо хищники не будут более пожирать мясо. И тогда “волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому...”****

*** Точнее — Горний, или Небесный, ибо земные Новые Иерусалимы (то есть географические объекты с таким названием) уже давно существуют и в России, и в США.

**** Исайя, 65:25.

Майя и Кэртис посмотрели мне в глаза. Их примеру последовала Чарлин; казалось, мы все сумели осознать истинный смысл пророчеств. Картины конца света, о которых возвещали пророки, были предчувствием нашего времени, когда перед нами встал выбор двух путей. Мы можем выбрать либо покорность в страхе, согласившись, что мир движется по воле Старшего Брата по пути тотальной автоматизации к социальному упадку и всеобщему разрушению... либо пойти другим путем, сделавшись верными, избежавшими всеобщего отрицания, открытыми навстречу высшим вибрациям любви, где мы сможем обойтись без Апокалипсиса

и войти в новое измерение, в котором дух, действующий через нас, будет творить ту самую утопию, о которой возвещали пророчества Священного Писания.

Теперь нам стало понятно, почему души, находящиеся в Посмертии, считают, что осмысление нами этих пророчеств — ключ к решению проблемы поляризации. Если мы сочтем, будто в Священном Писании говорится, что гибель мира неизбежна, ибо является частью Божьего замысла, то следствием этого вывода станут сознательные усилия, приближающие такой финал.

Совершенно ясно, что мы должны выбрать путь любви и доверия. Как я уже видел прежде, поляризация вовсе не обязана быть такой непримиримой. Душам в Посмертии хорошо известно, что каждая из сторон выражает свою долю истины, которая обязательно должна учитываться в новой, духовной, картине мира. Кроме того, я видел, что такой синтез должен стать естественным развитием и продолжением самих пророчеств, особенно — Десятого, а также особых групп, которые начнут формироваться по всему миру.

Внезапно голограмма видения резко ускорилась, и я увидел другой путь развития сознания. Я понимал, что мы приближаемся к следующему этапу этого процесса: воспоминанию о том, что нам предстоит обрести веру и воплотить в жизнь будущее, предвозвещенное в пророчествах... Мы вспоминали *Видение мира!*

Продолжая следить за видением, мы увидели, что по всей Земле возникают группы Десятого пророчества, достигая критической массы энергии; затем они овладевают умением проецировать эту энергию таким образом, чтобы крайние стороны поляризации получали освещение и смягчались, преодолевая страх. Особенно сильно это повлияет на промышленных воротил, которые должны вспомнить свое предназначение и отказаться от всяких попыток манипулировать экономикой и захватить власть.

Результатом такого проецирования энергии станет беспрецедентная волна пробуждения, памяти, сотрудничества и личной причастности ко всему, настоящий взрыв активности новых вдохновенных индивидуальностей, каждая из которых сможет в полной мере воскресить свое Врожденное видение и следовать по пути синхронистичности, занимая свое особое место в своей культуре...

Видение опять изменилось; появилась панорама угасания больших городов и заброшенных сельских общин. Мы увидели, как формируется новый взгляд на решение проблемы вечной бедности... Вмешательство в этот порочный круг более уже не будет иметь характера государственных программ обучения и создания новых рабочих мест; новый подход будет глубоко духовным, ибо образовательные структуры давно созданы, но им недостает способности преодолеть страх и помешать происка м темных сил, стремящихся увести мир от заботы о бедных...

Затем я увидел всплеск интереса частных лиц к каждой семье и каждому ребенку, живущим в нужде... Множество людей, начиная с тех, кого бедняки встречают каждый день: торговцев, учителей, полицейских — и кончая министрами, стали устанавливать личные контакты с бедными. Такие контакты взяли на себя добровольцы, выполняющие роль “старшего брата”, “старшей сестры” или воспитателей, руководствующихся собственной внутренней интуицией и желанием помочь другим, помня о своем намерении — помогать хотя бы одной семье или даже одному ребенку. Все эти люди знакомы с пророчествами и понимают свою главную весть; она состоит в том, что, какой бы тяжелой ни была ситуация и как бы глубоко ни укоренились пагубные привычки, каждый из нас способен достичь пробуждения и вспомнить свою миссию и цель на Земле...

По мере распространения этих взглядов общее число жестоких преступлений во всей человеческой цивилизации таинственным образом начало снижаться, ибо, как мы могли убедиться, корни насилия кроются в подавленности, озлобленности и страхе, который отказывает жертве в человеческом достоинстве, а активное общение с носителями более высокого сознания помогает избавиться от подобных комплексов...

Мы видели новый взгляд на преступность, отличный от традиционных представлений о природе человека... В ближайшей перспективе возникла потребность в новых тюрьмах и

пенитенциарных учреждениях, ибо традиционные взгляды показали, что слишком поспешное возвращение преступников в общество или их освобождение по амнистии, имеющее целью дать им шанс исправиться, на самом деле лишь ухудшили криминогенную ситуацию. Но в то же самое время мы видели идеальную интеграцию пророчеств в деятельность таких предупреждений, что создало широкую волну сострадания и желания на личном уровне помочь заключенным, меняя ситуацию с преступностью и актуализируя единственно эффективную реабилитацию: обретение памяти, осознание своей миссии.

Одновременно с этим, по мере того как все больше людей достигали пробуждения, я видел миллионы ярких индивидуальностей, находящих время, чтобы вмешаться в этот конфликт на всех уровнях человеческой цивилизации, ибо все мы обрели новое понимание происходящего. В любой ситуации, когда муж или жена сердятся друг на друга и выходят из себя; когда пристрастие к наркотикам, отчаяние или жажда самоутверждения толкают молодых членов общества на убийство; когда люди чувствуют себя до такой степени несвободными что начинают красть, мошенничать или манипулировать другими ради наживы, всегда находился кто-то, кто мог предотвратить насилие, но *воздерживался* от решительных действий.

В окружении такого потенциального героя находилась добрая дюжина друзей и знакомых, которые точно так же воздерживались от вмешательства, поскольку они не разделяли идеалы, способные создать более широкую систему, которая поддерживала и оправдывала бы вмешательство. Прежде такое невмешательство, возможно, было оправдано, но такие времена прошли. Теперь Десятое пророчество получило широкое распространение, и мы поняли, что люди, встречающиеся нам в жизни, — это, по всей вероятности, души, с которыми мы уже имеем долгий опыт общения в прошлых жизнях и которые в этой жизни так часто приходят к нам на помощь. Итак, мы должны были действовать, проявляя решительность. Никому из нас не хотелось потерпеть крах и заново созерцать мучительный Обзор Жизни, в котором бы нам были вновь показаны трагические последствия нашей медлительности...

Видение разворачивалось дальше; мы увидели плоды забот и усилий общества по решению других социальных проблем. Перед нашим взором предстали реки и океаны мира, и я опять увидел причудливое смешение старого и нового, ситуацию, которая, реагируя на капризы государственных чиновников, в то же время отражала более высокий приоритет естественного человеческого стремления спасти окружающую среду, развернув широкое общественное движение.

Правда, однако, заключалась в том, что, как и в вопросе бедности и насилия, у проблемы криминального загрязнения окружающей среды всегда есть невольные свидетели. Люди, сами никогда не загрязнявшие экосистему Земли, сотрудничали или хотя бы слышали о тех, чьи проекты или коммерческая деятельность наносили вред биосфере нашей планеты.

Это были люди, которые видели все и молчали либо из страха потерять работу, либо потому, что опасались остаться в одиночестве со своим мнением. И вот теперь, когда они достигли пробуждения и осознали, что настало время действовать, мы видели их в первых рядах общественного движения против загрязнения биосферы, будь то производимый под покровом ночи сброс ядовитых промышленных отходов в воды океана, слив излишков нефти из танкеров прямо в море, тайное использование запрещенных инсектицидов на промышленных овощеводческих плантациях, несоблюдение норм сангигиены на промышленных предприятиях в паузах между инспекциями или мошенническое укрывательство результатов исследований новых химикатов. Независимо от характера самих преступлений должны появиться *добровольные* свидетели, которые пользовались бы поддержкой широких массовых организаций, выплачивающих вознаграждения за такую информацию, действовали бы по собственной инициативе и обуздали рост преступности.

Видели мы и изменение экологической концепции самих государств, особенно в том, что касается охраны так называемых общественных земель. Как было установлено, всевозможные правительственные агентства продавали права на разработку и добычу

ископаемых во многих священных местах на Земле, продавали за бесценок, ради сиюминутных политических выгод. Величественные вековые леса, достояние всего общества, спиливались и вырубались во имя более рационального ведения лесного хозяйства, словно ровные ряды сосен способны заменить многообразие растительной жизни и ту энергию, которую веками накапливали под своими кронами девственные леса.

Однако должно было возникнуть духовное пробуждение, способное положить конец всему этому безумию. Мы видели, как формировалась новая коалиция, объединившая в своих рядах сторонников архаической романтики, обуреваемых ностальгией по первозданному миру, и тех, кто считал девственные земли и леса священными вратами в иной мир. Эта коалиция успела поднять тревогу, что позволило спасти последние остатки девственных лесов в Европе и Северной Америке и начать кампанию по спасению вековечных влажных лесов в тропических регионах по всему миру. Человечество пришло к пониманию, что ради будущих поколений необходимо сохранить все еще уцелевшие островки первозданной природы. Специально выращиваемые древесные волокна способны заменить деревья при производстве пиломатериалов и бумаги, а на всех остальных общественных землях необходимо запретить всякую хозяйственную деятельность и использовать их только как места нетронутой природы, обладающей высокой энергетикой, куда можно совершать оздоровительные поездки. В то же время по мере обретения пробуждения и более глубокой памяти развитые цивилизации должны относиться к архаическим культурам с особым уважением и бережностью, чтобы приобщиться к мистическому переосмыслению мира природы...

Тут видение сменилось опять, и я увидел волны духовного озарения, проникающие практически во все аспекты культуры. Совсем как в видении Чарлин, каждая профессиональная группа начала осознанно менять свою сложившуюся практику в пользу перехода на более интуитивный и идеальный уровень, постигая свою подлинную духовную роль и обретая видение своего главного служения...

Медицина, в лице своих лидеров, сосредоточивших главное внимание на духовно-психологическом генезисе болезней, от механического лечения симптомов обратилась к профилактике недугов. Мы видели, как юристы отказались от эгоистических методов создания конфликтных ситуаций и затушевывания ясной картины ради того, чтобы выиграть процесс, обратившись к своей истинной роли: разрешению конфликтов к обоюдному согласию. Подобно видению Кэртиса, все, имеющие отношение к бизнесу или сфере промышленности, обратились к просвещенному капитализму, капитализму, ориентированному не просто на получение прибылей, но и на удовлетворение все увеличивающихся потребностей людей духа, на производство такой продукции по минимально возможной цене. Эта новая этика в бизнесе вызовет массовую дефляцию, которая повлечет за собой системную эволюцию и в конечном итоге — полную автоматизацию, а в перспективе и свободное получение необходимого для удовлетворения жизненных потребностей человека, чтобы вовлечь его в духовное обновление, ту самую “десятину”, о которой говорит Десятое пророчество.

Продолжая наблюдать, мы заметили, что сцены начали быстро мелькать одна за другой. Перед нами возникали люди, осознавшие свою духовную миссию еще в детстве. Мы увидели у них ясное понимание того, что скоро стало новым духовным видением мира. Эти люди, достигая зрелости, вспоминали, что они являются душами, перешедшими в одно измерение из другого. И хотя при таком переходе можно было бы ожидать утраты памяти, одной из первоочередных целей образования у них было восстановление памяти о прошлой жизни.

...Пока мы были еще подростками, наши учителя проводили нас через опыт синхронистичности, советовали нам при изучении некоторых предметов прибегать к интуиции и, посещая различные места, всегда стремиться найти ответ на вопрос о том, почему мы следуем именно этим путем. Когда же мы в полной мере обрели память о пророчествах, мы увидели самих себя в разных группах; мы работали над какими-то проектами, используя полное видение, уже обретенное нами. Наконец, мы смогли восстановить в памяти главную задачу нашей жизни. Мы осознали, что находимся здесь ради того, чтобы повысить уровень

вибраций планеты в целом, познать и сохранить первозданную красоту ее девственных уголков, помочь людям почаще бывать в таких местах. И тогда мы сможем повысить собственную энергетику, чтобы перенести культуру Посмертия сюда, в материальный план.

Такое Видение мира смогло радикально изменить наше отношение к другим людям. Общаясь с ними, мы более не обращали внимания на их расовую телесную оболочку или национальность в последней инкарнации. Наоборот, мы стали воспринимать их как братьев или сестер, участвующих, как и мы сами, в процессе обретения пробуждения и одухотворения планеты. Мы осознали, что распределение душ по различным географическим зонам на планете имело огромный смысл. Каждая конкретная нация представляет собой, по сути, особый анклав конкретной духовной информации, носителями которой являются все граждане данной страны. И информация эта еще только ожидала изучения и осмысления.

Перед нами продолжали разворачиваться картины будущего, и я увидел, что мир наконец обрел политическое единство, которое предвидели лучшие умы, причем произошло это без принуждения. Все нации не были согнаны силой в одну державу, а добровольно объединились на основе осознания нашей духовной близости при одновременном бережном сохранении местной автономии и культурных различий. И каждый член семьи наций, подобно душам в группе, пользовался уважением за тот культурный вклад, который он вносил в мировую культуру в целом. Мы увидели, что на наших глазах политические битвы, часто принимавшие в прошлом ожесточенный характер, превратились в войну слов. И по мере того, как волна воспоминания все более и более охватывала нашу планету, все люди начинали осознавать, что наше предназначение состоит в том, чтобы обсуждать и сравнивать воззрения различных религий и, оставаясь в индивидуальном плане приверженцами наиболее духовных из этих учений, признавать, что любая религия лишь дополняет общую картину мира, и на основе этого интегрировать их в некую синкретическую глобальную духовность.

Мы ясно видели, что такие диалоги и диспуты завершились воссозданием в Иерусалиме великого храма, в котором возносили молитвы последователи всех крупнейших религий мира — иудаизма, христианства, ислама, восточных учений и даже тяготеющего к религиозному мироощущению секулярного идеализма, представленного экономическими анклавами Китая и Европы и оперирующего в первую очередь категориями пантеистической экономической утопии. В нем проходили жаркие дебаты относительно духовных взглядов. И в этой войне слов и энергий поначалу произошло столкновение исламской и иудаистской точек зрения, затем на первый план выдвинулось христианство, а также мистическое Видение религиозных систем Востока.

Мы увидели, что сознание человечества выходит на некий новый уровень и человеческая цивилизация от первоочередного внимания к экономическим системам обращается к синхронистическому обмену духовными истинами... Как только это произошло, некоторые личности и целые группы начали достигать уровней духовности, присущих посмертному измерению, и стали исчезать из виду для большинства остающихся на Земле. Такие группы избранных обрели способность свободно переходить в иное измерение и по своей воле возвращаться обратно — совсем как говорит Девятое пророчество и пророчества, содержащиеся в священных книгах. Однако после того как началось это вознесение, оставшиеся на Земле сумели осознать суть происходящего и понять свою роль в материальном мире, сознавая, что и они тоже вскоре последуют за ушедшими.

Затем настало время секулярным идеалистам возвестить свои истины со ступеней Храма. Поначалу их энергетический порыв привел их в Иерусалим из Европы, обладающей секулярным Видением, где появился сильный лидер, провозглашающий важность секулярных ценностей. Такие взгляды встретили решительный отпор со стороны приверженцев “иномирной” духовности мусульманства и христианства. Но затем это столкновение энергий было смягчено и впоследствии стало составной частью внутреннего духовного опыта восточной системы ценностей. К тому времени благодаря усилиям сторонников пробуждения потерпели провал последние попытки деспотов, составивших заговор с целью создания тиранической цивилизации чипов и роботов. И возникший синтез духовных учений открыл

путь для сошествия Святого Духа. Мы видели, что благодаря этому средневосточному диалогу с целью интеграции энергии в истории исполнились многочисленные пророчества священных текстов в их *символическом* и *вербальном* понимании, а материального апокалипсиса, которого ожидали буквалисты, удалось избежать.

Внезапно в центре нашего внимания оказалось посмертное измерение, и мы с поразительной ясностью поняли, что наша задача состояла в том, чтобы создать не только Новую Землю, но и Новые Небеса. Мы видели, что эффект воспоминания Видения мира преобразил не только материальный план, но и Посмертие. Наряду с вознесением душ на небо совершалось и перенесение их в материальный план, что обеспечивало поступление энергии в невероятно расширившееся земное измерение.

И тогда нам стала ясна полная реальность всего происходящего в процессе исторического развития. С самого начала времен, как только в нас открылась память, энергия и знания постоянно поступали из посмертного измерения в материальный план. Поначалу группы душ в Посмертии брали на себя полную ответственность за осознание миссии и провидение будущего, помогая нам вспомнить наше назначение и посылая нам энергию.

Затем, по мере дальнейшего развития сознания и увеличения населения Земли, баланс энергии и ответственности стал медленно смещаться в сторону материального плана, вплоть до того поворотного момента в истории, когда на Землю было направлено достаточно энергии, люди начали вспоминать Видение Мира, и вся полнота ответственности за осознание и созидание будущего мира была перенесена из Посмертия на души, пребывающие на Земле, на вновь формирующиеся группы таких душ, на нас самих!

Отныне именно *мы* должны нести бремя этой миссии. Вот почему нам предстоит решить проблему поляризации и помочь убедить отдельных людей, уже находящихся в этой долине, тех самых, которые поначалу были одержимы страхом и считали допустимым манипулировать экономикой в своих собственных интересах, оправдывая свои попытки взять будущее под контроль...

Мы вчетвером посмотрели в темноте друг на друга; голограмма, окружавшая нас, померкла, и группы душ, притаившиеся на заднем фоне, ярко просияли. В тот же миг я заметил огромного ястреба, усевшегося на ветку футах в десяти над группой душ и пристально уставившегося на нас. Прямо под ним, всего в каких-нибудь пяти футах, невесть откуда выскочил кролик и, развернувшись футах в трех от моего правого локтя, замер; спустя несколько секунд за ним появилась рыжая рысь, усевшаяся у него за спиной. Что же происходило?

Внезапно моего солнечного сплетения коснулась едва ощутимая вибрация... Эксперименты возобновились!

—Поглядите вот туда! — воскликнул Кэртис.

Ярдах в пятидесяти от нас возникла узкая расщелина, едва различимая при лунном свете; деревца и кусты по обеим ее сторонам вздрагивали. Она медленно приближалась к нам.

Я взглянул на своих спутников.

—Она недаром направлена на нас! — вскричала Майя. — Мы уже достаточно познакомились с Видением; мы можем остановить их!

Но не успели мы двинуться с места, как земля у нас под ногами вздрогнула и задрожала, а трещина поползла прямо на нас. В тот же миг несколько машин резко затормозило в кустах, и лучи света от их фар так и брызнули сквозь заросли и тучи пыли. Не обращая на них никакого внимания, я собрал внутреннюю энергию и вновь сосредоточился на голограмме.

—Видение непременно остановит их! — воскликнула Майя. — Ни в коем случае не упускайте Видение! Удерживайте его!

Сосредоточившись на картинах будущего, я вновь ощутил, что группа посылает энергию Фейману, воздвигнув наше видение как несокрушимую стену на пути его усилий. Затем я увидел, как его подручные в ужасе разбегаются, пораженные лавиной энергии, обрушившейся на них.

Я мельком посмотрел на трещину, приближавшуюся к нам, в надежде, что она остановится. Но она, как оказалось, поползла даже быстрее. Рухнуло какое-то дерево. За ним еще и еще... Бросившись к спутникам, я утратил концентрацию и упал на спину, задыхаясь от пыли.

—Пока что не сработало! — услышал я возглас Кэртиса. Я почувствовал, что все начинается сначала.

—Туда, туда! — воскликнул я, напряженно всматриваясь в темноту. Во внезапно надвинувшемся мраке я на бегу едва различал неясные силуэты спутников; они, петляя, бросились от меня на восток.

Я принялся карабкаться по каменному склону, образовывавшему левую стену каньона, не останавливаясь до тех пор, пока не поднялся на высоту добрых ста ярдов. Устало опустившись на колени прямо на скалу, я взглянул в ночную тьму. Никакого движения заметно не было, но я услышал, как люди Феймана переговаривались о чем-то у входа в каньон. Стараясь не шуметь, я двинулся по склону на северо-запад, высматривая своих спутников. Наконец, найдя удобный спуск, я спустился на дно каньона. Казалось, все вокруг замерло.

Тогда я решил направиться дальше на север. В тот же миг кто-то неожиданно схватил меня сзади.

—Что такое?..— воскликнул было я.

—Тсс, — прошептал чей-то голос. — Тише. Это я, Дэвид.

УДЕРЖИВАЯ ВИДЕНИЕ

Обернувшись, я посмотрел на него при лунном свете; да, это его длинные волосы и покрытое шрамами лицо.

— Куда же подевались все остальные? — шепотом спросил он.

—Мы решили разделиться, — отвечал я. — Вы видели, что произошло там, внизу?

Он приблизил ко мне свое лицо.

—Да, я все видел с вершины холма. Как по-вашему, куда они могли направиться?

Я задумался.

—Полагаю, они двинулись к водопаду.

Дэвид жестом велел мне следовать за ним. Через несколько минут он обернулся и проговорил:

—Когда вы уселись в кружок там, у входа в каньон, ваша энергия стала накапливаться, а затем хлынула вниз, в долину. Чем вы там занимались?

Пытаясь объяснить ему случившееся, я вкратце изложил все свои приключения: встречу с Уилом и уход в иное измерение, разговоры с Джоэлом и Майей и в особенности встречу с Кэртисом и попытку воспользоваться Видением мира, чтобы одолеть Феймана.

—А Кэртис тоже был с вами там, у каньона? — поинтересовался Дэвид.

—Да, и он, и Майя с Чарли тоже, хотя мне казалось, что нас должно было быть семеро...

Дэвид опять быстро посмотрел на меня, глухо кашлянув. От того внезапного, неодолимого гнева, которым он был охвачен в городе, не осталось и следа.

—И вам удалось отыскать предков, не так ли? Я прибавил шагу, едва поспевая за ним.

—А вы выходили в иное измерение?

—Да, разумеется. Я видел свою группу душ и смог увидеть собственное Врожденное видение; как и вы, я вспомнил все, что было в прежних жизнях, и понял, что мы возвращаемся сюда ради того, чтобы принести с собой Видение мира. А затем, сам не знаю как, когда я увидел вас в лунном свете, мне показалось, что я — из вас, что принадлежу к вашей группе. И тогда мне предстало Видение мира. — Он остановился в тени высокого дерева, закрывавшего его от лунного сияния. Лицо его выражало решимость. Я обернулся к нему:

—Послушайте, Дэвид, почему, когда наша группа собралась там, внизу, и мы обрели Видение мира, это не смогло остановить Феймана?

Он сделал шаг вперед, и я тотчас узнал того самого сердитого вождя, который упрекал Майю. Затем гримаса раздражения ушла с его лица, и он беззвучно рассмеялся.

—Ключевой аспект этого Видения, — проговорил он, — заключается в том, чтобы не просто обладать им, хотя и это достаточно трудно. Все дело в том, как мы *проецируем* это Видение будущего, как мы *удерживаем* его для всего остального человечества. Вот о чем на самом деле говорит нам Десятое пророчество. Вы же не сумели удержать это Видение для Феймана и его людей в той мере, в какой это помогло бы им достичь пробуждения. — Он помедлил, не спуская с меня глаз, а затем продолжал: — Ну, пошли, нам надо торопиться.

Пройдя добрых полмили, мы услышали справа от нас резкий крик какой-то птицы. Дэвид так и замер на месте.

—Что это было? — спросил я.

Вместо ответа он покачал головой, и ночную тишь прорезал новый крик.

—Это сова-сипуха; она предупреждает остальных о нашем приближении.

Я встревожился, вспомнив, как странно вели себя животные, когда я впервые оказался в долине.

—А кто-нибудь из вашей группы понимает знаки животных? — поинтересовался он.

—Даже не знаю; может быть, Кэртис, — отвечал я.

—Вряд ли; он слишком серьезный ученый.

Тут я вспомнил, что Майя, найдя нас в пещере, упоминала о необходимости обращать внимание на голоса птиц.

—Ну, тогда, может быть, Майя!

Он вопросительно посмотрел на меня:

—Это врач, о которой вы упоминали? Та самая, которая использует в своей практике визуализацию?

—Она самая.

—Боже! Это просто замечательно. Давайте же последуем ее примеру и помолимся.

Я обернулся и взглянул на него. Крик сипухи послышался опять.

—Что-что?

—Давайте... представим... что она вспоминает дар животных.

—А что такое дар животных?

На его лице мелькнула гримаса гнева; он ненадолго умолк, закрыл глаза, явно пытаясь справиться с раздражением.

—Да разве вы не понимаете, что когда в нашей жизни появляется животное, то это — совпадение самого высокого порядка?

Я рассказал ему о кролике и стае ворон, а затем — о ребе, возникших бог весть откуда, когда я впервые ступил на землю этой долины; упомянул я и о рыси, и об орле, и о молодом волке, появившемся несколько позже.

—А некоторых из них я видел даже тогда, когда мы созерцали видение мира.

Дэвид понимающе кивнул.

—Я сразу догадался, что происходит что-то важное, —проговорил я, — но не знал, как мне быть дальше, и решил последовать за некоторыми из этих вестников. Вы ведь, кажется, говорили, что эти животные способны принести мне весть, не так ли?

—Да, именно это я и говорил, — отозвался Дэвид.

—Но как же мне было узнать, в чем именно заключается их весть?

—Это очень просто. Видите ли, в разное время наше внимание привлекают животные какого-то *определенного вида.* Каждый вид, встречающийся на нашем пути, приносит весть о сложившейся ситуации, о том, какую именно область нашего Я мы должны “включить”, что бы справиться с возникшими обстоятельствами.

—В это трудно поверить, — отозвался я, — даже теперь, когда все это уже позади. Биологи считают, что животные — это первобытные роботы, движимые слепыми инстинктами.

—Да, но лишь потому, что животные отражают наш собственный уровень сознания и ожидания. Если наши вибрации находятся на низком уровне, животные будут просто мелькать рядом с нами, выполняя свои обычные экологические функции. Если биолог-скептик сводит поведение животных к автоматическим инстинктам, он видит лишь ту примитивную схему, в которую сам превратил то или иное животное. Но когда наш уровень вибраций повышается, все действия животных, с которыми мы сталкиваемся, обретают более синхронистический, таинственный и пророческий характер. Я изумленно слушал его. Искоса взглянув на меня, он продолжал: — Заяц, которого вы видели, указывал направление, куда вам предстояло двинуться и в физическом, и в эмоциональном плане. Когда я заговорил с вами там, в городе, вид у вас был испуганный и подавленный, словно вы потеряли всякую веру в пророчества. Если вы понаблюдаете за диким кроликом достаточно долгое время, вы поймете, что его поведение — это модель преодоления страха, благодаря которой мы и смогли достичь раскрытия творческих сил и изобилия. Кролики живут бок о бок с животными, которые питаются ими, однако они нашли способ преодолеть страх и живут там же, где и прежде, отличаясь плодовитостью и уверенностью в себе. Когда в нашей жизни появляется кролик, это верный сигнал, что мы должны обрести такую же уверенность в нас самих. Это и есть весть для вас; его появление означает, что вам предоставляется возможность вспомнить пример кролика, полностью осознать причину своих страхов и двигаться дальше. А поскольку он встретился вам в самом начале пути, это задало тон всему вашему походу. Разве ваш путь не казался вам опасным и сомнительным, а? Я кивнул.

— А иногда это может означать, — добавил он, — что изобилие может быть окрашено в романтические тона. А вы не встретили еще кого-нибудь?

Я собрался с мыслями, вспоминая тот новый прилив энергии, который я испытал при появлении Чарлин.

—Может быть, попутно. А что вы скажете о стае ворон на дереве и ястребе, за которым я последовал перед тем, как встретить Уила?

—Вороны считаются хранителями духовных законов. Понаблюдайте за ними, и вы непременно заметите какие-нибудь удивительные вещи, которые всегда расширяют наше восприятие духовной реальности. Их весть — обретение открытости, возможность вспомнить те духовные законы, которые были явлены вам в долине. Встреча с воронами — это подготовка к дальнейшим событиям.

—А ястреб?

—Ястребы очень чутки, зорки; они служат предвестниками новой информации, нового послания. Их появление означает, что настало время быть особенно внимательными. Они часто сигнализируют нам, что человек, несущий весть для нас, совсем близко. — При этих словах он покачал головой.

—Вы хотите сказать, что ястреб стал предвестником появления Уила?

—Да, так и есть.

Затем Дэвид принялся объяснять мне, почему на моем пути встретились и другие животные. Так, кошки, по его словам, напоминают нам о даре интуиции и самоисцеления. Появление молодой рыси, возникшей неизвестно откуда перед самым появлением Майи, было сигналом о том, что возможность исцеления близка. Аналогичным образом орел, взмывший в небеса, был указанием на возможность настоящего *подъема* в более высокие измерения духовного мира. А когда я видел орла на горной гряде, заметил Дэвид, мне следовало приготовиться к встрече со своей группой душ и осознанию моего собственного предназначения. Наконец, молодой волк, явившийся мне, был, по его словам, напоминанием о необходимости повысить энергетику и достичь пробуждения скрытого инстинкта мужества, а также дара учительства, с тем чтобы я мог найти слова, которые помогли бы убедить остальных членов нашей группы собраться вместе.

—Значит, животные представляют собой, — проговорил я, — некие частицы нас самих, с которыми нам необходимо войти в контакт...

—Да, аспекты нашего Я, которые мы развили, еще будучи теми самыми животными в процессе эволюции, но затем утратили их.

Я задумался о видении эволюции, которое созерцал вместе со своей группой у входа в каньон.

—Вы говорите, что жизнь развивается постепенно, от вида к виду?

—Да, мы были ими, — отозвался Дэвид. — Развитие нашего сознания прошло через каждое животное, достигнув наивысшей точки его эволюции и переходя к следующему. Мы обрели опыт того, как животные каждого вида воспринимают мир, что является весьма важным аспектом общего духовного мировидения. Когда рядом с нами появляется то или иное животное, это означает, что мы готовы включить его сознание в наше собственное духовное пробуждение. А теперь мне хотелось бы сказать вот что: существуют некоторые виды, к пониманию которых нам никогда не удавалось приблизиться. Мы хотим, чтобы они сохранились, не только потому, что они представляют собой составную часть баланса экосферы, но и потому, что они являются аспектами нас самих, которые мы упорно стремимся вспомнить.

Он сделал небольшую паузу, вглядываясь в ночь.

—То же самое относится и к огромному богатству человеческой мысли, представленному самыми разными культурами на нашей планете. Никто из нас не может точно сказать, где именно протекает сегодня решающее развитие человеческой эволюции. Все культуры, рассеянные по всему миру, обладают несколько разным видением мира, различным уровнем пробуждения, и для идеальной модели целого необходимо взять лучшее из того, что создано каждой из культур...

На его лице мелькнула гримаса досады.

—Очень жаль, что прошло целых четыре столетия, прежде чем смогла начаться подлинная интеграция европейской и туземной индейской культур. Сознание Запада утратило ощущение тайны, сводя загадочное очарование лесных дебрей к пиломатериалам, а тайну дикой природы — к экзотическим видам. Урбанизация привела к изоляции огромного большинства людей, и мы воспринимаем поездку на природу как своего рода партию в гольф. Вы когда-нибудь задумывались над тем, как мало людей обладают опытом прикосновения к тайне живой природы?

Наши национальные парки — это не более чем жалкие остатки великих девственных лесов, травянистых равнин и межгорных пустынь, коими некогда изобиловал наш континент. Увы, слишком многие хотели бы прибрать к рукам уцелевшие уголки дикой природы. Даже сегодня политики все больше и больше склоняются к тому, чтобы распродать остатки земель, являющихся общенациональным достоянием. Большинство из нас вынуждены лишь по открыткам узнавать, как выглядят те или иные животные, которые могут появиться в нашей жизни, вместо того чтобы побывать в девственных уголках дикой природы и собственными глазами увидеть их.

Внезапно послышался крик совы-сипухи; он раздался так близко от нас, что я едва не подскочил.

Дэвид нетерпеливо спросил:

—А вы можете молиться? Прямо сейчас, а?

—Видите ли, — отозвался я, — я не вполне понимаю, что вы имеете в виду. Вы хотите молиться или медитировать?

Дэвид попытался унять дрожь в голосе.

—Прошу прощения. Нетерпеливость — это, видимо, остаточная эмоция, проявляющаяся в общении с вами. — Он перевел дух. — Десятое пророчество, которое учит нас доверять собственным интуициям, вспоминать нашу миссию и удерживать Видение мира, посвящено осознанию сути настоящей *молитвы*.

Почему всякая религиозная традиция всегда использует форму молитвы? Если Бог — это единый, всеведущий и всемогущий Творец, то с какой стати мы должны досаждать ему просьбами о помощи или подсказывать сделать то или это? Почему бы ему просто не дать нам

некие повеления и заповеди и судить нас согласно тому, как мы их выполняем, вмешиваясь в происходящее тогда, когда того хочет *Он сам,* а не мы? Ответ на это заключается в том, что когда мы молимся подобающим образом, мы не просто просим Бога о чем-то. Бог вдохновляет нас действовать как бы от Его имени, воплощая Его волю на Земле. Мы являемся своего рода эмиссарами Божественного начала на планете. Настоящая молитва — это метод, видение, и Бог ожидает от нас, что мы воспользуемся ею для воплощения Его воли и реализации ее в материальном плане. Да приидет царствие Его, да будет воля Его на земли, яко на небеси... В этом смысле любая мысль, любое ожидание, если мы мысленно представляем их воплощение в будущем, — это молитва, способная творить будущее. Но никакая мысль, желание или страх не имеют такой силы, как видение, отвечающее Божественному замыслу. Вот почему так важно обретение Видения мира и удерживание его: ведь тогда мы узнаем, о чем молиться и какое будущее мысленно представлять.

—Кажется, понял, — отозвался я. — Но как же мы можем помочь Майе понять крик совы?

—А что она делает в таких случаях? Она ведь рассказывала вам об исцелении?

—Она говорила, что мы должны представить себе пациентов, помня о том, что они должны были исполнить в жизни, но пока еще не сделали этого. Еще она говорила, что подлинное исцеление проистекает из осознания истинной миссии каждого человека после выздоровления. Когда они все вспомнят, мы сможем осуществить вместе с ними более конкретный замысел.

—Так давайте же так и поступим, — проговорил Дэвид. — Возможно, ее первоначальное намерение заключалось в том, чтобы следовать крику этой птицы.

Дэвид закрыл глаза; я последовал его примеру, пытаясь представить себе образ Майи, обретающей пробуждение, вспоминая свою миссию. Через несколько минут, открыв глаза, я заметил, что Дэвид пристально смотрит на меня. Сова прокричала опять, на этот раз прямо над нашими головами.

—Пошли, — проговорил он.

Спустя двадцать минут мы стояли на вершине холма, возвышавшегося над водопадом. Сова не отставала от нас, время от времени испуская пронзительный крик, и села футах в пятидесяти справа от нас. Прямо перед нами в лунном свете слабо мерцало озерко; его поверхность была подернута редкими прядями тумана. Мы постояли минут десять — пятнадцать, не проронив ни слова.

—Поглядите вон туда! Видите? — негромко воскликнул Дэвид.

Приглядевшись, я заметил между скал справа от озерка очертания нескольких фигур. Одна из них, повернувшись, заметила нас. Это была Чарлин! Я помахал ей, и она узнала меня. Мы с Дэвидом двинулись по склону, направляясь к тому месту, где она стояла.

При виде Дэвида Кэртис пришел в восторг и схватил его за руку.

—Ну, теперь-то мы сможем остановить этих пар ней! — проговорил он.

Они с Дэвидом обменялись долгими выразительными взглядами, а затем Кэртис представил Дэвиду Майю и Чарлин.

Я встретился глазами с Майей:

—Надеюсь, вы не слишком намучились, разыскивая нас?

—Поначалу мы растерялись и заблудились в темноте, но затем я услышала крик совы и все поняла.

—Появление совы, — заметил Дэвид, — означает, что мы обрели способность видеть обман и коварство других, и если мы не поддадимся соблазну мести и причинения им вреда, мы, как и сова, сможем преодолеть тьму и найти путь к высшей истине.

Майя пристально посмотрела на Дэвида.

—Мне кажется, я вас где-то уже видела, — проговорила она. — Кто вы?

Он вопросительно взглянул на нее:

—Вам же известно мое имя. Я — Дэвид. Она мягко взяла его за руку.

—Да нет, я имею в виду — кто вы для меня, для всех нас?

—Я тоже жил, — отвечал Дэвид, — во время войн в девятнадцатом веке, но меня настолько переполняла ненависть к бледнолицым, что я не поддержал вас; я не захотел даже вас выслушать...

—Зато теперь все обстоит иначе, — проговорил я. Дэвид машинально взглянул на меня, но затем взял себя в руки и немного смягчился:

—Тогда, на войне, я обошелся с вами даже более резко, чем прочие. И вы этого не выдержали: вы бросились прочь.

—Виной тому был страх, — вмешался я.

—Знаю, — кивнул Дэвид.

Остальные тоже принялись рассказывать Дэвиду о своих чувствах, обсуждая в деталях все аспекты того, что нам предстояло вспомнить о трагедии войны с американскими индейцами. Дэвид принялся объяснять, что его группа душ состоит из посредников и что в этой инкарнации его миссия заключается с том, чтобы преодолеть свой гнев на европейский менталитет и достичь духовного осознания ценности всех туземных культур, всех народов.

Чарлин взглянула на меня, а затем обернулась к Дэвиду:

—Значит, вы — пятый член нашей группы, верно? Прежде чем он успел ответить ей, я ощутил легкую дрожь и сотрясение почвы у нас под ногами. На поверхности озерка начали расходиться круги. Вслед за дрожью послышался пронзительный вой, заполнивший лес вокруг. Краем глаза я увидел, как по склону холма футах в пятидесяти над нами замелькали вспышки фонариков.

—Это они! — прошептал Кэртис.

Обернувшись, я увидел Феймана, стоявшего на уступе прямо у нас над головами: он настраивал небольшую антенну-тарелку, похожую на портативный компьютер.

—Они пытаются сфокусироваться на нас и хотят настроить свой генератор, — проговорил Кэртис. — Нам надо уносить ноги отсюда.

Майя, подойдя, взяла его за руку:

—Не надо, Кэртис, пожалуйста; может быть, на этот раз получится.

Дэвид тоже приблизился к Кэртису и негромко проговорил:

—Получится.

Кэртис уставился на него, а затем кивнул, выражая согласие. Мы начали повышать уровень энергетики. Как и в прошлый раз, я начал мысленно представлять себе на каждом лице выражение высшего Я; затем души нашей группы появились вновь и образовали вокруг нас кольцо, причем в кольцо это в первый раз вошли и души группы Дэвида. Как только к нам вернулось видение мира, мы вспомнили, что наша миссия состоит в том, чтобы принести в материальное измерение энергию, знания и новое сознание.

Затем, как и прежде, мы увидели поляризацию страха, происходящую в наше время, а также панорамное видение того позитивного будущего, которое возникнет, как только некие особые группы научатся вмешиваться и *удерживать видение.*

Неожиданно земля вновь заколебалась у нас под ногами.

—Сохраняйте видение! — воскликнула Майя. — Удерживайте картину будущего!

Я услышал резкий треск, справа от меня возникла трещина, но я сохранил сосредоточенность. Перед моим мысленным взором опять появилось видение мира; оно являло собой импульс энергии, расходившийся от нашей группы во всех направлениях. Это отбросило Фей-мана прочь от нас, нейтрализовав энергетику его страха. Слева от меня с оглушительным грохотом рухнуло огромное дерево, с корнем вырванное из земли...

—Опять не работает! — заорал Кэртис, вскочив на ноги.

—Да нет же, не спешите, — проговорил Дэвид. Он сидел, погрузившись в раздумье, а затем резко вскочил,удержал Кэртиса и силой усадил его обратно. — Неужели вы не понимаете, в чем наша ошибка? Мы относились к Фейману и прочим так, словно это наши враги, и пытались оттолкнуть их прочь. Но такие действия лишь прибавляют им силы, поскольку у них появляется объект для борьбы. Вместо того чтобы бороться с ними с помощью видения, мы должны были включить Феймана и его людей в круг видения.

Запомните, никаких врагов нет; мы все — души в процессе роста, обретающие пробуждение. Нам нужно было проецировать видение мира и на них, словно они одни из нас.

Внезапно я вспомнил картины из видения мира, явленного Фейману. Теперь все обрело смысл: и видение Ада, и осознание навязчивых состояний транса, которые люди пытались стряхнуть, чтобы избавиться от страха, и образ кольца душ, готовых вмешаться. А затем я вспомнил врожденное намерение Феймана.

— Да он *тоже* один из нас! — воскликнул я. — Я понял, каково его назначение! На самом деле он пришел в мир, чтобы избавиться от стремления к власти; он хотел предотвратить разрушения, которые могли бы быть вызваны генераторами и прочими техническими достижениями. Он ведь видел себя вместе с нами в тем ноте, в лесу. Он и есть шестой член нашей группы.

Майя подалась вперед.

— Все это очень похоже на процесс исцеления. Мы должны вспомнить, в чем заключается его предназначение. — Она взглянула на меня. — Это поможет преодолеть барьеры страха и транса на всех уровнях.

Как только мы сосредоточились, стремясь включить в свое видение Феймана и его людей, наша энергетика резко повысилась. Хотя была ночь, вокруг стало светло как днем, и мы ясно увидели на холме Феймана и двух его подручных. Души нашей группы приблизились и стали более различимыми и похожими на людей, и в то же время мы сами начали излучать свет, совсем как они. Слева появились новые группы душ.

— Да это же группа Феймана! — проговорила Чарлин. — И группы душ тех двоих, что пришли с ним.

Когда наша энергетика повысилась, вокруг нас вновь возникла широкая голограмма видения мира.

— Поскорее сосредоточьтесь на Феймане и его людях точно так же, как мы фокусировали внимание друг на друге! — воскликнула Майя. — Представьте, что они все вспомнили.

Я посмотрел на наших преследователей. Фейман по-прежнему лихорадочно настраивал компьютер, а двое его людей наблюдали за ним. И вот голограмма окружила и их, и мы увидели образы людей, достигающих в этот исторический момент пробуждения и осознания своей истинной цели. Затем мы заметили, что и лес оказался вовлеченным в необъятное вращающееся поле янтарной энергии, которая, казалось, струилась сквозь Феймана и его людей. В тот же миг я увидел, что над этими людьми появились такие же пучки белого сияния, как те, что закрыли Кэртиса и Майю. Затем эти белые пятна света начали расти и раздвигаться во всех направлениях и наконец исчезли вдали. Через несколько минут сотрясения почвы и странные звуки прекратились. Налетевший ветерок унес облако пыли на юг.

Один из подручных Феймана перестал следить за ним и бросился прочь в гущу леса. Фейман еще какое-то время продолжал возиться с клавиатурой, а затем в отчаянии отказался от своей затеи. Он осторожно закрыл свой компьютер, придерживая его левой рукой. Другой рукой он достал из кармана пистолет и направился в нашу сторону. Второй оперативник последовал за ним с автоматом наготове.

— Не упускайте видение! — предупредила Майя. Когда они оказались футах в двадцати от нас, Фейман поставил компьютер и опять нажал на клавиатуру, держа пистолет наготове. Несколько огромных валунов, едва державшихся на скалах, скатились вниз и рухнули в озерко.

— Вы пришли сюда не для этого, — мягко проговорила Чарлин.

Тем временем мы сфокусировались на лице Феймана. Оперативник, не опуская автомата, направленного на нас, подошел к Фейману и заметил:

— Больше мы ничего не сможем сделать. Пошли отсюда.

Фейман, отмахнувшись, опять забарабанил по клавиатуре.

— Нет, не работает! — сердито крикнул он, уставившись на нас. — Чем это вы заняты, а? — Затем, обернувшись к оперативнику, он заорал: — Стреляй в них! Огонь! Ну, стреляй же!

Оперативник смерил нас холодным взглядом. Затем, покачав головой, он отвернулся и, бросившись к скалам, исчез.

— Вы пришли в мир ради того, чтобы предотвратить разрушение, — произнес я.

Фейман опустил пистолет и уставился на нас. На миг его лицо просветлело, став точно таким же, каким я видел его, когда он созерцал свое Врожденное видение. Я сказал бы, что он начал что-то вспоминать... Но через несколько мгновений на его лице промелькнула гримаса страха, вскоре перешедшего в гнев. Он поморщился и схватился за живот, а затем отвернулся. Его стошнило прямо на камни.

Вытерев ладонью губы, он опять поднял пистолет.

— Не знаю, какую гадость вы пытаетесь мне устроить, но у вас ничего не выйдет. — Он сделал несколько шагов по направлению к нам, но вскоре силы покинули его. Пистолет выпал из его рук на землю. — Ничего, не беда. Есть и другие леса. Не сможете же вы защитить их все... Я заставлю этот генератор работать! Поняли?! Вам не удастся остановить меня! — С этими словами он подался назад, а затем повернулся к нам спиной и бросился во тьму.

Поднявшись на холм над бункером, мы испытали чувство огромного облегчения. После того как Фейман бежал, мы осторожно двинулись к месту проведения эксперимента, понятия не имея, что ожидает нас там. И вот теперь мы увидели, что вся местность вокруг бункера залита лучами фар нескольких дюжин грузовиков. На бортах большинства из них красовались знаки лесной охраны; были здесь и машины ФБР, а также местного отделения полиции.

Вскарабкавшись на самую вершину холма, я попытался было разглядеть, нет ли в этих машинах задержанных или арестованных. Все они оказались пустыми. Дверь бункера была открыта настежь, и через нее то и дело входили и выходили полицейские. Казалось, они работают на месте преступления.

— Они успели скрыться, — проговорил Кэртис, наклонившись вперед. Он стоял на коленях, держась за толстую ветку какого-то дерева. — Мы все-таки остановили их.

Майя устало опустилась на землю.

—Ну что же, по крайней мере здесь мы им помешали. Больше они не посмеют сунуться в эту долину, — сказала она.

—Увы, Фейман был прав, — проговорил Дэвид. —Они вполне могут перебраться в другое место, где их никто не найдет. — Он поднялся на ноги и продолжал: — Я должен пойти к ним. Я обязан рассказать им обо всем.

—Вы что, с ума сошли? — отозвался Кэртис, подходя к нему. — А что, если администрация тоже замешана в этом? Что тогда?

—Администрация состоит из людей, — возразил Дэвид. — А те если и замешаны в этом, то далеко не все.

Кэртис подошел к нему вплотную:

—Наверняка есть и другой путь. Я просто не пущу вас.

—Хотя бы в одной из этих контор найдутся люди, которые захотят выслушать нас, — отозвался Дэвид. —Я просто убежден в этом.

Кэртис промолчал.

Чарлин присела на камень в нескольких футах от нас и негромко сказала:

— Он прав. Наверняка найдутся те, кто сможет помочь нам.

Кэртис покачал головой, собираясь с мыслями.

—Возможно, так оно и есть. Но вам необходим человек, который сможет точно описать принцип действия...

—Значит, вам тоже придется пойти со мной, — отозвался Дэвид.

Кэртис попытался было улыбнуться:

—Ладно уж, я пойду с вами, но только потому, что у нас на руках есть козырь.

—Что вы имеете в виду? — спросил Дэвид.

—Да того парня, которого мы оставили связанным там, в пещере.

Дэвид положил руку ему на плечо:

— Пошли, вы все расскажете мне по пути. Посмотрим, что там у них происходит.

Взволнованно попрощавшись с нами, они двинулись к входу в бункер, обходя его справа, чтобы зайти с другой стороны.

Неожиданно Майя громким шепотом окликнула их, прося подождать ее.

— Я тоже пойду с вами, — проговорила она. — Я ведь врач, и в здешних местах меня многие знают. К тому же вам может потребоваться третий свидетель.

Затем они втроем посмотрели на нас с Чарлин, выжидая, не захотим ли и мы присоединиться к ним.

— Только не я, — заметила Чарлин. — Мне везде найдется дело.

Я тоже отказался и попросил не упоминать о нас. Они согласно кивнули и направились в сторону огней.

Оставшись наедине, мы с Чарлин переглянулись. Я сразу же вспомнил о том глубоком чувстве, которое я питал к ней в другом измерении. Чарлин тоже двинулась ко мне, собираясь что-то сказать, но в этот миг мы заметили справа, футах в пятидесяти от нас, луч фонарика.

Мы поспешно спрятались за деревьями. Луч изменил направление и последовал за нами. Мы припали к земле. Свет между тем приближался, и я услышал негромкий голос; видимо, кто-то разговаривал сам с собой. Я узнал незнакомца: это был Джоэл.

— Я знаю, кто это, — шепнул я Чарлин. — Мне кажется, мы должны поговорить с ним.

Чарлин кивнула, соглашаясь.

Когда Джоэл оказался футах в двадцати от нас, я окликнул его.

Тот остановился и направил луч фонарика прямо на нас. Тотчас узнав меня, он подошел вплотную к нам.

—Что вы здесь делаете? — спросил я.

—Там мало что осталось, — отозвался он, указывая на бункер. — Там была подземная лаборатория, но она совершенно пуста. Я надеялся добраться до водопада, но темнота заставила меня изменить планы.

—А я думал, вы давно покинули эти места, — заметил я. — Вы ведь были настроены так скептически...

— Вы правы. Я действительно собирался уйти, но затем... короче, мне приснился сон, весьма взволновавший меня. И тогда я решил, что должен остаться здесь и попытаться помочь. Люди из службы лесной охраны подумали, что я свихнулся, но я обратился к представителю шерифа. Видимо, его кто-то вызвал, и мы прибыли сюда почти одновременно с ним. Именно тогда мы и обнаружили лабораторию.

Мы с Чарлин переглянулись, и я вкратце рассказал Джоэлу о конфликте с Фейманом и о его последствиях.

—Неужели они смогли вызвать такие разрушения? — спросил Джоэл. — Надеюсь, никто не пострадал?

—Думаю, никто, — отвечал я. — Признаться, нам повезло.

—А давно ваши друзья ушли туда, в бункер?

—Да буквально несколько минут назад. Джоэл посмотрел на нас:

—А почему вы не пошли с ними? Я покачал головой:

— Я подумал, будет лучше, если мы понаблюдаем со стороны, как власти отреагируют на это, не подозревая, что мы здесь.

Выражение лица Чарлин ясно показывало, что она думала то же самое.

— Недурная мысль, — проговорил Джоэл, оглянувшись в сторону бункера. — Думаю, мне надо вернуться туда, вниз, хотя бы для того, чтобы сообщить полиции, что прессе уже известно о трех свидетелях. А как я могу связаться с вами?

— Мы сами позвоним вам, — отвечала Чарлин. Тогда Джоэл протянул мне свою визитную карточку, раскланялся с Чарлин и направился к бункеру.

Чарлин посмотрела мне в глаза:

—Выходит, он и есть седьмой член группы, не так ли?

—Да, пожалуй, что так.

Мы немного помолчали, собираясь с мыслями, а затем Чарлин проговорила:

— Что ж, пойдем. Попытаемся вернуться в город.

Мы шли уже около часа. Внезапно справа от нас послышались голоса певчих птиц: их было много, несколько дюжин. Занимался рассвет, и по земле в лесу расстилался зябкий сырой туман.

—Как нам быть дальше? — спросила Чарлин.

—Посмотри вон туда, — отозвался я.

К северу от нас в просвете между деревьями виднелся огромный старый тополь футов восьми толщиной. В полумраке едва брезжущей зари пространство вокруг лесного великана светилось как-то странно ярко, словно солнце, скрытое за горизонтом, непостижимым образом направило сюда свой луч.

Во мне возникло знакомое чувство тепла и радости.

—Что там такое? — удивленно спросила Чарлин.

—Да это же Уил! — отозвался я. — Пошли туда.

Когда мы были в каких-нибудь десяти футах от светлого пятна, из-за дерева, широко улыбаясь, показался Уил. Он заметно изменился. Что же с ним произошло? Не спуская глаз с него, я понял, что хотя сияние, исходившее от него, было таким же, как и прежде, черты его стали куда более четкими.

Он крепко обнял нас.

— Ты видел, что с нами произошло? — спросил я.

—Да, конечно, — отвечал он. — Я ведь был в группе душ и все отлично видел.

—Сейчас я вижу тебя более четко. Почему? Что ты сделал?

—Это не я, — отозвался он. — Это всё ты и остальные члены твоей группы, особенно Чарлин.

—Что вы имеете в виду? — спросила Чарлин.

— Когда пятеро из вас повысили свою энергетику и осознанно вспомнили большую часть видения мира, вы смогли вывести всю долину на более высокий уровень вибраций. Это приблизило вас всех к уровню вибраций посмертного измерения, а это значит, что я теперь ближе к вам, точно так же как и вы ко мне. И скоро вы сможете увидеть в этой долине даже целые группы душ.

Я в упор посмотрел на Уила:

— Да, в долине все произошло точно так, как мы и видели. И все дело здесь в Десятом пророчестве, верно?

Он кивнул:

— С людьми на всей планете начинает происходить то же самое. После того как мы усвоили первые девять пророчеств, каждый из нас вернулся на свое прежнее место, пытаясь воплотить в реальность новое знание, и так день за днем, постоянно сталкиваясь с ростом пессимизма и отчужденности в окружающем нас мире. Но в то же время перед нами открываются все новые перспективы, и мы все яснее осознаем нынешнюю духовную ситуацию и то, кто мы в этом мире. Мы сознаем, что являемся частью пробуждения, происходящего на Земле в более широком, планетарном, плане.

Десятое пророчество посвящено обретению оптимизма и сохранению пробуждения. Мы учимся лучше понимать наши собственные интуиции и доверять им, сознавая, что эти ментальные образы представляют собой мимолетные отражения наших намерений и представлений о том, какой должна быть наша жизнь. Мы хотели идти по жизни неким конкретным путем и наконец сумели вспомнить истины, к осознанию которых нас готовил весь опыт нашей жизни, и принесли эти знания в мир.

Теперь мы видим свою жизнь с более высокой точки зрения — перспективы Посмертия. Мы знаем, что все события нашей жизни происходят в контексте длительной

истории пробуждения человечества. Именно в этой памяти наша жизнь обретает смысл и вводится в тот же контекст; мы обретаем способность видеть долгий процесс, посредством которого мы одухотворяли материальное измерение, и что нам еще предстоит совершить. Уил сделал небольшую паузу и приблизился к нам. — А теперь посмотрим, достаточно ли таких групп собралось и обрело память, достаточно ли людей во всем мире сумели усвоить Десятое пророчество. Как мы видели, теперь ответственность за исполнение предназначения и сотворение будущего возложена на нас.

В мире продолжается нарастание поляризации страха, и если мы хотим решить эту проблему и двигаться дальше, каждый из нас обязан принять участие в этом. Мы должны с особой внимательностью относиться к своим мыслям и ожиданиям и одергивать себя всякий раз, когда мы относимся к другим людям как к врагам. Мы должны защищаться и останавливать агрессию со стороны других, но если мы при этом унижаем их, мы лишь способствуем нарастанию страха.

Все мы растущие души; все мы обладаем врожденным назначением, которое носит позитивный характер, и потому можем вспомнить все. Наша обязанность — учитывать это при встречах с каждым из тех, кого посылает нам судьба. Это и есть истинная *межличностная этика;* в этом залог нашего восхождения и распространения нового сознания по всей планете. Мы или питаем страх, опасаясь распада человеческой цивилизации, или обретаем способность *удерживать видение,* понимая, что мы *пробуждаемся.* И в том, и в другом случае наше ожидание представляет собой своего рода молитву, а это сила, приносящая то, на что направлены наши устремления. Каждый из нас должен сделать сознательный выбор того или иного варианта будущего.

Затем Уил, казалось, погрузился в раздумье. Далеко за его спиной, с южной стороны, у самой кромки гряды скал, я заметил пятна белого сияния.

— Такое уже случалось, — проговорил я, — но я никогда не спрашивал тебя, что значают эти пятна белого сияния. Ты, случайно, не знаешь, что это может быть?

Уил улыбнулся, подошел к нам и мягко положил руки нам на плечи.

— Это ангелы, — ответил он. — Они реагируют на нашу веру и Видение и творят чудеса. Ангелы — тайна даже для тех, кто пребывает в Посмертии.

В тот же миг в моем сознании возник мысленный образ некой группы людей; они собрались в долине, очень похожей на эту. Я видел там и Чарлин, и других, и много-много детей.

— Думаю, когда-нибудь мы сможем понять и при роду ангелов, — продолжал Уил, пристально глядя на север, словно ему тоже явился некий образ. — Да, я убежден в этом. Ну как, вы идете со мной?

Я посмотрел на Чарлин. Ее взгляд ясно показывал, что она видела то же самое видение, что и я.

— Пожалуй, нет, — отозвалась она.

— Да, не сейчас, — добавил я.

Не говоря ни слова, Уил крепко обнял нас, а затем повернулся и исчез. В первый миг мне очень не хотелось отпускать его, но я сдержался и промолчал. Некая часть моего Я сознавала, что наши странствия еще далеки от завершения. Я понимал, что скоро мы вновь увидимся с ним.

(конец)

www.e-puzzle.ru